

*Российский государственный
исторический архив*

*Карамзинские
чтения*

5

Карамзинские чтения

5

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

5

Санкт-Петербург

РГИА

2024

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)
К21

Редакционный совет:

С. В. Штукова (канд. социол. наук, председатель),
С. В. Чернявский (канд. ист. наук, зам. председателя);
А. Б. Богомолов (отв. ред., сост.), Н. В. Колосенкова (сост.)

Рецензенты:

Г. Ю. Афанасьев (канд. ист. наук), Н. Г. Зарембо (канд. ист. наук),
С. В. Перекрестова (канд. ист. наук)

К 21 **Карамзинские чтения** / РГИА. — Вып. 5: Памяти императора
Александра III. — Санкт-Петербург : РГИА, Издательство «Аврора»,
2024. — 488 с., 125 ил.
ISBN 978-5-7300-1084-0

В сборнике представлены материалы пятых Карамзинских чтений, прошедших в Российском государственном историческом архиве в мае 2024 г. и посвященных памяти императора Александра III Миротворца (1845–1894).

В предлагаемых статьях участников Чтений рассмотрен широкий круг вопросов. На основании архивных документов анализируются проблемы государственного управления, общественного и культурного развития Российской империи, раскрываются малоизвестные страницы правления императора Александра III. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия государства и Православной церкви в решении актуальных проблем в конце XIX — начале XX века. Сборник включает также тематические обзоры документальных материалов РГИА, исследования по истории архивных учреждений и др.

Издание представляет интерес для профессиональных историков, архивистов, преподавателей различных учебных заведений, а также для всех читателей отечественной истории.

УДК 94 (47+57)
ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-7300-1084-0

© Российский государственный
исторический архив, 2024

© Издательство «Аврора», издание, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

В мае 2024 г. в Российском государственном историческом архиве прошли очередные, пятые Карамзинские чтения. Первое такое мероприятие было приурочено к празднованию в 2016 г. 250-летия со дня рождения Николая Михайловича Карамзина, замечательного историка, одного из основоположников национальной литературы, считавшего отечественную историю её основой. Мы дерзнули дать нашим чтениям имя этого выдающегося человека, поскольку свой фундаментальный труд «История государства Российского» он писал, используя, в том числе документы, хранящиеся ныне в фондах РГИА. Более того, здесь хранятся некоторые фрагменты бесценной рукописи Н. М. Карамзина. Всё это и дало нам в 2016 г. право назвать чтения Карамзинскими, сделав их традиционными.

На этом научном мероприятии поднимаются и исследуются вопросы, касающиеся истории нашего государства. При этом организаторы неизменно подчёркивают, что доклады и сообщения участников чтений должны базироваться на документальной основе, для чего желательно использовать, в том числе, материалы из фондов РГИА. Для нас это важно.

Пятые Карамзинские чтения были посвящены памяти государя Александра III. В советское время имя его если и не было придано полному забвению, то все деяния, личность и сама эпоха правления этого императора были подвергнуты жесточайшей, зачастую огульной и неоправданной критике и поношению. Очевидно, что ни один правитель, равно как и его деятельность на государственном поприще, не могут быть идеальными или однозначно заслуживающими вообще никакого одобрения. Так не бывает. Не стала

исключением и эпоха царствования Александра III, что убедительно показали итоги прошедшей научной конференции.

Великий князь Александр Александрович унаследовал Российский престол по причине смерти в 1865 г. старшего брата Николая и взошёл на трон 1 марта 1881 г. после убийства террористами-народовольцами Александра II. В большинстве реформ своего отца он видел лишь негативные стороны, полагая основой благополучия страны укрепление в обществе патриархальных традиций и религиозных ценностей. Уже в апреле месяце государь издал манифест «О незыблемости самодержавия», положив тем самым конец большинству либеральных преобразований своего предшественника.

Однако было бы ошибкой считать Александра III законченным ретроградом и замшелым консерватором. В его царствование был проведён целый ряд вполне прогрессивных реформ и приняты меры, улучшившие материальное положение народа.

В экономике страны, благодаря протекционным мерам в отношении отечественной промышленности, происходил заметный рост: развивалась тяжёлая индустрия, строились железные дороги, перевооружались армия и флот. Россия стала крупнейшим в мире производителем и экспортёром сельскохозяйственной продукции.

Внешняя политика страны в царствование Александра III отличалась сдержанностью и прагматизмом. В отечественную историю государь вошёл как царь-Миротворец, поскольку в годы его правления Россия не участвовала ни в одном более-менее серьёзном военно-политическом конфликте, сумев тем не менее завершить присоединение Средней Азии и, сблизившись с Францией, не посориться с Германией.

При Александре III было завершено строительство в Москве храма Христа Спасителя, учреждён Исторический музей и основано Русское историческое общество. Сам государь был исключительно скромен в быту, хорошо образован, интересовался живописью, музыкой и театром, коллекционировал предметы искусства.

Скончался Александр III осенью 1888 г. в Ливадии (Крым), в возрасте 49 лет, и был погребён в императорской усыпальнице

Петропавловского собора Санкт-Петербурга. До нашего времени дошёл лишь один памятник этому государю, стоявший когда-то на Знаменской площади (ныне Восстания) у Московского вокзала. В наше время его установили во дворе Мраморного дворца в Петербурге. В 2021 г. памятник царю-Миротворцу открыли в Гатчине у дворца, где государь в течение своего царствования проживал вместе с семьёй.

В целом участникам Чтений удалось показать, каким образом деятельность Александра III отразилась на истории нашего Отечества и повлияла на будущее страны. Понятно, что в полном объёме решить такую трудную задачу было не просто, поскольку не только историки, но и современники оценивали и оценивают правление государя по-разному, зачастую диаметрально противоположно. Но участники конференции честно и непредвзято попробовали выработать свою точку зрения на все поднимавшиеся на конференции вопросы.

За прошедшее время Карамзинские чтения приобрели достаточную известность и стали популярны у знатоков и любителей истории. Тому подтверждение увеличение числа желающих принять в них участие. Причём в этот раз было решено проводить конференцию в течение двух дней, что придало чтениям ещё большее значение и повысило интерес к ним в научном сообществе.

По мнению организаторов и участников конференции, пятые Карамзинские чтения прошли весьма успешно, вызвав большой интерес и получив высокую оценку всех причастных к этому научному мероприятию. Итогом стало издание, куда вошли публикации практически всех подготовленных докладов и сообщений.

Очередные чтения состоятся в 2026 г. О теме конференции будет объявлено заблаговременно. Уверены, что и грядущие Карамзинские чтения будут должным образом подготовлены и в очередной раз соберут в стенах Российского государственного исторического архива высокообразованных, деятельных и неравнодушных к отечественной истории участников.

С. В. Чернявский

От составителя и ответственного редактора

Традиция проведения Карамзинских чтений была заложена 8 лет назад директором архива (2014–2020) С. В. Чернявским. За это время конференция, как отмечают исследователи, стала «визитной карточкой» РГИА. Было издано пять сборников материалов конференции, которые включают 168 научных статей. При этом введены в научный оборот новые архивные источники, около ста образцов документов РГИА опубликованы. С 2020 года выпуски сборника размещаются в наукометрической базе РИНЦ и на сайте архива. С 2022 года статьи, подготовленные на основе докладов на Карамзинских чтениях, рецензируются.

15–16 мая 2024 г. состоялись пятые Карамзинские чтения, которые были посвящены памяти императора Александра III. Личность этого государя и образ его правления, а также заявленная тема конференции – «Российская империя на рубеже веков: государственность, общество, культура в конце XIX – начале XX века» – вызвали живейший интерес исследователей. Участниками форума стали 79 исследователей, которыми было подготовлено 70 докладов. В Чтениях приняли участие представители научных учреждений, вузов, архивов, музеев. С докладами выступили 18 сотрудников РГИА.

В сборник материалов конференции вошла 51 статья. Все научные работы прошли рецензирование, по возникшим вопросам и замечаниям авторами были сделаны уточнения и дополнения. Ряд статей снабжены иллюстративным материалом из фондов РГИА. Работы авторов распределены по четырем тематическим разделам, которые соответствуют секциям прошедшего форума. Статьи в каждом разделе помещены в алфавитном порядке (по фамилии автора).

В первый раздел «Александр III и его время» вошли статьи, связанные с малоизвестными страницами биографии императора, а также затрагивающие различные проблемы управления, культуры, экономики, безопасности, реформирования в рассматриваемый период.

В том числе это работы, подготовленные на основе пленарных докладов: «“Я живу, как машина”. Эскиз к “портрету” великого князя Алексея Александровича» (Д. Н. Копелев) и «“Политическая неблагонадежность” и административная ссылка в Российской империи в 1870–1880-е годы: наказание, контроль, интеграция» (А. А. Рубцов).

Второй раздел «Российская Империя на рубеже веков» включает статьи, рассматривающие вопросы преемственности и новаций в государственном управлении, общественном и культурном развитии Российской империи в конце XIX — начале XX века, в том числе в сферах здравоохранения, благотворительности, церковно-религиозной политики, экологии и др.

Статьи третьего раздела «Взаимодействие государства и Православной Церкви в решении актуальных проблем» затронули различные аспекты внутренней и внешней духовной миссии (включая пленарный доклад И. И. Юргановой «Духовные миссии Русской Православной церкви в Сибири в конце XIX — начале XX вв. (по документам РГИА)»), религиозного воспитания, просветительской и проповеднической деятельности духовенства и др.

Четвертый раздел «Архивные источники РГИА: выявление и описание, исследование и публикация» включает подготовленные сотрудниками архива тематические обзоры документов, исследования, посвященные истории архивных учреждений и др.

Сведения об авторах статей традиционно помещены в конце сборника, перед оглавлением.

Хотелось бы отдельно поблагодарить за бескорыстный и профессиональный труд наших рецензентов Г. Ю. Афанасьева, Н. Г. Зарембо и С. В. Перекрестову, а также сотрудников РГИА: Д. К. Андрееву, К. В. Ваничеву, А. А. Кириллову, П. В. Тимофеева и А. С. Шумилову.

А. Б. Богомолов

Открытие пятых Карамзинских чтений.
Приветственное слово С. В. Чернявского

На секции «Александр III и его время»

Экскурсия Т. В. Богдановой по историко-документальной выставке «Единообразие и порядок» – Государственный совет Российской империи. К 180-летию Мариинского дворца»

Секция «Архивные источники РГИА: выявление и описание, исследование и публикация»

На секции «Российская Империя на рубеже веков»

Секция «Взаимодействие государства
и Православной Церкви в решении актуальных проблем»

РАЗДЕЛ 1
ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III
И ЕГО ВРЕМЯ

Г. В. АЛЕКСУШИН

К вопросу о несостоятельности понятия «контрреформы Александра III»

Аннотация: Доказывается факт того, что преобразования Александра III не были контрреформами. Сделан краткий историографический обзор темы. Для этого сравниваются одиннадцать основных реформ Александра II и преобразования его сына: военная, финансово-налоговая, отмена крепостного права, полицейская, таможенно-пограничная, тюремная, рабочее законодательство, образовательная, земская, судебная и городская.

Ключевые слова: реформа, контрреформа, император, Александр II, Александр III, Российская империя.

В литературе устоялось мнение, что преобразования Александра III – контрреформы. Если обратиться к прямому значению слова, то контрреформа (по словарю Т.Ф. Ефремовой) – система мероприятий, направленных против какой-либо реформы; реформа, отменяющая действие, итоги осуществленной ранее реформы. То есть, каждая реформа Александра III должна быть направлена против реформы¹ Александра II и отменять ее действие.

Термин «контрреформы» ввели либеральные историки в начале XX в. для обозначения политического курса (и реформ) Александра III, направленных на частичный пересмотр реформ Александра II. К такой точке зрения склонялся даже И.С. Тургенев². Советские и постсоветские историки также активно применяли этот термин (например, В. А. Твардовская и Л. Г. Захарова)³. Но современные сторонники (например, И. Е. Барыкина)⁴ идеи контрреформ признают их сочетание с прогрессивными реформами. В школьных

---

¹ *Алексушин Г.* Бумажный дождь, или Реформы и вертикаль дореволюционной власти // Объект федерации. Журнал единого информационного пространства. 2004. № 2. С. 67–71.

² *Петрашкевич С. П.* Тургенев об императоре Александре III // Тургеневский сборник / Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова. Пг., 1915. С. 12–20.

³ *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978 и др.; *Захарова Л. Г.* 1) Земская контрреформа 1890 г. М., 1968; 2) Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011 и др.

⁴ См. напр.: *Барыкина И. Е.* Александр III. Назад в будущее: учеб. пособие для общеобразоват. организаций. М., 2017. С. 79–86 и др.

учебниках по истории, кстати, этот термин не использовался вообще. Сейчас еще появилась усредненная точка зрения, что контрреформы – не антиреформы, а развитие реформ и способ разрешения общественных противоречий, порожденных реформами (В. И. Пантин)⁵. Последний автор и его единомышленники придерживаются также суждения, согласно которому характерной и неотъемлемой чертой российского исторического процесса нового и новейшего времени был баланс между реформой и ее более поздним консервативным частичным откатом (А. Н. Медушевский)⁶. Весьма оригинальной точкой зрения представляется восприятие контрреформ как объективной реакции, вызванной навязыванием системе чужеродных элементов в процессе необоснованного (спорное утверждение В. Т. Рязанова)⁷ курса рыночного реформирования.

Важным фактором увлеченности историков темой контрреформ стала постоянно излагаемая на страницах прессы идеологическая позиция (обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев; редактор-издатель газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков и др.) за сильную самодержавную власть, консервацию дореформенных порядков, усиление дворянского представительства во властных структурах на местах, усиление влияния православной церкви, жесткий контроль над прессой и системой образования.

Военная реформа 1856–1874 гг. в основном была сведена к введению всеобщей воинской повинности и преобразованиям армии и флота. Александр III не отменил всеобщую воинскую повинность, а сделал очередные шаги в развитии армии и флота. На флоте была сформулирована 20-летняя Кораблестроительная программа

---

⁵ Пантин В. И. 1) Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997; 2) Циклы реформ – контрреформ в России и их связь с циклами мирового развития // Полис. Политические исследования. 2011. № 6. С. 22–32 и др.

⁶ Медушевский А. Н. Формирование гражданского общества: реформы и контрреформы в России // Реформы и реформаторы в истории России: Сборник статей. М., 1996. С. 69–78 и др.

⁷ Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 84–85.

1882–1902 гг.⁸ В сухопутной армии были произведены преобразования полков, созданы новые подразделения.

Финансово-налоговая реформа 1860 г. Александра II строилась на создании Государственного банка. Если бы Александр III проводил контрреформу, Государственный банк был бы ликвидирован. На деле – все наоборот. Александр III создал Крестьянский Земельный (1882) и Дворянский Земельный (1885) банки, организовав кластер государственных банков. Не тронул он и созданные его отцом городские общественные банки. Министры финансов Н. Х. Бунге (1881–1886), И. А. Вышнеградский (1887–1892) и С. Ю. Витте (1892–1903) стабилизировали, упрочили и существенно улучшили финансовое положение Российской империи. Также в 1886 г. была отменена подушная подать по всей территории Российской империи⁹.

Отмена крепостного права 1861 г.¹⁰ предполагала в случае контрреформы возвращение крепостничества, но этого не было и в помине. Более того, существенным шагом вперед стал перевод крестьян с 1 января 1883 г. на обязательные выкупы с существенным понижением предполагавшейся ранее цены (в целом по России – на 12 млн. рублей)¹¹. Да и не разработанный закон о переселенчестве также продолжал дорабатываться при Александре III.

Полицейскую реформу, начатую в 1862 г., не только не «откатил» назад Александр III, но еще и дополнил своими идеями¹². Так,

---

⁸ *Алексушин Г. В.* 20-летняя кораблестроительная программа 1882–1901 гг. и ее коррекции как основная причина военно-морских неудач России в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Русско-японская война: взгляд через век: Сборник научных статей по материалам 1-й межвузовской заочной научно-практической конференции. Самара, 2005. С. 21–34.

⁹ *Кривошеев М. В., Кривошеев Ю. В.* История Российской империи. 1861–1894. Гатчина, 2003. С. 92–95; *Дворниченко А. Ю.* Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М., 2010. С. 752–753. См. также: *Алексушин Г.* Крестьянский банк // Свежая газета. Самара. 2008. 19 сентября. № 13–14(46–47). С. 10.

¹⁰ Русь – Россия – СССР – Россия: этапы большого пути: Учебное пособие для вузов по курсу «Отечественная история». Т. 1. От Руси изначальной к году 1917: «Из мрачной глубины веков ты поднималась исполином...» Самара, 2004. С. 366.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (ПСЗ. Собр. 3). Т. I. № 575–577. С. 372–376.

¹² *Алексушин Г. В.* Применение опыта правоохранительных и пенитенциарных реформ в Отечестве в развитии уголовной и уголовно-исполнительной политики

3 декабря 1882 г. создали секретную полицию, в 1890 г. появились Правила судоходного надзора за речным судоходством в неблагоприятное холерное время. А циркуляр министерства внутренних дел от 30 марта 1892 г. требовал от губернаторов участвовать в работе с арестантами¹³. Частью полицейских преобразований стала масштабная паспортная реформа Александра III, закончившаяся Уставом о паспортах 1894 г.¹⁴

Так называемая университетская «контрреформа» 1884 г., вроде бы, сильнее других преобразований Александра III отрицала **образовательную реформу** 1863 г. Однако большинство положений Университетского устава 1863 г. даже не были затронуты, а некоторые не были отменой или пересмотром, а стали новыми реалиями. Многие другие шаги Александра III в деле образования были весьма прогрессивными¹⁵. К регрессивным относят всего два: в 1886 г. прекратили прием на все существовавшие тогда женские курсы, а циркуляр 5 июля 1887 г. «О кухаркиных детях» ограничивал прием в гимназии детей из низших сословий.

Земское положение 1890 г. должно была отменить **земскую реформу** 1864 г., то есть земства должны были быть ликвидированы. Вместо этого деятельность земств при Александре III стала более масштабной, чем ранее. Утверждение, что так называемая Земская контрреформа 1890 года была направлена на усиление правительственного контроля над земством, противоречит фактам. Даже апологет контрреформ Л. Г. Захарова подчеркивала, что «основная задача, выдвигавшаяся при подготовке закона 12 июня 1890 г., — ликвидация оппозиционного земства и политических тенденций в нем — не была достигнута»¹⁶.

государства // Актуальные проблемы дальнейшего совершенствования уголовной и уголовно-исполнительной политики государства и деятельности учреждений и органов УИС Минюста России. Рос. межвед. научно-практ. конф., 14 мая 2004 г. Самара, 2005. С. 25–28.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 122. Оп. 1. Ч. 1. Делопр. 1. Д. 2123. Л. 10.

¹⁴ ПСЗ. Собр. 3. Т. XIV. № 10709. С. 348–356.

¹⁵ «Россия — священная наша держава»: прошлое с нами: В 5 кн.: Учебное пособие. Т. 3. Россия императорская: путь в неизведанное. Самара, 2004. С. 170.

¹⁶ Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. ... С. 165.

Александр III не отменил ни одно положение **судебной реформы** 1864 г. отца — открытость и всесословность суда, состязательность сторон, коллегии присяжных — все это осталось нетронутым. Часто упоминаемое в аргументах сторонников понятия «контрреформы» утверждение в 1882 г. «Временных правил о печати» для ужесточения цензуры не имеет к судебной системе никакого отношения. Введение института земских начальников 12 июля 1889 г., которое относят к понятию контрреформы, просто заменяло институт мировых судов на аналогичную систему досудебного соглашения. «Реальные результаты пересмотра судебных уставов свелись к изменению в 1887 г. ценза для присяжных заседателей в пользу представителей дворянского сословия, а также изъятию в 1889 г. части дел из ведения суда присяжных»¹⁷.

Таможенно-пограничная реформа Александра II состояла, в частности, в преобразовании Департамента внешней торговли в 1864 г. в Департамент таможенных сборов с переподчинением ему Таможенной, Пограничной и Корчемной стражи. Кроме того, в 1867–1869 гг. был учрежден морской надзор против контрабанды, в 1872 г. — создана Балтийская таможенная крейсерская флотилия¹⁸. Меры, предпринятые в этом направлении при Александре III, также не были контрреформой. Скорее, наоборот: в 1893 г. Пограничная стража была переведена в созданный Отдельный корпус Пограничной стражи. При этом большая часть таможенных судов вошли в Крейсерскую флотилию Корпуса. Протекционистская таможенная политика (1882, 1884, 1885 гг.) существенно способствовала росту российской промышленности.

Городская реформа 1870 г. ввела в практику городского самоуправления всесословную думу из 72 человек с масштабностью выборов по трехкуриальной системе. Ничего не было отменено по Городской реформе 1892 г. Количество выборщиков уменьшили, но, например, в Самаре на следующий год после «контрреформы» пришло к избирательным урнам столько же избирателей, что

---

¹⁷ Ананьич Б. В. Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М., 2006. С. 356.

¹⁸ Алексушин Г. В., Семин Ю. А. Таможня Российской империи на море. СПб., 2023. С. 17, 18.

и годом раньше. Новое положение де-факто отсекло неголосовавших. Саму же систему городского самоуправления новое Положение не тронуло вообще. Вслед за Пантиным группа авторов под руководством В.Г. Тюкавкина справедливо утверждает, что благодаря усилению административного контроля над городским самоуправлением, городская реформа Александра III привела к сосредоточению его на хозяйственных вопросах, что способствовало бурному развитию городского хозяйства в России в конце XIX в¹⁹.

Тюремная реформа 1879 г., ставшая результатом работы тюремной комиссии 1877 г.,²⁰ была дополнена Александром III в 1890 г. губернскими тюремными инспекциями. А созданное его отцом Главное тюремное управление продолжило свою работу, критикуя губернские правления за недостатки в работе²¹. Не пересмотрел Александр III указ отца об отмене телесных наказаний, не вернул в российские города эшафоты²².

В области **рабочего законодательства** Н.Х. Бунге предложил меры (поддержанные Александром III), которые нельзя отнести к консервативным. Вступили в силу Закон об ограничении рабочего дня для детей и подростков (1884) и Закон о запрещении ночного труда для женщин и подростков до 17 лет на предприятиях текстильной промышленности (1885). Результатом «Морозовской» стачки стало издание «Правил» от 3 июня 1886 г., регулирующих отношения владельцев предприятий и рабочих. Был создан и институт фабричных инспекторов, задачами которого стали «наблюдение за исполнением фабрикантами и рабочими правил, определяющих их обязанности и взаимные отношения; принятие мер по предупреждению споров и недоразумений; возбуждение преследования и обвинение на суде»²³.

¹⁹ История России. XIX век: В 2 ч.: Учебник для студентов вузов. М., 2001. Ч. 2. С. 246–248.

²⁰ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Ч. 1. Делопр. 1. Д. 6592. Л. 116.

²¹ Там же. Д. 138. Л. 12.

²² Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 815. Оп. 2. Д. 6. Л. 16, 16 об.

²³ Панов В.Н. Торгово-промышленное законодательство в России (XIX – начало XX вв.): Учебное пособие. М., 2006. С. 39.

Таким образом, можно говорить о реакции нового государя на практику реализации отцовских реформ и корректировке их неудачных положений. Из одиннадцати выделенных нами направлений реформ семь (63,6%) вообще не содержат контр-элементов (военная, финансово-налоговая, отмена крепостного права, полицейская, таможенно-пограничная, тюремная, рабочее законодательство). В остальных четырех (36,4%) они присутствуют (образовательная, земская, судебная, городская), но не отменяют принятые ранее базовые положения реформ Александра II. Политика контр-реформ в чистом смысле этого слова противоречила объективным потребностям российского общества того времени и потому не была популярна и эффективна.

Е. Н. БАДМАЕВА, В. В. БАТЫРОВ

**Коневодство Калмыцкой степи Астраханской губернии
(на примере скотопромышленника
Икицохуровского улуса Леджина Ходжигорова)¹**

Аннотация: В течение многих тысячелетий коневодство играло исключительную роль в жизни кочевника-калмыка. У кочевых народов, в том числе и калмыков, прослеживается устойчивая традиция почитания коня, поскольку он являлся основным средством передвижения, источником продовольствия (мясо и молоко). По количеству лошадей оценивалось и состояние степняка. В настоящем исследовании мы рассмотрим на основе комплекса архивных источников состояние коневодства Калмыцкой степи Астраханской губернии на примере скотопромышленника Икицохуровского улуса Леджина Ходжигорова.

Ключевые слова: коневодство, Калмыцкая степь, Астраханская губерния, скотопромышленник, Ходжигоров.

Природно-климатические условия Калмыцкой степи Астраханской губернии позволяли разводить лошадей, как для нужд армии, так и в хозяйственной деятельности. Так, в 1883 г. в Икицохуровском улусе (районе) имелось заводских жеребцов — 63 головы, заводских маток — 597 голов, жеребят от 1 до 3-х лет — 216 голов. Всего лошадей имелось 876 голов. Всего в улусе находилось 28 табунов, в среднем по 76,7 лошадей в табуне².

В конце XIX в. один из самых крупных скотопромышленников в Икицохуровском улусе Ходжигоров Леджин в результате голода в 1897 г. вынужден был все свои денежные средства потратить на корм своим лошадям. Его табун считался одним из самых лучших в степи по подбору производителей и маток. Как отмечал Л. Ходжигоров, им было потрачено немало средств на приобретение жеребцов. Скотопромышленник писал в Департамент земледелия Министерства внутренних дел, что в результате страшной засухи, постигшей калмыцкий народ, *«когда все было выжжено солнцем, ветром, предстоит*

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 22-18-00313, <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>. «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX — середина XX вв.)».

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 85. Д. 234. Л. 1.

новое бедствие, только на этот раз у меня более нет денег, а лошадей никто не покупает. Я с ужасом предвижу, что без посторонней помощи табун должен погибнуть. Между тем, в этом табуне, состоящем более, чем из 950 взрослых голов, имеется 170 прекрасных, беспорочных лошадей»³.

В 1891 г. общее количество лошадей в Калмыцкой степи составляло — 89048 голов и годовой оборот продаж лошадей калмыцкой породы составлял 5–6 тысяч голов в год. В своем ходатайстве в Департамент земледелия коннозаводчик просил содействия в продаже лошадей, *«годных в кавалерию от 3-х до 5 лет по росту 2 аршина 3 вершка, а также по масти (гнедой и рыжей разных оттенков, преимущественно золотистых оттенков)»⁴*. Он отмечал, что 170 отборных молодых жеребцов могут погибнуть, поскольку в Астраханской губернии нет продаж лошадей (приобретались только рабочие лошади плохого качества). При этом заводчик предлагал приобрести своих скакунов за 125 или 100 руб. за каждую голову, тогда как в центральных губерниях они могли быть проданы по 500 руб. В условиях сокращения пастбищ закупка лошадей помогла бы спасти большую часть табуна от падежа, так как на вырученные деньги могла появиться возможность привезти сено и корм с Волги для предстоящей зимы. Как следует из архивного документа, табун лошадей Ходжигорова действительно являлся одним из лучших в Калмыцкой степи. Об этом свидетельствовала золотая медаль, несколько одобрительных патентов и свидетельство. Племенные лошади в табуне Л. Ходжигорова в течение 1891–1893 гг. не раз представлялись астраханским губернаторам Н. Н. Тевяшову и М. А. Газенкампу, генералу от кавалерии Н. А. Винтулову. Наконец, коннозаводчик удостоивался милости слышать Высочайшую благодарность *«за подведенных в дар лошадей из уст Монархов Александра III и Николая II»*.

По всей видимости, государство не смогло оказать помощь Ходжигорову и не приобрело лошадей. Он, в свою очередь, стал убедительно просить *«выдать ему ссуду для спасения табуна 5 тыс. руб. из общественного калмыцкого капитала сроком на 3 года из 6% годовых»⁵*.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 234. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 3.

Главный попечитель калмыцкого народа⁶ Ф. И. Агафонов в сентябре 1897 г. писал в Департамент государственных земельных имуществ: «Ходатайство скотовода Ходжигорова о ссуде в 5 тыс. руб. и о содействии по сбыту части табуна оказалось вполне основательным. Он действительно в прежние зимы, особенно в зиму 1895/96 г. затратил все свои средства на поддержание табуна, являющегося одним из лучших табунов Калмыцкой степи. Так, Председателю опытной ремонтной комиссии генерал-майору В. Х. Дерфельдену, господин военный министр приказал принять в ремонт лошадей Ходжигорова, но он принял у последнего лишь 15 лошадей, уплатив за них 1875 руб.»⁷ При этом лошадь калмыцкой породы характеризовалась как верховая, но хорошо использовалась и в упряжи. Отмечая ее конституцию, можно отметить, что калмыцкая лошадь по своим качествам отвечала требованиям регулярной кавалерии.

Признавая авторитет Л. Ходжигорова и его активную хозяйственную деятельность в развитии племенного коневодства, главный попечитель калмыцкого народа Ф. И. Агафонов ходатайствовал в Министерстве земельных и государственных имуществ о ссуде ему 3 тыс. руб. Он писал, что знает Ходжигорова, как «незаурядного хозяина, имеющего лучший табун лошадей и в настоящее время он действительно нуждается в средствах в заготовлении зимних запасов для продовольствия своего довольно порядочного количества скота и лошадей, я полагал бы необходимым поддержать его, выдачей ему просимой ссуды в размере 3-х тыс. руб. на предложенных им условиях»⁸.

В ноябре 1897 г. по Высочайшему повелению калмыку, коневоду Икицохуровского улуса, Леджину Ходжигоровичу было разрешено выдать ссуду из калмыцкого общественного капитала 3 тыс. руб. на 3 года из 6% годовых⁹.

---

⁶ Главный попечитель калмыцкого народа – председатель Совета управления калмыцким народом. Он утверждался императором из числа российских чиновников по представлению астраханского военного губернатора (См.: Положение об управлении калмыцким народом // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. X. Прибавление к т. IX. № 7560а. СПб., 1836. С. 19–20, 23–24).

⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 234. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 11.

Как следовало из рапорта заведующего Икицохуровским улусом в январе 1898 г., Леджин Ходжигоров 16 января умер, не воспользовавшись ссудой по полученному им талону ассигновки Управления калмыцким народом от 19 декабря 1897 г. Представляя этот талон, заведующий улусом доносил, что наследники Ходжигорова, в лице его жены Улюмджи Ходжигоровой, в настоящее время в ссуде не нуждаются, так как зима прошла благополучно и сена имеется вполне достаточно¹⁰.

Согласно архивным материалам, Леджин Ходжигоров являлся добрым, хорошим человеком. Рядовые калмыки отмечали, что путникам он давал коня, по необходимости помогал бедным калмыкам, исправно платил государству налоги¹¹. Богатый скотопромышленник Ходжигоров разводил лучших калмыцких породистых скакунов, и они пользовались большим спросом у северокавказских народов.

Коневодство — ведущая отрасль животноводства предков калмыков — ойратов, проживавших на азиатском континенте. На протяжении многих веков лошадь являлась неотъемлемой частью кочевой жизни калмыков, играла важнейшую и особенную роль в традиционной культуре. Калмыцкая лошадь из всех «четырех видов скота», пришедших с востока, наверное, самая уже отдаленная от своего монгольского предка, но твердо унаследовавшая от него умение выжить в суровых природно-климатических условиях территории проживания, добыть себе пропитание даже под коркой льда в степи. Лошадь калмыцкой породы неприхотлива, обладает мощной пищеварительной системой, способной переварить грубые корма и любую траву с пастбищ. Калмыцкая лошадь необычайно вынослива, что проявляется в удивительной ее способности бежать весь день без длительного отдыха. Ее выносливость обусловлена тем, что создавалась она веками под воздействием природно-климатических условий и традиционного быта калмыцкого народа. В XIX в. калмыцкая порода претерпела большие изменения, смешавшись с прочими породами — лошадьми донских степей,

¹⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 234. Л. 11.

¹¹ Там же. Л. 5.

туркмен Мангышлака и др. В том числе в этом была и большая заслуга Леджина Ходжигорова, селекционера из Икицохуровского улуса. Смешивания с лучшими азиатскими и европейскими породами лошадей позволили вывести и довести до окончательного вида уникальную и безупречную во многих отношениях лошадь калмыцкой породы, которую мы имеем сегодня в XXI в.

М. Н. БАРЫШНИКОВ, Д. С. ФЕДОТЪЕВ

**Русское общество пароходства и торговли
в морских перевозках между Россией и Турцией
в 1882–1894 гг.**

Аннотация: В статье показаны основные направления и результативность операций Русского общества пароходства и торговли в сфере морских перевозок между Россией и Турцией в царствование Александра III. Делается вывод о преимущественной ориентации компании на доставку грузов и пассажиров (главным образом паломников) в порты Восточного Средиземноморья.

Ключевые слова: Россия, Турция, судоходство, грузовые перевозки, паломничество.

Международным морским операциям Русского общества пароходства и торговли (Далее – РОПиТ) в период с 1882 по 1894 гг. сопутствовали корректировки направлений и объемов перевозок между Россией и ее главным торговым партнером в черноморском и средиземноморском регионах – Османской империей. Имевшийся к этому времени «альянс» между имперским государством и компанией в деле поддержки православного паломничества в Святую землю можно рассматривать как успешный, а «путешествия по православному миру гораздо более распространенными»¹. Итогом деятельности РОПиТ станет создание первого надежного российского торгового флота, который мог конкурировать с крупнейшими морскими державами Европы².

Обращение к сравнительным показателям международных пассажирских и грузовых перевозок РОПиТ в 1882–1894 гг. позволяют, с одной стороны, дать дополнительную оценку потенциала русско-турецкого морского сообщения в его временном и региональном содержании, с другой стороны – выявить особенности его развития применительно к конкретным транспортным линиям, портам

---

¹ Frary L. Pilgrims and Profits: The Russian Company of Steam Navigation and Trade, 1856–1914 // *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 53. Issue 3. August 2019. P. 305

² Sydorenko A. The Russian Steam Navigation and Trading Company: The Transition from Sail to Steam in the Russian Black Sea (1856–1914) // *Mediterranean Seafarers in Transition Maritime Labour, Communities, Shipping and the Challenge of Industrialization 1850s – 1920s* / Edited by Apostolos Delis, Jordi Ibarz, Anna Sydorenko, Matteo Barbano. Koninklijke Brill NV, Leiden, The Netherlands. 2023. P. 502.

и оборотам (по ввозу/вывозу). Самостоятельное значение имеют также результаты деятельности РОПиТ в контексте истечения в 1889 г. десятилетнего срока договора о государственно-частном партнерстве между компанией и правительством, вызвавшего широкое обсуждение его итогов в общественных и правительственных кругах³.

С окончанием русско-турецкой войны 1877–1878 гг. РОПиТ возобновило судоходство по шести линиям. Вместо действовавшей ранее одной александрийской были учреждены две линии: прямая и круговая. Прямая – из Одессы в Александрию и обратно, с остановкой в Константинополе, Дарданеллах, и далее (в зависимости от очередности недели, первой или второй) в Смирне или острове Сира; круговая – из Константинополя в Александрию и обратно, с заходом в Смирну, остров Хиос, Мерсину, Александретту, Латакию, Триполи, Бейрут, Яффу. Суть данного разделения заключалась в использовании прямой линии для ускоренной доставки в Египет преимущественно грузов, в то время как круговая предназначалась главным образом для перевозки православных богомольцев в порты Восточного Средиземноморья, откуда они направлялись к Святым местам Палестины⁴. Александрийские линии использовались также для транспортировки в порты Леванта пассажиров и грузов, которые прибывали в Константинополь другими судоходными рейсами, в том числе из Севастополя, Таганрога и Поти (с 1883 г. вместо последнего стал использоваться Батум). Помимо александрийских последовало открытие анатолийской (между Поти и Константинополем), одесско-константинопольской, севастопольско-константинопольской и румелийской (между Одессой и Константинополем с заходом в Варну и Бургас; закрыта в 1886 г.) линии. Таким образом, Константинополь становился местом пересечения всех линий, что подразумевало помимо прочего согласование времени прихода пароходов в этот порт.

В 1882 г. наибольшую результативность показала александрийская прямая линия (доставлено 48 693 тонн грузов

³ Барышников М. Н., Федотьев Д. С. Паломничество как фактор развития морского судоходства: Русское общество пароходства и торговли в 1884–1894 гг. // Вопросы истории. 2021. № 5–1. С. 33–34.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 95. Оп. 1. Д. 768. Л. 73–75.

и 24646 пассажиров), далее следовали александрийская круговая (28114 тонн и 33343 пассажира), анатолийская (26672 тонн и 23289 пассажиров), одесско-константинопольская (14009 тонн и 5256 пассажиров), румелийская (13225 тонн и 12481 пассажир) и севастопольско-константинопольская (10559 тонн и 4287 пассажиров). В таблице 1 (См. Прилож.) представлены сравнительные данные по судоходным линиям, крупнейшим портам назначения и сопутствующим объемам перевозок в 1882 году⁵.

Итоги деятельности РОПиТ в 1882 г. свидетельствовали о возрастающей роли трех портов, служивших транзитными пунктами (на пересечении нескольких срочных линий) при перевозке грузов и пассажиров в восточно-средиземноморском направлении — Константинополя, Александрии и Смирны. Вместе с тем сохраняли значимость по грузообороту Трабзон, Самсун и Мерсина, и демонстрировали рост пассажироперевозок Бейрут и Яффа. В упомянутый последний порт, выступавший ключевым при транспортировке паломников в Святую землю, доставлены (суммируя показатели по всем промежуточным перевозкам) 9841 человек, вывезено — 2819. По количеству ввезенных пассажиров Яффа занимала второе место после Константинополя⁶.

В 1889 г. лидирующую позицию по масштабу операций продолжала занимать александрийская прямая линия: перевезено 85214 тонн грузов и 24114 пассажиров. На второе место переместилась анатолийская линия — 36485 тонн и 20667 пассажиров, третье место заняла александрийская круговая — 15085 тонн и 10105 пассажиров, четвертое место — одесско-константинопольская — 19606 тонн и 4134 пассажира, пятое — севастопольско-константинопольская — 16219 тонн и 6014 пассажиров. Таблица 2 (См. Прилож.) демонстрирует сравнительные данные по судоходным линиям, крупнейшим портам и сопутствующим объемам перевозок в 1889 года⁷.

Резкое падение показателей функционирования александрийской круговой линии объяснялось двумя главными причинами.

⁵ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2779. Л. 15–23.

⁶ Там же. Л. 24–27.

⁷ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2786. Л. 2–23.

Во-первых, большая часть паломников предпочитала добираться на судах прямой линии из Одессы в Александрию и далее по круговой линии следовать в Яффу. Такой путь оказывался заметно короче традиционного — из Одессы в Константинополь, а затем на пароходе круговой линии, с заходом в ряд ближневосточных портов, направляться в Яффу. Во-вторых, на фоне активного экономического развития причерноморских губерний России наблюдалось заметное увеличение выручки по операциям на каботажных (внутрироссийских) линиях, связывавших береговое пространство от Одессы до Батума. Только за период с 1884 по 1888 гг. соответствующий показатель вырос с 3,853 миллионов рублей до 5,257 миллионов рублей, в то время как по заграничным линиям остался на уровне 1,6–1,7 миллионов рублей⁸. В связи с этим правление РОПиТ приняло решение о перенаправлении крупных пароходов с александрийского кругового направления на внутрироссийские линии. Использование в Восточном Средиземноморье пароходов меньшей грузоподъемности не могло не сказаться на судоходных операциях. В период с 1885 по 1888 г. в этом регионе уменьшились не только грузообороты, но и численность перевезенных пассажиров — на 11,6 тысяч (до 34,5 тысяч человек)⁹. Вместе с тем, согласно корпоративной отчетности РОПиТ, численность доставленных в 1884–1889 гг. в Яффу паломников сохранялась на уровне 10–11 тысяч человек¹⁰. Этот портовый город устойчиво занимал второе место после Константинополя по количеству ввезенных пассажиров.

Показатели грузовых и пассажирских перевозок между российскими и турецкими портами в 1889 г. подтверждали в целом возрастающий интерес РОПиТ к восточно-средиземноморскому направлению судоходных операций. Тремя главными портами, использовавшимися для транзитных международных перевозок, выступали Константинополь, Александрия и Смирна. Однако все более насущным становилось введение прямых рейсов по круговой линии

⁸ Познер М. В. Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства. СПб., 1895. С. 307.

⁹ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1174. Л. 101–102; Объяснительная записка к отчету Русского общества пароходства и торговли с 1 января по 31 декабря 1888 г. СПб., 1889. С. 2.

¹⁰ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1174. Л. 57; Д. 2781. Л. 32; Д. 2786. Л. 28.

из Одессы в Яффу и другие портовые города восточно-средиземноморского побережья. Обсуждение этого вопроса, непосредственно связанного с перспективами роста паломнического движения на Ближний Восток, продолжалось в предпринимательских, правительственных и общественных кругах на протяжении 1889–1890 гг.

Разработка положений очередного договора о государственно-частном партнерстве завершилась 22 января 1891 г., когда Александр III утвердил новый устав РОПиТ. В новой редакции, подытожив результаты работы пароходства в 1880-х гг. и высказанные в связи с этим предложения, были введены две александрийские линии из Одессы: прямая (раз в неделю) в Константинополь, Смирну, Пирей и Александрию и круговая (раз в две недели) — в Константинополь и далее, с заходом в ряд портов Эгейского моря и Восточного Средиземноморья (включая Афон и Яффу) в Порт-Саид и Александрию¹¹. К концу правления Александра III результаты нововведений демонстрировали быстрое увеличение операций по обеим александрийским линиям. С 1892 по 1894 г. наблюдался общий рост доходности по транспортировке грузов в восточно-средиземноморском направлении с 669542 до 879840 рублей, пассажироперевозкам — с 234020 до 307536 рублей. Напротив, рейсы по анатолийскому направлению, второму по значимости, показали снижение, соответственно, с 211407 до 136296 рублей и с 111663 до 65882 рублей. В 1898 г. в порты Леванта было доставлено 198075 тонн грузов и 52322 пассажира (больше половины из которых составляли паломники), в то время как показатели анатолийской линии составили 49129 тонн грузов и 21298 пассажиров¹². Ориентация на развитие транспортного сообщения с ближневосточными портами Османской империи рассматривалась правлением РОПиТ в качестве определяющей для перспектив деятельности компании в наступающем XX веке.

---

¹¹ *Иловайский С. И.* Исторический очерк пятидесятилетия Русского общества пароходства и торговли. Одесса, 1907. С. 249.

¹² Объяснительная записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1894 г. СПб., 1895. С. 3–4; Объяснительная записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1898 г. СПб., 1899. С. 1–2.

Приложение

Таблица 1. Международные перевозки РОПиТ в 1882 г.

Порт	Показатели	Вывоз		Ввоз	
		грузов (тонн)	пассажиров	грузов (тонн)	пассажиров
александрийская прямая линия					
Одесса		28 753	5 104	12 528	1 321
Александрия		9 897	4 490	20 723	4 088
Константинополь		4 773	5 602	11 060	6 350
Смирна		2 630	2 521	2 126	3 648
Сира		1 315	2 982	580	3 320
Дарданеллы		558	3 805	257	1 419
Яффа		—	—	126	3 656
александрийская круговая линия					
Александрия		2 296	1 819	4 889	2 474
Константинополь		1 775	5 383	4 123	5 173
Смирна		3 229	3 355	3 983	4 108
Бейрут		2 075	4 828	2 526	5 767
Мерсина		3 522	3 134	1 622	4 672
Порт-Саид		3 481	2 307	1 371	1 081
Александретта		3 277	2 033	1 207	2 337
Яффа		2 977	2 819	835	2 689
Триполи		4 003	1 938	397	1 746
анатолийская линия					
Константинополь		9 381	5 848	9 526	8 217
Самсун		4 893	3 556	1 843	2 288
Трабзон		2 870	4 926	2 913	5 308
Гиресун		3 165	1 901	548	905
Поти		1 211	1 447	3 202	1 512
Батум		125	4 004	1 155	3 182
Орду		2 743	1 798	299	1 116
одесско-константинопольская линия					
Одесса		11 238	4 368	2 675	888
Константинополь		2 722	888	5 755	1 442
севастопольско-константинопольская линия					
Севастополь		9 844	2 198	715	2 087
Константинополь		715	2 086	7 249	2 066

румелийская линия				
Одесса	9 204	1 084	847	865
Константинополь	2 090	5 439	3 614	3 813
Бургас	1 281	3 900	1 476	3 904
Варна	649	2 056	1 071	3 640

Таблица 2. Международные перевозки РОПиТ в 1889 г.

Показатели Порт	Вывоз		Ввоз	
	грузов (тонн)	пассажиров	грузов (тонн)	пассажиров
александрийская прямая линия				
Одесса	43 430	7 563	27 241	1 121
Александрия	16 398	1 627	32 770	2 879
Константинополь	5 822	6 356	14 442	5 865
Смирна	7 759	3 026	3 754	3 792
Триполи	4 524	72	97	696
Порт-Саид	1 234	411	2 127	358
Бейрут	854	1 346	1 894	725
Яффа	1 265	437	908	6 036
Сира	1 644	578	539	757
александрийская круговая линия				
Константинополь	803	1 924	3 650	1 507
Смирна	2 871	1 018	1 637	1 661
Яффа	2 589	1 257	603	880
Бейрут	740	1 217	1 188	2 300
Порт-Саид	2 173	541	665	638
Триполи	2 476	700	114	433
анатолийская линия				
Константинополь	9 757	5 113	13 984	7 243
Трабзон	4 948	3 347	5 005	4 374
Батум	4 075	4 277	1 628	2 928
Самсун	8 391	1 937	2 346	1 780
Гиресун	3 248	1 284	595	953
одесско-константинопольская линия				
Одесса	16 497	3 446	3 016	672
Константинополь	3 109	688	7 662	1 222
севастопольско-константинопольская линия				
Севастополь	15 326	3 808	890	2 184
Константинополь	890	2 204	12 741	2 837

Д. А. БЕЛАШ, А. Н. ПОЛУПАНОВ, М. А. РУДЬ

Развитие Александровск-Грушевского как крупного углепромышленного города в годы правления Императора Александра III

Аннотация: Статья посвящена анализу событий в городе Александровск-Грушевском в период правления императора Александра III (1881–1894). Город тогда располагался в Области Войска Донского и своим возникновением был обязан месторождению угля.

Ключевые слова: Александр III, рудник, шахта, угледобыча, горное дело, город.

1881-й год нынешний город Шахты (Александровск-Грушевский) встречал в статусе Грушевского горного поселения с правами города, присвоенном указом Александра II в октябре 1867 года. За это время население возросло с 8141 человек в 1873 году до 16250 в 1897 году (для сравнения в 1897 году в Нахичевани проживало 23 тыс. чел., Таганроге – 51,9 тыс. чел., Новочеркасске – 52 тыс. чел., Ростове-на-Дону – 120 тыс. чел.)¹. Этому способствовало полученное в 1867 году право селиться здесь представителям неказачьего сословия².

Рост показателей по угледобыче, появление в городе крупных угледобывающих рудников (Азовская угольная компания, Российского общества пароходства и торговли (РОПиТ), рудники Кошкина и др.), религиозных и образовательных учреждений привели к тому, что 4 августа 1881 года Грушевское горное поселение переименовано в город Александровск-Грушевский³.

19 января 1883 года Александр III распорядился учредить в городе упрощенное общественное управление. Таким образом, Александровск-Грушевский наконец-то получил административную автономию от Области Войска Донского: теперь городом управлял выборный городской староста и три его помощника. Казаки в части

---

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 года. Вып. 2: Население городов по переписи 28-го января 1897 года. СПб., 1897. С. 9.

² Шахты: Ист. – краеведч. очерк о городе. Ростов н/Д, 1974. С. 16.

³ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате: [Издание официальное]. СПб., 1883. Первое полугодие. № 33. Ст. 371. С. 560; Указатель изменений в распределении административных единиц и границ Империи с 1860 по 1887 гг. СПб., 1887. С. 6.

уплаты налогов лишались имевшихся ранее преференций и теперь платили на тех же условиях, что и другие сословия.

Вопрос экономического развития города зависел не только от добычи угля, но и от его сбыта. Открытая в 1864 году Грушевско-Аксайская железная дорога снижала стоимость доставки угля и увеличивала доходы углепромышленников. В свою очередь, это дало перспективы для привлечения сюда крупного капитала, направляемого в строительство новых рудников и усовершенствование уже имевшихся.

Однако в начале правления Александра III железнодорожными путями могли пользоваться только рудники возле станций Грушевская и Шахтная. Неохваченными железной дорогой оставались рудники хутора Власовка. В ноябре 1882 года на съезде горнопромышленников Юга России рассматривался вопрос строительства ветки от станции Грушевская или Шахтная до Власовского рудника. Поначалу некоторых делегатов смутило, что на таком крупном мероприятии обсуждается такой мелкий вопрос, как устройство ветки до одного рудника. Но представлявший на съезде донских углепромышленников генерал Попов пояснил, что речь идет о целой группе рудников, на которых добывается до 3 млн. пудов угля, а в перспективе — 7–8 млн. пудов. Для сравнения РОПиТ в то время добывал 6 млн. пудов, Азовская угольная компания — 3 млн. пудов угля. Как итог того съезда: представитель Козлово-Воронежско-Ростовской железной дороги подтвердил, что строительство ряда подъездных путей (в том числе и к Власовской копи) — вопрос почти разрешенный⁴.

Только спустя 11 лет был утвержден Устав Общества юго-восточных железных дорог, в котором говорилось о строительстве ветки протяженностью 8,5 верст от станции Шахтная до Власовских рудников взамен Атюктинской ветки, подлежащей разбору⁵. Выход к железной дороге Власовские копи получили в год смерти Александра III в 1894 году⁶.

⁴ Труды VII Съезда горнопромышленников Юга России, бывшего в городе Харькове: С 10 по 27 нояб. 1882 г. Харьков, 1883. С. 100.

⁵ Устав Общества Юго-Восточных железных дорог. СПб., 1904. С. 5.

⁶ Железные дороги Европейской и Азиатской России, по линиям и ветвям, по губерниям и по времени открытия для движения, с указанием строительной длины. Состояние к 1 янв. 1898 года. СПб., 1899. С. 28.

Роль Грушевского рудника в целом была настолько велика, что он выделялся в отдельный 1-й горный округ наряду со 2-м горным округом (Черкасский, Донецкий и 1-й Донской округа) и 3-м горным округом (Миусский округ). На 1 января 1883 года в 1-м горном округе было 139 действующих и 107 недействующих шахт. За годы нахождения Александра III у власти количество шахт на Грушевском руднике сократилось наполовину — 63 шахты по состоянию на 1899 год.

Первой причиной такого положения дел был переход от мелких к крупным шахтам. В 1880-е годы активно шло строительство более мощных шахт, имевших возможность добывать уголь с больших глубин залегания. Для этого применялись новые технологии, среди которых подъемные механизмы и паровые машины. В те годы велось строительство и крупных шахт, например, «Надеждинской» (новой шахты РОПиТ, введенной в 1895 году).

Второй причиной большого количества недействующих шахт был недостаток инвестиций в угольную отрасль⁷. Реанимировать значительное количество шахт могли денежные вливания из-за рубежа. Однако годы правления Александра III — это последний отрезок времени в истории царской России, когда иностранный капитал «не дотянулся» до горной промышленности Области Войска Донского. Государство в этот период своими решениями поддерживало отечественных углепромышленников.

Если сравнивать заграничные инвестиции в акционерные капиталы российских обществ и действовавших в России иностранных компаний, то до начала правления Александра III (на 1880 год) эта сумма составляла 87,3 млн. руб., ближе к окончанию правления (1890 год) — 179,4 млн. руб., а спустя 6 лет после окончания правления (1900 год) — уже 738,4 млн. руб.⁸ К 1900 году доля угля, полученного на предприятиях, принадлежавших иностранцам, составляла более 3/4 всей добычи в Области Войска Донского⁹.

⁷ Номикосов С. Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 518.

⁸ История предпринимательства в России. Кн. 2: Вторая половина XIX — начало XX века. М., 2000. С. 110.

⁹ Егоров П. И. Иностранные капиталы и русские техники. СПб., 1900. С. 2.

С начала 80-х годов XIX века на съездах горнопромышленников Юга России поднималась проблема отсутствия пошлины на ввозимый иностранный уголь. Однако в течение периода правления Александра III эта ситуация постепенно разрешалась в сторону отечественных углепромышленников. В 1882 году пошлину ввели на уголь, ввозимый только через польскую границу¹⁰, а в 1884 году — через все границы¹¹. Южные промышленники продолжили ежегодно требовать повышения пошлины. Следующее увеличение пошлины произошло в 1887 году.

На развитие угледобычи положительно повлияло учреждение Александром III Общества пособия горнорабочим на юге России, защищавшего права шахтеров¹².

Горный промысел во всей Российской империи относился к Министерству государственных имуществ. И только в Области Войска Донского традиционно эта сфера принадлежала «к предметам ведомства Военного Министерства»¹³.

Позиция гражданских министерств и Военного министерства относительно иностранного капитала различалась. Так, министр юстиции Н. А. Манасеин выступал за допущение к деятельности в России иностранных капиталистов¹⁴. По мнению министра финансов И. А. Вышнеградского, привлечение в страну иностранных капиталов представлялось одним из необходимых условий для развития отечественной промышленности, потому что они способствовали бы усовершенствованию различных отраслей производства и распространению в рабочем населении полезных технических знаний¹⁵.

---

¹⁰ Куприянова Л. В. Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40–80-е годы XIX в.). М., 1994. С. 210.

¹¹ Собрание узаконений и распоряжений Правительства... 1884. Первое полугодие. № 71. Ст. 514. С. 1186.

¹² Собрание узаконений и распоряжений Правительства... 1884. Второе полугодие. № 97. Ст. 738. С. 1809.

¹³ Свод законов Российской Империи. Т. VII. Устав Горный. СПб., 1893. С. 4.

¹⁴ Справка канцелярии комитета министров по вопросу ограничения участия иностранцев в управлении делами акционерных компаний (РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 228. Л. 50).

¹⁵ Там же. Л. 49.

А вот Военное министерство и сама Донская земля были против иностранных инвестиций: «Область Войска Донского прямо-таки ограждала себя от вторжения капитализма»¹⁶.

Итогом противостояния мнений стало постановление «О применении к Области Войска Донского общих законоположений по горной части», принятое 7 апреля 1897 года. По нему производилась передача управления горной и соляной частями в Области из военного ведомства в Министерство земледелия и государственных имуществ¹⁷. В том числе и благодаря этому в конце XIX в. в угольной промышленности Дона начался быстрый переход крупных рудников в руки иностранцев. Так, из 8 крупных донских рудников иностранными предпринимателями были куплены 7, причем русские названия предприятий зачастую оставались¹⁸. При этом даже сами шахтовладельцы, чтобы не привлекать лишнего внимания к своему происхождению, из-за которого возникали дополнительные бюрократические барьеры, «маскировались» под местных: например, австрийскоподданный Эттерович называл себя Матвеевым¹⁹.

Такая схема с русским названием работала и в 70-е годы XIX века, когда 4 апреля 1873 года в Англии была создана Азовская угольная компания. Основной целью ее деятельности тогда было приобретение Николаевских угольных копий на Грушевском руднике, а также других рудников в этом же районе²⁰. Впоследствии и до настоящего времени районы города Шахты, в которых располагались

¹⁶ Ан-ский С. А. Очерки каменноугольной промышленности на юге России // Русское богатство. 1882. № 1/2. С. 41.

¹⁷ Хлыстов И. П. Дон в эпоху капитализма. 60-е середина 90-х годов XIX в. Очерки из истории Юга России. Ростов н/Д, 1962. С. 133.

¹⁸ Задера А. Г. Последствия вторжения иностранного капитала в тяжелую промышленность дореволюционного Дона (1890–1917 гг.) // Очерки экономического развития Дона. Ростов н/Д, 1969. С. 156.

¹⁹ Ерохина О. В. Правовое положение иностранных предпринимателей в России. 1870–1914 гг. // Вестник РУДН. История России. 2008. № 2 (12). С. 121.

²⁰ Устав Азовской угольной компании (Азовского каменноугольного общества). Пг., 1916. С. 5.

рудники Азовской угольной компании, называются Новоазовка и Староазовка²¹.

Царь Александр III, известный потомкам как Миротворец и автор крылатой фразы «У России есть только 2 союзника – армия и флот», оставил след в истории как самой Российской империи, так и угледобычи на Юге России. В годы его правления угольная промышленность Дона и самого Александровск-Грушевского получила дальнейшее развитие: строились новые крупные технически оснащенные шахты, Власовские копи получили выход к железной дороге, создано Общество пособия горнорабочим на юге России, сдерживался приток иностранного капитала, давая возможность зарабатывать отечественным углепромышленникам на рудниках города. Непосредственно Грушевское горное поселение в эти годы стало городом с названием Александровск-Грушевский и получило упрощенное общественное управление, автономное от Области Войска Донского.

---

²¹ *Белаш Д.А., Рудь М.А.* Создание карты горнопромышленных объектов г. Шахты и выявленные закономерности расположения объектов экономической и социальной инфраструктуры на плане города // *Интернаука: электрон. научн. журн.* 2024. № 1(318). URL: <https://internauka.org/journal/science/internauka/318> (дата обращения: 24.02.2024).

С. В. БОГДАНОВ

Двор императора Александра III

Аннотация: Императорский двор занимал особое положение в системе государственной власти Российской империи. Придворное звание стало почетным отличием для члена бюрократического аппарата. Личный состав императорского двора — придворный штат — является эталонной группой для исследования социального состава правящей элиты Российской империи второй половины XIX — начала XX веков.

Ключевые слова: придворный штат, правящая элита, Императорский двор, Александр III, Российская империя, бюрократия, почетные звания Российской империи.

Двор является неперменным институтом власти любого государства с монархической формой правления. Его положение во власти, его структура и его внешний облик напрямую зависели от политических особенностей государства, особенности развития которого также были напрямую связаны с особенностями развития двора. Впервые в истории русской государственности двор появился с обретением княжескими династиями оседлости в XI–XII веках, после того как князья, перестав переходить с одного княжения на другое, передали свой престол нисходящему потомству. Следом за своими сюзеренами становилась оседлой княжеская дружина, и ее название постепенно заменяется на княжеский двор. Своего апогея традиционная модель русского двора достигла к первой половине XVI века, попутно с завершением формирования социальной структуры Московского царства и его служебного класса — дворянства. Собственно, сам Государев двор состоял из старших фракций дворянства — думных чинов (бояр, окольничих и думных дворян) и московских чинов (стольников, стряпчих, жильцов и московских дворян), в то время как хозяйство монарха находилось в ведении Государева дворца, имевшего собственную систему дворцовых чинов (дворецкие, кравчие, спальники и прочие). Особенностью русской государственности являлось то, что дворовые чины активно участвовали в придворной жизни: комнатные стольники и стряпчие с ключом несли службу в личных покоях царя, а дворцовые чины нередко выполняли государственные и политические поручения. Данная стратификация обладала еще социальным и экономическим

характером: семьи, служившие в думских чинах, считались честью выше семей, служивших по второй статье и тем более семей провинциальных городских дворян. Ветви старомосковского клана Кобылиных, боярские роды Шереметевых и Колычевых считались знатней значительного количества как захудавших Рюриковичей, так и своих однородцев Коновницыных и Лодыгиных, служивших по Новгороду (т.е. считавшихся провинциальными дворянами). Отталкиваясь от чести рода, его члены притязали на определенный уровень государственных должностей, что было напрямую связано с поместным окладом рода. Обратной стороной местничества было то, что захудалые ветви рода, утягивавшие его в целом, вымарывались из родословцев. Это привело к тому, что помимо главной ветви Толстых, во второй половине XVII века достигшей думских чинов, существовало еще семь, не столь знаменитых и удачливых¹.

Государственные реформы Петра I уничтожили Государев двор вместе со старой системой государственных чинов. Новый двор, формально устроенный по образцу европейских дворов с немецкой номенклатурой чинов, по своей сути являлся прежним Государевым дворцом. Новые чины и должности были напрямую связаны с выполняемыми обязанностями, а сама придворная служба в Табели о рангах была отделена от военной и гражданской. На первых порах общее количество придворных было незначительно по сравнению с временами Московского царства, но со временем размер двора стал расти и перед верховной властью возникла очевидная потребность урегулировать статус придворных чинов и должностей по отношению к самой государственной службе. Первые меры к этому появились в правление Павла I². Указ императора Александра I, вышедший в 1809 году, потребовал от придворных кавалеров (камергеров и камер-юнкеров, составлявших основную массу двора) приискать государственную службу³. Дальнейшими законодательными

¹ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1888. Т. 2. С. 487-533.

² Агеева О. Г. 1) Императорский двор России 1700-1796 годы. М., 2008. С. 230; 2) Императорский двор России эпохи Павла I. М., 2019. С. 153.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ. Собр. 1). СПб., 1830. Т. XXX. С. 899. Ст. 23559.

мерами служебные деятельность и карьера придворных кавалеров были поставлены под контроль Придворного ведомства⁴. Создание Министерства императорского двора в 1826 году положило начало к разделению почетной и служебной ипостасей придворного мира⁵.

Во второй половине XIX века «Большой» двор екатерининской эпохи был разделен на три части, связанных формальным подчинением министру императорского двора: Свиту, находившуюся в составе Императорской главной квартиры – структурной части Военного министерства, придворный штат (собственно сам Двор) и Министерство императорского двора, которое объединяло хозяйственные учреждения придворного ведомства. К началу царствования императора Александра III в этой должности состоял граф Александр Владимирович Адлерберг, занимавший ее с 1870 года. Императорский двор к этому времени сохранял отблеск придворного мира XVIII века⁶.

Основу двора составляли придворные чины и кавалеры, разделявшиеся на несколько категорий. Старшей из них были первые чины Двора, приравненные ко II классу гражданских чинов: обер-камергер, граф Михаил Иринеевич Хрептович, обер-гофмейстеры В. А. Бибииков, граф Э. К. Сиверс, А. П. Озеров, князь Г. Г. Гагарин и граф Д. К. Нессельроде, управляющий Придворной е. и. в. конторой, обер-гофмаршал А. Ф. Грот, обер-шенки, граф А. И. Гендриков и граф Б. С. Потоцкий, президент Придворной конюшенной конторы, обер-шталмейстер, генерал-адъютант, князь В. Д. Голицын, управляющий Егермейстерским ведением (Императорской охотой), обер-егермейстер, князь Б. Ф. Голицын; 50 вторых чинов Двора, состоявших в III классе гражданских чинов, в число которых входил управляющий Церемониальной частью и вице-президент Капитула орденов, обер-церемониймейстер, светлейший князь П. И. Ливен; 67 персон, состоявших в должностях придворных чинов (то есть

⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т. XXXIV. С. 906–907. Ст. 27178; Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб., 1878. С. 600.

⁵ Несмеянова И. И. Российский императорский двор первой половины XIX века. Челябинск, 2007. С. 73.

⁶ Волков Н. Е. Двор российских императоров в его прошлом и настоящем. СПб., 1900. С. 48.

носивших их зауряд, не обладая достаточным чином по Табели о рангах). Придворных кавалеров насчитывалось 229 камергеров и 324 камер-юнкера⁷. Все указанные придворные персоны, за исключением обер-гофмаршала, обер-шталмейстера, обер-егермейстера и обер-церемониймейстера, никаких особенных придворных обязанностей не несли. В частности, обер-камергер, граф Хрептович последние годы жизни прожил за границей и умер в Париже.

Кроме данных персон, носивших придворные звания как почетное отличие, в состав придворного штата этого времени входил ряд других служб, причастных к обслуживанию жизнедеятельности Августейшей фамилии, таких как придворная медицинская часть, придворное духовенство, придворная прислуга и прочие. Присутствие их в составе двора оставалось архаичным наследием предыдущего века.

Придворная медицинская часть в составе придворного штата была представлена большим количеством лейб-медиков, гоф-медиков, окружных врачей ведомства, придворных аптекарей и прочих медицинских чинов. Придворное духовенство, возглавляемое духовником Августейшей фамилии, протоиереем Бажановым, который одновременно был протопресвитером Гвардейского и Гренадерского корпусов, включало в себя церковный причт императорских дворцов и резиденций. Кроме того, в состав придворного штата входили: глава и инспектор Придворной певческой капеллы; камер-фурьеры в чинах V–VIII класса; придворные дамы (12 статс-дам, 2 камер-фрейлины, около 200 фрейлин и девицы, помещенные на жительство в Таврический дворец); дворы старших членов Императорской фамилии, офицеры роты дворцовых гренадеров и управление Императорским Зимним дворцом.

Спустя несколько месяцев после смерти Александра II пост министра двора занял граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, который служил в этой должности вплоть до 1897 года. В 1882 году в состав придворного штата входило руководство Собственной

---

⁷ Здесь и далее статистические данные по личному составу Императорского двора даются по следующим изданиям: Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи СПб., [1880–1895]; Придворный календарь. СПб., [1880–1895].

е. и. в. канцелярии во главе с личным секретарем императорской семьи, тайным советником Федором Адольфовичем Оомом. Это являлось последним расширением придворного штата, так как в дальнейшем по инициативе Александра III происходит тихая революция. В 1887 году из придворного штата в Министерство двора перешло Управление Императорским Зимним дворцом. В 1889 году Министерству двора была подчинена Придворная медицинская часть, и в составе придворного штата остались только придворные медики (врачи имевшие придворные медицинские звания). В 1892 году из придворного штата ушли придворное духовенство, Придворная певческая капелла, Собственная е. и. в. канцелярия и рота дворцовых гренадеров. В 1893 году в Министерство двора перешли «малые» дворы. К концу царствия Александра III в составе придворного штата остались придворные чины и кавалеры, придворные медики, личная прислуга Августейшей фамилии и придворные дамы.

Во второй половине XIX века Российская империя вступила в эпоху модерна. Социально-экономические изменения в жизни страны привели к росту государственного аппарата, специализации и структуризации различных отраслей управления. Как следствие, количество чиновников росло и увеличивалась потребность в образованных специалистах, что приводило в ряды бюрократии выходцев из непривилегированных слоев общества. В составе правящего класса увеличивалось количество профессиональных бюрократов, основным (а то и единственным) источником дохода которых являлась государственная служба. Данные изменения находили свое отражение в придворном штате. За сравнительно короткое царствование Александра III Императорский двор покинули целые категории его прежних членов. Членство в придворном штате приобрело почетный характер, апеллирующий к положению в аппарате власти и в меньшей степени связанный с выполнением тривиальных придворно-церемониальных обязанностей. Придворные чины и звания в рассматриваемую эпоху носили ответственные чиновники центральных установлений министерств и ведомств, губернаторы и дипломаты, представлявших персону монарха в империи и за ее пределами. Сыновья и племянники графа Сергея Дмитриевича

Шереметева поступили на государственную службу, а граф Павел Сергеевич Шереметев даже получил диплом о высшем образовании. Даже женские придворные звания фрейлин и статс-дам были непосредственно связаны со служебным положением глав семейств. Полностью соответствующая духу времени, тенденция превращения придворного штата в элиту правящего класса, начатая при августейших предшественниках Александра III, нашла свое завершение при его наследнике, императоре Николае II, когда залогом инкорпорации в состав придворного штата стали образование и служебное положение, более чем титулы, происхождение и родственные связи, что делает его эталонной группой при изучении состава правящей элиты позднего периода истории Российской империи.

Е. В. БОРЗОВА

Столовое серебро эпохи правления Александра III: производители, изделия, заказчики

Аннотация: Развитие ювелирного искусства во время царствования императора Александра III двойственно. Стилистика произведений, обусловленная распространением консервативных тенденций, не имела аналогов на мировом рынке. Российские фабриканты уверенно конкурировали с зарубежными поставщиками за иностранных покупателей. Но отечественная аристократия по-прежнему отдавала предпочтение европейскому образу жизни.

Ключевые слова: столовое серебро, русский стиль, промышленное производство, Александр III, дворянская элита, клад Нарышкиных.

Государственная политика обуславливает функционирование большинства сфер жизни общества. Не является исключением и столь сугубо бытовая область, как столовое серебро. Появившись в обиходе отечественной аристократии при Петре I, до середины XIX века оно в основном состояло либо из лучших изделий европейских фабрик: «Touron», «Garrard», «Atkin Brothers», либо предметов, изготовленных в России, но иностранными подданными (Английский магазин «Никольс и Плинке», «Keibel»).

Первые попытки модернизации относятся ко времени правления Николая I. Систематическое проведение промышленных выставок в Российской империи способствовало не только росту производства вещей, но и привлечению новых клиентов. Так, великая княгиня Ольга Николаевна приобрела на Всероссийской промышленной выставке 1849 года серебряные произведения фирмы «Сазиков» на сумму 458 рублей¹.

В эпоху Александра II начали складываться основы, которые получили развитие в царствование его приемника. Впервые акцентировалось «искусство в исполнении»² утилитарных предметов (бульоток, самоваров, подсвечников). Произведения, экспонируемые в европейских столицах, должны были «показывать успех и развитие

---

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 3. Д. 722. Л. 1.

² Киттары М. Я. Обзорение Санкт-Петербургской выставки русской мануфактурной промышленности 1861 г. СПб., 1861. С. 22.

серебряного дела в нашем отечестве»³. Круг потенциальных покупателей расширялся: он включал не только членов императорской семьи Романовых, но и представителей иностранных и отечественных аристократических домов.

Архивные документы позволяют уточнить, а в некоторых случаях даже изменить, устоявшееся представление о ювелирной промышленности конца XIX века. Проведённые экономические реформы должны были способствовать конкуренции на рынке: изменение таможенных пошлин сделало выгодным не импорт изделий из Европы, а собственное изготовление внутри страны. Кроме того, укрепление национально-патриотических идей в общественной сфере обуславливало стилистику вещей, ориентированных на дворянские элиты. Однако в области производства серебряных предметов можно отметить и ряд других тенденций.

Уже в начале правления Александра III окончательно происходит разграничение столовых сервизов на промышленные и художественные. Первые — выпускались большими партиями, были лишены украшений и имели только утилитарное значение. Вторые (помимо бытовых целей) — служили в качестве декора парадной трапезы, стоили значительно дороже и могли дополняться элементами по желанию заказчика (гравировки, накладки). При этом значимые фабрики («Сазиков», «Овчинников», «Морозов») работали и с промышленными, и с художественными сервизами. Оба направления пользовались спросом у дворянской элиты Санкт-Петербурга. Великий князь Николай Николаевич Старший приобретал одиночные столовые аксессуары (солонка, десертный нож) без именных гравировок у поставщика великой княгини Александры Петровны «Магазина № 12 серебряных вещей Владимирова»⁴. А большой парадный сервиз фирмы «Сазиков» семьи Нарышкиных был типовым, предметы из него продавались в магазинах фабрики. Такая доступность предметов (основным ограничителем становилась цена) приводила к росту использования столовых изделий из серебра, наряду с более привычными фарфоровыми аналогами. Если еще в 1860-е

³ РГИА. Ф. 472. Оп. 18. Внутр. Оп. 112/949. Д. 104. Л. 1.

⁴ РГИА. Ф. 550. Оп. 1. Д. 52. Л. 86, 104.

годы для Высочайших обедов попеременно употребляли сервизы из разных материалов⁵, то через двадцать лет император заказывал даже для своих детей в мастерской Ф. Э. Генрихсена столовые приборы из позолоченного серебра⁶.

Одним из лидеров отрасли к 1881 году являлась фирма «Сазиков», чьи объемы производства составляли совокупно на московской и петербургской фабриках 125 пудов церковной утвари и столовых вещей из серебра⁷. Но в середине десятилетия её позиции существенно пошатнулись. За участие в масштабной, призванной продемонстрировать главные достижения в отечественной промышленности Московской выставке 1882 года фабрика получила подтверждение права использовать на своих изделиях государственный герб⁸. Медалью изделия фирмы награждены не были. В 1884 году производитель пытался расширить ассортимент продукции и соглашался выполнить заказ «на 12 чашек чайных и 12 кофейных»⁹ из фарфора. Отсутствие собственных мощностей приводило к сотрудничеству с Императорским фарфоровым заводом, которое в силу большой загруженности последнего становилось одноразовым.

В 1887 году все активы «Сазикова» перешли фирме «Хлебников». Причиной можно считать конкуренцию со стороны не только отечественных, но и иностранных ювелиров. Несмотря на декларируемую поддержку российских предпринимателей, именно при Александре III известные зарубежные фирмы нашли клиентов среди столичной знати: в 1883 году «Tiffany & Co» стали поставщиками

⁵ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1094. Л. 3.

⁶ Стоит отметить, что в дальнейшем эта тенденция усилится: семья Николая II будет использовать даже ночные горшки и биде из серебра. Предметы обнаружены после революции при отборе вещей экспертами для музеев страны.

⁷ Скурлов В. В. Фирмы Москвы и Петербурга 1880–1917. Материалы для справочника. 1992 // Архив Валентина Скурлова: [сайт]. — URL: <https://skurlov.blogspot.com/2017/10/1880-1917.html> (дата обращения: 12.05.2024). См. также: Скурлов В. В., Иванов А. Н. Поставщики Высочайшего двора. СПб., 2002. С. 30.

⁸ Всероссийская промышленная и художественная выставка. Список экспонентов, удостоенных похвальных наград. СПб., 1882.

⁹ РГИА. Ф. 503. Оп. 1. Внутр. оп. 471/1987. Д. 266. Л. 1.

великих князей Павла, Сергея и Алексея Александровичей¹⁰. Семья Нарышкиных приобрела у французской фабрики «Odier» предметы столового сервиза. Главное различие между европейскими и национальными изделиями заключалось в их художественной форме.

Курс на идеализацию народных образов и культурных кодов допетровской Руси был воплощен отечественными ювелирами в реалистическом ключе. Точная проработка деталей, основанная на исторических источниках; использование оконной эмали как основного цветового акцента (технология, считавшаяся утраченной во время татаро-монгольского ига и возрожденная специалистами фирмы «Овчинников»); монументальность композиций — главные черты изделий художественного серебра. Но предметы в данной стилистике производились только в России.

В европейском столовом серебре можно отметить другие тенденции развития. Промышленный прогресс (переход от ручного труда к автоматизации большинства процессов) позволял выпускать изделия большими объемами. В тоже время именно он обострял вопрос соотношения ремесла и искусства в повседневных предметах (к которым относится и столовое серебро). Утилитарное назначение диктовало форму изделия, а декор должен был ее подчеркивать. Украшение, как правило, отсылало к историческим орнаментам, но реалистические элементы были переданы в стилизованной форме¹¹. Поэтому в европейском столовом серебре конца XIX века складывались два направления. Мастера фабрик, обращаясь к предыдущим эпохам, творчески переосмысливали их характерные черты. Или же изготавливали точные копии столовых предметов XVI–XVII веков. Причем в качестве оригиналов выступали изделия самых разных стран и владельцев (чаша из Успенского собора в Москве, блюдо из датского замка Розенборг, древнерусская перечница из коллекции М.П. Боткина). Многие фирмы либо выпускали только такие дублиеты (Franchi & Son), либо сделали их своей основной специализацией (Elkington & Co).

---

¹⁰ Зимин И. В. Царская работа. XIX–XX вв. Повседневная жизнь Российского Императорского двора. М., 2011.

¹¹ Sara J. Oshinsky. Design reform. Cooper-Hewitt, National Design Museum/Parsons School of Design, New York. 2006.

Российская аристократия не проявляла интерес к подобным предметам, но активно заказывала столовые сервизы — реминисценции барокко и рококо, используя их в повседневности. Приобретенные в Париже наборы впоследствии по желанию заказчика дополнялись вещами в схожем стиле, выполненными уже в России (так, например, поступила семья Нарышкиных). Это свидетельствовало о серьезной конкуренции на рынке. Если в 1859 году придворный фабрикант И. П. Сазиков в своем прошении министру двора е. и. в. графу В. А. Адлербергу относительно участия в международных выставках писал о «состязании в серебряном деле с первыми художниками в Европе, чтобы показать им успех и развитие его в нашем отечестве»¹², то к концу XIX века положение всех производителей было уже определено.

На время правления Александра III пришлось две значимых Всемирных выставки: 1889 год — Париж и 1893 год — Чикаго. Во Франции русский отдел в целом произвел впечатление «пошлости, безсодержательности и безвкусицы»¹³ (во многом из-за плохой организации и экономии средств со стороны правительства), но его приятным исключением стали серебряные изделия Овчинникова и Хлебникова. Стилистически выдержанные, они пользовались таким высоким спросом у европейской и американской публики, что производителям «приходилось выписывать новые партии товаров из России»¹⁴. Именно эти фабрики вместе с предприятием «Фраже» (впрочем, последний представил работы по моделям французской компании «Christofle» в рамках их долгосрочного сотрудничества) получили золотые медали выставки. Дворянская элита России больше всего интересовалась американскими производителями «Tiffany & Co» и «Goram & Co», поражавшими «оригинальностью форм и главное — оригинальностью эмалировки»¹⁵. Мастера фабрики создавали современные композиции, не обращаясь к историческому наследию прошлого.

¹² РГИА. Ф. 472. Оп. 18. Внутр. Оп. 112/949. Д. 104. Л. 1 об.

¹³ *Кольшко И. И.* Парижская выставка 1889 г. СПб., 1889. С. 65.

¹⁴ Предварительный отчет по участию России во Всемирной Парижской выставке 1889 г. СПб., 1890. С. 37.

¹⁵ *Кольшко И. И.* Парижская выставка 1889 г. СПб., 1889. С. 202

Эта тенденция продолжилась и на Всемирной Колумбийской выставке 1893 года. Сразу пять производителей столового серебра (Овчинниковы, Грачевы, Ган, «Клингерты», Корзинин) были награждены «общей для всех наградой — бронзовой медалью при почетном дипломе»¹⁶. А сами изделия, исполненные «в чисто византийском стиле»¹⁷, активно приобретались иностранными гостями ярмарки. Тем не менее, статистические данные¹⁸ о покупке — продаже ювелирных изделий за семь предшествовавших выставке лет свидетельствовали о неутешительной для отечественных фабрик ситуации: импорт вещей иностранных фирм в 1,5–2 раза стабильно превышал экспорт российских предметов. В Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов признавали, что дворянские элиты страны предпочитали привозить художественные вещи из серебра иностранного изготовления, подчеркивая, что это обусловлено «не столько необходимостью, сколько желанием богатых людей иметь изделия известного стиля»¹⁹.

Таким образом, столовые сервизы в русском стиле в первую очередь были ориентированы на зарубежный рынок, как образцы самобытной национальной культуры. Занять главенствующее положение на столах отечественной аристократии им не удалось.

Столовые приборы напрямую были связаны с правилами сервировки стола, которые Александр III также попытался изменить. Основу обслуживания Императорского двора составляли инструкции XVIII века, во многом основанные на французских аналогах²⁰. Однако в процессе бытования некоторые моменты были настолько модернизированы (например, использование ваз для фруктов в качестве украшения стола вместо пладеменажей), что позволило европейцам уже в середине XIX века говорить о «русском стиле»

¹⁶ Всемирная выставка. Русский отдел (1893; Чикаго). Отчет генерального комиссара Русского отдела Всемирной Колумбовой выставки в Чикаго камергера выс. Двора П. И. Глуховского г. министру финансов... С. Ю. Витте. СПб., 1895.

¹⁷ Скамони Г. Письма с Колумбийской Всемирной выставки // Нива. 1893. № 41. С. 919.

¹⁸ Всемирная Колумбова выставка. Русский отдел (1893; Чикаго). Указатель Русского отдела. СПб., 1893.

¹⁹ Там же.

²⁰ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. М., 1992.

в убранстве стола²¹. Но во время торжественных обедов по случаю коронации Александра III по воле правителя вместо привычных для высшего света устриц и жульена были поданы борщ, куриные котлеты и стерлядь с огурцами. Основной порядок трапезы остался прежним: после супа предлагались сытные горячие блюда, потом легкие салаты и овощи, а в конце — десерты. Но теперь яства подавались не одновременно, а выносились к столам последовательно. Это привело к еще большему беспорядку в работе придворнослужителей при перемене тарелок и приборов во время торжественных обедов²². Трансформация меню должна была способствовать изменениям в производстве столовых приборов: часть из них за ненадобностью могли прекратить выпускать. Однако ювелирные фирмы продолжали делать вилки для устриц и креветок, ножи для сыра, щипцы для улиток и другие столовые приборы для блюд европейской кухни. Это свидетельствовало о том, что российская аристократия полностью не отказалась от своих вкусовых предпочтений.

Таким образом, несмотря на все усилия со стороны императорского двора, русский стиль и как средство художественной образности, и как уклад жизни не смог вытеснить предпочтение отечественной аристократией европейского быта. Но в качестве самобытного направления смог заявить о себе на международном рынке.

²¹ Mrs Beeton's book of household management. London. 1851.

²² РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1094. Л. 5.

№ 658

МАГАЗИНЪ
НАСЛѢДН. ПРИДВОРН. ФАБРИКАНТА
САЗИКОВА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, БОЛ. МОРСКАЯ,
СОБСТВ. ДОМЪ.

28 июня 84 1
Императорский завод фарфоровый, некоего рода чайных чашек
и кофеиных чашек и до прихода
Ген. Директора из заграничных фабрик
какой, какъ бы, рубли и т. д. и т. д.
не будучи
45 июля 84. М. Сазикова

В Контору Императорского фарфорового завода.

27го Января из магазина наследников придворного фабриканта
Сазикова обратившая к г. Директору Императорского фар-
форового завода с просьбой принять заказы на 12 чашек чай-
ных и 12 кофеиных, по представленным рисункам и раз-
мерамъ. Не имея сведений в каких чашках found из-
лучи высококачественные вещи можно быть изготовлены, покор-
нейше прошу Контору завода уведомить меня о прибли-
зительном времени окончания работ чашек, такъ какъ въ
августе нам придется сдать заказчики.

За Н. В. Сазикова
Н. Рафиналовъ

28 июня
1884.

Письмо из «Магазина наследников придворного фабриканта Сазикова» в Контору Императорского фарфорового завода о времени окончания работ по изготовлению чайных и кофеиных чашек. 28 июня 1884 г.

С. Петербургъ Ноябрь 3 1886 г.

406
104

ПОСТАВЩИКА
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

АЛЕКСАНДРЫ ПЕТРОВНЫ
МАГАЗИНЪ СЕРЕБРЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
ВЛАДИМИРОВА

Невскій проспектъ д. № 31, у Думы.

СЧЕТЪ

въ Контору Его Императорскаго Высочества Великой Княгини
Николая Николаевича Старшаго

	Руб.	Коп.
Ноября 3 1. Ножа десертный дамочный " " "	12	"

Всего рублей по договору
Владимир Владимирович
Белгород-Слободский

Handwritten signature

у почтовой конторы
Ирина Ивановна Ковалева

Счет «Магазина № 12 серебряных вещей Владимирова»
в контору великого князя Николая Николаевича Старшего
о покупке десертного ножа. 3 ноября 1886 г.

(РГИА. Ф. 550. Оп. 1. Д. 52. Л. 104)

И. П. ВОДНЕВА

**К вопросу о крушении царского поезда
17 октября 1888 г. и об увековечении памяти
о спасении императора Александра III и его семьи
(по материалам Национального
исторического архива Беларуси)**

Аннотация: В фондах Национального исторического архива Беларуси хранятся материалы конца XIX в., которые подробно характеризуют трагические события крушения царского поезда в октябре 1888 г. и мероприятия по увековечиванию памяти о спасении императорской семьи в последующие годы. Среди документов особый интерес представляет переписка витебского губернатора с городскими и уездными управами, общественными организациями и частными лицами, не введенная в широкий научный оборот. Поэтому целью данного исследования стало введение в научный оборот новых исторических сведений о жителях территорий современной Беларуси и России, пожелавших принять участие во всероссийских мероприятиях, связанных с жизнью императора Александра III.

Ключевые слова: Александр III, канцелярия витебского губернатора, крушение царского поезда 17 октября 1888 г.

Первые сведения о происшествии, связанном с российским императором Александром III и его семьей, в официальной печати появились сразу после катастрофы 17 октября 1888 г. и были основаны на телеграммах министра императорского двора, посланных со станции Тарановка: *«На курско-харьково-азовской дороге, на станции Борки, в Императорском поезде сошел с рельсов второй локомотив и следующие за ним четыре вагона. Благодаря Богу, Государь Император, Государыня Императрица, Наследник Цесаревич, Великие Князья, Великие Княжны и все лица Свиты совершенно невредимы»*¹. Позже стали появляться подробности происшествия: *«...Первым сошел с рельс вагон Министра путей сообщения, из всего поезда уцелело лишь два передних и три задних вагона. Вагон столовая обратился в неузнаваемую массу, весь ход колес отброшен в сторону, столы разбились на мельчайшие части, крыша свернута в сторону, в том вагоне убита прислуга, вагон, в котором находилась Великая Княжна Ольга Александровна, повернуло поперек, передняя*

---

¹ Телеграмма Министра императорского двора // Полоцкие епархиальные ведомости. 1888. 1 ноября. С. 526.

часть сорвана и через отверстие Великая Княжна выброшена на откос. Великий Князь Михаил Александрович и князь Оболенский были также выброшены, при розыске убитых и раненых Государь, несмотря на ушиб ноги, распорядился всем, Государыня, не обращая внимания на пораненную ногу, помогала долго потерявшимся из свиты ...»²

Императорская семья — Александр Александрович с супругой Марией Федоровной — активно участвовал в ликвидации последствий, о чем свидетельствуют телеграммы, отправленные в канцелярию витебского губернатора: «Государь изволил лично распорядиться организацией помощи раненым, несмотря на крайне дурную погоду при пронизывающем дожде и сильной грязи. Его Величество несколько раз спускались под откос к убиенным и раненым, и возвратился к себе только тогда, когда последний раненый был перенесен в санитарный поезд»³. Императорская семья покинула место крушение лишь вечером 17 октября 1888 г. после того, как были опознаны все погибшие и оказана помощь всем раненым. В одной из телеграмм о дальнейшем следовании Александра III говорилось следующее: «...Поезд с Государем был направлен на Екатерининскую линию, на станцию Лозовую, куда было приглашено сельское духовенство, отслужена панихида по скончавшимся и благодарственный молебен по случаю дивного избавления от величайшей опасности»⁴. Следующим местом, где «с ликованием встречали императора, видя его живым и невредимым», был г. Харьков. 19 октября 1888 г. Александр Александрович посетил больницу, в которой разместили пострадавших пассажиров. Перед отъездом в знак благодарности император произнес перед харьковчанами следующие слова: «Я никогда этого не забуду»⁵. 23 октября, следуя через Москву и Гатчину, императорская семья прибыла в Петербург. На службе в Казанском соборе в присутствии сотен верующих Александр III еще раз поблагодарил всех собравшихся и тех, кто молился за него и его родных, о чем также было сообщено в канцелярию витебского губернатора.

² Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 39527. Л. 1.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 5 об.

⁵ Там же. Л. 8.

О происшествии в уездных центрах Витебской губернии стало известно уже через день после трагедии. В экстренном порядке прошли совещания Городских дум в Витебске, Полоцке, Себеже, Лепеле, Динабурге, Режице, Невеле, Люцине, Дриссе, Городке. В рапортах и письмах, отправленных на имя витебского губернатора после 20 октября, сообщалось, что гласные *«отслужили благодарственные молитвы»* и *«просят Ваше Сиятельство повергнуть к стопам Его Императорского Величества выражением беспредельной радости всего населения города за проявление милости Всевышнего в чудном спасении их Императорских Величеств и Августейшего Семейства»*⁶.

В Полоцке еще 19 октября по инициативе служащих Динабургско-Витебской железной дороги был приглашен законоучитель Полоцкой учительской семинарии отец Дубровский, который совершил молебен *«за спасение Его Императорского Величества и находящихся при нем членов Императорского Дома от угрожавшей опасности»*⁷. Спустя неделю, 26 октября, в Полоцком кафедральном соборе прошла большая служба *«в присутствии всего духовенства и всех служащих местных учреждений, воспитанников и воспитанниц учебных заведений и множества молящихся»*⁸.

Не только православные верующие проводили богослужения в честь «чудесного спасения», но и представители других конфессий. Так, в рапортах уездных исправников Себежа и Невеля говорилось о молебнах, совершенных в еврейских молитвенных домах⁹. А жители иудейского вероисповедания г. Витебска решили *«списать на пергамене священные книги Моисеева Закона»*, а на облачении вышить золотой ниткой надпись *«Дабы знало будущее поколение, сыны грядущие, которые расскажут и своим сыновьям, как Господь Бог избавил и своего помазанника, обожаемого нашего монарха Александра III и Августейшее Его Семейство, от угрожавшей им опасности в день 17 октября 1888 года»*. Данный свиток предполагалось хранить в главной

⁶ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 39527. Л. 10, 12, 18, 22, 26, 28, 29, 30.

⁷ Там же. Л. 16.

⁸ Там же. Л. 31.

⁹ Там же. Л. 34–35.

синагоге Витебска и использовать при Богослужениях и «во все торжественные и табельные дни»¹⁰.

По воспоминаниям современников Александр III был прям, честен, искренен, благожелателен к близким, обладал большим чувством ответственности. Неотъемлемой чертой его характера являлось человеколюбие. 23 октября 1888 г. за подписью императора был обнародован Высочайший манифест, в котором Александр Александрович «вознес благодарность Богу о Его милости к нему и всему народу Российского государства»¹¹. В ответ на это на всей территории Российской империи, куда с конца XVIII в. входила и территория Витебской губернии, началась закладка храмов, часовен, написание икон, отливка колоколов, учреждение стипендий для учащихся в память о «чудесном спасении» императорской семьи.

Так, в декабре 1888 г., жители Городка начали сбор 2 тысяч рублей «на устройство часовни с иконами и каменной оградой при таковой часовни, из которых 1100 рублей в течение 3-х лет уплатят мещане, а остальные деньги предполагается собрать по подписке»¹². Жители Дубокрайской волости Городокского уезда «услыша о чудесном спасении, готовы собрать по 1 рублю с надела земли и обновить приписную церковь имения Рудня, а также собрать еще по 1 рублю и устроить возле Дубокрайской церкви каменную ограду»¹³. Крестьяне Веляшковского волостного схода Витебского уезда в начале 1889 г. на общем собрании, где присутствовало 97 человек под старшинством Петра Федорова, решили пожертвовать весь имеющийся капитал (234 рубля) на нужды строящейся церкви д. Замшино¹⁴.

Члены Трехалевского волостного схода Невельского уезда в 1890 г. решили построить часовню на каменном фундаменте, пожертвовав на это по 20 копеек с душевого надела земли. Место под строительство часовни жертвовала владелица с. Трехалево Вильгельмина

¹⁰ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 39527. Л. 71–72 об.

¹¹ Высочайший Манифест // Полоцкие епархиальные ведомости. 1888. 1 ноября. С. 521–522.

¹² НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 39527. Л. 104.

¹³ Там же. Л. 80–81.

¹⁴ Там же. Л. 99.

Федоровна Блюм¹⁵. Торжественное освящение часовни во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского совершил 2 июля 1892 г. священник Невельского уезда Григорий Бобровский. В газете «Полоцкие епархиальные ведомости» сохранилось описание постройки: *«Часовня сложена из кирпича на каменном фундаменте, покрыта железом и закончена хорошенькой главкой с железным крестом. В постройке имеются два окна и дверь. Внутреннее помещение оштукатурено и хорошо окрашено. Снаружи штукатурки нет, но стены покрашены под цвет кирпича. Крыша выкрашена зеленой краской, главка голубой, а крест желтой. Часовня прочна и весьма благолепна <...> Над входной дверью сделаны надписи: “Господи, спаси Царя, и услыши ны, в онь же аще день призовем Тя”, и другая: “В память чудесного события 17-го октября 1888 г.”»¹⁶. Но до нашего времени часовня не сохранилась.*

С просьбой о строительстве часовни в сентябре 1889 г. в канцелярию Полоцкого уездного по крестьянским делам присутствия обратились и крестьяне Михаловщинского волостного схода Полоцкого уезда Витебской губернии. 10 сентября 1889 г. на общем собрании под старшинством Константина Беляева 45 человек единогласно приняли следующее решение: *«1. В ознаменование чудесного события построить при нашем волостном правлении часовню, в которой поставить иконы Святого Александра Невского, Пророка Иосифа и Святой Марии, и ежегодно 30 августа и 17 октября совершать в устроенной часовне благодарственные и о здравии Его Императорских Величеств с Его Августейшим семейством молебны. 2. На устройство часовни и икон ассигновать с каждого надела по 10 копеек, что и составит 170 рублей. 3. Просить разрешение на это у Полоцкого уездного по Крестьянским делам Присутствия»¹⁷. В марте 1890 г. на имя витебского губернатора из канцелярии Министерства внутренних дел (Далее — МВД) поступило письмо о разрешении императора построить часовню, а также *«с искренней благодарностью за выражение чувств»¹⁸.**

¹⁵ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 39527. Л. 112.

¹⁶ От Полоцкой духовной консистории // Полоцкие епархиальные ведомости. 1892. 1 сентября. С. 690–693.

¹⁷ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 40575. Л. 6–7.

¹⁸ Там же. Л. 9.

В память о «чудесном спасении» православные верующие Витебской губернии для своих храмов активно жертвовали деньги на приобретение икон и напрестольных крестов. Так, лепельский уездный исправник отправил в ноябре 1888 г. рапорт на имя витебского губернатора о проведении прихожанами Ушачской церкви благодарственного молебна и открытии подписки на приобретение для местной церкви напрестольного креста¹⁹. Общим собранием крестьяне Вереческого сельского схода Городокского уезда в январе 1890 г. постановили пожертвовать 50 рублей на приобретение иконы Святого Александра Невского для своей церкви²⁰. Икону такого же содержания решили заказать для своего храма и крестьяне Вымнянской и Яновичской волостей Витебской уезда. Первые жертвовали на это 72 рубля²¹, а вторые — 100 рублей²². Крестьяне Могилынской волости Себежского уезда под старшинством Фомы Семеновича Волкова в сентябре 1890 г. решили пожертвовать 39 рублей на приобретение для местного храма иконы с изображениями Святых, имена которых носят члены царской семьи, и поставить перед ней неугасимую лампадку²³.

Одним из способов увековечения «чудесного спасения» семьи Александра III стало и введение стипендий для малоимущих учащихся. Так, действительный статский советник Бронислав Павлович Цехановецкий, известный российский политический деятель, юрист, занимавший в 1883–1892 гг. должность предводителя Полоцкого уездного дворянства, в ноябре 1888 г. обратился к витебскому губернатору В. М. Долгорукову с просьбой об учреждении в Полоцком кадетском корпусе стипендии для детей дворян Витебской губернии *«в память о чудесном избавлении Их Императорских Величеств и Августейших детей Их от опасности <...> Дворянская стипендия дала бы возможность получить хорошее воспитание на полезную службу Престолу и Отечеству»*²⁴. Предполагалось ежегодно выделять на одного стипендиата по 450 рублей из средств дворян-землевладельцев

¹⁹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 39527. Л. 63.

²⁰ Там же. Л. 113.

²¹ Там же. Л. 118.

²² Там же. Л. 130–130 об.

²³ Там же. Л. 132.

²⁴ Там же. Л. 56.

в зачет их дворовой повинности²⁵. С подобным обращением об учреждении стипендии для бедных учеников Витебской гимназии обратились к губернатору и депутаты Витебской мещанской управы²⁶. Из канцелярии МВД пришло разрешение и *«искренняя благодарность за верноподданность чувств»* от самого Александра III²⁷. Подобную инициативу поддержал и ксендз Режицко-Разненского деканата Антоний Проневич, который *«пожелал ежегодно вносить в кассу Режицкого городского училища на содержание двух бедных учеников-католиков 12 рублей»*²⁸.

Таким образом, анализ архивных документов конца XIX в. позволяет дополнить картину отношения представителей разных сословий и вероисповеданий Витебской губернии к событиям, связанным с крушением царского поезда в октябре 1888 г., которые всколыхнули все общероссийское общество. Жители Витебской губернии уже в первые дни после происшествия в городах и волостных центрах провели благодарственные молебны, о чем свидетельствуют отчетные документы, присланные на имя витебского губернатора. В последующее время в большинстве своем православные верующие вели активный сбор средств на строительство храмов и часовен, изготовление икон и напрестольных крестов, многие из которых не сохранились до наших дней.

---

²⁵ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 39527. Л. 56 об. – 57.

²⁶ Там же. Л. 66.

²⁷ Там же. Л. 65.

²⁸ Там же. Л. 76.

В. В. ГЕРАСИМОВ

**О работах архитектора М. Е. Месмахера
по проектированию и перестройке
Массандровского дворца для императора Александра III**

Аннотация: история строительства резиденции императора Александра III в Верхней Массандре в Крыму широко представлена в различных изданиях. Однако, в них не отражаются вопросы первоначального масштабного замысла дворцового комплекса, спроектированного петербургским архитектором М. Е. Месмахером, а также причины, по которым проект был значительно сокращен. Выявленные в РГИА документы позволяют разобраться в этих обстоятельствах, узнать подробности первоначального замысла назначения и отделки помещений дворца и степень фактического исполнения проекта.

Ключевые слова: дворец, Массандра, Крым, император Александр III, Месмахер, архитектура, резиденция, проект, смета, расходы, министерство императорского двора.

История создания императорского имения в Верхней Массандре в Крыму неоднократно становилась предметом исследований и публикаций. Среди них, прежде всего, следует указать исторические справки сотрудников Алушкинского дворцово-паркового музея-заповедника, основанные на материалах архива музея-заповедника и республиканского архива¹. Документы, хранящиеся в Государственном архиве Республики Крым, были также внимательно изучены и апробированы в публикациях современных исследователей². Обзор комплекса графических материалов

---

¹ Калинин Н. Н. 1) История имения «Массандра» (1917–1941). Алушка, 1994. – Машинопись (Историческая справка. Научный архив ГБУ РК «Алушкинский дворцово-парковый музей-заповедник»); 2) Скульптура Массандровского дворца // Крымские искусствоведческие чтения. Вопросы теории, истории и критики искусства Крыма: Материалы республиканского науч. – теор. конф. Симферополь, 1996. С. 45–47; Плужник И. В. Массандровский дворец в 1940–1950-х гг. Алушка, 2012. – Машинопись (Историческая справка. Научный архив ГБУ РК «Алушкинский дворцово-парковый музей-заповедник»).

² Вишневский С. А., Гуменюк А. Ю. 1) Основные этапы строительства Массандровского дворца императора Александра III (1889–1902) // Таврический научный обозреватель. 2017. № 1 (18). С. 4–10; 2) История строительства и эксплуатация машинного отделения Массандровского дворца императора Александра III (1898–1956). Таврический научный обозреватель. 2017. № 4 (21). Апрель. Ч. 1. С. 44–48; Гуменюк А. Ю. Из истории строительства и внешнего оформления Массандровского дворца Александра III в 1892–1900 гг. Общество: философия, история, культура. 2022. № 2. С. 88–92; Плужник И. В. Массандровский дворец: от имения графа Воронцова до музея // Александр III. Семья. Коронация. Путешествия. Массандра. СПб., 2019. С. 60–77.

по строительству дворцового комплекса в Верхней Массандре из фондов Научно-исследовательского музея при Российской Академии художеств был представлен автором настоящего сообщения в специальной публикации³.

Несмотря на популярность данной темы, за рамками вышеозначенных исследований оказались малоизученные архивные материалы из фондов Российского государственного исторического архива (Далее – РГИА), в частности документы придворных ведомств о перестройке и достройке Массандровского дворца, затянувшихся на многие годы ввиду различных обстоятельств. Они также проясняют особую роль в перестройке Массандровского дворца петербургского архитектора М. Е. Месмахера (1842–1906), на плечи которого был возложен ответственный заказ.

В формировании круга заказчиков архитектора М. Е. Месмахера основную роль сыграл выдающийся общественный и государственный деятель А. А. Половцов (1832–1909). Он привлек талантливого зодчего не только к перестройке собственного дома⁴, но и постройке учебно-административного корпуса и музея Центрального училища технического рисования барона Штиглица в Соляном переулке, а также здания Архива Государственного Совета на Миллионной улице. Документы о строительстве этих зданий также хранятся в ведомственных фондах РГИА⁵.

Благодаря личному знакомству А. А. Половцова с членами императорской фамилии архитектор Месмахер на протяжении 1880 – начала 1890-х гг. был обеспечен разнообразными заказами от великих князей Владимира, Алексея, Сергея и Павла

---

³ Герасимов В. В. Об организации хозяйственных помещений и служб при дворцовых постройках архитектора М. Е. Месмахера. На примере императорского имения в Верхней Массандре в Крыму // Жизнь во дворце. Взгляд изнутри: Сборник научных статей XXVIII Царскосельской конференции. СПб., 2022. С. 160–175.

⁴ Андреева В. И., Герасимов В. В. Объект культурного наследия федерального значения «Дом Половцова А. А. с дворовыми флигелями» (адрес: г. Санкт-Петербург, Б. Морская ул., 52). СПб., 2017. – Машинопись (Историческая справка. По заказу ОАО «Санкт-Петербургский проектный институт реставрации памятников истории и культуры “Ленпроектреставрация”»).

⁵ РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Д. 208; РГИА. Ф. 11162. Оп. 1. Д. 6 и др.

Александровичей⁶. Очевидно, что именно государственный секретарь А. А. Половцов предложил кандидатуру М. Е. Месмахера императору Александру III (1845–1894), предполагавшему осуществить переделки парадных и жилых комнат в своей городской резиденции — Аничковом дворце⁷.

В нашем распоряжении имеется записка, составленная профессором М. Е. Месмахером 11 ноября 1900 года на имя министра императорского двора барона В. Б. Фредерикса (1838–1927)⁸, которая вносит полную ясность в ход работ по проектированию и строительству императорского дворца в Массандре:

«...В зиму 1891/92 г. мне было объявлено чрез князя Л. Д. Вяземского, исправляющего тогда должность Управляющего Департаментов Уделов, Высочайшая воля Государя Императора Александра III о поручении мне постройки, для Его Императорского Величества, дворца в имении Верхняя Массандра, с воспользованием, по возможности, существующими там стенами неоконченной постройки прежнего владельца этого имения, князя Воронцова.

В виду маломерности этой старой постройки я просил князя Вяземского объяснить мне: желает-ли Государь Император, чтобы в будущем дворце, кроме помещений для Самого Государя и Государыни Императрицы, имелись помещения для Их Августейших Детей, и необходимой прислуги; требуется ли также поместить в самом дворце кухню; требуется-ли конюшня и проч. необходимые службы? На все эти вопросы первой важности для составления проекта, князь Вяземский не мог мне дать никакого положительного ответа и потому испросил мне аудиенцию у Самого Августейшего Заказчика дворца⁹.

---

⁶ Герасимов В. 1) Проекты памятных сооружений в творческом наследии М. Е. Месмахера. По следам недавних открытий // Месмахеровские чтения — 2020: Сборник научных статей. СПб., 2020. С. 72–80; 2) К постановке вопроса о работах М. Е. Месмахера во дворце вел. кн. Сергея Александровича в Санкт-Петербурге // Месмахеровские чтения — 2017: Сборник научных статей. СПб., 2017. С. 128–141.

⁷ Герасимов В. Проекты М. Е. Месмахера для Аничкова дворца: реализация и атрибуции графического наследия архитектора // Месмахеровские чтения — 2019: Сборник научных статей. СПб., 2019. С. 141–148.

⁸ РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1931. Л. 4–13 об.

⁹ Там же. Л. 4–5.

1-го марта 1892 г. Государю Императору Александру III благоугодно было принять меня в Аничковском дворце, где Он и соизволил дать мне общие указания относительно будущего дворца. Государь Император желал, чтобы построены были жилые помещения для Него, Государя Императора, для Государыни Императрицы и для Их Августейших Детей; чтобы кухня была помещена не во дворце, а в отдельном здании и чтобы для лошадей было возведено также отдельное здание, станков на двадцать. Вспомнив о существующей в Массандровском имении церкви, Государь Император изволил высказать, что и ее следует перестроить, но не сейчас, а по окончании дворца.

Получив эти указания, я, по осмотре местности, немедленно приступил к составлению проектов, которые я, согласно, желанию князя Вяземского, имел счастье лично представить Государю Императору Александру III в Александрии.

(Помета карандаш.: “в июле 1892 г.” — В. Г.) Рассмотрев означенные проекты, Государь Император тогда же, 6 июля 1892 г., соизволил одобрить их. Предполагая, что проект мой будет исполняться в натуре не мною, а местным архитектором удельного ведомства, я позволил себе тогда же предложить Государю Императору вопрос о том: кому Он приказывает передать проект для исполнения в натуре? В ответ на этот вопрос, Его Величество Государь Император тогда же изволил выразить решительную волю Свою о возложении на меня же исполнения моего проекта в натуре, прибавив к этому, что уплата строительных расходов будет производиться через И. д. Управляющего Деп. Уделов князя Вяземского»¹⁰.

«Затем г. И. д. Управляющего Департамента Уделов, отношением 9-го июля 1892 г. (Помета карандаш.: “№ 7448”. — В. Г.) уведомил меня, что по Высочайшем одобрении составленных мною проектов дворца и в Массандре и служб при нем, мне предстоит дальнейшая детальная разработка сих проектов и главное руководство постройками»¹¹.

«Вследствие этого к постройке Массандровского дворца приставлен был десятник Филат Егоров, а удельный архитектор г. Тербенев с весны 1893 года был заменен моим долголетним помощником по дворцовым постройкам О. Э. Вегенер.

¹⁰ РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1931. Л. 5-6.

¹¹ Там же. Л. 6 об. — 7.

Весною 1893 г. приступлено было к строительным работам по сооружению Массандровского дворца, а также к составлению рисунков для внутреннего его убранства.

Между тем возрастание требований относительно вместительности будущих служб делало необходимым заблаговременно озаботиться о выяснении вопроса: не потребуются ли еще некоторые помещения. <...> На доложенный запрос мой по сему предмету князь Вяземский сообщил мне, что Государь Император Александр III изволил приказать устроить вблизи дворца помещения для г. Министра Двора, Гофмаршала и Свиты, отдельными павильонами.

Затруднительность моего положения, вызванная малоразмерностью старого здания, отсутствием точно установленной программы и трудностью согласовать исполнение намерений Государя Императора с возрастающими требованиями дворцового обихода, все увеличивалось и, без всякого моего желанья, дошла до сведения Государя Императора Александра III, который в беседе с гостившим в Царском Селе профессором А. П. Боголюбовым, изволил вновь выразить Высочайшую волю Свою о непременном исполнении мною Его заказа, о чем г. профессор Боголюбов, по приказанию Государя Императора, тогда же поставил меня в известность.

Изготовленные мною затем, к лету 1894 года, рисунки внутреннего убранства Массандровского дворца были мною представлены, чрез г. Министра Двора, на рассмотрение Его Величества Государя Императора Александра III, который еще во время одной из прогулок по Массандровскому парку соизволил милостиво упомянуть о рассмотрении этих рисунков.

Затем, после кончины Государя императора Александра III, Главное Управление Уделов, отношением 12-го ноября 1894 г., уведомило меня, что никаких флигелей – ни кухонных, ни конюшенных не требуется, а нужны будут только так называемая приспешная кухня и достаточно просторный сторожевой дом для помещения лица, которому будет поручен надзор за дворцовыми постройками, с несколькими лишними, на всякий случай, комнатами; а затем, когда мною уже был составлен план означенного сторожевого дома, уведомило меня о воследовавшем, 23 января 1895 года, по всеподданейшему докладу г. Министра Двора, Высочайшем повелении следующего содержания: “Достроить дворец и окончить внутреннее его убранство, никаких новых построек не возводить”.

Во исполнение этого Высочайшего повеления, к постройке служебных флигелей, кухонного и конюшенного, а также сторожевого дома не было приступлено, а работы сосредоточены на достройке самого дворца и кончании внутреннего его убранства по вышеупомянутым рисункам»¹².

Архитектор обратил внимание князя Л. Д. Вяземского на необходимость «теперь же построить отдельное помещение для парового котла и динамо-машины»¹³.

«Получив на это сперва отказ, а затем разрешение, я составил особый проект такого здания, который, по утверждению его осенью 1898 года, мною исполнен был в натуре в течение 1899 и 1900 годов.

Осенью же 1898 года, ныне благополучно царствующий Государь Император во время посещения постройки Массандровского дворца, соизволил изъявить Свое согласие на сооружение стенок около дворца, в видах предохранения площадки, на которой построен дворец, от земляных обвалов и размывтия дождем.

В настоящее время работы как по внешней, так и по внутренней отделке дворца приведены почти к концу и исполнены с таким старанием, так солидно и добросовестно, что он, как я надеялся, вполне могут оправдать оказанное мне Августейшим заказчиком милостивое доверие»¹⁴.

«К этому считаю долгом присовокупить, что проектированный мною, согласно вышеприведенному отношению Главного Управления Уделов от 12 ноября 1894 г. за № 1291, сторожевой дом, для смотрителя здания дворца, с несколькими запасными комнатами, окажется, как я полагаю, положительно необходимым. Равным образом было бы весьма желательно, чтобы, для более удобного подъезда ко дворцу, существующая в натуре дорога, заставляющая круто поворачивать экипаж, была несколько изменена и чтобы прекрасная вода “церковного ключа”, служащая, отчасти, для снабжения дворца, была проведена по гончарным или железным трубам, вместо ныне существующего открытого желоба, не предохраняющего этот родник от засорения и случайного заражения»¹⁵.

¹² РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1931. Л. 7 об. — 9 об.

¹³ Там же. Л. 9 об. — 10.

¹⁴ Там же. Л. 10-10 об.

¹⁵ Там же. Л. 11-11 об.

В заключение своей обширной записки М. Е. Месмахер предложил произвести с ним расчет за труд по проектированию и организации работ в Массандре в размере 15% от общей стоимости работ¹⁶. Запрошенный высокий гонорар и предложения архитектора по завершению строительства и отделке дворца вызвали обсуждение чиновников ведомства о целесообразности тех или иных работ. В составленной управляющим имением в Верхней Массандре В. Н. Качаловым (1864–1941) справке было указано, что *«всего на постройку Дворца и машинного здания, вместе с вознаграждением технического персонала при работе должно быть израсходовано до 827026 руб.»*¹⁷

Профессор архитектуры М. Е. Месмахер, примерно с 1896 года проживавший со своей семьей в Дрездене и приезжавший в Россию для решения тех или иных оставшихся вопросов, был озабочен вопросами окончательных расчетов с ним по разным постройкам в России. Очевидно, что это было связано с необходимостью значительных средств на строительство собственного дома в живописных окрестностях Дрездена – Ловшице. Кроме расчетов по строительству дворца в Массандре, архитектор сумел добиться получения гонорара за работы по проектированию и строительству дворца великого князя Михаила Михайловича на Адмиралтейской набережной¹⁸.

Однако наиболее сложным и неприятным оказался вопрос о получении им вознаграждения за многочисленные работы по заказу двора великого князя Владимира Александровича, которые архитектор производил на протяжении нескольких лет. К сожалению, окончательного и справедливого расчета архитектор не смог добиться. Этого же не смогла сделать и его вдова – В. А. Месмахер (урожденная Андрэ, 1865–1918), возвратившаяся с детьми в Россию после скоропостижной смерти супруга в 1906 году. Показательная переписка по данному вопросу также хранится в фонде придворной конторы великого князя в РГИА¹⁹.

О ходе и завершении строительных и отделочных работ по Массандровскому дворцу сообщает записка от 6 декабря 1900 года

¹⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1931. Л. 11 об. – 13 об.

¹⁷ Там же. Л. 32 об.

¹⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 40. Д. 38.

¹⁹ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 728.

управляющего имением В.Н. Качалова. Она же дает важные пояснения по предполагаемому использованию тех или иных помещений и окончательным решениям по их отделке²⁰. С целым рядом сокращений и упрощений внутренней и наружной отделки здания дворец в Массандре был достроен и содержался из удельных средств. Император Николай II не планировал использовать Массандровский дворец для собственного проживания в Крыму. Для этих целей использовались старинные дворцовые постройки в Ливадии, где в 1910–1911 гг. по проекту ялтинского архитектора Н.П. Краснова (1864–1939) был построен новый большой дворец в приемах неоренессанса.

Императорская резиденция в Массандре не состоялась в том представлении, каким ее видели император Александр III и зодчий Максимилиан Месмахер. Замечательная постройка, тем не менее, претерпев немало утрат в советский период, остается одной из самых ярких достопримечательностей южного берега Крыма.

---

²⁰ РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1931. 1890–1903 гг. Л. 33–35 об.

Дворец в Массандре. Главный фасад.
Фотография Я. Вадарского. 1902 г.
(РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 2132. Л.109Б)

Дворец в Массандре. Садовый фасад.
Фотография Я. Вадарского. 1902 г.
(РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 2132. Л.109В)

М. З. ГИБАДУЛЛИН, А. Р. НУРИЕВА

Протекционистская политика Александра III и промышленная модернизация в периферийных губерниях России (на материалах Казанской губернии)

Аннотация: С.Ю. Витте в своих воспоминаниях дал высокую оценку экономической политике императора Александра III и, прежде всего, политике покровительства отечественной промышленности, в результате которой в ней завершился промышленный переворот. В рамках статьи поставлена цель – проанализировать процесс модернизации промышленного сектора экономики Казанской губернии, типичной российской провинции в ментальном, хозяйственном и социально-культурном отношениях, далекой от бурно развивающегося, экономического и делового Центра.

Ключевые слова: этапы промышленного переворота, фабрично-заводская промышленность, мануфактура, третичный сектор экономики.

В годы царствования Александра III в Российской империи, как известно, было издано два сборника с подробным описанием функционировавших на дату переписи (1883 и 1890 годы) промышленных заведений¹. Проведенное авторами сравнение данных, опубликованных в указанных печатных изданиях, с первичными материалами, отложившимися в фондах Государственного архива Республики Татарстан, позволило сделать вывод о высокой степени их идентичности². Уточненные и дополненные по архивным документам они послужили эмпирической базой исследования.

На период сравнительно непродолжительного правления Александра III выпали два тяжелых экономических кризиса. Первый начался в 1882 и продолжался до 1887 года. Этот кризис имел всеобщий характер и затронул практически всю промышленность. Вторым кризис был связан с неурожаями 1891–1892 годов. Он сильнейшим

---

¹ Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского: материалы для фабрично-заводской статистики. СПб., 1887; Орлов П.А., Будагов С.Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России: Материалы для фабрично-заводск. статистики. СПб., 1894.

² Подробная характеристика архивных материалов торгово-промышленной статистики см.: Гибадуллин М.З. Источники по истории торговли и промышленности Казани во 2-й половине XIX – начале XX веков // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Казань, 2004. С. 339–344.

образом ударил по сельскому хозяйству страны и связанным с ним отраслям промышленности³.

Но, несмотря на ухудшение количественных показателей состояния экономики в период острых фаз кризиса, в целом, экономическое развитие Российской империи в годы правления Александра III шло по восходящей траектории. В особенности это касалось качественных изменений в промышленном производстве и обновления основных производственных фондов промышленности, свидетельствовавших об успехах модернизации реального сектора национальной экономики. Эти тенденции позволили американскому исследователю П. Грегори отметить: *«Структурные перемены дают дополнительные подтверждения того, что после 1880 г. Россия пережила современный экономический рост...»* Автор датирует этот экономический рост 1883–1887 годами⁴, то есть он пришелся практически на всю первую половину царствования государя Александра III. Изменения происходили не только в столицах, но и в российской провинции.

Казанская губерния располагалась на Востоке Европейской России. Общая площадь региона составляла 5 828 345,65 десятины, а численность населения за тринадцать лет царствования Александра III возросла на 10,5 процентов и составила 2,1 млн. человек.

Хотя губерния и являлась аграрным регионом, «захолустьем» отнюдь не считалась. Казань, будучи губернским центром, вызывала восхищение современников своей красотой, аккуратностью, восточным колоритом. Л. А. Тихомиров, русский философ, участник революционного движения, поделился такими впечатлениями о городе: *«Но когда мы добрались наконец до настоящей Казани, то впервые после Москвы почувствовали себя в большом, благоустроенном городе. Недаром она называлась столицей Поволжья.»*

В 80-х годах города наши были сравнительно с нынешними очень малолюдны. <...> На Волге только Саратов был многолюднее Казани.

³ Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1997. С. 336–337; Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. М., 1955. С. 141, 161–162, 164–165, 174.

⁴ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и идеи. М., 2003. С. 25, 65.

Но по одному числу жителей нельзя измерять значение города. Казань была центром большой торговли. Ее промышленность давно установилась прочно. В ней было два высших учебных заведения – университет и духовная академия, оба старые, богато снабженные, с огромными библиотеками, уже занимавшие видное место в русской науке. Казанский кремль – один из замечательнейших в России. Улицы были прекрасно обстроены домами в два и три этажа. Город был очень оживлен, и его прекрасные магазины показывали большое количество зажиточного населения. Вообще, в Казани сразу чувствовалась столица обширного края...»⁵

К 1884 г. в губернии уже завершился первый этап промышленного переворота, в рамках которого механизация производства коснулась в основном наиболее крупных предприятий, представлявших ведущие отрасли промышленности края. По нашим подсчетам к этому времени в губернии 26 заведений имело в общей сложности 45 паровых машин и паровых двигателей. Их совокупная мощность составляла 732 лошадиных сил. К числу технически наиболее оснащенной отрасли местной промышленности относилась пищевкусовая. В ней 12 предприятий (46%) было оснащено паровой двигательной техникой общим числом 17 единиц (38%) и мощностью 356 лошадиных сил (49%). В химической промышленности 4 предприятия (15%) имели 12 (26%) паровых машин общей мощностью 104 лошадиных сил (14%). Механизация производства затронула также легкую и деревообрабатывающую промышленность (см. таблицу 1).

Большинство механизированных предприятий находилось в губернском центре и Спасском уезде. Кроме того, предприятия с паровыми машинами имелись в Козьмодемьянском, Мамадышском, Свияжском, Чистопольском и Чебоксарском уездах.

На 26 предприятиях с паровыми машинами трудилось 3807 человек (около 40% всей рабочей силы, занятой в производстве) и производилось промышленной продукции на сумму 7356840 рублей (более 40% от общего объема промышленного производства).

---

⁵ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. М., 2000. С. 306–307.

**Таблица 1. Энерговооруженность предприятий
Казанской губернии в 80-х гг. XIX в.⁶**

Отрасль	Число механизированных предприятий		Число паровых машин		Мощность	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Пищевкусовая	12	46	17	38	356	49
Химическая	4	15	12	27	104	14
Машиностроительная и механическая	4	15	7	15	84	11
Деревообрабатывающая	3	12	4	9	100	14
Легкая	3	12	5	11	88	12
Итого	26	100	45	100	732	100

Второй этап промышленного переворота в регионе Казанского Поволжья, который хронологически начинается в годы правления Александра III, характеризовался его распространением вширь. Этот этап был связан с дальнейшим углублением индустриализации региона, увеличением числа предприятий, оснащенных машинной техникой. Протекционизм укрепил позиции отечественной буржуазии и ускорил процесс капиталистического накопления, в том числе на местном уровне. Благодаря этому возможность приобрести паровые машины и силовые установки имели теперь не только «промышленные тузы», но и предприниматели средней руки, составлявшие в провинции абсолютное большинство.

К 1890 г. уже 40 предприятий края имело в составе своих основных средств паровые машины и иную машинную технику общим числом 63 единицы и мощностью 1058 лошадиных сил. Таким образом, за семь лет число заведений фабрично-заводского типа увеличилось в крае на 53%, число паровых машин на 40%, а мощность двигательной силы на 44,5%⁷.

⁶ Табл. 1 сост. по: Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 2. Оп. 3. Д. 912; Ф. 359. Оп. 1. Д. 73; Орлов П. А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887.

⁷ Подсчитано по: Орлов П. А., Будагов С. Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России: Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб., 1894.

Пищевкусовая отрасль находилась в числе передовых среди прочих производств местной промышленности. На ее долю приходилось 42% предприятий, оснащенных паровой двигательной техникой, треть всех действующих паровых машин и 46,6% их мощности⁸.

Значительный прогресс наблюдался в деревообрабатывающей промышленности края. В ней число предприятий, оснащенных паровой двигательной техникой, увеличилось в 3 раза (составив в итоге 23% от общего числа предприятий фабричного типа), число задействованных паровых машин более чем в 2 раза (до 14%), а мощность двигательной силы почти в два раза (до 18%).

В то же время механизация производства проходила неравномерно. Определенный застой переживала легкая промышленность края. Практически не были затронуты промышленным переворотом кирпичные, спичечные, кожевенные заводы.

В провинции модернизации производства препятствовала нехватка профессионально подготовленного инженерно-технического персонала. Как правило, специалистов по обслуживанию машинной техники приходилось приглашать из столичных городов, крупных промышленных центров, из-за границы.

Таким образом, в развитии промышленности Казанского Поволжья в царствование Александра III отчетливо прослеживались тенденции, характерные для развития национальной экономики в целом: усилилась связь производства с потребностями рынка, все явственнее ощущалась зависимость ее состояния от циклических колебаний, все более возрастающее влияние на конкурентоспособность предприятий оказывал процесс технической модернизации производства.

Начавшийся в провинции промышленный переворот, несмотря на его заторможенность и незавершенность, оказал огромное влияние на ее экономическое развитие. Прежде всего, он способствовал усилению концентрации и централизации производства и капитала. В Казанской губернии высокая степень концентрации производства сложилась в химической и легкой промышленности. Слабее, но все же достаточно четко она была выражена в пищевкусовом и кожевенном

---

⁸ Орлов П. А., Будагов С. Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России: Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб., 1894.

производстве. Лучше оснащенные фабрики и заводы постепенно вытесняли с рынка мануфактуры, ремесленные заведения и кустарей.

Под нарастающим давлением крупного капитала мелкие предприниматели были вынуждены покидать отрасли материального производства и искать новые сферы приложения своих капиталов. В губернском центре и уездных городах они открывали почтовые конторы, ателье, прачечные, буфеты, фотоателье, кинематограф, ремонтные и инженерно-технические конторы и т.п. Таким образом, промышленный переворот способствовал структурной перестройке всей экономики региона, выделению в ее составе в качестве самостоятельного сегмента сферы нематериального производства и услуг.

Под влиянием промышленного переворота в крае существенно изменилось территориальное размещение промышленности. Казань все больше стягивала на себя промышленное производство. Одновременно Чистопольский и Мамадышский уезды, являвшиеся в прежние годы важными центрами сосредоточения производства, утратили свою роль. Заметное место заняли новые точки экономического роста, в числе которых выделялся, прежде всего, Спасский уезд. Здесь действовала крупная паровая мельница, принадлежавшая купцам братьям Блиновым, механический завод акционерного общества «Кавказ и Меркурий».

Вместе с тем укрепление материально-технической базы промышленности в регионе Казанского Поволжья оставалась незавершенной, вследствие чего здесь, наряду с современными промышленными предприятиями, продолжало действовать большое количество архаичных заведений мануфактурно-ремесленного типа. К подобному рода предприятиям относились практически все кожевенные заводы (за исключением заводов Алафузова), ткацкие фабрики (за исключением фабрики Рахматуллина-Субаева), мыловаренные заводы (за исключением завода товарищества «Братьев Крестовниковых»). Как справедливо отметили В.Д. Борисова и А.Ю. Саломатин, для России была характерна *«гипертрофированная концентрация промышленности на весьма скромных территориях»*⁹, что позволяет

---

⁹ Борисова В.Д., Саломатин А.Ю. Индустриализация в Западной Европе и в России в конце XIX века // Журнал историко-экономические исследования. Т. 3. 2003. № 2-3. С. 121.

говорить о наличии промышленно развитых Центра (Московская и Санкт-Петербургская губернии) и Юга (Донбасс) и экономически отсталой периферии.

Характерной особенностью развития промышленности в крае стало наличие одновременно действующих двух тенденций: во-первых, появление на рынке современных крупных промышленных предприятий (завод «Братьев Крестовниковых», льнопрядильная фабрика и кожевенный завод Алафузова и др.), а во-вторых, сохранение большого количества мануфактур, раздаточных контор, ремесленных и промысловых мастерских.

Тем не менее непосредственным следствием протекционистского курса Александра III стала повсеместная модернизация промышленного сектора национальной экономики, затронувшая теперь не только центральные регионы, но и периферию, где начался переход от мануфактурно-промышленной стадии развития к промышленно-мануфактурной.

А. Н. ГРЕБЕНКИН

«Чрезвычайно грустно, что нужно прибегать к подобным мерам...»: участие Александра III в формировании императорской охраны

Аннотация: В статье на основе материалов Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива и Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки показано участие Александра III в формировании императорской охраны. Автор приходит к выводу, что царь-миротворец желал видеть свою охрану немногочисленной и умеющей работать незаметно для окружающих.

Ключевые слова: Российская империя, Александр III, охрана, Дворцовая полиция, Секретная часть.

Трагическая смерть Александра II, который даже после начала народовольческого террора продолжал пренебрежительно относиться к обеспечению собственной безопасности, заставила его наследника обратить пристальное внимание на защиту от покушений. Весной и летом 1881 г. Александр III принял активное участие в разработке новой концепции охраны. 13 мая император, основываясь на предложении министра внутренних дел Н.П. Игнатьева, поручил *«заведование охраной Е. И. Вел. и Августейшего Семейства во время пребывания во дворцах и вне оных, а также и в путешествиях»* своему другу графу И. И. Воронцову-Дашкову. Тогда же вновь назначенному начальнику охраны было приказано разработать проект обеспечения безопасности царя и членов его семьи.

Соответствующая записка, в создании которой приняли участие будущий Главный начальник Охраны е.и. в. генерал-майор Свиты П. А. Черевин и его ближайший помощник жандармский подполковник Е. Н. Ширинкин, была готова к концу июня. На ее экземпляре, в настоящее время хранящемся в фонде Воронцовых-Дашковых в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, имеются собственноручная резолюция и пометки императора, которые позволяют судить о том, какой он видел свою охрану.

Александр III, в целом одоблив проект, в своей резолюции рекомендовал Воронцову-Дашкову переговорить с министром

внутренних дел Н.П. Игнатьевым, который мог сделать свои замечания. Кроме того, царь обратил внимание на то, что в записке ничего не сказано о 1-м железнодорожном батальоне, который был призван играть важную роль в обеспечении безопасности Высочайших особ во время железнодорожных поездок. Наконец, он распорядился *«устроить в загородных дворцах пожарную часть, которой вовсе не существует, а это необходимо»*¹.

Кроме того, несколько пометок были сделаны по тексту проекта. Так, напротив положения, согласно которому Главный начальник охраны назначался Высочайшим указом Правительствующему Сенату, император начертал карандашом: *«Нужно ли это?»* По всей видимости, Александр III не желал открыто объявлять о перестройке и усилении охраны. Далее в записке говорилось о том, что во время пребывания царя в столичных дворцах Дворцовая полицейская команда будет подчиняться одному из офицеров, состоявшему в распоряжении Главного начальника. Александр III, предпочитавший Гатчину Санкт-Петербургу, желал знать, кто будет руководить сотрудниками команды за городом. Наконец, царь с большим сомнением отнесся к возможностям стражников Секретной части (бывшей Охранной стражи III отделения Собственной е.и. в. канцелярии) обеспечивать *«фактическое охранение Особы Его Величества»*. Отчеркнув эти слова, самодержец написал на полях: *«По-моему, именно эти люди совершенно лишние и обязанности своей не могут исполнить»*².

Параллельно с разработкой общей концепции охраны подполковник Е.Н. Ширинкин разрабатывал проект реорганизации бывшей Охранной стражи в Секретную часть охраны. Ставка делалась на принцип исполнения служебных обязанностей незаметно от окружающих. Старшие агенты, получавшие солидное денежное содержание (от 100 до 250 р. в месяц), должны были играть роль богатых дачников, путешественников и т.п. Оклады младших агентов были более скромными (от 30 до 50 р. в месяц). Они маскировались под прислугу, дворников и посыльных, причем наниматели,

¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 58. Разд. II. К. 139. Д. 17. Л. 5.

² Там же. Л. 3.

разумеется, не должны были ничего знать об их принадлежности к охране. Жалованье, которое младшие агенты получали по должности, служившей им прикрытием, шло в их пользу.

Александр III, знавший о том, что за все время существования Охранной стражи в агенты попадали главным образом люди случайные, ненадежные, пившие запоем, крайне небрежно относившиеся к служебным обязанностям, в своей резолюции выразил глубокое сомнение в возможностях реализации идеи Ширинкина. 13 июня он начертил на записке карандашом: «*Все это весьма разумно, но где найти способных на эту службу людей*»³. На то, чтобы царь по достоинству оценил профессионализм Дворцовой полиции, созданной и выпестованной Ширинкиным, потребовались годы.

В первые два года правления Александра III, пока воспоминания об отце, растерзанном бомбой народовольцев, были еще свежи, а угроза нового теракта воспринималась как реальная, самодержец не считал вынужденное ограничение своей свободы чрезмерным обременением. Царь понимал, что от того, в какой мере он будет следовать всем принятым правилам, будут зависеть его собственная жизнь и жизнь близких. По мере того, как страх стать жертвой народовольцев отступал, император начинал относиться к вопросам обеспечения своей безопасности менее терпимо. Все чаще в его резолюциях на проектах документов, а также в записках, адресованных Главному начальнику охраны генералу П. А. Черевину, сквозили недовольство и раздражение.

В 1883 г. военный министр генерал-адъютант П. С. Ванновский поднял вопрос о сокращении наряда от войск, выставляемого вдоль железнодорожного пути на время следования императорского поезда. Для военного ведомства эта обязанность была чрезвычайно обременительной. Так, при путешествии из Санкт-Петербурга в Москву требовалось стянуть к линии 10339 человек, а поездка из Москвы во Владикавказ была сопряжена с выставлением на посты 39349 солдат. Ванновский, ссылаясь на то, что в некоторых местностях нет такого количества частей, чтобы обеспечить выставление наряда, и, следовательно, придется перевозить войска из других округов,

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1328. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

просил «несколько уменьшить число выставляемых для охраны войск, приняв за норму, чтобы на каждую версту протяжения дороги приходилось, в среднем, не более 10 человек»⁴. Царь, к тому времени изрядно утомленный обилием охраны, отнесся к этой идее сочувственно. Можно представить себе, что чувствовал самодержец, когда видел из окна поезда цепь часовых, уходившую за горизонт. На проекте новой «Инструкции войскам, вызванным для охраны экстренных поездов чрезвычайной важности», он написал: «Чрезвычайно грустно, что нужно прибегать к подобным мерам»⁵. Сама инструкция, разумеется, удостоилась Высочайшего утверждения.

Еще большее раздражение вызывали меры предосторожности во время поездок по улицам столицы. Александр III буквально выходил из себя, когда замечал, что его экипаж кто-то сопровождает, причем делает это неумело, обращая на себя внимание не только царя, но и окружающих. 17 января 1883 г. он отправил П. А. Черевину гневное послание следующего содержания: «Сегодня я ездил в Константиновское военное училище и заметил, что туда же приехали за мной полковник Ширинкин и поляк, служащий в охране. Я положительно не желаю, чтобы за мной ездили, когда я выезжаю неофициально и поездка подобных лиц ни к чему не ведет, а, напротив, заставляет обращать внимание публики. Я никому не говорю, куда я еду, так что никто меня и не ожидает там. Прошу вас распорядиться в этом смысле и передать приказания завтра утром. Другое дело, когда мы ездим в театр, на вечер или бал, т.е. официальным образом, тут они должны быть»⁶. Из этой записки можно видеть, что Александр III четко делил все свои поездки на официальные и неофициальные. При этом он считал, что охрана требуется лишь во время официальных поездок, о которых заранее известно большому количеству лиц. Что же касается незапланированных выездов, то царь совершал их как бы в качестве частного лица, которое не нуждалось в сопровождении. Кроме того, Александр III считал, что стремление сопровождать его всегда и повсюду лишь привлечет внимание потенциальных террористов.

---

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 3. Д. 2114. Л. 413.

⁵ Там же. Л. 411.

⁶ РГИА. Ф. 1670. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

Однако ни Главный начальник охраны, ни руководители ее отдельных подразделений не спешили проводить в жизнь желание императора, вполне справедливо полагая, что меры предосторожности во время этих «частных поездок» вовсе не излишни. Сопровождающие периодически попадались царю на глаза, что вызывало у него новые вспышки гнева. 6 февраля 1885 г. Александр III писал Черевину: *«Несмотря на мои частые повторения, что я не желаю, чтобы когда я выезжаю, за мною ездили мушары⁷ и проч., я опять замечаю, что приказание мое не исполняется. Я не знаю, ваши ли это люди или Грессера, но прошу распорядиться, чтобы этого больше не было, как мера совершенно лишняя и конечно ни к чему не ведущая. Я разрешил Грессеру, когда он находит нужным, самому иногда следовать за мною, когда известно, куда я еду, но кроме него я не разрешаю никому (подчеркнуто самим Александром III. — А. Г.), потому что считаю эту меру глупой и весьма неприглядной. Когда я еду по заведениям или госпиталям, всегда все полицейское начальство той местности является туда и конечно этого совершенно достаточно. Прошу в этот раз сделать распоряжения раз навсегда и чтобы не приходилось мне повторять это каждый год снова; мне это надоело. Я никогда не мешаю Вам и Грессеру принимать меры, которые вы находите нужными, но следовать за собой положительно запрещаю»⁸.*

Следует отметить, что санкт-петербургский градоначальник генерал-адъютант П. А. Грессер заслужил доверие Александра III тем, что умел принимать меры безопасности таким образом, чтобы их не замечали ни жители столицы, ни сам император. Преемник Грессера В. В. фон Валь не обладал подобными деловыми качествами, из-за чего неоднократно становился мишенью для жесткой критики со стороны царя. Так, в январе 1893 г. Александр III просил Черевина передать Валью, что его постоянное следование за Высочайшими выездами он считает *«несносным и совершенно лишним»⁹*. Грессер сопровождал императора только по большим праздникам и иногда после балов, причем делал это, по словам главного охраняемого лица, *«незаметно и с умением»¹⁰*.

⁷ Шпионы (франц.).

⁸ РГИА. Ф. 1670. Оп. 1. Д. 34. Л. 3–4.

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ Там же.

В представлении самого царя схема охраны выглядела следующим образом: *«Вам должно быть и встречать там, где мы бываем в публичных местах и где нас ждут, а не ездить постоянно за экипажем»*¹¹.

Судя по всему, Валь так и не понял наставлений императора. В марте 1894 г. Александр III вновь просил Черевина передать градоначальнику, что ему не нужно следовать за царем при Высочайшем посещении учебных заведений и прочих учреждений, за исключением тех мест, которые были подчинены городскому управлению. Император опять сравнивал Валь с Грессером: *«Вообще Валь слишком суетится и суется, там где ему нечего делать и нет того такта и умения, как у покойного незаменимого Грессера, который везде был и никогда не показывался и не выставлялся на вид»*¹².

Император явно тяготился и тем, что его дворцы стали выглядеть как осажденные крепости. До коронации Александр III редко покидал Гатчину. Царь знал, что подданные называют его «гатчинским узником», и это его удручало. В мае 1884 г. он приказал Черевину упразднить полицейские посты в Александрии с тем, чтобы они остались лишь в Нижнем парке Петергофа. Александр III полагал, что для обеспечения безопасности Александрии было достаточно постов, которые выставлялись от Сводно-гвардейского батальона. В Петергофе же, по мнению царя, наблюдалось ничем не оправданное изобилие полиции, стражников и казаков конвоя. Особенно раздражал самодержца чересчур большой наряд конвойцев, которые во время императорских прогулок стогнали публику с дороги и ехали вслед за самодержцем. Император сетовал: *«И без того тошно и невыносимо гулять и кататься при такой обстановке. Излишнее усердие портит это малое удовольствие еще больше»*¹³. Он строго-настрого запретил казакам сопровождать себя и приказал выставлять посты от конвоя только во время прогулок своей супруги Марии Федоровны.

Несмотря на свое нерасположение к охране, царь с большим уважением относился к тем, кто стоял на страже его жизни и здоровья. Так,

¹¹ РГИА. Ф. 1670. Оп. 1. Д. 34. Л. 5 об.

¹² Там же. Л. 7.

¹³ Там же.

он неизменно называл городских Дворцовой полиции околоточными надзирателями, тем самым повышая их статус. Особенно император ценил тех, кто мог исполнять свои обязанности, не показываясь ему на глаза. К их числу относился околоточный надзиратель Дворцовой полиции Терентий Неделин. Прогуливаясь однажды по Гатчинскому парку, Александр III достал папиросу, но спичек ни у него, ни у кого из находившихся рядом не оказалось. Тогда царь громко сказал: «Спички будут, Неделин здесь», «и действительно в эту минуту Неделин как бы вырос из земли, поспешно предстал перед государем, отчетливо произнеся: «Что прикажете, Ваше Императорское Величество». Государь взял у него спички, высказав свое "Спасибо"»¹⁴. За отличную службу Неделин был произведен в коллежские регистраторы и награжден орденом Св. Станислава III степени.

И все же само слово «охрана» царь старался произносить как можно реже. За несколько месяцев до смерти он решил совсем вычеркнуть его из своего лексикона. В мае 1894 г., утверждая штат Дворцовой полиции, император отметил в своей резолюции, что «...желал бы изменить название Охраны, которое меня коробит и весьма не благозвучно»¹⁵. Отныне Главный начальник Охраны е.и. в. стал именоваться Дежурным при Его Величестве генералом. Обязанности генерала Черевина, который сохранил за собой должность главного телохранителя царя-мироотворца, остались неизменными.

Таким образом, Александр III всеми силами стремился к тому, чтобы императорская охрана осуществлялась малыми силами и по возможности незаметно. Царь был последовательным противником осуществления охраны во время поездок и мероприятий, не носивших официального характера. От природы скромный, он не любил лишнего внимания и всеми силами пытался отстоять свое право на приватную жизнь, в которой не было места телохранителям.

¹⁴ РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 207.

¹⁵ РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 4. Л. 84.

№633.

17. Января 1
1883.

Следует и указать в Константинов. Военное училище и замолвить, что туда-то приехали за мной почтов. Мирнобыль и почта сурмануи в охраня. — и по возможности не делая, чтобы за много разданный когда и выдрано не официально и подруга подобная мурь ни во время не ведется а напротив заставляются обращать внимание публики. — и никому не говорю куда и куда, так что никто меня и не волнует так. — Прошу вас рассмотреть в этом смысле и переписать прилагание завтра утром.

Другое дело когда мы идём в театр, на вечер или бал и т.д. официально образом, пусть они делают вид.

А.

Письмо императора Александра III генерал-майору П. А. Черевину об уменьшении охраны при неофициальных выездах царя.

17 января 1883 г.

(РГИА. Ф. 1670. Оп. 1. Д. 34. Л. 1)

#635. 6/5 1885 3
Не шлю вам свою по-
сылку, потому что вы не
знаете, что это за вещь.
Мне за много времени му-
жика и про. у меня за-
мечено это изобретение
не помню. — Я не знаю
вам-ли это можно
Тресера, но прошу распу-
стить, чтобы это было
не было, как и проше
мне написать в конце
и в том же духе. —
Я прошу Тресера, чтобы
он написал проше

може сделать за много
года, потому что вы не
знаете, что это за вещь.
Мне за много времени му-
жика и про. у меня за-
мечено это изобретение
не помню. — Я не знаю
вам-ли это можно
Тресера, но прошу распу-
стить, чтобы это было
не было, как и проше
мне написать в конце
и в том же духе.

4
не могу сделать за много
года, потому что вы не
знаете, что это за вещь.
Мне за много времени му-
жика и про. у меня за-
мечено это изобретение
не помню. — Я не знаю
вам-ли это можно
Тресера, но прошу распу-
стить, чтобы это было
не было, как и проше
мне написать в конце
и в том же духе.
6 февр. 1885.

Записка Александра III генерал-майору П. А. Червину о недовольстве императора
излишними мерами безопасности. 6 февраля 1885 г.
(РГИА. Ф. 1670. Оп. 1. Д. 34. Л. 3, 3 об., 4)

О. В. ДАУЭНГАУЭР, А. С. САДИКОВА

Взаимоотношения Александра III и С. Ю. Витте по воспоминаниям современников

Аннотация: В статье рассматривается катастрофа императорского поезда в 1888 г. в Борках и её влияние на дальнейшую карьеру графа Сергея Юльевича Витте. Анализируются воспоминания современников и их мнения об отношениях между Александром III и С. Ю. Витте.

Ключевые слова: Александр III, С. Ю. Витте, катастрофа, Борки.

17 октября 1888 г. между станциями Борки и Тарановка «...около полудня императорский поезд, состоявший из 15 вагонов и 2 локомотивов, сошел с рельс»¹. В поезде находились император Александр III, его семья и приближенные, которые следовали из Крыма в Петербург. Внезапно почувствовался сильный толчок, за которым последовали другие. Вагон, в котором находился император и его семья развалился с грохотом, «...основание его вместе с колесами скатилось с насыпи, стены сплюснулись и разломились, и только крыша свернулась на одну сторону, прикрыла находившихся в вагоне»². «...Вся крыша столового вагона упала на императора, и он только благодаря своей гигантской силе удержал эту крышу на своей спине, и она никого не задавила»³.

Сразу после крушения поезда император со своей семьей не покинули место трагедии, пока не оказали помощь всем пострадавшим в катастрофе. По приказу Александра III была поднята тревога, после которой в короткий срок на место трагедии прибыло «...около 100 человек нижних чинов 121-го пехотного Пензенского полка со своими офицерами»⁴. Прибывшие военные вместе с Александром III приступили к освобождению раненых и убитых из-под завала вагонов. Важно отметить, что

¹ Плех О. А., Черникова Н. В. Крушение императорского поезда у станции Борки в 1888 г. глазами очевидца // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 162.

² Храм Христа Спасителя и часовня Нерукотворенного Спаса на месте события 17 октября 1888 г. Харьков, 1894. С. 2.

³ Витте С. Ю. 1) Воспоминания. В 3 т. Т. III: Детство. Царствование Александра II и Александра III. (1849–1894). Л., 1924. С. 161; 2) Избранные сочинения 1849–1911 гг. М., 1991. С. 131.

⁴ Грубе В. Ф. Врачебная помощь при крушении императорского поезда 17 октября 1888 г. близ станции Борки. Харьков, 1889. С. 4.

во время спасения раненых начался ливень. Несмотря на это, император принял решение не оставлять раненых, пока все они не будут перенесены в вагоны для их транспортировки в больницы. Все раненые были доставлены в различные больницы. Александр III лично обошел всех раненых и старался их ободрить словами утешения.

Для расследования дела о крушении поезда был вызван А. Ф. Кони. В своих воспоминаниях он отметил: «18 октября 1888 года я прочел утром в газетах телеграмму о крушении Императорского поезда...»⁵ и упомянул, что в катастрофе было большое количество человеческих жертв. Информация не замалчивалась, о происшествии было написано уже на следующий день в газетах. А. Ф. Кони подчеркивал, что «при этом Александр III выказал удивительное самообладание и, почти тотчас после своего спасения, всецело отдался заботам о подании помощи стонавшим и мучившимся раненым, некоторые из которых умерли у него на глазах, выражая радость о его спасении»⁶. Сострадание и беспокойство императора о жертвах крушения отмечал и В. Ф. Грубе: в ответ «на мое заявление, что раненые, находящиеся в факультетской клинике, в которой я состою директором, жаждут увидеть всю Царскую Семью, Его Величество изволил спросить меня, как далеко до моей клиники, и, узнав, что не больше пяти минут езды, изволил объявить, что сейчас туда поедет»⁷. И даже когда императорская семья уже находилась в Петербурге, по словам Грубе, его «...ежедневно запрашивали по телеграфу из Гатчины и Аничкова дворца о состоянии здоровья раненых, оставленных в моей клинике и других Харьковских больничных помещениях»⁸.

Во время расследования дела о крушении императорского поезда в Борках был допрошен и С. Ю. Витте. Согласно протоколу, он отмечал, что поезд особой важности ехал по Юго-Западным железным дорогам три раза. «В течение всех трех раз я все время сидел на отведенном мне месте, на балконе вагона Министра Путей Сообщения»⁹. Витте говорил о том, что при первых двух поездках никаких неисправностей он не замечал. Но далее он указал, что «...при третьем проезде,

⁵ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 564. Оп. 1. Д. 203. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Грубе В. Ф. Воспоминание об императоре Александре III. СПб., 1898. С. 12.

⁸ Там же.

⁹ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 558. Л. 1.

как только поезд отошел от Ковеля, я заметил стук в вагоне, как раз под тем местом, где я сидел»¹⁰. После этого Витте подал заявление, в котором просил уменьшить скорость поезда при третьем следовании.

В один из дней Витте резко высказался, что «...пусть другие поступают, как знают, а я не согласен подвергать опасности жизнь Государя. В конце концов вы сломаете ему шею»¹¹, что было сказано громко и как отметил Кони, император скорее всего это услышал. Позже, вспоминая об этом случае, Вышнеградский говорил о желании Александра III «...сделать его Директором Нового Железнодорожного Департамента и прочить его на еще более высокое место»¹².

Уже «с ноября все пришло в первобытный вид, и следы крушения отошли в область истории»¹³, записал в своих воспоминаниях Кони.

После крушения императорского поезда Александр III вспомнил о словах Витте и его замечании, что поезд двигался с большей скоростью, чем ему следовало. В своих воспоминаниях Сергей Юльевич пишет, что император «...таких людей по характеру любит, и настоял, чтобы меня назначить директором департамента железнодорожных дел»¹⁴. Но «так как Витте на посту управляющего частным Обществом Юго-Западных железных дорог получал более 50 тыс. руб. в год, а на казенной службе жалованье директора департамента составляло всего 8 тыс., император согласился доплачивать Витте ещё 8 тыс. “из своего кошелька”»¹⁵. «В 1889 г. Витте был назначен директором Департамента железнодорожных дел и вопреки всем канонам “Табели о рангах” сразу произведен в чин действительного статского советника»¹⁶. Именно с этого происшествия и началась карьера С. Ю. Витте. Позже в 1892 г. Витте был назначен управляющим Министерством путей сообщения, а в 1893 г. — министром финансов.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 558. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 66. Л. 4 об. — 5.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 203. Л. 15.

¹⁴ Витте С. Ю. 1) Воспоминания... С. 170; 2) Избранные сочинения... С. 139.

¹⁵ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000. С. 45.

¹⁶ Хвостова И. А. С. Ю. Витте: путь к успеху (вторая половина XIX века) // Культура. Духовность. Общество. 2016. № 27. С. 81.

В своих воспоминаниях К. Головин так же отмечал, что во время поездки царской семьи «...С. Ю. Витте удалось произвести на Государя чересчур выгодное впечатление и подготовить почву к будущей своей диктатуре»¹⁷. Также, обращаясь к воспоминаниям В.П. Мещерского, можно узнать, что Вышнеградский императору «...высказал мнение, что Витте, несмотря на его сравнительно молодой возраст, мог бы быть ему чрезвычайно полезным, как знаток железнодорожного дела и как крупный административный ум»¹⁸. Потом Александр III также поинтересовался и мнением Мещерского о Витте. Возвышение последнего после железнодорожной катастрофы было очевидным для многих современников.

В своих воспоминаниях А.Ф. Кони писал, что, встретившись в 1898 году с Витте снова, все стало совершенно иначе. «В это время выдавшаяся и замечательная государственная деятельность Витте была уже в полном разгаре. Влиятельный министр, пользовавшийся особым доверием Александра III, настоящий государственный человек с широкими горизонтами и смелыми задачами...»¹⁹

Отношения между императором и Витте были уважительными и доверительными. В своих воспоминаниях Сергей Юльевич пишет, что Александр III, «...передавая мне нечто вроде брошюры или докладной записки, говорит: “Пожалуйста, прочтите эту записку и скажите мне ваше мнение по этому предмету”»²⁰. Из этого можно увидеть, что Александр III считал Витте человеком умным и доверял его мнению по различным делам. Вместе с тем А. В. Богданович в своем дневнике 1 мая 1892 г. записала: «про Витте говорят, что государю он очень нравится, но Данилович, говоря о нем, пожимает плечами и говорит: – “Теперь у нас спрос на нравственный ценз очень понизился”»²¹. В свою очередь А. С. Суворин 25 января 1893 г. писал о Витте, что «когда делают доклад, он смотрит вверх, точно мечтает о вещах не от мира сего или о величии своего призвания. Когда говорят с ним, – почти не отвечает.

¹⁷ Головин К. Мои воспоминания (1881–1894 гг.). В 2 т. СПб., 1910. Т. 2. С. 182.

¹⁸ Мещерский В.П. Мои воспоминания (1881–1894 гг.). В 3 Ч. СПб., 1912. Ч. 3. С. 359–360.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 66. Л. 5 об.

²⁰ Витте С. Ю. 1) Воспоминания... С. 225; 2) Избранные сочинения... С. 178–179.

²¹ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М. – Л., 1924. С. 160.

Царю, говорят, нравится его авторитетная манера»²². Влияние это заметил и Кони: Витте провел «...денежную реформу, минуя Государственный Совет и развивая в ее осуществлении чрезвычайную энергию и замечательный талант»²³.

И. И. Кольшко вспоминал, что в одной из «сред» Мещерского, «Витте говорил о разнузданности путейцев, об оторванности Петербурга от России, о глупости и тупости тех, кто не верил в Россию, о Новом Завете русской экономики, которую только такой царь, как Александр III, и такой министр, как Вышнеградский, могли подарить погрязшей в рутине стране»²⁴. Хорошие личные отношения между Александром III и Витте не нашли продолжения с сыном императора, Николаем II. Кольшко писал о том, что, сравнивая Александра III и его сына Николая II, Витте «...только отмечал, что, если всемогущество давало Александру III вкус к искренности и ощущение покоя, для сына его оно было стимулом фальши и вечного зуда неудовлетворенности»²⁵.

Отношение Витте к Александру III можно проследить по его воспоминаниям. Он писал об Александре III как о великом императоре, главнейшая заслуга которого состоит в том, «...что он процарствовал 13 лет мирно, не имея ни одной войны, кроме самой ничтожной экспедиции в Ахалтеке, но он дал России эти 13 лет мира и спокойствия не уступками, а справедливой и непоколебимой твердостью»²⁶.

Тарле в своём труде отметил, что Сергей Юльевич хвалил императора за его твёрдость, «но эта твердость только потому ему так нравится, что Александр III неуклонно утверждал все, то, что ему подносил на утверждение Витте. Витте, не сознавая того, хвалит твердость никогда не ломавшегося штемпеля, который прикладывался в нужном месте к нужным бумагам: больше ему абсолютно ничего и не требовалось от императорской власти»²⁷. Можно спорить о причинах такого доверия со стороны императора и о мотивах восхищения

²² Суворин А. С. Дневник А. С. Суворина. М., Пг., 1923. С. 19.

²³ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 66. Л. 7.

²⁴ Кольшко И. И. Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009. С. 113.

²⁵ Там же. С. 37–38.

²⁶ Витте С. Ю. 1) Воспоминания... С. 336; 2) Избранные сочинения... С. 266.

²⁷ Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики. Л., 1927. С. 7.

Витте императором, но доверие со стороны Александра III имело место.

Ещё одним важным источником являются воспоминания Н. Е. Врангеля. Врангель вспоминал о дне, когда он создал с Голубевым Общество «Электрическая сила». В Министерстве финансов такую идею поддержали, но попросили Николая Егоровича заручиться поддержкой князя Голицына, наместника на Кавказе. При разговоре с ним Голицын, узнав подробности, был не согласен с тем, что акции могут попасть к иностранцам, и отказывался. Но Врангель указывал на то, что министр финансов уже одобрил. На это Голицын резко выразился, что «Витте масон, а я русский и не разрешу иностранцам грабить Россию»²⁸. Врангель при этом напомнил о речи Витте, в которой упоминалось, что «...Россия без иностранного капитала обойтись не может. Конечно, он бы не сказал этого, если бы Государь был против допущения иностранных капиталов»²⁹. Но Голицын отвечал: «Да что Государь! Он сам не знает, что хочет. Он по дудке Витте пляшет. Тряпка!»³⁰. Из данного отрывка, можно увидеть, что отношение к Витте было неоднозначным и стремительное возвышение его пришлось некоторым не по нраву.

П. Н. Милюков отмечал, что на Витте в правление Александра III смотрели как на «...чужака, пришельца из другой, более демократической среды, а потому как на человека подозрительного – и даже опасного»³¹. Витте относился к людям с презрением, но они должны были относиться к нему с вежливостью, так как он был человеком, близким к императору. И как писал Милюков, «при Александре III этот фавор закреплялся самими этими особенностями Витте. Грубоватый тон и угловатая речь импонировали императору и отвечали его собственной несложной психике. Упрощенные объяснения Витте были ему доступны, настойчивость – убедительна, а оригинальность и смелость финансово-экономической политики оправдывалась явным успехом»³².

²⁸ Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики... С. 7.

²⁹ Врангель Н. Е. Воспоминания от крепостного права до большевиков... С. 282.

³⁰ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 214.

³¹ Там же. С. 214.

³² Там же. С. 213.

Фигура Витте безусловно яркая и неоднозначная. Большинство современников говорили о том, что после катастрофы в Борках его карьера начала свое стремительное движение вверх. Полярность оценок поражает: от признания его государственного ума и талантов до определений «масон» и «вредный тип». В заключение можно сказать фразу П. Н. Милюкова о Витте: *«Это был редкий русский самородок – со всеми достоинствами этого типа и с большими его недостатками»*.

М. О. ЖУРАВЛЕВА

Об истории формирования Собственной его императорского величества охраны и роли в ней полковника Петра Васильевича Зиновьева

Аннотация: В статье рассказывается об основных вехах служебной деятельности начальника Дворцовой полицейской команды Собственной его императорского величества охраны Петра Васильевича Зиновьева (он стоял во главе данного подразделения в 1881–1884 гг.) по существу – создателя Дворцовой полиции, подразделения, которое выполняло возложенные на него задачи вплоть до упразднения в апреле 1917 года.

Ключевые слова: Александр III, П. А. Черевин, П. В. Зиновьев, Собственная его императорского величества охрана, Дворцовая полицейская команда, Дворцовая полиция.

Социально-экономическое преобразование страны, порожденное реформами Александра II, вместе с тем сопровождалось кризисными явлениями в обществе и государстве, которые были усугублены новой тактикой антиправительственной борьбы – политическим терроризмом. Апогеем последнего стало убийство 1 марта 1881 года российского императора Александра II.

Трагедия повлекла за собой не только пересмотр политического курса развития страны наследником российского престола Александром III, но и глубокую трансформацию системы государственной и общественной безопасности, повлекшую изменение в распределении полномочий структур, задействованных в решении ее задач. Это вылилось, в том числе, в создание отдельного государственного института – Собственной его императорского величества охраны (Далее – Собственной е.и. в. охраны).

Следует отметить, что до революции 1917 года деятельность Собственной е.и. в. охраны не являлась предметом широкого обсуждения. Тем не менее, в начале XX века были опубликованы полковые истории воинских частей, обеспечивающих непосредственную безопасность Российских императоров¹. В них достаточно подробно

¹ Леонтьев П. П. Историческая записка 1-го железнодорожного батальона. 1881–1901. СПб., 1902; Сводно-гвардейский батальон, а ныне Собственный Его Императорского Величества сводный пехотный полк на страже у царского трона. СПб., 1909; Петин С. И. Собственный Его Императорского Величества конвой. 1811–1911. СПб., 1911; Гринев С. А. История роты дворцовых гренадер. СПб., 1912.

рассказывается о несении службы, связанной с охраной императорской фамилии, командирах подразделений, быте военнослужащих. Однако публикаций о деятельности Дворцовой полиции и ее руководстве издано не было.

В настоящее время деятельность первых руководителей Собственной е.и. в. охраны Александра III графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова и генерал-адъютанта Петра Александровича Черевина освещены достаточно полно. Вместе с тем существует плеяда руководителей структурных подразделений Собственной е.и. в. охраны, имена которых сейчас известны только энтузиастам-исследователям, но кого в свое время глубоко ценил и уважал Александр III.

Одним из таких руководителей являлся полковник Петр Васильевич Зиновьев, заложивший основные принципы служебной деятельности Дворцовой полицейской команды, на которых впоследствии и Дворцовая полиция выстраивала свою деятельность.

С первых дней царствования Александра III одним из основных вопросов государственной власти стал вопрос об обеспечении ее безопасности. Параллельно с патриотическим движением по охране императора, получившем название «Священная дружина», под руководством графа И.И. Воронцова-Дашкова начала формироваться профессиональная охрана Александра III, взявшая на вооружение принципы упреждения угрозы и осуществления гласного и негласного надзора в местах пребывания императора².

11 августа 1881 года Александр III утвердил «Положение об охране Его Величества», а через месяц, 3 сентября 1881 года, своим именованным указом назначил руководителем Собственной е.и. в. охраны генерал-адъютанта Петра Александровича Черевина, занимавшего на тот момент должность помощника министра внутренних дел.

Исходя из новых принципов формирования охраны (в разработке которых, кстати, Александр III принимал самое непосредственное участие³), в состав Собственной е.и. в. охраны вошли четыре

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 919. Оп. 2. Д. 227. Л. 29–32 об.

³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 58. Карт. 139. Ед. хр. 17 (Воронцов-Дашков, гр. Илларион Иванович. Записка (проект) об организации охраны императора).

подразделения. Два воинских подразделения по линии военного ведомства – Сводная гвардейская рота и 1-й железнодорожный батальон, и два подразделения по линии Министерства внутренних дел – Дворцовая полицейская команда и Секретная часть, которые в 1884 году были объединены в Дворцовую полицию. Слияние данных подразделений произошло сразу после ухода в отставку по болезни начальника Дворцовой полицейской команды полковника П. В. Зиновьева.

Зиновьев в правоохранных кругах того времени был известен тем, что лично участвовал в задержании народника А. К. Соловьева, стрелявшего в Александра II 2 апреля 1879 года на набережной реки Мойки недалеко от Дворцовой площади. На тот момент он являлся приставом 1-го участка Адмиралтейской полицейской части, в ведении которой находилась Дворцовая городовая стража, охранявшая Зимний дворец⁴.

Биография Петра Васильевича примечательна событиями, но вместе с тем она достаточно типична для чинов полиции и жандармского корпуса тех лет. Военная служба, участие в боевых действиях, переход на службу в правоохранные органы царской России.

П. В. Зиновьев, как и начальник Собственной е.и.в. охраны П. А. Черевин, являлся уроженцем Костромской губернии. Родился 3 июня 1835 года, дворянин. После окончания Костромской гимназии в ноябре 1853 года в возрасте 18 лет поступил на военную службу унтер-офицером в Суздальский пехотный полк и уже в апреле 1854 года получил первое боевое крещение. Прошел Крымскую военную компанию с сентября 1854 года по март 1856 года. С марта по май 1855 года в составе Севастопольского гарнизона участвовал в обороне Севастополя. Был контужен. В июне 1861 года в возрасте 26 лет в чине поручика уволился с военной службы по семейным

⁴ РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 37 (Штаты Дворцовой полиции май 1881 г. – февраль 1915 г.); Д. 1404 (Обзор истории и штаты Дворцовой полиции за период с 1861 по 1911 гг.). Дворцовая городовая стража была создана в 1861 году. На нее было возложено поддержание общественного порядка на ближайших к императорским дворцам территориях и в местах прогулок императора, а также обеспечение пропускного режима в резиденциях.

обстоятельствам. Будучи на гражданской службе, в 1862 и 1866–1867 годах, ему довелось временно исполнять административные должности пензенского, ковенского полицмейстеров. Эти обстоятельства, по всей видимости, повлияли на дальнейший выбор им рода деятельности. В январе 1868 года П. В. Зиновьев поступил на службу в Санкт-Петербургскую полицию. В этом же году он стал помощником пристава 1-го участка Спасской полицейской части. В феврале 1869 года он был восстановлен на военной службе в звании поручика с зачислением по армейской пехоте. Через девять лет, в 1878 году, майор П. В. Зиновьев стал приставом Адмиралтейской полицейской части (до 1868 года — 1-й участок Адмиралтейской полицейской части) Санкт-Петербурга и в его ведении оказалась Дворцовая городовая стража, осуществлявшая охрану Зимнего дворца. 2 апреля 1879 года он участвовал в задержании А. К. Соловьева, покушавшегося на жизнь Александра II во время прогулки. За спасение Александра II П. В. Зиновьев получил звание подполковника, золотую медаль на Владимирской ленте «За спасение погибавших». По высочайшему повелению, для троих из четырех его сыновей на восемь лет было назначено детское пособие в размере трехсот рублей в год⁵.

С июля 1880 года Зиновьев приступил к исполнению обязанностей начальника Санкт-Петербургского полицейского резерва⁶, которые он осуществлял до назначения его начальником Дворцовой полицейской команды 18 октября 1881 года⁷.

Здесь необходимо отметить, что после трагической гибели отца император Александр III вместе с семьей 27 марта 1881 года

---

⁵ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 8. Л. 23–29 об. (Послужной список полковника Петра Васильевича Зиновьева).

⁶ Санкт-Петербургский полицейский резерв образован в 1867 году. Был предназначен для оказания поддержки столичной полиции во время массовых мероприятий, забастовок и при патрулировании города. Полицейский резерв также постоянно привлекался для усиления постов Дворцовой городской стражи. При Резерве имелась полицейская школа для подготовки нижних чинов полиции — околоточных и городских.

⁷ В соответствии с послужным списком (См.: РГИА Ф. 1328. Оп. 2. Д. 8) на должность начальника Дворцовой полицейской команды П. В. Зиновьев назначен 18 октября 1881 г. Вместе с тем в письме П. В. Зиновьева от 16 июня 1881 г. его должность указана как «заведывающий» охраной г. Петергофа (РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 258. Л. 1).

переезжает в резиденцию в городе Гатчине. Общее руководство Дворцовой городской стражей, переведенной из Санкт-Петербурга для охраны гатчинской резиденции, осуществлял полковник Антонов. Он на тот момент являлся приставом Адмиралтейской полицейской части, и ему в отношении постовой службы подчинялась Дворцовая городская стража. По идее он должен был возглавить полицейское подразделение в создаваемой новой охране Александра III. Но судьба распорядилась иначе, Антонов был заменен на подполковника П. В. Зиновьева. В. С. Кривенко, помощник графа И. И. Воронцова-Дашкова, отвечавшего в этот период за организацию охраны Александра III⁸, так описывал это в своих воспоминаниях: «Полковник Антонов хитрый, но бестактный и грубый полицейский, быстро стал невыносим Воронцову, на его место прислали из Петербурга очень мягкого, даже слащавого подполковника Зиновьева, грудь которого была украшена золотой медалью “За спасение погибавших”»⁹.

Как отмечалось, подполковник П. В. Зиновьев более двух лет осуществлял руководство Дворцовой городской стражей и хорошо знал специфику деятельности данного подразделения и все его проблемы изнутри. В охрану Александра III он был отозван с должности начальника Санкт-Петербургского полицейского резерва, подразделения, которое на регулярной основе принимало участие в усилении постов Дворцовой городской стражи, о чем П. В. Зиновьев отмечал в письме на имя графа И. И. Воронцова-Дашкова¹⁰.

При формировании Дворцовой полицейской команды Зиновьев постарался учесть все проблемные моменты, существовавшие в Дворцовой городской страже на тот период времени. По его предложению штатная численность планируемого подразделения была увеличена с 42 до 100 человек, введены должности старшего и младшего околоточных надзирателей, на которых возлагался непосредственный контроль над деятельностью Дворцовой полицейской

⁸ НИОР РГБ. Ф. 230. Карт. 4390. Ед. хр. 1. В письме к обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву от 30 марта 1881 года градоначальник Санкт-Петербурга Н. М. Баранов уведомлял, что граф И. И. Воронцов-Дашков назначался начальником охраны императора.

⁹ Кривенко В. С. В министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006. С. 148.

¹⁰ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 258. Л. 1 об.

команды. Им же был осуществлен подбор людей в Дворцовую полицейскую команду¹¹.

Назначение П. В. Зиновьева начальником Дворцовой полицейской команды в создаваемую Собственную е.и. в. охрану определялось, в первую очередь, его профессиональными качествами полицейского. Он прекрасно разбирался в особенностях организации охраны императорских резиденций, умел работать с подчиненными и обладал способностью правильно подобрать и расставить личный состав для несения службы.

Интересны обстоятельства увольнения в сентябре 1884 года П. В. Зиновьева в отставку. Сейчас сложно сказать, чем на самом деле руководствовался начальник Собственной е.и. в. охраны генерал-адъютант Петр Александрович Черевин, когда принимал решение о выплате повышенной пенсии П. В. Зиновьеву за счет сокращения его должности начальника Дворцовой полицейской команды. Возможно, помимо «долговременной, полезной и примерно-усердной службы» П. В. Зиновьева это было связано с тем, что они являлись земляками (оба родом из Костромы и практически ровесники). Однако факт остается фактом. Начальник Собственной е.и. в. охраны генерал-адъютант П. А. Черевин ходатайствовал перед Александром III о выплате полковнику П. В. Зиновьеву пожизненной пенсии в размере трех тысяч рублей в год и производстве его в чин действительного статского советника¹². Часть денег на пенсию П. А. Черевин предлагал изыскать за счет сокращения должности начальника Дворцовой полицейской команды. Сама команда переподчинялась полковнику Отдельного корпуса жандармов Евгению Никифоровичу Ширинкину с назначением его на должность начальника Дворцовой полиции. Александр III данное ходатайство утвердил. 23 сентября 1884 года начальник Секретной части в Собственной е.и. в. охране полковник Е. Н. Ширинкин, в соответствии с предписанием главного начальника Собственной е.и. в. охраны генерал-адъютанта П. А. Черевина, принял в свое заведывание личный состав

¹¹ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 258. Л. 1-2.

¹² РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 8. Л. 9-10.

Дворцовой полицейской команды¹³. Как указывалось выше, новое подразделение получило название Дворцовая полиция.

Таким образом, указанные изменения штатной структуры Собственной е.и. в. охраны были вызваны не служебной необходимостью в деле совершенствования организации охраны императора, а желанием генерал-адъютанта П. А. Черевина обеспечить достойной пенсией своего земляка, ветерана обороны Севастополя, заслуженного и уважаемого офицера. Скончался Петр Васильевич 8 июня 1897 года в кругу семьи в возрасте 62 лет от воспаления правого легкого, осложненного отеком легких¹⁴.

В заключение необходимо отметить, что с первых шагов своей практической деятельности Дворцовая полицейская команда заявила о себе как эффективное подразделение в составе Собственной е.и.в. охраны. Созданная на основе Дворцовой городской стражи она на тот момент являлась наиболее опытным подразделением в составе Собственной е.и. в. охраны с 20-летней историей обеспечения безопасности российских императоров. Сформированная П. В. Зиновьевым Дворцовая полицейская команда показала такой запас прочности, что на протяжении всей своей деятельности претерпела минимальные организационные и штатные изменения.

¹³ РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 8. Л. 20.

¹⁴ Там же. Д. 113. Л. 47.

Д. Н. КОПЕЛЕВ

**«Я живу, как машина». Эскиз к «портрету»
великого князя Алексея Александровича¹**

Аннотация: В статье рассматриваются различные аспекты биографии генерал-адмирала Российского флота великого князя Алексея Александровича, четвертого сына императора Александра II. На основании обнаруженных дневниковых материалов, оставленных великим князем, исследуется его неоднозначная и противоречивая фигура, ставшая своего рода символом упадка династии Романовых.

Ключевые слова: Российская история, династия Романовых, императорский двор, великий князь Алексей Александрович, Александр III, источниковедение, Русское географическое общество, Арктика, полярные исследования.

Эту запись 16-летний великий князь Алексей Александрович сделал в своем дневнике 1 декабря 1866 г.: *«Сегодня юбилей Карамзина, 100 лет. Я и братья были в Академии наук, где праздновали этот день. Были сказаны несколько отличных речей: Гротом, кн. Вяземским и Погодиным. Трудно сказать, который из них лучше говорил. Я никогда не думал, что Карамзин был такой великий и умный человек!»*² Открывая для себя величие и масштаб личности выдающегося русского историка, великий князь вряд ли тогда задумывался о своем будущем месте в российской истории и представлял, насколько противоречивые и неоднозначные суждения вызовет он сам³.

***

Писать биографию — дело, в чем-то сходное с работой переводчика. Расставляешь хронологические вехи, выстраиваешь линию исследования, погружаешься в контекст эпохи, пытаешься передать ее атмосферу, уловить черты героя и набросать его «портрет» — все, казалось бы, складывается, но только до определенного момента. Первоначальный «эскиз» претерпевает постоянные изменения: всплывают неизвестные

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00335.

² ОР РНБ. Ф. 890. Ед. хр. 83. Л. 118. О праздновании юбилея М. Н. Карамзина см. подробнее: *Говорухина Ю. А.* Н. М. Карамзин в зеркале юбилейных статей: семиотика и прагматика образа // Слово.ру: Балтийский акцент. 2016. № 3. С. 89–99.

³ Автор приносит благодарность А. Ю. Емелину (РГА ВМФ), С. В. Куликову (СПБНИ РАН) и Е. В. Пчелову (РГГУ) за помощь и ценные советы при подготовке этой статьи.

обстоятельства, противоречивые свидетельства современников, словно фотография, фиксируют детали, захватывают героя врасплох, внося диссонанс в уже, казалось бы, складывающийся «портрет». А если герой живет в переломную эпоху, то задача усложняется в сотни раз.

Ведь нет ничего сложнее, чем кривая упадка. На излете Российской империи, в канун Февральской революции, этот «порочный» зигзаг истории зачастую персонифицировался с генерал-адмиралом флота, великим князем Алексеем Александровичем, любимым дядюшкой императора Николая I, который, опершись на подушки, взирал в глубинах своих роскошных особняков на прекрасных обнаженных дев, осыпанных лепестками роз. Услады «красавчика Брамела», самого, на первый взгляд, «буффонадного» из руководителей Российского флота, председательствовавшего в Императорском обществе покровителей балета, якобы обходились империи «в год по одному броненосцу», и сам «Князь Цусимский, укравший больше, чем утопили японцы», заслужил злобнейшие характеристики от своих современников. При том, что именно «князь Цусимский» более всех возражал против отправления эскадры З.П. Рожественского к берегам Японии, отдавая себе отчет в том, к каким катастрофическим последствиям это может привести. Но, став в глазах общественного мнения виновником всех бед флота, приобрел репутацию деятеля, жизнь которого словно бы целиком составляли «верткие дамы и неповоротливые корабли». Колоритный, фактурный, он ярко выделялся на фоне других представителей дома Романовых, заслужив нелюбезное прозвание «Семь пудов августейшего мяса» — так саркастически «окрестил» великокняжеского моряка капитан 1-го ранга Михаил Ильич Кази, организатор российского судостроения, управляющий Балтийским заводом⁴.

---

⁴ Об Алексее Александровиче см.: Великий князь Алексей Александрович. Некролог // Морской сборник. 1908. № 11; Беломор А. Генерал-адмирал русского флота // Морской сборник. 1909. № 4; Коршунов Ю.Л. Последний генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович // Коршунов Ю.Л. Генерал-адмиралы Российского императорского флота. СПб., 2003. С. 214–306; Белякова З.И. Великий князь Алексей Александрович. За и против. СПб., 2005; Алексей Александрович // Куликов С.В. Сергей Юльевич Витте. Статьи для биографической энциклопедии. СПб., 2022.с. 47–50; Копелев Д.Н. Сожженные страницы // Русский мир. Журнал о России и русской цивилизации. 2024. № 7. С. 30–39; № 8. С. 20–29; № 9. С. 38–47.

Образ, конечно, великому князю создан был неутешительный, далекий от идеала! Причем, справедливости ради следует признать, что сложился он еще до революционных событий 1917 года, и советская идеологическая пропаганда во многом просто отталкивалась от «успехов» предшествующих времен. Особенно, например, преуспел в создании убийственного имиджа своему двоюродному брату его «непримиримый противник» по морскому ведомству, великий князь адмирал Александр Михайлович⁵. Вот, например, отрывок из его «Воспоминаний»: *«Одна мысль о возможности провести год вдали от Парижа заставила бы его подать в отставку. Но он состоял на государственной службе и занимал должность не более не менее, как адмирала Российского Императорского флота. Трудно было себе представить более скромные познания, которые были по морским делам у этого адмирала могущественной державы. Одно только упоминание о современных преобразованиях в военном флоте вызывало болезненную гримасу на его красивом лице. Не интересуясь решительно ничем, что бы не относилось к женщинам, еде или же напиткам, он изобрел чрезвычайно удобный способ для устройства заседаний Адмиралтейств-совета. Он приглашал его членов к себе во дворец на обед, и после того, как наполеоновский коньяк попадал в желудок его гостей, радушный хозяин открывал заседание Адмиралтейств-совета традиционным рассказом о случае из истории русского парусного военного флота... Это беззаботное существование было омрачено, однако, трагедией: несмотря на все признаки приближающейся войны с Японией, генерал-адмирал продолжал свои празднества и, проснувшись в одно прекрасное утро, узнал, что наш флот потерпел позорное поражение в битве с современными дредноутами микадо. После этого великий князь подал в отставку и вскоре скончался»*⁶.

Но у нашего века есть одно печальное преимущество перед прошедшими временами, как сетовал герцог де Ларошфуко, убежденный, что человеку свойственно предаваться порокам. Во все времена он рождается своекорыстным, жестоким, развращенным. Но, как знать, если бы деятели, чьи имена всем известны, жили в те далекие века, разве стали бы сейчас вспоминать о «бесстыдном распутнике

⁵ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 72.

⁶ Там же. С. 115, 116.

Гелиогабале». Возможно, будь перед нами приоткрыта история наших современников, и мы бы меньше удивлялись и возмущались?

Самое уязвимое в приведенных нами характеристиках — они никогда не показывают человека в его падениях или взлетах, а это серьезный недостаток, если описываемый персонаж принадлежал к тем, кто в достатке испытал и вершины, и бездну! И это как никто лучше всех уловил всегда такой закрытый и лаконичный император Николай II, в строках которого от 30 мая 1905 г., написанных после получения известий о Цусимском поражении, личная драма великого князя Алексея Александровича обрела воистину шекспировские масштабы: *«Сегодня после доклада дядя Алексей объявил, что он желает уйти теперь же. Ввиду серьезности доводов, высказанных им, я согласился. Больно и тяжело за него, бедного!»*⁷

И второй важный момент, зачастую ускользающий от современников — много ли могли они знать о повседневной жизни августейшего принца из Зимнего дворца, мира, закрытого для посторонних глаз! На первый взгляд, разумеется, истинного настоящего любимчика фортуны — красивого, бесконечно обаятельного, доброжелательного, жизнерадостного и потакавшего своим слабостям любимого дядюшки императора Николая II⁸, в честь которого, возможно, был назван и наследник престола цесаревич Алексей⁹. Другое дело — сановники,

---

⁷ Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том 2. 1905–1918. Часть 1. 1905–1913. М., 2013. С. 37. По-другому отставку великого князя расценили на флоте. В журнале мичмана князя А. А. Щербатова на крейсере «Россия» передана совершенно иная атмосфера: 1 июня 1905 г. *«...произошло событие, подействовавшее на всех как большая победа. Пришло известие об удалении с поста главного начальника морского ведомства великого князя Алексея Александровича. Настроение было у всех, как после поражения японцев. Ходили из каюты в каюту и поздравляли друг друга. Снова зародились проекты, надежды на будущее флота, снова все поверили в будущее. Однако боялись, как бы не назначили великого князя Александра Михайловича главным начальником. Надеялись, что будет ответственный министр»* (РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 63281. Л. 17 об.).

⁸ Запись в дневнике Николая II от 1 ноября 1908 г. *«Умер любимейший из дядей, высоко благородный, честный и добрейшей души»* (Белякова З. И. Великий князь Алексей Александрович... С. 216).

⁹ 25 мая 1896 г. великий князь Сергей Александрович записал: *«Ники мне сказал, если сын — Алексей, если дочь — Татьяна»* (Сергей Александрович. Дневник // Великая княгиня Елисавета Федоровна и император Николай II Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 390).

вельможные администраторы и чиновники, для которых Зимний дворец, как бы не были они близки к престолу, оставался «за гранью неизвестности». Вспомним того же министра финансов С. Ю. Витте, приходившего в ужас от предполагаемых затрат руководимого Алексеем Александровичем морского ведомства на строительство броненосного флота — и это в эпоху новых технологий и невиданных ранее скоростей, в корне изменивших логистику и приоритеты военно-морских экспедиций. В обвинительных характеристиках многих из современников, зачастую досужих моралистов, расточавших свой пыл на обличение злодеяний, было много всего, в том числе, подспудно, скрывались в них и скрытые пороки самих критиков, иногда людей, весьма заурядных: некоторые из них были охвачены праздным любопытством к «сильным мира сего», другие бичевали плутократов и консерваторов, третьи относились к конформистам и были готовы, не моргнув глазом, согласиться с любой точкой зрения. Чего только не скрывалось за этими «характеристиками»: и угодливое лизоблюдство, и чиновничье высокомерие, и банальная зависть со смесью фрондерства, а многие просто повторяли привычные штампы. В общем, все оттенки серого, обильно приправленные мешаниной из политических агиток и сенсационных откровений вечерних газет и отливающие их в условную форму хорошего или дурного правителя! В свою очередь и сам «герой» скрыт от нас, не раскрывает своих намерений, храня свои «тайны» и представляя перед современниками в разных амплуа, в том числе и в отношении своих политических пристрастий¹⁰.

Иногда, впрочем, Клио проявляет благосклонность к своим «служителям» и преподносит им бесценные дары! В 2006 году в ходе

---

¹⁰ 23 марта 1881 г., в беседе с А. Ф. Аксаковой (урожденной Тютчевой), супругой лидера пореформенных славянофилов И. С. Аксакова, великий князь, в противность взглядам своего старшего брата, императора Александра III, заявил, например, о неизбежности принятия в России конституции: «Что бы ни говорил ваш муж, а России придется, в конце концов, прийти к конституции». «Само собой разумеется, конституции, соответствующую стране», подчеркнул великий князь, так как «нужно быть либеральным, и сделать что-нибудь либеральное для страны» (Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: воспоминания и дневники. М., 2004. С. 555, 556). В глазах некоторых из современников, свои взгляды на политическую систему великий князь сохранил, и в дни революции 1905 г. принадлежал «к участникам относительно либеральной группы» (Таганцев Н. С. Пережитое. В 2 вып. Пг., 1919. Вып. 1. С. 36–37, 38).

планового просмотра фонда гофмейстера двора коллекционера-благотворителя князя Николая Борисовича Юсупова (1827–1891), хранящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, научные сотрудники Юсуповского дворца обнаружили толстую тетрадь в переплёте шоколадного цвета с золоченой монограммой «АА» на обложке и позолоченным замочком. Принадлежал «Журнал» великому князю Алексею Александровичу¹¹. Несколько его страниц уже были известны, записи дневника за 1869–1870 гг., хранятся в Москве, в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)¹². И вот теперь записки великого князя предстали во всей полноте.

Родился великий князь Алексей, четвертый сын наследника цесаревича Александра Николаевича, 2 января 1850 года. В 1855 году его отец вошел на императорский престол под именем Александра II, а великий князь был определен к военно-морской службе и зачислен в Гвардейский экипаж. «Журнал» свой он начал вести в 1862 году: было ему тогда 12 лет, и в первых записях он признался, что решил писать его, подражая старшим братьям. Вел он его почти полвека, с 1862 по 1907 год.

Приступил к работе юный великий князь со всей ответственностью подростка, стараясь не упустить ни малейшей детали. Первые шесть лет, с 1862 по 1867 гг., он аккуратно, день за днем, заполнял «журнал», словно бы записывал домашние задания или вел расходную книгу: чисто, разборчивым почерком, иногда сопровождая записи забавными рисунками. Время от времени занятие это ему надоело, и тогда «журнал» откладывался в сторону, но через какое-то время князь неизменно к нему возвращался, и, словно извиняясь за «неусердие», дотошно начинал «отчитываться» за пропуски, подробно описывая последние события.

---

¹¹ ОР РНБ. Ф. 890. Ед. хр. 83. См.: *Яковлева М.* Фонды князей Юсуповых в архивах Петербурга // Антик. Инфо. 2007. № 48/49. С. 96–99; *Софьин Д. М.* Дневник великого князя Алексея Александровича как исторический источник // Пятнадцатые Романовские чтения. Всероссийская научно-практическая конференция: материалы. Екатеринбург, 2015. С. 66–76.

¹² ГАРФ. Ф. 681 (Алексей Александрович, великий князь, сын императора Александра II, генерал-адмирал). Оп. 1. Д. 1.

«Я живу как машина»

«Trahit sua quemque voluptas». Если довериться Вергилию, то каждого влечет его собственное желание — а также и своя цель, свои тайные вкусы, свои стремления, свое честолюбие и свои амбиции. Судя по «Журналу», подростковый мир князя Алексея, трогательного романтического подростка, которого родные прозвали Сенчик, был запутан и сложен, идеалы свои он нащупывал, погружаясь в мечты, раздумья и поверяя соображения свои родному дневнику. Однажды, например, *«по причине дурных уроков»* был лишен обеда, и разобиженный, заперся в своих покоях. Мне *«все равно, — писал он, — потому что надоело ужасно — и замечания, и наказания, так что я становлюсь совершенно хладнокровен ко всему окружающему. Я столько имел неприятностей в последнее время от уроков, что я устал от этого всего и посылаю всех к черту!!!!»* Вразумлять молодого великого князя отправился строгий отец-император, и разговор с сыном у него произошел тяжелый: *«Он говорил мне, как стыдно, что я так плохо учился последнее время; как это его огорчает, потому что если я так буду продолжать, то из меня ничего путного не выйдет, и что только нашим образованием, и службою мы можем вознаградить то, что мы родились великими князьями»*¹³.

Каково это, быть великим князем, не раз думал Алексей? 28 апреля 1866 г., впав в меланхолию, он признался: *«Я часто задумывался последнее время и мысленно смотрел на прошедшую мою жизнь, и, право, чем я больше размышляю, тем мне больше кажется, что я живу как машина, т.е. так однообразно, по заведенному порядку, так мало цели в моей жизни; ничего меня особенно не занимает, не интересует; мне никогда не бывает очень скучно, никогда особенно весело, конечно были дни приятные и даже очень, но их считаю я за исключение. — Однако все люди более или менее так живут, поэтому я не отчаиваюсь, а пробиваюсь, как могу»*¹⁴.

Использованный великим князем глагол «пробиваться» выглядит диссонансом в традиционных представлениях о великокняжеских детях. В действительности, и великий князь Алексей убедился в этом на собственном примере, в словах его августейшего отца содержалось немало горькой правды. Чтобы стать великим князем,

¹³ ОР РНБ. Ф. 890. Ед. хр. 83. Л. 69, 69 об.

¹⁴ Там же. Л. 108.

нужно все время прилагать максимум усилий, потому что ты — не сам по себе, а лицо государства, и первые аксиомы твоего жизненного уклада — долг и трудолюбие! Поэтому учеба всегда стояла на первом месте. Каждый день у великого князя — уроки, иногда «не хорошие», иногда не совсем удачные, чаще же всего — «очень хорошие». Но, как бы успешно они временами не складывались, прилежности в науках ему всегда не хватало. *«Занимаюсь много и довольно скверно, что делать, такая дурацкая натура, ужасно ленив, сам вижу, да трудно поправиться»*, — самокритично признался князь Алексей в мартовской записи 1867 г.¹⁵

Самое интересно начиналось после уроков. Прогулки, визиты, игра в кегли и крокет, охота, балы, гуляния, катание на любимом «Кабане» и «походы» в гости: *«Весь остальной день обедал у дяди Кости, после обеда мы бегали в залах и играли ... Потом нам читали Тараса Бульбу, по окончанию чтения мы пили чай, и потом я уехал домой, чтобы успеть проститься с Мама, потому что она хотела уехать на бал»* (2 февраля 1862 г.)¹⁶. Через день — вновь *«поехал в Мраморный дворец поздравить дядю Костю с рождением Веры (великая княжна Вера Константиновна (1854–1912), дочь великого князя Константина Николаевича. — Д. К.). Приехал домой, готовил уроки, которые остались от субботы»*¹⁷.

Однако и эти занятия для Лёли зачастую не выходили за рамки обыденности. А вот ночная гребля по Царскосельскому озеру и чай при лунном свете или живность вокруг, в частности, веселые забавные мопсы, радовали до глубины души. Как здорово было носиться с ними по дворцовым анфиладам, выкидывая всякие штуки и забывая скучные домашние задания. Иногда, правда, из-за собачек происходили всякие неприятности. 8 сентября 1862 года, приехав в Новгород на празднование тысячелетия Руси, в годовщину битвы на Куликовом поле, совпавшую с днем рождения наследника, старшего брата Николая, Алексей, *«выходя из комнат, увидел мопса и поцеловал его. Он укусил меня прямо в щеку, она опухла и посинела,*

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 890. Ед. хр. 83. Л. 119 об.

¹⁶ Там же. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 2.

послали за доктором Карелем (Филипп Яковлевич Каррель, лейб-медик Александра. — Д. К.), он сказал, что это ничего». После службы в Софийском соборе император с семьей и духовенством проследовали к памятнику: «все стояли на коленях и даже весь народ и войско. Потом все встали, и войско отдало честь и все кричали “Ура!” Памятник очень хорошо удался и очень красив. Общая фигура похожа на купол, мне подарили фотографию памятника со всеми барельефами»¹⁸. На второй день новгородское дворянство давало бал, но щека у 12-летнего мальчика распухла, и пойти на праздник он не смог.

Разнообразие в жизнь великого князя вносили и частые «походы» в Адмиралтейство и обучение военно-морским наукам. К морю великий князь пристрастился рано и на построенной для него в Або по образцу знаменитой американской гоночной яхты «Америка» яхте-шхуне «Забава»¹⁹ обожал плавать по Балтике, стоять вахты и мастерить что-то на верфях и в шлюпочной мастерской. Но будучи немного «бирюком», лишних глаз не любил и предпочитал, чтобы его оставили в покое и не мешали заниматься любимым делом. Поначалу, конечно, ему пришлось смириться с вниманием окружающих: «В два часа я был в Новом Адмиралтействе — опять смотрел в новостроящиеся суда, только что мы приехали, как побежал один матрос и через несколько минут со всех сторон поскакали офицеры, это очень скучно, признаться сказать»²⁰. Как и дядюшка, великий князь Константин Николаевич, Алексей Александрович к своей будущей миссии моряка относился со всей серьезностью и ответственностью, быстро усвоив, как тяжела корабельная повседневность. В теоретических дисциплинах приходилось продирается с усилиями, особенно не давалась ему геометрия; а вот практические штудии явно пришлись августейшему подростку по нраву. Он не отходил от кораблей: все время что-то «тесал», «стругал», «сверлил дырья для болтов и ковал»²¹, красил борта кораблей, шил паруса, делал мачты и даже мастерил собственную шлюпку.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 890. Ед. хр. 83. Л. 16, 16 об.

¹⁹ Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864 / отв. ред. С. В. Мироненко. М., 2019. С. 295.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 890. Ед. хр. 83. Л. 9.

²¹ Там же. Л. 29.

Баловаться в Адмиралтействе было некогда, тем более что за занятиями князя Алексея присматривали суровые морские волки: обстоятельный ученый-историк Феодосий Федорович Веселаго преподавал великому князю навигацию, а виртуоз-маринист Алексей Петрович Боголюбов, прошедший стезю военно-морской службы, обучал его рисованию. Состоял при Алексее Александровиче и до невозможности строгий остзеец Николай Густавович фон Шиллинг. Барон удостоился впоследствии, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., золотой сабли «за храбрость» и вписал свое имя в плеяду русских полярных исследователей: он проанализировал движение льдов в западной части Северного Ледовитого океана и на основе сделанных вычислений предположил, что к северу от Шпицбергена скрывается неизвестная земля. Опубликованных им в 1865 г. «Соображений о новом пути в Северном полярном море» оказалось, впрочем, недостаточно для организации русской полярной экспедиции.

Общее же руководство занятиями великого князя находилось в руках его попечителя – кругосветного мореплавателя и ученого Константина Николаевича Посьета: великого знатока океана, блестящего артиллериста и участника легендарного плавания на фрегате «Паллада» в Японию. В том плавании он, кстати, сдружился с писателем Иваном Александровичем Гончаровым, посвятившим этому путешествию свой знаменитый дневник «Фрегат Паллада». Вместе с «Обыкновенной историей» и «Обломовым», «Фрегат Паллада» составлял большую часть чтения великого князя, и, думаю, подобное приобщение к творчеству Гончарова не обошлось без участия Константина Николаевича.

Мопсы, визиты, морские плавания! Что еще составляло круг любимых занятий великого князя? В июне 1864 г., томясь в ожидании морского путешествия, он решил поразмыслить о своих пристрастиях: *«Я долго думал, которое из времен года мне самое приятное, и решил, что зима. Тогда нам больше праздников, театр, вечера, Таврида, одним словом, все, что нравится и что хочешь, хотя очень много и скучного. Скука всегда меня преследует, или все равно, или скучно, мало, что веселит, хотя бывает и то»*²².

²² ОР РНБ. Ф. 890. Ед. хр. 83. Л. 25 об.

Таврида. К описаниям великого князя добавился новый штрих — каток с горками в саду Таврического дворца в Петербурге, превратившийся в 1850-е гг. в одно из самых богемных мест в столице и составлявший достойную конкуренцию Мариинскому и «Английскому» каткам, и Царскосельскому катку на Большом пруду Екатерининского парка и прудах возле Александровского дворца. Заливать здешний пруд начали еще до того, как в 1877 г. было учреждено Санкт-Петербургское общество любителей бега на коньках, которому покровительствовал племянник Алексея Александровича — великий князь Михаил Александрович.

Таврический дворец числился среди дворцовых зданий, и пускали на «ледовую арену» только по специальным билетам от Канцелярии министерства императорского двора. Здесь не знали ни трудов, ни забот. Буйный вихрь развлечений объединял всех без разбора. Случайные люди попасть в Тавриду не могли, все знали друг друга и приходили в заснеженный парк словно бы в золоченые гостиные и роскошные особняки — в мир праздника, счастливого и обеспеченного. Светская молодежь с упоением любовалась румяными от морозца очаровательными девушками и задорно флиртowała со своими избранницами, щеголяя каламбурами или острым словом; почтенные отцы уединялись по случаю обсуждения нового политического курса и ради деловых бесед, а их дражайшие супруги, обрядившись в драгоценные меха, выслушивали комплименты и делились последними парижскими новостями. Словом, обстановка здесь для великого князя Алексея, здешнего завсегдатая, сложилась самая подходящая: все жило в лихорадке тщеславия, в дурмане непрерывных развлечений. Отличные декорации для романа!

Александра Жуковская

Первый намек на любовное увлечение появились в дневнике 6 ноября 1864 г. В 2 часа дня, прогуливаясь в парке, великий князь столкнулся лицом к лицу с двумя молоденькими фрейлинами. Одной из них была Александра Жуковская, дочь поэта Василия Андреевича Жуковского, «с которой я тут же познакомился». Спустя день, после обеда с дядей Костей, он попал на «гусарский бал» — там

было «много дам», и великий князь танцевал с Жуковской третьей кадрили²³. Ему было 14 лет, ей уже исполнился 21 год.

Следующая запись воспоследовала вечером 17 ноября, после посещения Тавриды. Среди «фигуристок» оказалась, так, «между прочим» — все та же Александра Жуковская. С ней приехала и близкая ее подруга — Мария Мещерская, в которую был «почти влюблен» старший брат Алексея, Александр. Да нет, тут же поправился князь Алексей, «не почти, а совершенно. Она тоже не всегда остается равнодушною, но более по кокетству»²⁴.

Шаг за шагом, наблюдая за любовными приключениями Александра, и Алексей все более подпадал под чары своей избранницы: смиренно любовался ею издали, не решаясь заговорить, конфузился и грезил. Прошел целый год, прежде чем стеснительный юноша сделал признание, пока еще, правда, только самому себе: «Часто обедаю у Мама и Папа, два раза в неделю обедаю у Мари (великая княгиня Мария Александровна, старшая сестра Алексея. — Д. К.), где бывает иногда Жуковская, которая мне очень нравится»²⁵. И через три недели, слегка влюбленный в фрейлину Тютчеву, записал, что «покороче познакомился с А. В. Жуковской, которая мне начинает очень нравиться, она довольно умна, весела и натуральна, хотя не особенно красива»²⁶. Он был самым младшим в этой «компании влюбленных»: в чем-то, кстати, очень походил на будущего императора — голосом, речью, статью, был столь же скромн и разумен. Но совсем еще подросток — впечатлительный, молчаливый и немного рассеянный. Удобное «прикрытие» для старшего брата — Сенчик словно бы исполнял функции вестового при влюбленных, был всегда рядом, как бы «на подхвате», служа им удобным прикрытием: «Что касается до меня, то я нахожу, что гораздо приятнее быть с ними, чем с какими-нибудь старухами», — фыркнул великий князь, когда один из его воспитателей, генерал-лейтенант Николай Павлович Литвинов, утверждал, что общение с пожилыми дамами ему «приносит пользу».

²³ ОР РНБ. Ф. 890. Ед. хр. 83. Л. 44.

²⁴ Там же. Л. 45 об.

²⁵ Там же. Л. 92.

²⁶ Там же. Л. 94.

Какая от них может быть польза, — вопрошал Лёля, живущий в отрадном мире собственных грез и готовый хоть всю вечность ждать удобного случая, только бы полюбоваться «милой Сашенькой». На катке ли, в гостиной, во время прогулки или *«в собрании, где рисовал на избранные сюжеты М. Э. Мещерской и Жуковской, вообще, я был в духе целый день»*. Но очень быстро обнаружился «предмет для беспокойства»: князь Владимир Барятинский, «сущее наказание» для великого князя. Одно лишь упоминание его имени заставляло влюбленного скрежетать зубами от бессилия. В дневнике запись о нем впервые появилась 6 декабря 1865 года, после разговора с Александрой на катке в Тавриде: *«Она меня спрашивала, был ли я когда-нибудь влюблен или нет, и когда я отвечал утвердительно, она не хотела верить, говоря, что я слишком молод для этого. Она мне тоже призналась, что была очень влюблена эту весну в Владимира, но, что, так как он к ней переменился, она тоже охладела. Я ей обещался сказать первый раз, когда я буду в кого-нибудь влюблен; надо будет сдержать свое слово; что делать!!!»*²⁷

Поверил ли великий князь признанию Жуковской? Или счел это женской уловкой? Вряд ли мы это узнаем! Но, во всяком случае, теперь он был предупрежден о наличии соперника — молодом красивом офицере, ровеснике Жуковской! Пилюлю не подсластило даже отрадное известие о переезде Жуковской в Зимний дворец: *«Она ужасно рада, потому что это было ее давнейшее желание»*, — прокомментировал Алексей. Но и заклятый соперник, входивший в окружение старшего брата, теперь тоже мог видеть ее чаще. 9 декабря в компании с Мещерской и Жуковской великий князь отправился на каток. Здесь, как назло, оказался и вездесущий Барятинский. Рвотным порошком великий князь вписал в «журнал», что Барятинский *«влюблен почти в Жуковскую»* — и, о ужас! — *«надевает ей коньки, катает в креслах и только и занят ею, она тоже не слишком равнодушна»*²⁸.

Просвет в любовных терзаниях появился в феврале 1866 года: *«Я разговаривал с Жуковской, которая сказала мне, что очень сожалеет об отъезде Барятинского в Ташкент; я пожал плечами и пошел прочь. Не думаю, что этот последний женится на ней, хотя они друг друга*

²⁷ ОР РНБ. Ф. 890. Ед. хр. 83. Л. 95 об., 96.

²⁸ Там же. Л. 97.

любят, но он не имеет ничего, кроме почти двух миллионов долгу, который сделали его отец и мать. Жуковская тоже не богата, а теперь, говорят, очень трудно жить без денег»²⁹.

Так что, пока князь Владимир штурмовал Ташкент, великий князь мог вздохнуть спокойно. В один из мартовских дней, когда все ушли в Мраморный дворец на концерт, в очередной раз погрузившись в меланхолический настрой, он вписал в «журнал» строки Афанасия Фета:

*Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..*

А затем, на пустой странице вписал: *«Не знаю, что написать»³⁰.*

Но жизнь постепенно вступала в новую колею. Вместе с Александром отправившись летом 1866 г. в зарубежное плавание, он было ощутил, что пребывает «на одной волне» со своей возлюбленной: с грустью узнав о предстоящей разлуке, Александра подарила ему на прощание *«маленький крестик, который я буду носить»*. Между тем, внутри «компании влюбленных» разыгралась настоящая сердечная драма: роман «Саши» с Мещерской не по их воле завершился. После кончины в 1866 г. цесаревича Николая, Александр стал наследником престола. Вопрос о его женитьбе вышел на первый план, а в вопросах государственной политики чувства наследника никого не волновали. Александру предстояла теперь помолвка с бывшей невестой Николая, датской принцессой Дагмарой, и вопрос о его

²⁹ ОР РНБ. Ф. 890. Ед. хр. 83. Л. 101, 101 об.

³⁰ Там же. Л. 102.

разлуке с Мещерской был поставлен ребром. *«Мне ее жаль»*, — записал в дневнике Алексей. *«Я думаю, что ей остается только один месяц быть с Сашей, а потом он уедет в Данию»*³¹. Мог ли знать великий князь, что драма старшего брата вскоре повториться — теперь уже у него.

В декабре вернулся из похода князь Владимир, «но Жуковской вероятно прочли нотацию, и она не смеет ни говорить, ни танцевать с ним, только издали они друг другу делают нежные глазки». Какому мужчине приятно, когда подобное происходит в его присутствии? Но узнать о том, что чувствовал великий князь, у нас не получится. Записей в «журнале» становилось все меньше и меньше: записи за 1868–1869 годы фактически прекратились. В них только лаконичная информация: у Саши родился сын Николай (Николай II. — Д. К.), плывал по Волге, Каспию, Средиземному и Северному морям. И больше ничего, в том числе и об Александре Жуковской.

Правда, часть дневника, хранящегося в Москве и обращенного прямо к Жуковской, дополняет картину. За сотни километров от любимой, под Казанью, великий князь вспоминал *«о вечерах у гр[афини] Тизенгаузен и возвращение домой. Вспомнил я твою маленькую комнату, где мы, бывало, так часто сидели, и стало мне опять тяжело одному и захотелось во что бы то ни стало написать тебе, но потом я вспомнил, что это невозможно, и я скучный и печальный пошел спать, но долго не мог заснуть, и хотел я тебя видеть, с тобой забыть весь мир, тебя одну хочу я, и отняли тебя у меня, и проклинал я всех людей и всех, всех на свете»*. В редких сохранившихся письмах к «маленькой женушке» — та же тональность. Вот одно из них, написанное в июле 1869 года: *«Ночью с 12-го на 13-е я писал тебе письмо, прости мне, если оно было слишком безумное, но я не мог иначе писать, со мною Бог знает, что делалось, после того как я прочел твое письмо, все чувство, которое когда-либо было в моей душе к тебе, все оно поднялось и заговорило так сильно, что я думал, что сойду с ума. Я написал тебе всю правду, потому что я фраз писать не умею, я написал тебе все задушевные мысли, которые я думал прежде никому не говорить. Мне было больно, мне было ужасно думать, что*

³¹ ОР РНБ. Ф. 890. Ед. хр. 83. Л. 107.

я должен уехать от тебя, и я не знаю, увижусь ли с тобой еще раз в жизни. Я еще раз тебе повторяю, что ты моя гордость, ты моя святыня»³².

Но и со старым своим, заветным «журналом», Алексей Александрович не расставался — держал его при себе. В 1872 г., во время кругосветного плавания на фрегате «Светлана», вдруг, неразборчиво, одним махом, исписал одну за другой пять страниц. Четыре безжалостно вырезал. А в маргиналии вписал: *«Страницы сжег, они были мне дороги, но для других не нужны»*. Ему было «почти 23 года». *«Странно то, что обыкновенно всякому человеку оставляет детство хорошие воспоминания, а мне, напротив. Я не люблю свое детство, для меня оно как-то тяжело прошло, что-то грустное лежит на нем. Я мало был с родителями, я никогда не имел друзей. Я никому не мог излить души своей, никому не мог передать свои душевные мысли и чувства»³³.*

Так, оставшись наедине с самим собой, Алексей Александрович словно бы исповедался, доверяя своему «журналу» самое сокровенное. Справедливости ради следует подчеркнуть, что подобная манера вести дневник была ему вообще свойственна, так как иногда, в дни своего рождения, великий князь любил подвести итоги «дням прошедшим». Но в 1872 г. «итоги» его переживаний наполнены душевными муками. Размышляя об их причинах, великий князь не мог не думать о своей военно-морской службе, ее превратностях, тяготах и опасностях. Воспоминания давили на него, и, особенно, наверное, те страшные часы, которые он испытал в сентябре 1868 г. при крушении у Ютландского полуострова винтового фрегата «Александр Невский». Отказавшись уйти с тонущего корабля на первой шлюпке с *«больными, старшим штурманским офицером с картами и журналом, ревизором с денежным сундуком и шнуровыми книгами»*, Алексей Александрович до последнего момента рубил мачты и занимался устройством спасательных плотов, согласившись покинуть фрегат только убедившись, *«что есть надежда спасти и других»*. Когда же, наконец, на спасательном катере он сумел добраться до берега, *«люди, бывшие на верхней палубе и занятые устройством плотов, поднявшись на сетки,*

³² ГАРФ. Ф. 681. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–35.

³³ ОР РНБ. Ф. 890. Ед. хр. 83. Л. 129 об., 130.

сидели за катером, и когда увидели великого князя на берегу, сняли шапки и перекрестились»³⁴.

Остался в памяти и недавний его «поход» в Арктику, благодаря которому великий князь стал первым «принцем» из династии Романовых, плававшим в полярных морях. Смягчение климата и улучшение ледовой обстановки в середине XIX в. привело к резкой активизации полярных плаваний, и, в частности, подтолкнули в Северный Ледовитый океан многочисленных норвежских промышленников. Из незамерзающих фьордов, омываемых нордкапской ветвью теплого Гольфстрима, норвежцы уже весной выходили к новоземельским зверобойным промыслам, опережая русских промысловиков, вынужденных дожидаться схода льда в горле Белого моря и прибывавших к местам добычи, когда распуганный норвежцами зверь уже покидал здешние воды. Важным оставался и вопрос об открытии северо-восточного прохода, безуспешные попытки открытия которого заставили русское правительство отказаться от широкомасштабных исследований в Северном Ледовитом океане, что «на несколько десятков лет задержал(о) осуществление морского пути в Обь и Енисей»³⁵.

Между тем, в 1870-е годы эпопея полярных плаваний вступала в новую технологическую фазу. Получив финансирование от русских промышленников Михаила Сидорова и Александра Сибирякова, совершили плаванья по Карскому морю к устьям Оби и Енисею британец Джозеф Виггинс и швед Эрик Норденшельд. В 1871–1874 гг. произошло открытие австро-венгерской экспедицией Карла Вайпрехта и Юлиуса Пайера архипелага Земля Франца-Иосифа, гипотетически обнаруженного наставником великого князя бароном Шиллингом. В 1881 г. Джордж Де-Лонг поднял американский флаг над северо-восточной частью Новосибирского

---

³⁴ Конкевич Л. Г. Летопись крушений и других бедственных случаев военных судов русского флота. СПб., 1874. С. 267.

³⁵ Колчак А. В. Памятная записка о плавании северо-восточным проходом вдоль берегов Сибири (1906) // Синюков В. В. Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики. М. 2000. С. 277. См. также: Копелев Д. Н. Размышления о «кругосветных плаваниях» в Арктических морях: кабинетный взгляд и навигационные реалии (дискуссионные вопросы) // Информационные технологии и системы: управление, экономика, транспорт. 2019. № 1 (33). С. 48–61.

архипелага (острова Де-Лонга). В борьбе за Арктику все более отчетливо обнаруживались геополитические интересы. В начале 1870-х гг. русское правительство, обеспокоенное будущим морских территорий между норвежской границей, с одной стороны, и Новой Землей и Печорой, с другой, несколько сместило акценты географических исследований и направило научную экспедицию «обширных размеров» в русские полярные моря к северо-востоку от Новой Земли и Карского моря с целью «обозреть возможно большее пространство Ледовитого океана»³⁶. Толчком же к организации специальной комиссии для исследования Русской Арктики стало плавание в 1870 г. военной эскадры кораблей Балтийского флота (корвет «Варяг», клипер «Жемчуг», шхуна «Секстан») под флагом вице-адмирала К. Н. Посьета, которая направилась к берегам Новой Земли. В походе участвовал и великий князь Алексей Александрович, а вместе с ним – архангельский губернатор Н. А. Качалов и академик А. Ф. Миддерндорф с группой исследователей. Эскадра успешно достигла архипелага и вошла на малокармакульский рейд; на берегу состоялась православная служба с участием судового церковного хора, на возвышенности острова установили деревянный крест с памятной доской. Позже на средства Великого Князя поморской ладьей на побережье Костиного Шара доставили деревянную избу для промышленников, а на Новой Земле был впервые установлен российский флаг. В специальном обзоре Русского географического общества особо подчеркивалось, что участие в нем «августейшего почетного члена нашего» открывает «начало нового периода в истории исследования нашего севера, почти забытого со времени славных экспедиций Литке, Рейнеке и академика Бэра»³⁷.

Великий князь был человеком храбрым, и миссия его на службе во флоте налагала совершенно определенные обязательства³⁸.

³⁶ Отчёт Императорского русского географического общества за 1871 г. СПб., 1872. С. 52.

³⁷ Отчёт Императорского русского географического общества за 1870 г. СПб., 1871. С. 44.

³⁸ Интересные воспоминания о деятельности великого князя оставил в своих записях от 14 октября 1876 г. военный министр Д. А. Милютин: «Военным судам нашим, находившимся в Средиземном море и уже собравшимся в итальянских портах под предлогом сопровождения принцессы Эдинбургской, дано секретное повеление, в случае войны, спешить

«Во-первых, служба моя, — писал великий князь, — т.е. морская мне дана совершенно другой и более обширный круг действий, чем братьям. Познакомила меня с всевозможными людьми и обществом; заставила привыкнуть к опасностям и трудностям, которые малоизвестны, т.е. даже не известны тем, которые не служили во флоте. Во-вторых, другие обстоятельства жизни, сделавшие ее оригинальной, хотя в настоящую минуту очень грустной. Не дай Бог кому-нибудь перенести через то, что я в последнее время перенес, даже врагу своему не пожелаю этого. Боже, что я предстрадал в последнее время, да и не в последнее время, а в продолжении 4-х лет. Сожалею я, что не умею хорошо писать, а то бы...»³⁹. Дальше текст обрывался. И можно только гадать, почему!

В 1871 году Алексей объявил родителям о своем желании жениться на Александре Жуковской, которая ждала от него ребенка. Поговаривали, что влюбленные готовились бежать за границу и уже тайно обручились. По Петербургу ходили слухи, что брат Александры, Павел, явился к великому князю и вызвал его на дуэль. Александр II запретил сыну принять вызов, Жуковский протестовал. Разгорелся

в океан и действовать в качестве каперов для нанесения возможного вреда английской торговле. В числе этих судов и "Светлана", которой командует великий князь Алексей Александрович; с ним же плавают великий князь Константин Константинович. По этому поводу я был сегодня свидетелем трогательного эпизода: во время обычного нашего совещания государь приказал графу Адлербергу прочесть полученное им письмо адмирала Лесовского, который просил доложить государю, что, по мнению адмирала, крайне неудобно посылать в крейсерство царского сына, так как действия этого рода сопряжены с большой опасностью и часто подвергают суда захвату в плен. Возможно ли допустить, — писал старый моряк, — чтобы два великие князя попали в плен к врагам? — Когда письмо это было прочитано, князь Горчаков хотел было поддержать мнение Лесовского, но государь не дал ему высказаться и обратился к наследнику цесаревичу с вопросом: "Скажи прежде других: как ты смотришь на это?" — Цесаревич, нимало не задумавшись, обычным своим спокойным тоном ответил, что брату его было бы обидно, если бы у него отняли команду над фрегатом при таких обстоятельствах. Государь обнял наследника, расцеловал его и заплакал. "Спасибо тебе, — сказал он, — что ты так судишь; такое же и мое мнение. Я не сомневаюсь, что все мои дети сказали бы то же. Как ни тяжело отцу подвергать сына опасности, но я уверен, что каждый из моих детей исполнит свой долг честным образом и с радостью. Они должны подавать пример ..." и т.д. Государь был так расстроган, что несколько времени не мог прочесть отрывки из писем самого великого князя Алексея Александровича, который, описывая неудовлетворительное состояние наших судов, вместе с тем, однако же, выхвалял дух офицеров и матросов и замечал, что больно с такими молодецкими экипажами служить на таких плохих судах» (Милютин Д. А. Дневник. 1876–1878 / под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2009. С. 142, 143).

³⁹ ОР РНБ. Ф. 890. Ед. хр. 83. Л. 130.

громкий скандал. Взбешенный император потребовал от сына разорвать всякие отношения с фрейлиной. А затем под предлогом «завершения морского образования», его отправили в долгое плавание. Великий князь был в отчаянии, и слал письма в Петербург, надеясь растопить сердца родителей: «Мама, ради Бога, не губи меня, не жертвуй своим сыном, прости меня, люби меня, не бросай в ту пропасть, откуда мне не выйти...». «Ты понимаешь ли, что такое чувства? Иметь жену, иметь дитя, и бросить их. Любить больше всего на свете эту женщину и знать, что она одна, забыта, брошенная всеми, она страдает и ждет с минуты на минуту родов. А я должен оставаться какой-то тварью, которого называют великим князем и который поэтому должен и может быть по своему положению подлым и гадким человеком. И никто не смеет ему этого сказать. Дай мне лучше надежду. Я не могу так жить, клянусь тебе Богом. Помогите мне, возвратите мне честь и жизнь, она в ваших руках».

Все мольбы были обращены в пустоту! Затравленную Александру Васильевну выслали за границу — в австрийском Зальцбурге 14 ноября 1871 года она родила сына, назвав его Алексеем. Затем вышла замуж за барона Кристиана Генриха фон Вермана. За ней была установлена постоянная слежка. Великий князь свою возлюбленную, конечно, обеспечил, приобретя для нее виллу Сержиано под Венецией. Признал он и сына, удивительно на него похожего, назначив ему неприкосновенный капитал в 100 000 рублей серебром и добившись, чтобы того удостоили титулом графа Белёвского-Жуковского, по названию Белёвского уезда Тульской губернии, где родился его знаменитый дед — Василий Андреевич Жуковский⁴⁰. Сам же так и остался холостяком, а в 1899 году неожиданно извлек из секретера старый дневник и 4 июня вписал в него:

*Non la conobbe il mondo mentre l'ebbe:
conobbil'io, ch'a pianger qui rimasi,*

---

⁴⁰ Алексей Алексеевич Белёвский-Жуковский стал ученым-биологом. Он был дважды женат: 1894 г. — на графине М. П. Трубецкой (развод 1904 г.); после 1920 г. — на Н. В. фон Шёшпинг. После революции 1917 года остался в России и был расстрелян в Тбилиси в 1932 году. Дети его от первого брака эмигрировали.

e 'l ciel, che del mio pianto or si fa bello

*(Не узнал ее мир, пока ее имел, узнал я, плакать здесь оставшийся)*⁴¹.

Это был сонет Петрарки на смерть Мадонны Лауры – 14 сентября 1899 года Александра Жуковская скончалась.

Но в 1907 году, незадолго до смерти, великий князь Алексей Александрович вновь взял в руки «журнал» и сделал в нем запись: «Хотя еще не инок, но старец Алексий. Мне стукнуло 57 лет, скоро пора и честь знать! Довольно, давно довольно! Слишком много горя, гадости и грусти вижу вокруг себя»⁴². Эта запись оказалась последней в его «журнале». В 1908 г. великий князь Гавриил Константинович оставил одно из последних воспоминаний о бывшем генерал-адмирале Российского флота: «Возвращались мы из Павловска в одном вагоне с великим князем Алексеем Александровичем. Он ехал в Царское Село на обед и оставался там ночевать. Мы всю дорогу разговаривали. Дядя Алексей был очень с нами мил. Почему-то, между прочим, мы говорили о Чехове. Я тоже помню, что дядя Алексей сказал, что в жизни следует все испытать. Он был очень похож на своего брата, Александра III, но красивее его»⁴³. 1 ноября 1908 г. великий князь Алексей Александрович скончался в Париже.

⁴¹ ОР РНБ. Ф. 890. Ед. хр. 83. Л. 130 об. «Их безутешный плач извне услышать трудно, Он глубоко во мне, а я от горя глух, И впредь мне горевать и впредь страдать от ран» (перевод А. Ревича).

⁴² Там же.

⁴³ Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. СПб., 1993. С. 65.

А. А. РУБЦОВ

«Политическая неблагонадежность» и административная ссылка в Российской империи в 1870–1880-е годы: наказание, контроль, интеграция¹

Аннотация: В статье рассказывается о том, как в 1870-е годы возникла потребность пересмотреть подходы к организации административной ссылки и высылки. По причине роста числа политических ссыльных, что произошло в ходе расследования крупного дела «о пропаганде в империи», в 1875 году была создана комиссия под председательством министра государственных имуществ П. А. Валуева для рассмотрения вопроса о реорганизации института административной ссылки. Рассмотрение работы комиссии позволило определить направления дальнейшего реформирования системы административных наказаний.

Ключевые слова: Административная ссылка, полицейский надзор, политическая неблагонадежность.

Историография ссылки как вида наказания крайне обширна и привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных ученых. Институт административной ссылки как мера наказания, связанная с ограничением свободы личности, нашел отражение в научных трудах и учебных курсах по полицейскому (административному) и государственному праву еще в XIX веке. Дореволюционные правоведы разработали как общие вопросы теории ссылки, так и ее классификацию. При этом, как это часто бывает с глубоко разработанными вопросами, до сих пор не было дано цельного объяснения того, что из себя эта мера представляла, как в ряде случаев регулировалось ее применение и в чем заключались ее особенности. Это вызвано тем, что административная ссылка была скорее «дополнением» к закону, регулировалась в процессе правоприменительной практики и оказывалась очень гибким инструментом наказания. Поэтому дать общую характеристику этой меры крайне сложно в силу того, что нередко в зависимости от ситуации могли меняться подходы к назначению ссылки.

Правовое регулирование ссылки производилось на основании закона и административного усмотрения. Последнее играло

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00520, <https://rscf.ru/project/23-18-00520/> «За пределами «колониальности» и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX — начало XX в.)».

определяющую роль, так как действовало при рассмотрении дела по существу. В отличие от закона практика назначения административной ссылки могла динамичнее изменяться и в силу этого оказывалась более эффективным инструментом, чем закон в руках чиновников.

В статье будет рассмотрено, какие изменения произошли в процедуре назначения административной ссылки в 1870-е годы и прежде всего под влиянием каких факторов это происходило.

Пореформенное время, на котором сосредоточено внимание в статье, стало этапом утверждения более строго юридического подхода к решению уголовных, в том числе и политических, дел. Однако к началу 1870-х годов количество самих политических дел росло, также как и количество подследственных по подобного рода делам. Этот процесс крайне беспокоил чиновников центральных ведомств. Опасение вызывало и то, как решались в судах политические дела.

В начале 1870-х годов состоялся ряд «неудовлетворительных» судебных приговоров в отношении политических преступников. По поручению императора началась работа по выяснению причин того, почему были оправданы или получили незначительные наказания лица, которые, как считали некоторые сановники, заслуживали приговоров к более продолжительным срокам заключения². В Министерстве юстиции взялись за исследование причин «неудовлетворительности судебного приговора по делу о Нечаеве и его сообщниках», результатом которого стала записка министра юстиции графа К.И. Палена. В ней излагались основные соображения министерства относительно тех изменений, которые необходимо было предпринять «для предупреждения подобных неудовлетворительных приговоров»³. Причины «неудовлетворительных приговоров» конкретно по процессу над участниками так называемой «Народной расправы» автор записки видел в следующем: «во 1-х) что Палатой были

² Приложение к представлению министра юстиции за № 5191 «О некоторых изменениях в правилах о судопроизводстве по делам о государственных преступлениях» // НСБ РГИА. Печатные записки (коллекция). № 909. С. 1; Троицкий Н.А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М., 1978. С. 75–77.

³ Приложение к представлению министра юстиции за № 5191... С. 1.

оправданы многие лица, относительно которых существовали несомненные улики их виновности, и во 2-х) что лиц, признанных виновными, Палата приговорила к несоответственным вине их наказаниям, применив к ним, вместо закона о заговоре, закон о противозаконных сообществах, и даже в числе наказаний, положенных за участие в противозаконных сообществах, избрала, для большинства обвиненных, слабейшее, т.е. заключение в тюрьму»⁴.

Неудовлетворенность вынесенными приговорами вытекала из представления, распространенного в среде высшей бюрократии, что любые действия, направленные против незыблемости государственного строя, есть преступления наиболее важные, и поэтому должны наказываться как можно строже. В отзыве II отделения Собственной е.и. в. канцелярии на записку министра юстиции содержалась характеристика такого рода преступлений, отражающая подобное представление: *«Рассмотрев с должным вниманием означенные предложения, я не могу не выразить моего твердого убеждения в том, что в случае утверждения сих предложений законодательную власть, вполне будет достигнута цель оных – устранить на будущее время повторение неудовлетворительных приговоров по делам о преступлениях самой первой важности»⁵*. Нельзя было допускать, чтобы вынесение приговоров для преступлений «самой первой важности» оказывалось подвержено вероятности «мягкого» наказания. Сама возможность такого «неправильного» приговора посягала на государственную и общественную безопасность, и поэтому в среде высшей бюрократии считали, что необходимо соорудить преграды для того, чтобы предупредить впредь вынесение таких приговоров.

По мнению министра юстиции, судьи применили к подсудимым по делу «нечаевцев» более мягкую 318 статью Уложения о наказаниях (статья «о противозаконных сообществах»). К.И. Пален же считал, что должна была быть применена более строгая 250 статья (статья «о заговоре»), на чем настаивало и обвинение в ходе процесса. В записке Пален объяснял, что подобное стало возможным по следующим причинам: *«Применение к вине подсудимых, признанных*

⁴ Приложение к представлению министра юстиции за № 5191... С. 1.

⁵ Там же.

виновными, закона о противозаконных сообществах, объясняется отчасти, без сомнения, неопределенностью постановлений самого закона о противозаконных сообществах, имеющих целью ниспровержение или изменение государственного устройства и о заговорах, и указывает на необходимость точнейшего разграничения, в самом законе, этих двух понятий, что и составляет предмет последней части настоящей записки»⁶. Таким образом, в ходе судебного разбирательства выяснилось, что законы о политических преступлениях в условиях нового суда могли допускать различные трактовки, существенно влияющие на заключительный приговор.

В подобных условиях возможной независимости судебной власти для полицейской власти и высшей бюрократии ссылка и высылка оказывались инструментами контроля в условиях, когда добиться наказания по суду для «политически неблагонадежных» оказывалась трудной задачей, осложненной применением новых правил судопроизводства и ростом независимости судебной корпорации. Таким образом, во второй половине XIX века применение административной ссылки и высылки расширилось за счет появления новых оснований назначения этой меры — за «политическую неблагонадежность», за принадлежность к распространению «преступной пропаганды».

Расширение применения инструмента административной ссылки неизбежно приводило к необходимости внесения изменений в порядок его использования. В 1875 году по высочайшему повелению была создана комиссия под председательством министра государственных имуществ П. А. Валуева для рассмотрения вопроса «об устранении тех вредных последствий, которые обнаруживаются в настоящее время вследствие высылки политически-неблагонадежных лиц во внутренние губернии России»⁷.

Никаких общих правил к распределению высылаемых установлено к этому моменту не было, поэтому каждый раз вопрос о месте высылки решался по взаимной договорённости Министерства внутренних дел и III отделения. Важность обсуждаемого вопроса

⁶ Приложение к представлению министра юстиции за № 5191... С. 1.

⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 73. Д. 6488. Л. 1-1 об.

обосновывалась следующим образом: «... по заявлению Министров Внутренних Дел и Юстиции и Шефа Жандармов, предусматривается значительное увеличение числа высылаемых лиц, совещание не могло не остановиться на значительном различии общих условий административной высылки в прежнее и в настоящее время. Строгая разборчивость при выборе места высылки была менее необходима пока большинство политических ссыльных состояло из поляков, потому что в отношении них имело преобладающую важность одно условие – удаление от родины. Теперь же главный контингент высылаемых составляют лица почти исключительно русского происхождения, участвующие в том противоправительственном движении, которое стремится к систематической революционной пропаганде в народных массах, и влияние которого начинает отражаться не только в средних слоях населения, но и в народной среде. Очевидно, что при размещении этих лиц – вредное влияние которых на окружающую среду и вызывает необходимость их ссылки, – на Правительстве должна лежать особая забота выбирать такие местности, которые по свойству населения своего представляют почву наименее восприимчивую для вредных учений и стремлений высылаемых лиц»⁸.

В комиссию был представлен доклад с разработкой этого вопроса. Автор начинал доклад с критики существующего порядка организации в России полицейской власти, который не позволял в должной мере соблюдать существующие о поднадзорных правила. Указывалось, что надзор может быть осуществлен только в городах, где есть «хоть какая-нибудь полиция», поэтому местами высылки должны стать только губернские города. При этом автор предлагал регионом ссылки оставить северо-восточную полосу России (губернии Вятская, Пермская, Вологодская, Олонецкая и Архангельская).

В записке приводились и иные аргументы в пользу того, что именно вышеуказанные губернии должны назначаться местом ссылки политически неблагонадежных: «Местности эти наиболее удобны для политических поднадзорных в особенности потому, что характер их населения, по преимуществу инородческий и совершенно неразвитый, исключает всякую возможность преступной в среде его агитации со стороны этих лиц, и таким образом составляет физическую преграду

⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 73. Д. 6488. Л. 15–17 об.

их деятельности, хотя бы они, пользуясь слабостью надзора и выказали к тому стремление»⁹. Концентрация рабочего населения в городах «внутренних» губерний за счет развитой промышленности, развитая сеть железных дорог — все это, по мнению чиновников, создавало благоприятные условия для революционной пропаганды. И, следовательно, «внутренние» губернии оказывались неблагоприятны для поселения в них поднадзорных.

Предлагался ряд мер, связанных с усилением надзора, разрешением чинам полиции проводить обыски в любое время, обязательством поднадзорных ежедневно являться в местные полицейские управления и т.д. Однако одна из предлагаемых мер была не ограничительной, а касалась создания возможностей материального обеспечения поднадзорных, чтобы дать им возможность безбедного существования и создать условия, когда они из-за опасения потерять заработок будут избегать совершения очередного «противоправного поступка». Таким образом, в записке автор заявлял о том, что «... представляется необходимым уничтожить некоторые из ограничений в праве на труд лиц поднадзорных, оставив в своей силе воспрещения педагогической, литературной и типографской деятельности»¹⁰.

Деятельность комиссии была направлена и на усиление полицейской власти в ущерб судебной: «В видах охранения общественной безопасности, начальнику местной полиции принадлежит право воспрещать поднадзорным выход из квартир, как в ночные часы, так равно и при ожидаемых сборищах народа, а также производить у них обыски помимо судебной власти»¹¹.

Комиссия, таким образом, обсуждала как меры, направленные на усиление контроля за ссыльными, так и меры, которые способствовали бы их интеграции в местное сообщество. Желание расширить право на труд для поднадзорных тоже было частью комплекса мер контроля. Ведь они должны были создать условия для того, чтобы поднадзорные не стали продолжать в месте ссылки заниматься «политически-неблагонадежной» деятельностью. Однако рост

⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 73. Д. 6488. Л. 2–6.

¹⁰ Там же. Л. 2–6.

¹¹ Там же. Л. 8 об.

количества привлеченных по политическим преступлениям и, как следствие, числа поднадзорных заставляли власти соизмерять возможности полицейского надзора и заявленные цели. Признание проблем в обеспечении полицейско-административного надзора приводило к поиску иных средств контроля за теми подданными, которых классифицировали как «политически-неблагонадёжных». 1870-е годы становятся началом абсолютно нового этапа в развитие административной ссылки.

РАЗДЕЛ 2
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

В. В. АНАШКИНА

Система здравоохранения в Бердянском уезде Таврической губернии в начале XX века

Аннотация: В статье рассматривается деятельность местных органов власти материкового уезда (Бердянский) Таврической губернии по вопросам медицинского обеспечения населения. На основании изучения всего комплекса архивных источников делается вывод об уровне развития системы здравоохранения на территории Бердянского уезда в начале XX века.

Ключевые слова: Таврическая губерния, земство, земский врач, уездная городская управа, Бердянский уезд.

Общий уровень развития медицины на территории Таврической губернии, равно как и во многих других регионах империи, был недостаточным, однако и здесь наблюдались положительные тенденции. Одна из них была связана с ростом общей численности медицинского персонала.

Так, в 1900 году на всю Таврическую губернию был 81 земский врач, а в 1905 году — уже 93. Из них в Бердянском уезде было 23 человека, Мелитопольском — 18, Днепровском — 14¹.

Если же рассматривать общее количество медицинского персонала в Таврической губернии в 1901 году, то врачей было 318 человек, фельдшеров — 370 человек, фармацевтов — 145 человек. В Бердянском уезде за этот год было выписано 28720 рецептов, на сумму 25118 рублей². Уже в 1906 году рецептов в Бердянском уезде было выписано 34399, на сумму 31089 рублей³. В 1901 году в Таврической губернии за медицинской помощью обратились 940544 человек, из них в Бердянском уезде — 284320 человек⁴.

Согласно имеющимся в нашем распоряжении документам, в конце XIX — начале XX столетия на территории Таврической губернии существовало несколько уровней оказания медицинской помощи населению губернии, в том числе: стационарная (врачи имели

---

¹ Веселовский Б. В. История земства за сорок лет: В 4 т. Т. 1. СПб., 1909. С. 362.

² Обзор о состоянии Таврической губернии за 1901 год. Симферополь, 1902. С. 25–26.

³ Обзор о состоянии Таврической губернии за 1906 год. Симферополь, 1907. С. 33.

⁴ Обзор о состоянии Таврической губернии за 1901 год... С. 27.

постоянное место работы, больные сами находили их), срочно-объездная (имела смешанный характер). Ранее существовавшая разъездная система к этому времени прекратила свое существование.

Бердянский уезд стал одним из первых, где начали в 1880 году вводить стационарную систему⁵. Этот переход способствовал развитию больниц, земской уездной и участковой хирургии. Благодаря заботе земств о здравоохранении, увеличивалось количество медицинского персонала, в частности земских врачей.

Об общем уровне развития медицины в Бердянском уезде рассматриваемого периода мы можем судить, обратившись к соответствующим архивным источникам.

Так, в циркуляре Министерства внутренних дел (Далее – МВД) № 63 от 16 декабря 1910 года, адресованном губернаторам, градоначальникам и варшавскому обер-полицеймейстеру, рассмотреть возможность для судебно-медицинского исследования приглашать ближайшего врача, а не уездного, который мог находиться на значительном расстоянии. Врачу для этого иногда приходилось пересекать весь уезд. Кроме того, распоряжение министерства было вызвано значительным расходом средств из командировочного кредита⁶.

В ответ на этот циркуляр Бердянская уездная земская управа 8 марта 1911 года обратилась к таврическому губернатору. Управа, по решению своего чрезвычайного собрания 22 февраля 1911 года, просила отменить распоряжение об исполнении земскими врачами судебно-медицинских обязанностей уездных врачей. Циркуляр МВД менял ранее существовавший законный порядок, который предполагал, что уездного врача можно было заменить только в случае его болезни. И даже в этом случае на вызов должен был прибыть сначала городской врач из ближайшего города, и только потом приглашался любой иной врач, в том числе земский. Кроме нарушения ранее установленного порядка, управа указывала на то, что земским врачам не хватало времени на исполнение и своих прямых обязанностей: надзор за школами, борьба с эпидемическими болезнями, выезд к тяжело больным пациентам, принятие родов и в целом

⁵ Веселовский Б. В. История земства за сорок лет... С. 349–354.

⁶ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 42. Оп. 1. Д. 94. Л. 10.

присмотр за амбулаториями. Если при этом (во время рабочего времени) они еще станут ездить на медицинские освидетельствования, то это просто поставит под сомнение выполнение ими прямых обязанностей. Кроме того, судебно-медицинские обязанности врача предполагали не только осмотр, но и дачу потом показаний в Окружном суде. Это означало, что врачи будут постоянно в разъездах⁷.

Отсутствие врачей на своих местах несло определенные опасности, например, увеличение количества заболевших заразными болезнями. О том, с какими болезнями приходилось иметь дело врачам в этот период, можно получить представление, просмотрев статистику за 1913 год:

- корь была зафиксирована в 127 селениях уезда, сильно распространена в 77 из них;

- скарлатина – в 108 селениях, про эпидемию можно говорить в 64 из этих селений;

- натуральная оспа – в 12 селениях, эпидемические признаки были в 3 селениях;

- брюшной тиф – в 127 селениях, признаки эпидемии были в 76 селениях;

- сыпной тиф – в 32 селениях, эпидемический характер был в 7 селениях;

- возвратный тиф – характер эпидемии был в 10 пунктах;

- неопределенный тиф – в 33 пунктах.

То есть врачам действительно приходилось много времени уделять работе с больными и борьбе с эпидемиями, и они не могли выполнять обязанности еще и по судебной медицине⁸.

Также власть обращала внимание на то, чтобы каждый житель губернии имел доступ к врачам и мог получить медицинскую помощь. По статистическим данным в 1911 году в Бердянском уезде обратившихся за помощью было 335572 человека, в Мелитопольском уезде – 426648 человек, в Днепровском уезде – 282281 человек, а прошли лечение в Бердянской грязелечебнице 762 человека⁹.

⁷ ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 94. Л. 5-10.

⁸ Памятная книжка Таврической губернии на 1915 год. Симферополь, 1915. С. 55-56.

⁹ Обзор о состоянии Таврической губернии за 1911 год. Симферополь, 1912. С. 33-34.

В городе Бердянске в 1913 году действовало пять обычных аптек¹⁰. Годом ранее их было четыре¹¹. За этот год за лечением в Бердянском уезде обратилось 360386 человек, в Мелитопольском уезде — 444003 человека, а в Днепровском уезде — 339999 человек. Пациентами Бердянской грязелечебницы в 1913 году были 939 человек¹². Можно говорить об увеличении количества людей, получающих медицинскую помощь.

Вопрос о работе городской грязелечебницы, доступе людей к лечению в ней поднимался властями 28 февраля 1911 года на заседании Бердянской городской думы. Согласно уставу грязелечебницы, пациенты могли быть допущены к принятию ванн только после осмотра врачами этого учреждения. Если же пациент получал направление на лечение от другого городского или иного врача, то вынужден был проходить повторный осмотр у врача при грязелечебнице. У пациентов такая практика вызывала недовольство, и они просили своих врачей назначить им другое лечение, что приводило к ущербу для грязелечебницы. Поэтому появился проект изменений в ее устав. Было предложено, чтобы практикующие врачи в городе начали бы выдавать такие же бланки приема пациентов, как в грязелечебнице. Пациентам теперь не нужно было бы проходить осмотр повторно. Информацию о больных практикующие врачи должны были передавать по окончании сезона. Таврический губернатор поддержал предложенные изменения в устав¹³. Таким образом упростался доступ к лечению.

На финансирование медицинских учреждений города Бердянска выделялось значительное количество средств. Так, в 1913 году на содержание медицинских, ветеринарных и санитарных ведомств было потрачено 64692 рублей 39 копеек и, кроме того, на содержание городской скотобойни 2513 рублей 70 копеек. Для сравнения город Мелитополь выделил на те же статьи расходов соответственно 24816 рублей 42 копейки и 195 рублей 17 копеек, в Алешках — 1766 рублей 19 копеек и 472 рублей 12 копеек¹⁴.

¹⁰ Памятная книжка Таврической губернии на 1915 год... С. 54.

¹¹ Обзор о состоянии Таврической губернии за 1912 год. Симферополь, 1913. С. 35.

¹² Памятная книжка Таврической губернии на 1915 год... С. 54.

¹³ ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 102. Л. 8-16.

¹⁴ Памятная книжка Таврической губернии на 1915 год... С. 110.

Можем предположить, что и несколькими годами ранее сумма была примерно такой же. Выделяя такие значительные средства на систему здравоохранения, рассматривался и вопрос об источниках ее финансирования, искались разные возможности пополнения бюджета. Один из предлагаемых вариантов предусматривал введение нового дополнительного налога (больничного) с рабочих и домашней прислуги. Налог составлял один рубль в год с каждого человека. Если при этом человек попадал в больницу — лечение было бы бесплатное. Если же человек не платил налог, то лечение обошлось бы ему дороже одного рубля. Такой проект находился в 1911 году на рассмотрении в Бердянской городской думе. При первом обращении в МВД ходатайство посчитали нужным удовлетворить. Однако позже оно было отклонено. В Государственной думе негативно отнеслись к такому предложению, исходящему из Киева¹⁵.

20 января 1912 года в Бердянске состоялось собрание Городской думы, где поднимался вопрос о санитарном деле. Было принято решение об организации и порядке действий санитарных попечительств в городе Бердянске. Создание санитарных попечительств было необходимо для улучшения санитарных условий города, проведения мероприятий по охранению народного здоровья и наблюдения за исполнением обязательных постановлений по санитарной и ветеринарной части. Город был разделен на четыре участка, в каждом действовало свое отдельное санитарное попечительство. Они находились непосредственно под управлением Городской управы и объединялись в своей деятельности Санитарной комиссией.

Санитарные попечительства должны были состоять не менее чем из 3 членов: санитарного врача или другого врача, состоящего на городской службе, гласных Городской думы или городских избирателей по данному участку. Кроме того, членами попечительства могли быть: все живущие в городе врачи — вольно практикующие и состоящие на государственной, общественной или частной службе, представители ведомств, благотворительных учреждений, а также другие лица обоего пола, пользующиеся уважением и доверием населения.

¹⁵ ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 41. Л. 43–44.

В сферу ответственности санитарных попечительств входило:

- обнаружение и устранение неблагоприятных условий, которые могли провоцировать распространения болезней на участке;
- ознакомление людей с санитарными нормами и правилами, общее медицинское просвещение;
- побуждение домовладельцев и собственников фабрик и заводов к соблюдению санитарных правил и обязательных постановлений Городской думы.

Контролю и наблюдению санитарных попечительств подлежали:

- все виды собственности сооружений для водоснабжения и удаления нечистот;
- общественные места, такие как площади, парки, бульвары, кладбища, улицы и другое;
- общественные заведения, такие как школы, торговые палаты, склады, рынки, казенные дома, ночлежные дома и другое;
- источники водоснабжения, то есть реки, озера, колодцы и другие водоемы.

О нарушениях правил сообщалось Городской управе. Они могли повлечь за собой судебную ответственность.

По истечению каждого года санитарные попечительства должны были составлять краткий отчет о своей деятельности, который представлялся в Городскую управу для составления годового отчета о деятельности всех санитарных попечительств в городе, который, в свою очередь, докладывался Городской санитарной комиссии¹⁶.

Как мы видим, медицинская система на территории Бердянского уезда имела определенные недостатки. В частности, были проблемы с возложением на земских врачей дополнительных судебно-медицинских функций, что могло негативно сказаться на исполнении ими прямых обязанностей (борьбе с распространением заразных болезней, работе амбулаторий и выезде к тяжелым больным). Стоял вопрос о финансировании медицины, так как на эту статью расхода уходила значительная сумма из бюджета. Возникали затруднения и при устройстве больных в грязелечебницу (двойной осмотр), устранение которых стало предметом рассмотрения в Городской думе.

¹⁶ ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 261. Л. 2-3.

В целом, Бердянск мог предоставить определенный доступ населению города и прилегающих территорий к медицинской помощи, в городе действовала городская больница, были ветеринарные врачи, пять аптек, действовала городская грязелечебница. Для контроля над соблюдением санитарных правил и распоряжений органов самоуправления города создавались санитарные попечительства. По окончании года составлялись ведомости об оказанной помощи, что позволяло анализировать и прогнозировать ситуацию в здравоохранении, выстраивать стратегию развития.

Г. Ю. АФАНАСЬЕВ

**«Индустриальный молох» и «бег на месте»
Российской империи: к вопросу о выработке политики
защиты окружающей среды от промышленных
загрязнений в последней четверти XIX – начале XX века**

Аннотация: Русский император Александр III 27 марта 1881 г. переселился в загородную резиденцию в Гатчине, которая стала на все 13 лет его царствования «вторым домом». По воспоминаниям современников, наряду с террористической угрозой, это было вызвано нелюбовью к грязному, большому городу Санкт-Петербургу, сезонное «дачное бегство» из которого действительно нарастало с середины XIX века. Относилось это и к другим городским центрам империи, в которых с момента «Великих реформ» увеличивалась промышленная концентрация. На материалах фондов Российского государственного исторического архива и Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга автором исследуются «экологические» проявления промышленной деятельности, прослеживается степень общественного участия и стратегии государственной власти в решении проблем негативного влияния индустрии на окружающую среду.

Ключевые слова: промышленная санитария, индустриализация, экология, заводы, загрязнения, окружающая среда, локалисты.

Динамичный рост экономики и промышленности Российской империи в середине XIX века, ставший результатом введения серии реформ торгово-экономической и социальной жизни страны, впоследствии прозванных «Великими», происходил на фоне резкого обострения медико-санитарной и эпидемической ситуации в регионах. Аграрные трудности сельского хозяйства, демонстрируемые серией региональных и межрегиональных недородов и голодных лет в деревне (1833, 1840, 1851, 1856, 1860, 1868, 1873, 1880, 1884, 1891–1893)¹, стимулировали интерес трудового населения к поиску применения своих сил в промышленном производстве, что вызывало приток людской массы в города². Рост численности их населения, совпадавший с возникновением там частых вспышек смертоносных эпидемий (холеры 1866, 1872, 1892–1893; чумы 1879)³, в связи с этим сдвиги в медико-санитарном деле и прикладных его отраслях,

¹ Щепкин В. Н. Голод в России. Исторический очерк // Исторический вестник. 1886. Т. 24. № 6. С. 509–510.

² Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 440; Города России в 1914 году. Пг., 1915. С. 113–122.

³ Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. М., 1960. С. 319–322.

расширившихся благодаря введению в России новых муниципальных органов земского (1864) и городского самоуправления (1870), постройка и техническая модернизация обеспечивающей жизнедеятельность городов санитарной инфраструктуры (водопроводы в Санкт-Петербурге, 1863; Одессе, 1872; Саратове, 1876)⁴ способствовали исследованиям воздействия индустрии на повседневную сторону городской жилой и окружающей среды.

Тема загрязнения ресурсов окружающей среды промышленностью, меры, предпринимаемые властью, обществом и государством конца XIX — начала XX в., интересовали исследователей истории санитарно-медицинской и гигиенической сферы еще с начала 1890-х гг. представлены статьями и публикациями А. В. Погожева (1894) и Г. В. Хлопина (1902)⁵. Впоследствии отдельные аспекты поднимались в исследованиях советских ученых Л. С. Гурвич (1947), М. С. Несмеяновой (1953)⁶. Существенным сдвигом в изучении истории индустриального вреда в имперский период стало возникновение в исторической науке России конца XX — начала XXI в. направления экологическая история. В начале XXI в. отдельные аспекты темы освещались в статьях Е. В. Новосад (2002), А. Б. Агафоновой (2015)⁷. Свой вклад в исследование темы внесли и зарубежные исследователи М. В. Поддубный (1997),

---

⁴ Данилов Ф. А. Водопроводы русских городов: Крат. описание, сост. по данным, собр. в 1910 г. Постоян. бюро рус. водопровод. съездов, инж. — техн. Ф. А. Даниловым. Вып. [1]-2. М., 1911-1913.

⁵ Погожев А. В. К вопросу для установления санитарных норм для фабрик и заводов. СПб., 1894; Хлопин Г. В. Загрязнение проточных вод хозяйственными и фабричными отбросами и меры к его устранению. Юрьев, 1902.

⁶ Гурвич Л. С. Вопросы коммунальной гигиены в трудах съездов естествоиспытателей и врачей // Гигиена и санитария. Л., 1948. № 5. Г. 13. С. 41-47; Несмеянова М. С. Из истории развития проблемы охраны водоемов от загрязнения промышленными сточными водами в России // Вопросы гигиены и методики гигиенических исследований. Л., 1953. С. 263-278.

⁷ Новосад Е. В. Загрязнение Волги в период становления нефтяной промышленности в России // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 1. М., 2006. С. 64-70; Агафонова А. Б. Экологические последствия промышленного природопользования в городах Вологодской и Новгородской губерний в последней трети XIX — начале XX вв. // Экологическая история Сибирского Севера: перспективные направления исследований: Материалы всерос. науч. семинара (15-16 октября 2015 г.). Сургут, 2015. С. 121-135.

А. Мазанник (2017)⁸. Статья А. В. Виноградова (2021) комплексно освящает российское законодательство по противодействию промышленным загрязнениям XIX – начала XX вв. без попытки определения общего вектора и содержания прото-экологической политики в индустрии страны в этот период⁹.

Значительное расширение промышленно-заводской сферы для удовлетворения открывшихся потребностей железнодорожного строительства, машиностроения, горнодобывающего производства, сферы легкой промышленности способствовал усилению негативных влияний на население и окружающую среду населенных пунктов. Локальные исследования земских и губернских органов отдельных частей или окрестностей столичных городов и некоторых промышленных центров (Санкт-Петербург, окраины, 1874; бассейн р. Яузы, Москва, 1875; р. Нева, Санкт-Петербург, 1876; Иваново-Вознесенск, р. Уводь, 1876; Санкт-Петербург, окраины, 1878; Москва, 1879–1882; рек Гайсинского уезда Подольской губернии, 1878; Лодзь, окраины, 1878)¹⁰, фиксировавшие «индустриальный вред» на местах, к началу 1880-х гг. постепенно обретают региональный охват и отмечают пролонгированное загрязнение и водной и, отчасти, воздушной среды поселений регионов (санитарное обследование свеклосахарной промышленности Юго-западного края, 1878–1880; промышленности Москвы и Московской губернии, 1879–1884; Царства Польского, 1887)¹¹. Возникновение общественно-научных

⁸ Поддубный М. В. Санитарная охрана окружающей среды в России и СССР в первой половине XX века. Серия: «Охрана дикой природы». Киев, 1997; Mazanik A. Industrial waste, river pollution and water politics in Central Russia, 1880–1917 // *Water History*. 2018. № 10 (2–3). P. 207–222.

⁹ Виноградов А. В. Борьба с промышленным загрязнением в Российской империи: законодательный контекст (1800–1917) // *Научный диалог*. 2021. № 2. С. 277–291.

¹⁰ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 102. Оп. 1. Д. 1532. Л. 57–57 об.; История города Иванова: В 2 ч. Иваново, 1958. Ч. 1. С. 103; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 40. Д. 1749. Л. 7; Труды комиссии Высочайше утвержденной для составления проекта положения об устройстве и содержании промышленных заведений и складов о надзоре за производством в них работ. Т. II. Извлечения из законов и практика их применения. СПб., 1895. С. 169.

¹¹ Погожев А. В. К вопросу для установления санитарных норм... С. 4; Дементьев Е. М. Санитарное исследование фабрик и заводов Коломенского уезда. М.,

изданий в области здравоохранения и гигиены, периодическая актуализация вопроса о промышленных загрязнениях воды и воздуха на площадках общественно-научных съездах с участием университетских санитарно-гигиенических кадров Санкт-Петербурга и Москвы (А.П. Доброславина, Ф.Ф. Эрисмана) и земских медиков-практиков с середины 1870-х гг. (Съездов естествоиспытателей и врачей России, Русского общества народного здоровья)¹² поднимали вопрос создания механизмов регулирования вредного воздействия промышленности окружающую жилую и природную среду. Доминирование в среде российской медицинской общественности¹³ локалистской концепции немецкого гигиениста, профессора Мюнхенского университета, М. фон Петтенкофера (влияние «факторов среды и места» на степень санитарного вреда от предприятий, изучение каждого случая вреда промышленности на загрязнение окружающей среды в отдельности), во многом определявшей санитарный аспект промышленной политики Германской империи того времени¹⁴, было весьма созвучно изменению промышленной политики в Российской империи, наметившемуся с конца 1870-х гг. Оно характеризовалось переходом к протекционистским началам, постулированным немецкой экономической школой тех лет.

Особенности устройства имперской административно-управленческой модели (в частности трудности обратной связи), замедлявшие процесс организации на местах сети научно-санитарного изучения и контроля за промышленной сферой (лучшее начинание германского опыта тех лет!), и проведение санитарных мер исключительно в формате земской и городской медицины (институтах, еще не устоявшихся в общероссийской структуре власти) делало в таких условиях техническую реализацию локалистской концепции весьма трудновыполнимой. Постепенное появление и расширение действия общего санитарного контроля в промышленности

1885. С. 30–31; Янжул И.И. Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. СПб., 1911. С. 109.

¹² Лотова Е.И. Русская интеллигенция и вопросы общественной гигиены. М., 1962. С. 85–94.

¹³ Хлопин Г.В. Загрязнение проточных вод... С. 2–3.

¹⁴ Там же. С. 106–107.

формированием фабричной инспекции (1882) и ее распространение в заводских губерниях Европейской России (1886–1889), Польши (1891), Кавказа (Баку, 1889; Тифлис, 1893)¹⁵, создание технического надзора в промышленности и на транспорте (закон об освидетельствовании паровых котлов, 1889)¹⁶, принятие правил перевозки токсичных веществ (нефти и минеральных масел, 1887, 1891)¹⁷ — все это, тем не менее, не способствовало контролированию динамики процесса промышленного загрязнения воды и воздуха, оставляя желать выполнения этих функций более привычным для власти законодательным исправлением недостатков деятельности фабрично-заводского дела.

Формирование общегосударственной правовой сферы промышленного и санитарного законодательства путем принятия рамочных и специальных регулирующих распоряжений и законов вызывали одобрение у ведущих российских представителей экспертного сообщества медико-санитарной и врачебно-фабричной направленности 1880-х гг. (профессора Ф. Ф. Эрисмана, лейб-медика императора В. С. Боткина, фабричного инспектора Московской губернии И. И. Янжула)¹⁸, центральных органов санитарного промышленного управления второй половины 1880-х гг.¹⁹ Тем не менее, практическая эффективность ограничительной политики в отношении промышленных загрязнений (примером которой в условиях XIX в. была британская метрополия) оказывалась до начала 1900-х гг. крайне спорной из-за отсутствия научно-мотивированных и технически исполнимых санитарных норм очистки выбросов предприятий.

¹⁵ Володин А. Ю. История фабричной инспекции в России 1882–1914 гг. М., 2009. С. 32, 34–35.

¹⁶ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье (ПСЗ. Собр. 3). Том IX (1889). № 6086. СПб., 1891. С. 327–328; Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. М., 1904. С. 239.

¹⁷ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 5 мая 1887 г. № 41. Ст. 368. СПб., 1887. С. 654; Министерство финансов. Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей. Краткий очерк русской нефтяной промышленности. 1915 г. // НСБ РГИА. Печатные записки (коллекция). № 2595. С. 9.

¹⁸ Эрисман Ф. Ф. Различные способы удаления нечистот из населенных мест по отношению к оздоровлению городов. СПб., 1875; Янжул И. И. Очерки и исследования: Сб. ст. по вопр. нар. хоз-ва, политики и законодательства: В 2 т. М., 1884. Т. 2. С. 252.

¹⁹ Погожев А. В. К вопросу для установления санитарных норм... С. 4.

В условиях Российской империи первые попытки законодательного регулирования промышленного вреда городской жилой среде, предпринятые в конце 1840-х гг., наряду с неясностью санитарно-технических требований и механизмов их исполнения, содержали весьма строгие санкции к заводам, «смарад и нечистоту производящим» (1053 ст. Уложения о наказаниях 1845 г.)²⁰.

Новые тенденции в финансово-промышленной политике страны, начавшиеся с 1890-х гг., направленные на расширение и модернизацию производственной базы государства, совпали с кризисом локалистской линии в промышленной санитарии и необходимостью выработки и общего законодательного закрепления санитарных норм. Тем не менее, образованные в 1892 и 1894 гг. при Медицинском совете МВД и Департаменте внутренней торговли и мануфактур Министерства финансов межведомственные комиссии, в отсутствие комплексного обобщающего материала о степени загрязнений того или иного природного ресурса по регионам, оказались не способны представить ясные параметры санитарно-технических требований²¹. Повторные попытки обращения к вопросу выработки общих законодательных мер с помощью ведомственных и межведомственных комиссий Министерства финансов 1897 и 1901 гг. также не дали положительного результата²². Однако в период 1897–1904 гг. после комплексных исследований со стороны Медицинского совета МВД (с привлечением к работе нового поколения российских гигиенистов из Санкт-Петербурга, Москвы, Юрьева: Г. В. Хлопина, А. В. Никитина, С. А. Шидловского, И. Н. Арнольда), вызвавших некоторую дискуссию между предпринимательскими и научно-общественными организациями (IX Съезд деятелей

²⁰ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 430, 556.

²¹ *Погожев А. В.* К вопросу для установления санитарных норм... С. 3–4; Труды комиссии, высочайше утвержденной для составления проекта положения об устройстве и содержании промышленных заведений и складов о надзоре за производством в них работ. Т. I–IV. СПб., 1895.

²² Журналы заседаний совещания, образованного для предварительного рассмотрения представления министра финансов 19 октября 1901 г. за № 11299 об особых постановлениях, касающихся устройства и содержания промышленных заведений, об изменении штата Комитета по техническим делам при отделе промышленности и фабричной инспекции // РГИА. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 1. Л. 49 об., 53, 55 об., 59 об., 63.

по водным путям и Императорским обществом рыбководства и рыболовства), были разработаны и 27 мая 1904 г. приняты «Правила об ограждении Каспийско-Волжских водных путей от загрязнения нефтью». Они впервые постулировали реальность прогрессирующего нефтяного загрязнения бассейна крупнейшей пресноводной реки и транспортной артерии России и вводили жесткий параметр на ее транспортировку на Каспии и по Волге (только железными судами)²³. Ввиду жалоб предпринимательских организаций к Совету министров в силу его положения так и не были введены.

Отсутствие внятных ориентиров для применения имеющихся контурных законодательных постановлений совмещалось со строгостью санкций к промышленникам, выступавшим одним из важных условий управленческой эффективности того или иного главы местной администрации. Это способствовало поиску последней компромиссов и «политике договоров» с фабрикантами и заводчиками, направленных на постройку за их счет инфраструктуры санитарных коммуникаций поселений в обмен на неприменение к ним санкций при выявлении жалоб²⁴. Практикуемые администрацией некоторых промышленных городов соглашения с корпорацией предпринимателей о таком строительстве (водопровода Иваново-Вознесенске, 1877; Твери, 1884; Лодзи, 1880; канализации в Лодзи (1897) и Санкт-Петербурге, 1899), тем не менее, не давали практического результата²⁵. Запоздание организующих инициатив со стороны центральной власти, направленных на изучение санитарного положения промышленности и приносимого ею вреда окружающей среде специализированными долгосрочными научно-исследовательскими

²³ ПСЗ. Собр. 3. Т. XXIV (1904). № 24631. С. 557–560; *Новосад Е. В.* Загрязнение Волги в период становления нефтяной промышленности в России... С. 64–70.

²⁴ Докладная записка исполняющего должность владимирского губернатора статского советника С. А. Хвостова министру внутренних дел Д. С. Сипягину по вопросу о загрязнении р. Уводи фабриками Иваново-Вознесенска от 5 декабря 1901 г. // РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. 1901 г. Д. 3694. Л. 5–5 об.

²⁵ Положение дела очистки вод Петроковской губернии // РГИА. Ф. 1288. Оп. 16. 1911 г. Д. 40. Л. 334–336 об.; Труды комиссии, высочайше утвержденной для составления проекта положения об устройстве и содержании промышленных заведений и складов о надзоре за производством в них работ. Т. II: Извлечения из законов и практика их применения. СПб., 1895. С. 169.

объединениями и институтами, способствовало в начале XX в. возникновению их под контролем предпринимательских организаций на Юге России («Комиссия по очистке сточных вод» при Всероссийском съезде сахарозаводчиков, 1902) и в центральном промышленном районе («Временный комитет по охране вод Московского промышленного района», 1911)²⁶, а также со стороны всероссийских научно-общественных объединений («Комиссия по очистке сточных вод» Пироговского съезда, 1902; Императорское общество рыболовства и рыбоводства, 1904; Всероссийские водопроводные съезды, 1893–1913), известных либерально-критической позицией по отношению к действиям царской администрации²⁷. При муниципальном городском управлении в начале XX в. формировались учреждения по изучению тенденций развития очистных технологий и сооружений (биологические станции по очистке сточных вод в Москве, Царском селе, Варшаве, 1902–1905 гг.; Санитарно-технический институт в Санкт-Петербурге, 1909)²⁸.

Разработки санитарно-медицинских структур Министерства внутренних дел, обладавших большим количеством информации о загрязнении водных ресурсов в результате проведения санитарных обследований и инспекций городов и местностей (1897–99, 1904, 1908–09 гг.) и подключивших к делу авторитетных специалистов в области санитарной и гигиенической науки (Г. В. Хлопина, Л. Б. Бертенсона, А. А. Веденяпина, С. В. Шидловского), привели к установлению строгих требований ограничительного характера, опиравшихся на общие санитарные требования к здоровью людей²⁹. Усиление возможностей судебного давления со стороны

---

²⁶ Очерк деятельности Экспертной комиссии по очистке сточных вод, образованной при Всероссийском обществе сахарозаводчиков // РГИА. Ф. 1288. Оп. 16. 1911 г. Д. 40. Л. 329–333; Положение о комитете по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов // РГИА. Ф. 1288. Оп. 16. 1910 г. Д. 18. Л. 85–86 об.

²⁷ Несмеянова М. С. Из истории развития проблемы охраны водоемов от загрязнения... С. 266–267.

²⁸ Поддубный М. В. Санитарная охрана окружающей среды в России и СССР... С. 5.

²⁹ Доклад образованной при Медицинском Совете МВД Комиссии по установлению требований к качеству сточных вод, спускаемых в общественные водоемы от 20 мая 1907 г. // РГИА. Ф. 1294. Оп. 10. Внутр. оп. 1. Д. 590. Л. 1.

населения ущемляло интересы стремившихся к европейскому уровню развития промышленности предпринимателей, не обладавших достаточными резервными капиталами для амортизации изъятий своих производств. Изданные 3 марта 1908 г. циркуляром МВД нормы санитарной очистки сточных вод, явившихся плодом разработки медицинских экспертов этого ведомства нашли множество возражений со стороны промышленников, а также специалистов санитарии из фабричной инспекции центрального промышленного района (В. П. Литвинов-Фалинский, К. Россолимо). Это способствовало учреждению 12 июля 1911 г. «Временного комитета по охране вод Московского промышленного района», первой долгосрочной исследовательской организации по вопросу о водных загрязнениях³⁰. Таким образом, к 1910-м гг. ограничительная политическая линия в вопросах противодействия промышленным загрязнениям окружающей среды, сложившаяся к началу 1890-х гг. в центральном аппарате государства, зашла в тупик. Актуализация дискуссий о дальнейшем пути развития системы здравоохранения стране, общественно-политическое противоборство «казенного» и «земского» пути развития здравоохранения в условиях «усовершенствованного государственного порядка» с 1905 г., отсутствие единства в этом вопросе со стороны государственных и общественных интересов — все это привело к затягиванию решений вопроса о санитарной охране природных ресурсов от негативного действия промышленности, несмотря на дальнейшие попытки медицинских органов МВД провести необходимые законопроектные «О санитарной охране воды, почвы, воздуха», (1913) и «О санитарной охране воздуха от загрязнения дымом», (1914)³¹.

Завершающая фаза промышленного переворота и начало процесса индустриализации в Российской империи способствовали нарастанию негативного воздействия техносферы на окружающую

³⁰ Циркуляр министра внутренних дел П. А. Столыпина губернаторам о нормах санитарной очистки сточных вод от 5 марта 1908 г. // РГИА. Ф. 23. Оп. 17. Д. 150. Л. 20–21; Положение о комитете по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов // РГИА. Ф. 1288. Оп. 16. 1910 г. Д. 18. Л. 85–86 об.

³¹ Поддубный М. В. Санитарная охрана окружающей среды в России и СССР... С. 7.

среду. Это способствовало поискам адекватного ответа на возникающий вызов, который также стоял перед всеми индустриально развивающимися странами того времени. Выбор политики в этом вопросе в то время был связан с отсутствием эффективных кардинальных решений. Противоречивость общей линии экономической и промышленной политики, усиливающаяся тревожность и дезориентация административной власти в связи с ростом жалоб на местах способствовали метанию между двумя линиями — локалистской и ограничительной. Это привело к потере влияния на процесс формирования мониторинговой сети санитарно-гигиенических научно-исследовательских объединений, и, как следствие, — утрате государственного контроля за политикой противодействия промышленным загрязнениям окружающей среды к началу Первой мировой войны.

И. М. БУЛЫГА

Проект реформы Государственного совета Д. Ф. Трепова в 1905 году

Аннотация: В статье рассматривается записка Д. Ф. Трепова о реформе Государственного совета с привлечением в него выборных от населения. Анализу подвергается содержание проекта, его связь с предыдущими попытками реформирования указанного учреждения, а также с политическим мировоззрением Трепова. Делается вывод о влиянии предложений на реформаторский процесс 1905 г.

Ключевые слова: Д. Ф. Трепов, Государственный совет, революция 1905–1907 гг., Николай II, народное представительство.

Современники оставили о Д. Ф. Трепове противоречащие друг другу мнения: от утверждения, что он своими действиями «отодвинул настолько падение империи, что явилась возможность дать манифест 17-го октября»¹, до характеристики его, как «узкого царедворца и тупого государственного деятеля»². Схожие оценки перекочевали и в историографию³. Вместе с тем, все признавали его сильное влияние на государственную политику 1905–1906 гг., в том числе и в сфере учреждения народного представительства.

Трепов не был принципиальным противником преобразований. С. В. Зубатов вспоминал, что обсуждал с ним «взгляды на самодержавие и политическую свободу, занимаясь не столько статикой самодержавия, сколько его динамикой»⁴. Кроме того, сам Трепов в разговоре с царем заявлял, что необходимо «систематической строгостью восстановить порядок в России» и одновременно вводить

---

¹ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 44.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1620. Оп. 1. Д. 550. Л. 6.

³ Оксман Ю. Г. Из бумаг Д. Ф. Трепова // Красный архив. 1925. Т. 11–12. С. 448–451; Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. М., 1970. С. 57; Глебова И. И. Задача государства — «создание твердо сплоченной консервативной партии порядка» (из официальной переписки Николая II и Д. Ф. Трепова) // Россия и современный мир. 2003. № 3. С. 183; Куликов С. В. Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в начале XX века // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2019. С. 200.

⁴ Козьмин Б. П. Зубатов и его корреспонденты: Среди охранников, жандармов и провокаторов. М. — Л., 1928. С. 69.

«последовательно либеральные мероприятия, клонящиеся к установлению конституционного порядка»⁵. Однако, в феврале 1905 г., занимая должность санкт-петербургского генерал-губернатора, он не был сторонником немедленного создания представительства, отмечая государю, что «ни сегодня, ни в ближайшем будущем никакими обещаниями не удастся достигнуть успокоения умов»⁶. От рескрипта Булыгину 18 февраля он «пришел в ужас»⁷.

Смирившись с народным представительством, так как слово государя было для него законом, он стал разрабатывать записку о введении выборных в Государственный совет. Проект Трепова рассматривался «булыгинским совещанием», в делопроизводстве которого он находился под № 2 в составе «Предположений частных лиц о порядке осуществления Высочайших Его Императорского Величества предубаждений». Впоследствии этот проект вместе с другими будет прислан членам Совета Министров на июньских совещаниях⁸. Однако Трепов составил его сразу после рескрипта 18 февраля, так как 8 марта 1905 г. уже представил его царю⁹.

В историографии записка Трепова была впервые упомянута А. Хохловым, который отмечал прямую зависимость проекта с реформой Государственного совета П. А. Валуева¹⁰. Е. Д. Черменский указывал, что генерал-губернатор запиской пытался всеми силами свести на нет рескрипт Булыгину 18 февраля 1905 г.¹¹ А. П. Бородин в монографии, посвященной Государственному совету, не анализирует проект Трепова, но упоминает его в числе прочих сановников, советовавших царям преобразовать учреждение «в трудные моменты их царствования»¹². Несмотря на упоминания

⁵ Мосолов А. А. При дворе последнего императора... С. 39.

⁶ Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. ... С. 60.

⁷ РГИА. Ф. 696. Оп. 1. Д. 79. Л. 14 об.

⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 38. Л. 422–427 об.

⁹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2075. Оп. 7. Д. 6. Л. 2.

¹⁰ Хохлов А. Трепов в борьбе с общественностью // Русское прошлое. 1923. № 4. С. 43.

¹¹ Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. ... С. 60.

¹² Бородин А. П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999. С. 4.

записки в исторических исследованиях, она еще не была подробно проанализирована.

Проекты реформы Государственного совета уже разрабатывались среди правительственной бюрократии. Наиболее известной была попытка П. А. Валуева, предлагавшего в 1863 г. ввести в учреждение выборных представителей земств. В декабре 1904 г. на совещании сановников обсуждалась программа реформ П. Д. Святополк-Мирского, третьим пунктом которой являлось введение выборных представителей от губернских земских собраний и городских дум крупных городов в Государственный совет¹³. Николай II сначала согласился утвердить проект министра внутренних дел, но вскоре, под влиянием других сановников, изменил свое мнение¹⁴.

Как отметил С. С. Новосельский, в условиях революции авторы реформы существующего учреждения «были не сторонниками, а противниками народного представительства» и видели в ней «наиболее мягкий, щадящий вариант реформы, которую они не одобряли, но все же предчувствовали, что ее было невозможно избежать»¹⁵. Соглашаясь с этим, следует добавить, что для Трепова, по выражению А. В. Бельгарда, «всякое желание или даже мысль государя» были законом¹⁶. Он опирался на то, что провозглашенное рескриптом намерение привлечь выборных от населения, должно произойти «при непременно сохранении незыблемости основных законов империи». Следовательно, рассуждал Трепов, «рассмотрение законов должно и впредь быть сохранено за Государственным советом»¹⁷. К этому времени привлечь выборных в уже существующее учреждение Николаю II советовал Вильгельм II¹⁸. Вопрос обсуждался и на заседании Совета министров 11 февраля, так что

¹³ Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 55–56.

¹⁴ Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки 1965. № 77. С. 241–242.

¹⁵ Новосельский С. С. Правительственные проекты преодоления революционного кризиса 1905 г. в России. Дис... канд. ист. наук. М, 2019. С. 100.

¹⁶ Бельгард А. В. Воспоминания. М., 2009. С. 225.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 2075. Оп. 7. Д. 6. Л. 2.

¹⁸ Переписка Вильгельма Гогенцоллерна с Николаем Романовым. М. – Пг., 1923. С. 91, 101.

такой вариант учреждения народного представительства был близок царю¹⁹.

Трепов в записке отмечал безусловные выгоды введения избранных населением лиц в Государственный совет. Выборные деятели встроятся в уже существующую бюрократическую систему, в результате чего их работа примет традиции «правильного ведения и руководства законодательными работами»²⁰. Сановник считал, что также можно будет привлечь выборных в особые совещания и комиссии, на которых «могла бы быть возложена предварительная разработка многих из намеченных» указом законопроектов, так и других «могущих возникнуть сложных законодательных вопросов»²¹.

Генерал-губернатор подробно изложил и систему выборов. Количество выборных он соотносил с числом губерний и областей, полагая по одному выборному от губернии и по два от столиц. Порядок избрания выборных у сановника отличался в земских и неземских губерниях. В первом случае процедура выборов происходила бы на основе уже действующей системы с некоторыми дополнениями. Так, выборные из крестьянского сословия не должны были подтверждаться губернатором, как это было по Земскому положению 1890 г. К неземским областям, по мнению Трепова, нельзя было применить существующее положение о земских учреждениях, в связи с отсутствием в них русского дворянства. Поэтому сановник полагал провести там выборы на основании положения 1864 г.²²

Ориентация на систему земств характерна для всех подобных преобразований. Однако Трепов соотносил проект с мнением общественности и революционным процессом, в результате чего его реформа была несколько шире, чем другие подобные проекты. Он признавал, что «вследствие особого значения выборов желательно избежать упрека в давлении со стороны администрации», для чего в период проведения выборов необходимо было учредить особые временные Губернские комитеты, похожие по своей компетенции

¹⁹ Ганелин Р.Ш. Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю. Нольде // Археографический ежегодник. 1989. С. 294.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2075. Оп. 7. Д. 6. Л. 2 об.

²¹ Там же. Л. 3.

²² Там же. Л. 5-5 об.

на те, что создавались при проведении Земской реформы. В них должны были входить председатель дворянства губернии, председатель губернской управы, городской голова губернского города и прокурор местного окружного суда. Причем постановления этого присутствия предполагались быть окончательными и не подлежащими обжалованию²³.

Предложение Трепова предоставляло общественности больше прав, чем другие варианты реформы Государственного совета, предлагавшиеся в 1905 году. Например, Н. А. Хвостов предлагал из губерний, где не было земств, назначать гласных²⁴, а в уже упоминавшихся «Предложениях частных лиц...» проект № 1 советовал, оставив «неприкосновенной» самодержавную власть, в то же время сделать «как бы соучастниками ее деятельности 4 коренных сословия государства»²⁵.

Трепов определял и срок полномочий выборных, который должен быть не короче четырех лет, во избежание слишком частой агитации. Однако он допускал обновления состава выборных через каждые 2 года, посредством замещения половины членов. Это должно было обеспечить «прочность и устойчивость» законодательной политики. Проект предусматривал и финансовое обеспечение представителей населения, для избежания избираемости одних богатых людей, что, по мнению сановника, являлось бы несправедливым. Правда, эти расходы переносились на земские средства губерний, от которых и был избран выборный²⁶.

20 мая в связи с критикой проекта булыгинским совещанием сановник предпринял еще одну попытку добиться поддержки своего проекта²⁷. Он отвергал идею создания Государственной думы, утверждая, что избранные в отдельное представительное учреждение будут настаивать на превращении учреждения из законосовещательного в законодательное, в «результате чего или погибнут тысячелетние основы России или придется распускать Думу и отказаться тем самым

²³ ЦГИА СПб. Ф. 2075. Оп. 7. Д. 6. Л. 6.

²⁴ Новосельский С. С. Правительственные проекты преодоления революционного кризиса 1905 г. в России... С. 103.

²⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 38. Л. 420.

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2075. Оп. 7. Д. 6. Л. 6 об.

²⁷ Там же. Л. 8.

от обещанной меры»²⁸. Несмотря на справедливые замечания сановника, сторонников привлечения выборных в Государственный совет, особенно после Цусимы, было очень мало, как среди общественных деятелей, так и среди представителей высшей бюрократии. Кроме того, Булыгинское совещание отказалось от этой идеи, ввиду многочисленных недостатков такого подхода²⁹. Оно выработало проект создания законосовещательной Государственной думы, который и должен был обсуждаться сановниками летом 1905 года.

Предложения санкт-петербургского генерал-губернатора во многом схожи с предыдущими проектами введения выборных в Государственный совет. Однако многие положения были оригинальными, например, обновление половины состава через каждые два года. По сравнению с другими вариантами реформы уже существующего законосовещательного учреждения, появившимися в 1905 году, рассматриваемый проект более отвечал потребностям общества.

Главным принципом Трепова всегда оставалось сочетание свободы и законного порядка³⁰. При разработке проекта он руководствовался главным образом намерением государя привлечь выборных, не меняя существующего законодательства. Его задачей было организовать условия взаимодействия представителей населения и правительственной власти, а не «создающие почву для взаимного противодействия»³¹. Этим основаниям, по его мнению, отвечало только привлечение выборных в Государственный совет. В организации реформы, уступая общественному мнению, Трепов старался максимально устранить возможное недовольство выборных к администрации, предоставив возможности для самоуправления. Несмотря на отказ от представленного варианта реформы, Трепов и в дальнейшем настаивал на введении выборных в Государственный совет, который стал рассматриваться в качестве верхней палаты по отношению к Государственной думе. Он сыграл значимую роль в последующем реформаторском процессе, в том числе и в вопросе указанного преобразования.

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 2075. Оп. 7. Д. 6. Л. 9–9 об.

²⁹ Материалы по учреждению Государственной думы. СПб., 1905. С. 74–79.

³⁰ Козьмин Б. П. Зубатов и его корреспонденты... С. 72.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 2075. Оп. 7. Д. 6. Л. 9 об.

А. Ю. БЫКОВ

Развитие инфраструктуры путей сообщения в Степном крае в конце XIX – начале XX вв.

Аннотация: Вопрос целесообразности расширения Российской империи на рубеже XIX–XX вв. увязывался с вопросами национальной безопасности, экономического и социального развития центра и периферии, финансовой целесообразности приращений. Одним из способов решения вышеназванных проблем рассматривалось развитие инфраструктуры путей сообщений, особенно железнодорожного транспорта. Статья посвящена рассмотрению вопросов развития транспортной инфраструктуры в Степном крае.

Ключевые слова: развитие железнодорожной сети, Степной край, возникновение логистической инфраструктуры, окраинная политика Российской империи, речной транспорт, гужевого транспорт.

Важнейшим вопросом с последней трети XIX в. для российского правительства в юго-восточных генерал-губернаторствах стал вопрос экономического развития этих окраин. В рамках дискуссии о целесообразности расширения Российской империи с конца XIX в. предметом острой полемики становились финансовые проблемы. В частности, регулярно обсуждался вопрос «рентабельности» Туркестанского края. Местная администрация считала, что его существование покрывается снижением издержек на содержание армии, Министерство финансов не принимало этот аргумент и считало нерентабельным и нецелесообразным сохранение дотационной системы¹. Суть дискуссии можно свести к тому, что Министерство финансов и ряд иных ведомств полагало нерациональным наличие таких администраций окраинных губерний, где расходы на содержание аппарата превышают доходы, получаемые от налогообложения. Их противники, в первую очередь Военное министерство и местные губернские администрации, отстаивали точку зрения, согласно которой расходы на содержание аппарата компенсируются внешнеполитическими преимуществами, а в конечном итоге экономией на расходах на содержание пограничных служб и войск. Эти же вопросы, хотя

---

¹ Ананьич Б., Правилова Е. Имперский фактор в экономическом развитии России, 1700–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей. М., 2004. С. 240–243.

и с меньшей интенсивностью, становились предметом обсуждения в отношении степных областей. Поэтому весьма актуальным являлось именно экономическое развитие юго-восточных окраин.

С целью усиления экономической интеграции Средней Азии, Сибири и степных регионов в единое экономическое пространство российское правительство считало необходимым ускоренное развитие инфраструктуры в Азиатской России. Долгое время основным средством сообщения оставались караванные тропы и водные магистрали. Постепенно на их базе формировалась инфраструктура речных и морских транспортных коммуникаций, получившая наибольшее развитие в XIX–XX вв. на Каспии, Арале и Иртыше². Важнейшим компонентом, несомненно, рассматривалось расширение инфраструктуры наземных путей сообщения. Здесь была создана сеть почтовых трактов, продолжали функционировать и караванные маршруты.

Огромное внимание в конце XIX – начале XX в. уделялось строительству железных дорог, как крупных, таких как Сибирская или Оренбург – Ташкент, так и дорог местного значения, подобных Риддерской или Воскресенской. Одним из первых обратил внимание на необходимость проведения железных дорог в степи В. В. Григорьев, который еще 1856 г. предложил ее строительство через Устьурт, объясняя важность социально-экономическими и военно-политическими причинами³. В 1857 г. на высшем уровне предложение о строительстве железной дороги, которая соединяла бы Каспийское и Аральское моря (озера), было поддержано, но из-за финансовых затруднений в казне реализация проекта откладывалась⁴. Внимание также уделялось и развитию водного транспорта, составлявшего с железнодорожным единый транспортный грузопассажирский комплекс.

Иногда, правда, расширение дорожной сети имело серьезных противников. Так, М.Г. Черняев выступил в «Новом времени»

² Вяткин М. П. Историко-географический очерк Казахстана. Л., 1940. – Машинопись (Неоконченная рукопись (копия) на 118 л. Из личного архива автора). С. 112.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 853. Оп. 2. 1856 г. Д. 6. Л. 1–5.

⁴ Лебедева О. В. История и эволюция дипломатической службы России. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2019. С. 264.

против строительства Закаспийской железной дороги, не имевшей, по его мнению, ни военно-стратегического, ни экономического значения для империи⁵. Хотя, видимо, он ошибался, поскольку только в 1899 г. торговый оборот по этой дороге составил 65 млн. руб. Военно-стратегическое значение также было значительным, поскольку существовавшие до ее строительства возможности не позволяли передислоцировать из Оренбурга в Туркестан более двух рот солдат с интервалом в трое суток⁶, что, между прочим, явилось одной из причин невозможности осуществления «индийского похода» во время кризиса конца 1870-х — начала 1880-х гг.

Существенный рост товаро- и пассажирооборота фиксировался статистикой и по иным железным дорогам Азиатской России. Так, дорога Оренбург — Ташкент во втором десятилетии XX в. приносила доход в 7–8 млн. руб.,⁷ что позволило начать строительство железнодорожной ветки Арысь — Верный. Главными продуктами вывоза здесь являлись хлопок и зерно⁸. По Сибирской магистрали пассажиропоток за период 1900–1912 гг. возрос в 5 раз, составив 3 млн. чел., оборот почтовых учреждений за период 1907–1912 гг. вырос вдвое, достигнув 111 633 340 руб.⁹

Во время поездки по Азиатской России в 1910 г. П. А. Столыпин высказался за строительство железной дороги через весь Степной край с запада на восток от Уральска до Семипалатинска и соединение ее с европейскими дорогами через Саратов (Покровско-Уральская дорога), а также с Южно-Сибирской и Амурской магистралью и Китаем. Целью строительства этой трансконтинентальной дороги ставилось «теснее связать нашу сибирскую окраину с мировым рынком, дать южным

---

⁵ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова: В 2 т. Т. 2: 1887–1892 гг. М., 1966. С. 572.

⁶ «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. Сборник архивных документов. М., 2005. Док. № 83. С. 161.

⁷ Якунин А. Ф. Народы Средней Азии и Казахстана во второй половине XIX века. Присоединение Средней Азии к России. Лекция, прочитанная в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. М., 1954. С. 13.

⁸ Записка Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. // Вопросы колонизации. 1913. № 12. С. 302–303, 348–349.

⁹ Полферов В. Сибирь и ее возможности // Вопросы колонизации. 1914. № 15. С. 3.

Киргизским (казахским. — А. Б.) степям, богатым хлебом, скотом, золотом, медью и каменным углем, возможность сбыта этих богатств»¹⁰.

Из дорог, не замкнутых в общеимперскую железнодорожную сеть, следует выделить дорогу от Экибастуза, где была начата разработка каменного угля и построен цинковый завод, через Майкаин, где были созданы рудники по добыче золота, к иртышскому порту Воскресенску, от названия которого и получила название Воскресенская железная дорога. Далее грузы шли речным транспортом до крупных железнодорожных транспортных узлов, в первую очередь Омска, находившегося ниже по течению. Предполагалось строительство железнодорожного моста через Иртыш и соединение данного участка с Южно-Сибирской железной дорогой. К Омской железной дороге должен был примкнуть участок пути от Петропавловска до Кокчетава¹¹. Значительная часть планов по соединению железных дорог в единую транспортную сеть была осуществлена после сразу революции, а часть не реализована до настоящего времени.

Аналогичное значение имела также Риддерская железная дорога. Она была важна еще и потому, что на Бухтарме было богатейшее по тем временам месторождение серебра, окупавшее издержки на доставку гужевым и частично водным транспортом до Барнаула¹². Удешевление логистики позволяло существенно увеличить прибыль.

Весьма точно была охарактеризована карта железнодорожных путей начала XX в. экспедицией, направленной в 1922 г. ВЦИК и НКПС: «Если мы посмотрим на карту Сибири, то увидим тонкий нерв[,] прорезывающий необъятные пространства степей и тайги, лежащий в стороне от основных хлебных Оазисов и угольных месторождений Западной и Южной Сибири, протягивающий к ним короткие, но глубоко захватывающие щупальцы»¹³.

¹⁰ Цит. по: Сидоровнин Г. П. П. А. Столыпин: Жизнь за Отечество: Жизнеописание (1862–1911). Саратов, 2002. С. 357.

¹¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8001. Оп. 1. Д. 44. Л. 211, 215.

¹² Автобиография А. О. Дюгамеля // Русский архив. 1885. № 5. С. 414.

¹³ РГАЭ. Ф. 8001. Оп. 1. Д. 44. Л. 2.

О развитии железнодорожной сети в нач. XX в. в Азиатской России и ее приближенности/отдаленности от крупнейших месторождений можно судить по карте А. Н. Сидельникова того периода¹⁴.

Значительная часть казахской степи оставалась оторванной от железнодорожной сети Российской империи, что замедляло экономическую интеграцию региона. Уровень развития инфраструктуры железнодорожного сообщения был низок. Так, в 1916 г., чтобы подвезти до Сибирской железной дороги хлеб, закупленный в Акмолинской области, потребовалось мобилизовать у местного русского и казахского населения 48 тыс. подвод и 12 тыс. верблюдов, а стоимость доставки оказалась сопоставимой с расходами на строительство железнодорожной магистрали вглубь области¹⁵.

Испытывала трудности и нарождавшаяся промышленность. Оборудование для Спасского медеплавильного завода пришлось доставлять с большими трудностями на волах за 800 километров. При строительстве Карсакпайского завода оборудование перевозили со станции Джусалы в Карсакпай по перекидной узкоколейной дороге длиной 140 метров, затянув период доставки до трех лет. До постройки узкоколейки «Спасский завод – Карагандинские угольные копи» уголь с копей вывозили с завода за 40 километров в мешках на верблюдах. Медную руду везли с завода на расстояние 120 километров гужом, постоянно курсировало до 1200 подвод. Кроме того, 1000 подвод подвозили лес из Макинки и Каркаралинска. Работа завода зависела от запасов сена, а также от всяких случайностей. Во время распутицы работа предприятий останавливалась вовсе¹⁶. Несмотря на серьезные проблемы, происходило неуклонное увеличение объемов грузоперевозок, что сильнее связывало азиатскую периферию с центром, превращая Российскую империю – в неоднородное, но единое экономическое, политическое и социальное пространство.

¹⁴ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). KGR Ко 110/VII-61.

¹⁵ Журнал комиссии по вопросам переселения и колонизации // Вопросы колонизации. 1917. № 20. С. 138.

¹⁶ Козина В. В. Население Центрального Казахстана (конец XIX в. – 30-е годы XX в.). Кн. 1. Алматы, 2000. С. 36–38.

Строительство железных дорог имело огромное государственное значение. Оно усиливалось ростом товарного производства в России и затруднениями с экспортом российской продукции в Европу, вызванными введением протекционистских тарифов правительствами европейских государств, повлекших за собой так называемые таможенные войны. Роль стабилизирующего фактора в таких условиях могли сыграть лишь рост внутреннего потребления и вывоза товарной продукции на Восток. Включение степных районов во всероссийский рынок, развитие в регионе сети ярмарочной и розничной торговли¹⁷ и расширение сети транспортных коммуникаций способствовало этому же.

Строительство Сибирской железной дороги создало предпосылки для усиления промышленной и крестьянской колонизации Казахстана. Промышленники требовали гарантий своим капиталовложениям в форме введения института частной собственности на землю, что противоречило действовавшему Степному положению 1891 г., согласно которому государственные земли считались в аренде у кочевников и оседлых казахов на неопределенный срок, а частновладельческих хозяйств было крайне мало¹⁸. Возраставшие потребности горнодобывающей промышленности в росте квалифицированных человеческих ресурсов значительно превышали количество желающих становиться рабочими казахов. В результате основную часть казахстанского пролетариата составляли неказахи. Более того, неоднократно ставился вопрос о возможности вселения в Казахстан горнозаводских крестьян, но от такого решения всякий раз отказывались, опасаясь «встревожить местное население»¹⁹. Когда же требовался срочный найм на работу, и не было возможности в краткие сроки привезти рабочих из центральных и южнорусских губерний, приходилось специально командировать в степь тех,

---

¹⁷ См.: Щеглова Т.К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX — начале XX века. Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул, 2001; Умурзаков У.А. Из истории возникновения и развития Куяндино-Ботовской ярмарки // Вестник АН КазССР. 1989. № 11 и др.

¹⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884–1891 гг. Д. 3. Л. 428 об. — 429.

¹⁹ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПбИИ РАН). Ф. 267. Оп. 1. Д. 27. Л. 95.

кто бы нашел желающих наняться джатаков. Так, на Воскресенский завод близ Павлодара «собирали рабочих киргиз (казахов. — А. Б.) в трех уездах»²⁰. Наибольший процент рабочие-казахи составляли в угольной и медеплавильной промышленности, где они обычно занимались низкоквалифицированным ручным трудом. Также они составляли большинство среди погонщиков караванов.

Еще более важную роль сыграли железные дороги в вопросе крестьянской колонизации восточных окраин Российской империи, как вольной, так и в годы столыпинской аграрной реформы.

Незавершенность процессов, связанных с реализацией крупных железнодорожных и сопровождавших их мелких инфраструктурных проектов, ставшая следствием революций и гражданской войны, не позволяет в полной мере оценить их значение для экономической и социальной модернизации Степного края. Несомненно, влияние строительства железных дорог, а также расширение объемов морского и речного судоходства и появление новых маршрутов гужевого сообщения на рост товарного производства сельскохозяйственной продукции, его переработку, зарождение горнодобывающей промышленности. Эти процессы в значительной степени коррелировали с изменениями социальной структуры. Появление таких групп, как пролетариат, мелкая и средняя буржуазия, земледельцы в казахском обществе, а также возникновение новых форм землевладения и землепользования, сложение многонациональной демографической структуры в регионе сопровождались усилением дифференциации общества, его частичной маргинализацией и политизацией региональной элиты.

---

²⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. I. Л. 94.

Т. В. ВОЛГИНА

Сельские приюты-ясли в начале XX века (на примере Санкт-Петербургской губернии)¹

Аннотация: В статье рассматривается деятельность сельских приютов-яслей в начале XX века на примере Санкт-Петербургской губернии. Автор изучает процесс их становления, структуру и функции. Основной мыслью статьи является то, что сельские приюты-ясли в начале XX века играли значительную роль в обеспечении детей местного населения качественным уходом, а также служили важным элементом социальной поддержки. Автор анализирует проблемы и достижения, подчеркивая важность и необходимость таких учреждений для общества того времени.

Ключевые слова: сельские ясли, приюты, деревня, призрение, уход, смертность.

На начало XX века смертность детей от 0 до 5 лет составляла 55,7%, а это было больше половины смертности всего остального населения. Смертность детей от 0 до 1 года составляла 24,3% родившихся, и в течение трех летних месяцев таких младенцев умирало 8,7%, т.е. больше 1/3 всех умерших детей в этом возрасте². С целью сокращения печальной статистики, для сохранения жизни и здоровья детей было принято решение об открытии учреждений по призрению в сельской местности.

В начале XX века все приюты-ясли дневного пребывания подразделялись на постоянные и временные. Временные ясли открывались во время рабочих сезонов при фабриках, заводах и пр., а также в летнее время сельских работ³. В печати активно высказывалась мысль, что особенно организация яслей необходима в летнее время в деревнях, когда все взрослые уходили на полевые работы, а дома оставались одни лишь дети, и грудные младенцы вынужденно опекались подростками или «убогими, старыми людьми, которые сами не менее нуждаются в присмотре и уходе». Все это время дети

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

² Поярков И. М. Приюты-ясли среди крестьянского населения // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 140.

³ Вопрос об охране материнства и борьбе с детской смертностью в Высочайше учрежденной междуведомственной комиссии по пересмотру врачебно-санитарного законодательства // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 3-4. С. 315.

зачастую питались лишь черствым хлебом, картофелем и в редких случаях молоком. Одеты по большей части были в одно лишь белье, которое стиралось очень редко. Нравственное воспитание со стороны подобных «нянек» также ставилось под сомнение⁴. В результате было решено, что на летнее время Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества будет устраивать целую сеть деревенских приютов-яслей, используя для них помещения освободившихся на лето школьных зданий⁵.

Особое внимание к организации сельских яслей возникло с началом Первой Мировой войны, когда мужское сельское население было призвано в армию, вследствие чего матери были вынуждены трудиться на полях с большим усилием⁶.

Таким образом, главной целью организации сельских яслей стала борьба с высокой детской смертностью. Смертность детей была особенно велика в летние жаркие месяцы вследствие поносов, которыми страдали больше всего дети, находящиеся на искусственном вскармливании. Сельские ясли должны были решить данную проблему с помощью организации должного ухода и присмотра за детьми, который им не могли предоставить матери в летнее время.

Для организации сельских яслей были выработаны правила по организации ухода и присмотра за детьми. Их работа ограничивалась летними месяцами. Дети могли приниматься уже с грудного возраста, в том случае если при яслях постоянно находился врач. Если организация медицинского надзора была невозможна, то детей принимали только с полутора лет. Предельным возрастом для приема назывался семилетний⁷. Принос детей в ясли был возможен только из деревень, в которых функционировали ясли, и соседних, стоящих не дальше чем в полутора верстах.

Для работы сельских приютов-яслей был составлен примерный перечень необходимых предметов, включавший в себя мебель, посуду

⁴ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 8. Оп. 1. Д. 683. Л. 27.

⁵ Попечительство об охране материнства и младенчества и его задачи // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 1-2. С. 62.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 767. Оп. 1. Д. 94. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 11.

и одежду для призреваемых детей (соски, пеленки, одеяла, кровати), нянь, кормилиц, а также предметы быта для организации кухни и минимальную аптечку (термометр, вата, йод)⁸. Расходы на организацию составляли в среднем 226 рублей, с постоянной сезонной доплатой⁹.

Врач должен был осматривать всех детей до поступления в ясли для того, чтобы туда не попали дети с разными болезнями: сифилисом, травмой, «чесоткой», а то и со скарлатиной, корью или коклюшем¹⁰.

Особенно важным был вопрос гигиены детей. Так как в деревнях не было возможности организовать купание в ваннах, то приходилось мыть детей из небольшой лейки водой. Очень облегчалось дело, если при яслях была баня. Если поблизости протекала речка или было озеро, то рекомендовалось водить туда детей купаться, но в возрасте не младше 4–5 лет¹¹.

Крестьянские дети были свободолюбивы и самостоятельны, поэтому рекомендовалось прилегающую территорию огородить, чтобы облегчить за ними надзор.

Ответственными за содержание яслей предполагалось назначать жен и взрослых дочерей священно-церковнослужителей, землевладельцев, учительниц и «других свободных от своих прямых занятий в летнее время лиц»¹². Всероссийским попечительством об охране материнства и младенчества были организованы краткосрочные (шестинедельные) курсы по охране материнства и младенчества для лиц, имеющих медицинскую подготовку (медички, фельдшерицы, акушерки), с целью их дальнейшего командирования в деревни на должности заведующих сельскими приютами-яслями¹³.

Помимо заведывания непосредственно яслями сестры Попечительства организовывали сельские консультации, имеющие целью сохранение здоровья грудных детей первых двух лет, производство осмотра детей и обучение матерей правилам кормления и ухода,

⁸ РГИА. Ф. 767. Оп. 2. Д. 416. Л. 7–8.

⁹ Фруменкова Т. Г. Детские сады и ясли в русской пореформенной деревне (сельские приюты и ясли Петербургского воспитательного дома во второй половине XIX – начале XX века) // Вестник Герценовского университета. 2008. № 5(55). С. 73.

¹⁰ РГИА. Ф. 767. Оп. 2. Д. 416. Л. 19.

¹¹ Там же. Л. 22.

¹² РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 95. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 43.

а также патронаж — посещение преимущественно новорожденных и слабых детей на дому.

Для регулирования деятельности сельских яслей предполагалось организовать кружок «интеллигентных сил», который обязан был следить за тем, чтобы ясли не превратились в «колыбелки»¹⁴, которые устраивались крестьянами.

Организацию сельских яслей в начале XX века на территории Санкт-Петербургской губернии взял на себя Санкт-Петербургский воспитательный дом. Со второй половины XIX века он реализовывал систему размещения детей из города в крестьянских семьях, что в большинстве случаев имело негативные последствия¹⁵. Спустя время в подведомственных округах на летний период для детей из крестьянских семей были открыты приюты-ясли дневного пребывания.

Так, в 1907 году были открыты 9 яслей общей вместимостью на 315 детей. Например, в Лужском округе было нанято для яслей помещение — две соседние между собою избы, с расчетом на 23 питомца, в деревне Заозерье, с платой 27 рублей за весь период их действия (т.е. за два месяца), включая стоимость отопления. При каждом ясельном заведении была надзирательница, а также няньки. Количество нянек зависело от количества призреваемых в яслях детей (до 30 детей — 4 няньки, свыше 30 детей — 5). Однако чаще всего увеличение количества прислуги (нянек и кухарок) зависело от количества призреваемых грудных детей. На продовольствие определялась сумма в 10 копеек на ребенка в день¹⁶. Заведующими и надзирательницами яслей были местные учительницы. Продолжительность действия яслей составлял 51 день с 20 июня по 20 августа без 11 праздничных дней.

Спустя два года стало понятным нерациональное расположение яслей в губернии по деревням. Так, предполагалось объединение

¹⁴ «Колыбелками» назывались сборища детей, где они оставались под слабым надзором какой-нибудь старухи-калеки. Кормили их чем попало, отсутствовала и всякая забота о чистоте (РГИА. Ф. 767. Оп. 2. Д. 416. Л. 19).

¹⁵ Зайцева С. В., Степанов С. В. «Питомнический промысел» и жизнь воспитанников Санкт-Петербургского воспитательного дома в деревнях Петербургской губернии во второй половине XIX — начале XX века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 4(77). С. 20–26.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 683. Л. 1.

деревень Раковно Малое и Заозерье, которое было вызвано большим числом малолетних питомцев в последней деревне, сравнительно с первой.

Наиболее крупными сельскими яслями Санкт-Петербургской губернии были Заозерские ясли Лужского округа (к 1913 году принимали 34 ребенка), а также Мельницкие, Малогостицкие (с 1912 г. — Грядищинские) и Сельцовские ясли Гдовского округа (45, 50 и 40 детей соответственно), Соседнинские и Демиховщинские ясли (по 50 детей). Возраст посещавших ясли детей в среднем составлял от двух до трех лет¹⁷.

Те ясли, которые принимали грудных детей, обязательно имели отдельную комнату — «люлечную». Интересен отчет посещения сельских яслей, расположенных в деревне Квашенкина-Горка (сейчас — Красная Горка) Лужского уезда. В люлечной висели на крючках 3 люльки-корзинки; на полу — сенники. Заготовлены были до 10 корзин для яслей, но они не понадобились. Корзины сверху были покрыты от мух не марлей, как в прочих яслях, а каким-то миткалем. По мнению составителя отчета, он был гораздо хуже марли, так как «будучи несравненно плотнее последней, хуже пропускает воздух». Каждая корзинка-сенник покрывалась пеленкой, вместо простыни, и имела 2 подушки с наволочками. Укрывались дети одеялами, в которых их и приносили в ясли. Но это обстоятельство называлось «очень нежелательным», поскольку вместе с одеялами часто приносились из домов «всяческая зараза, болезнь и грязь». А главным условием содержания детей в яслях была чистота и опрятность. Все дети, кроме маленьких, годовалых, одевались в собственные белье и одежду¹⁸.

Именно отсутствие казенной одежды было одной из главных проблем сельских яслей. Так, в некоторых приютах-яслях полностью отсутствовали казенное белье и одежда, в других же яслях, хотя и имелось почти все необходимое, но не хватало отдельных предметов белья, «а во всех яслях отсутствовали фуражки, фланелевые капотики, башмаки и чулочки»¹⁹.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 790. Л. 249.

¹⁸ Там же. Л. 105.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 683. Л. 41.

Открывались ясли в 8 часов утра. В 8 часов давалось маленьким молоко, а большим детям — чай с молоком и булкой; в 12 часов обед: суп (2 раза в неделю мясной, в остальные дни гороховый, молочный) и каша молочная или с коровьим маслом; в 3 часа молоко с булкой; в 6 часов ужин (остатки от обеда), а после ужина, перед уходом из яслей, еще и чай. Отмечалось, что пища детей зачастую была пресной. Маленьких детей кормили из рожка тепловатым молоком, наполовину разбавленным водой. Большим детям давалось цельное молоко²⁰.

В ряде отчетов по итогам работы яслей отмечалось, что встреченные крестьянским населением сначала недоверчиво, а в некоторых местностях даже враждебно, ясли вскоре завоевали симпатии местных жителей. В них стали не только охотно приносить питомцев, но и усиленно просить об открытии таких приютов и в ряде других деревень. Однако собрать точные данные посещаемости яслей оказалось невозможно, в связи с кратковременностью их действия (2 месяца), непродолжительным временем существования, а также тем фактом, что в связи с различиями местных условий приходилось перемещать часть яслей из одного пункта в другой²¹.

Главным доказательством положительного результата работы сельских яслей стали показатели смертности детского населения. Так, в Гдовском и Лужском округе до открытия яслей процент смертности составлял 26,5% и 14% соответственно, то в результате их пятилетней работы он снизился до 21,8% и 11%.

Таким образом, сельские приюты-ясли имели несомненную пользу. Ясли, созданные на время полевых работ, имели, прежде всего, положительное санитарное значение: «они охраняют детей от болезней и печальных случайностей, являющихся уделом их в рабочую пору, когда они бросаются родителями на произвол судьбы»²². Также организация постоянного присмотра за детьми в летнее время способствовала сокращению пожаров, которые зачастую из-за отсутствия присмотра по неосторожности устраивались

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 790. Л. 106.

²¹ Там же. Д. 683. Л. 26.

²² Земско-медицинские вопросы в последнем очередном Воронежском Губернском собрании // Медицинская беседа. 1899. № 3. С. 76.

именно детьми. Снижение детской смертности отчетливо прослеживается уже за несколько лет существования системы сельских яслей. Однако тормозом для дальнейшего улучшения системы сельского призрения стало фактическое отсутствие яслей для грудных детей. Это учреждение было, несомненно, более сложное и дорогое, поскольку приходилось устраивать искусственное кормление и увеличивать штат прислуги. Подобные ясли были бы более необходимы и полезны, так как главная летняя смертность выпадала именно на долю грудных младенцев. Организация таких яслей стала бы более совершенной формой борьбы с неполноценным и некачественным питанием детей в сельском населении. Деятельность сельских яслей на территории Санкт-Петербургской губернии в целом оценивается как не удовлетворяющая потребности всего населения, в связи с отсутствием единого учреждения, контролирующего деятельность данных яслей, а также недостаточным финансированием и обеспечением необходимым инвентарем.

О. В. ЕРОХИНА

**Роль общественных организаций в адаптации немцев
в Российской империи
(на примере Санкт-Петербурга)¹**

Аннотация: В работе рассматривается деятельность общественных организаций и союзов, создаваемых немецкими переселенцами в Российской империи. Переселенцы сталкивались с разнообразными трудностями. Для их преодоления они создавали объединения, которые содержались на членские взносы или пожертвования.

Ключевые слова: немцы, Санкт-Петербург, немецкие клубы, профессиональные союзы, благотворительные организации.

Со второй половины XVIII в. по разным причинам немцы, принадлежавшие к разным социальным слоям, стали переселяться в Российскую империю. Они размещались в разных регионах: Поволжье, Воронежской, Черниговской, Екатеринославской, Санкт-Петербургской губерниях.

В.М. Кабузаном был произведен подсчет прибывших эмигрантов из северных и юго-западных германских земель. Так, представители первых составили 18% от всех прибывших, а из юго-западных земель распределились следующим образом: Рейнская область – 28%, Гессен – 17%, Пруссия – 11%, Вюртемберг и Баден – 10%, Саксония – 13%².

Если до 1803 г. среди переселявшихся было «немало... людей худого достоинства, ленивых», но большая часть из них были очень бедными. После издания закона 20 февраля 1804 г. стали принимать «лиц семейных, зажиточных, доброго поведения и полезных в сельском хозяйстве»³. Среди них были аптекари, врачи, ремесленники, техники⁴.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025.

² Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России. СПб., 1998. С. 32.

³ Писарев Г. Хозяйство и форма землевладения в колониях Поволжья в XVIII и в первой половине XIX вв. Ростов-на Дону, 1916. С. 6. См. также: Высочайше утвержденный 20 февраля 1804 г. доклад министра внутренних дел «О правилах для принятия и водворения иностранных колонистов» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXVIII. СПб., 1830. № 21163. С. 137–140).

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 223. Д. 20. Л. 120.

Приезжая в Россию, они становились колонистами или городскими жителями. Около 23% немцев проживало в городах. Они были представлены в разных отраслях промышленности и сферах обслуживания. Для относительно легкой адаптации на новом месте им разрешалось строить свои школы и храмы.

Следует отметить, что общественная жизнь немцев была представлена союзами, обществами и объединениями, которые имели различные задачи и были ориентированы на разные социальные группы. Именно они должны были способствовать сплочению немцев.

Общественные организации можно разделить на несколько видов: профессиональные, культурно-образовательные, спортивные, религиозно-благотворительные. Точную их численность установить сложно из-за разнящихся данных. Например, если Д. Вергун насчитал таких в Российской империи около 24, то М. Сергеев писал, что только в Санкт-Петербурге их было 19 и в Одессе 12⁵.

Профессиональные союзы были разной направленности. К середине XIX в. только медицинских обществ в Петербурге насчитывалось пять: *Der deutsche ärzliche Verein in St. Petersburg* (Немецкое врачебное общество в Санкт-Петербурге), Общество русских врачей в Санкт-Петербурге, *Verein praktischer Ärzte zu St. Petersburg* (Общество практикующих врачей в Санкт-Петербурге), *Allgemeiner Verein St. Petersburgs Ärzte* (Всеобщее общество Санкт-петербургских врачей), Общество военно-морских врачей в Санкт-Петербурге.

В 1862 г. было создано общество ремесленников «Пальма» для «взаимного вспомоществования» и «распространения образования среди немецких ремесленников»⁶. Для этого проводились публичные лекции на разные темы: выставка в Париже, одежда и обряды народов мира и т.д. Кроме того, в обществе обучали гимнастике и играли в домино. На начало 1866 г. количество постоянных членов насчитывалось 597 человек, уплачивавших ежемесячный взнос в размере 50 копеек серебром.

---

⁵ Вергун Д. «Drang nach Osten» в цифрах и фактах. Вена, 1905. С. 50; Сергеев М. Мирное завоевание России немцами. Пг., 1917. С. 85.

⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 2434.

Не последнюю роль в жизни городских немцев играли «немецкие клубы». В 1772 г. был открыт «Grosser Burgerklub» (Шустер-клуб) в Петербурге. Членский взнос в нем составлял в первый год 25 р., а в последующие 16 р. Из развлечений в нем предоставляли танцы, музыкальные вечера, игры в карты, шахматы, бильярд⁷. Позже такие же клубы были открыты в 1819 г. в Москве, в 1858 г. — в Архангельске.

Со второй половины XIX в. все больше создавалось благотворительных организаций, целью которых было укрепление религиозного единства членов диаспоры. Первая такая организация открылась в 1788 г. при общине церкви Св. Петра в Петербурге, затем был создан Союз помощи беднякам «Armenpflegeverein».

Одной из крупнейших в Санкт-Петербурге была «Евангелическая городская миссия», созданная Г. Дальтоном в 1875 г. Она включала в себя около двадцати благотворительных заведений (ночлежный дом для подмастерьев, приюты для гувернанток, воскресные школы). Главными задачами миссии стали материальная поддержка нуждающихся и забота об их нравственности. Через шесть лет в Москве было создано «Евангелическое миссионерское общество», которое открыло приют для бездомных, а позже — приют для престарелых.

Кроме церковных благотворительных заведений создавались такие же светские учреждения. Так, в 1842 г. для «оказания вспомоществования находящимся в Санкт-Петербурге подданным Германских государств» было образовано «Германское благотворительное общество». С 1867 г. по 1892 г. им было выплачено более 200 тыс. р. нуждавшимся⁸. Эти учреждения оказывали помощь немцам, которые приезжали или уезжали из России, в оформлении документов или денежными средствами. Кроме того, они старались помочь тем соотечественникам, которым нужна была работа, открыв для них в 1845 г. швейную мастерскую. Более 60 рабочих трудилось в мастерской, а средний размер заработной платы составлял около 90 р. в год.

Следует отметить, что общество охотно принимало пожертвования. В 1904 г. от Николая I и Марии Федоровны поступило 300 р.,

⁷ Михневич В. Петербург весь на ладони, с планом Петербурга, его панорамой с птичьего полета, 22 картинками и с прибавлением календаря. СПб., 1874. С. 229–230.

⁸ Sankt-Petersburger Zeitung. 1893. № 44.

от кайзера Германии Вильгельма II 1000 р., разные суммы от герцогов Баденского, Гессенского, Саксонского, принца-регента Баварии, принца Ольденбургского, регента Бауншвейга, от городов Любека и Гамбурга⁹.

Таким образом, общественные организации, создаваемые немцами, отражали их профессиональные и религиозно-культурные интересы. Кроме того, такие учреждения способствовали сплочению и поддержке наиболее нуждающихся членов.

---

⁹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 378. Оп. 1. Д. 33. Л. 14.

А. В. ЗАМУРУЙЦЕВ

**Развитие промышленного производства
в немецкоязычных колониях Таврической губернии
во второй половине XIX – начале XX века**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности развития промышленного производства в колониях немцев и меннонитов на территории Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX века. На основе опубликованных источников и архивного материала делается попытка проследить общие черты этого процесса.

Ключевые слова: Таврическая губерния, немецкоязычные колонисты, колониистская промышленность, немцы, меннониты.

Экономический подъем, охвативший южные регионы Российской империи в пореформенный период, затронул и территорию Таврической губернии, где располагались многочисленные немецкие и менонитские колонии.

Важную роль в этом сыграл фактор необходимости развития общего регионального рынка. Рост спроса на отдельные колониистские товары среди местного населения стимулировал их производство в колониях и способствовал развитию общего промышленного производства региона.

Архивные документы свидетельствуют о существовании подобного производства во многих колониистских поселениях уже в середине XIX в. На то время она была представлена, в основном, многочисленными малыми мастерскими, кузницами, мельницами и т.д., которые, главным образом, были связаны с переработкой сельскохозяйственной продукции и строительной отраслью¹.

Так, в молочанских колониях Бердянского уезда, по данным 1865 г., насчитывалось несколько небольших заводов и фабрик, расположенных преимущественно в колониях Гальбштадт и Руднервейде. К примеру, в колонии Гальбштадт в это время работали винокурня, пивоварня и кожевенный завод, а также две суконные фабрики и отдельные небольшие ремесленные заведения².

---

¹ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 27. Оп. 5. Д. 3632. Л. 10.

² Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. VIII: Губернии Новороссийской группы. СПб., 1886. С. 53–54.

Развитие и дальнейшая капитализация колониетских хозяйств во второй половине XIX в., рост товарности хлеба и другие факторы оказали непосредственное влияние на внутреннюю структуру этих хозяйств, быстрый рост общего количества и удельного веса торгово-промышленных предприятий в колониетских анклавах. В них активно использовалась наемная рабочая сила, возникали новые отрасли, например машиностроение и чугунно-литейное производство³.

Немаловажную роль в этом сыграли экономические потребности самих колониетских хозяйств, развитие которых требовало все более новых и усовершенствованных сельскохозяйственных машин и орудий труда.

Не случайно, что именно в это время колонисты становились новаторами в разработке отдельных новых типов сельхозмашин, которые постепенно распространялись и среди местного населения всего южного региона.

В частности, в 60-х годах XIX в. в молочанских колониях впервые появился многолемешный буккер, который в четыре раза повысил скорость обработки земли по сравнению с обычным плугом. Его появление было связано с именами кузнецов-менонитов Дитриха Энса и Исаака Дерксена, впервые испытавших это устройство в 1860 году. Несколько позже в хортицких колониях Екатеринославского уезда была изобретена новая жатка, которая значительно ускоряла скорость уборки зерна. В письменных источниках того времени неоднократно подчеркивалось, что основная масса подобных машин производилась именно в немецкоязычных поселениях⁴.

Статистические данные 80-х годов XIX столетия свидетельствуют о значительных изменениях в развитии их промышленности по сравнению с серединой века. Так, в колониях Гальбштадтской менонитской волости количество промышленных предприятий выросло с 6 до 24, в том числе: механический, кожевенный и литейно-чугунный заводы. Кроме того, здесь насчитывалось 25 торговых заведений⁵.

³ ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 4305. Л. 3–4.

⁴ Памятная книжка Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом. Вып. 1. Симферополь, 1867. С. 225–227.

⁵ Волости и важнейшие селения Европейской России... С. 14–18.

Одновременно увеличилось общее количество промышленных рабочих, основную часть которых составляли местные крестьяне. Так, в постановлении Бердянского уездного земского собрания от 21 ноября 1883 г. говорилось о наличии 150 наемных работников, набравшихся из местного населения для работы на промышленных предприятиях менонитской колонии Ней-Гальбштадт⁶.

По данным известного дореволюционного исследователя В.Э. Постникова, на 1889 год экономический потенциал уже упомянутой Гальбштадтской волости состоял из одного механического завода Франца, трех чугунно-литейных заводов, крахмального завода Вильмса, 71 мельницы (одной – пивоваренной), 35 колесных заводов, а также из 74 кузниц, 43 столярных заводов, 12 экипажных предприятий, 20 окрасочных фабрик и т. д.⁷.

Значительным промышленным уровнем развития характеризовались и хозяйства пришибских немцев. На предприятиях их волости в это время работало 608 наемных рабочих. Здесь насчитывалось 36 мельниц, 114 кузниц, 69 колесных мастерских, 27 столярных, 23 кирпичных, два пивоваренных, один кожевенный и один известковый заводы⁸.

Однако следует отметить, что процесс промышленного развития не стал всеобщим. Он прежде всего охватил лишь отдельные, наиболее развитые колониетские анклавные территории региона. В Таврической губернии это были молочанские и пришибские поселения. Именно здесь возникает наибольшее количество новых предприятий, теснейшим образом связанных с производством сельскохозяйственных машин для земледелия и на них сосредотачивается наибольшее количество наемных рабочих.

Вышеупомянутые тенденции характеризовали и начало уже XX в. По концентрации промышленно-торговых предприятий в это время фаворитами оставались уже названные волости. Так, например, в Гальбштадтской волости их количество возросло с 49 в 1886 г.

⁶ Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Т. V: Статистические таблицы о хозяйственном положении селений Бердянского уезда. Симферополь, 1887. С. 182–183.

⁷ Постников В. Е. Южнорусское крестьянское хозяйство. М., 1891. С. 344.

⁸ Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Т. IX: Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь, 1889. С. 60–61.

до 232 в 1904 г. Много таких предприятий насчитывалось и в соседней Гнаденфельдской волости. В общей сложности, по данным 1909 г., в обеих колониетских волостях работали 536 наемных работников, что составило 37,9% от их общей численности на территории всего Бердянского уезда, Таврической губернии⁹.

По данным 1909 года, на 120 предприятиях, существовавших на территории Пришибской волости, работало 924 наемных работника. По сравнению с предыдущим периодом (1886–1888 гг.) их общее количество возросло здесь примерно в полтора раза¹⁰.

В других группах колоний эти показатели были значительно меньше. Так, в поселениях Нейгофнунгской волости Бердянского уезда, по данным 1909 г., общая численность наемных работников составляла всего 8 человек¹¹.

В целом, несмотря на существенное увеличение общего количества товарно-промышленных предприятий и численности наемных рабочих во многих колониях данного региона, их промышленность в начале XX века сохранила свой аграрный характер. При этом следует отметить, что ее влияние на общее развитие экономики Юга России было достаточно заметным.

Некоторые из этих предприятий стали основой для возникновения новых более мощных предприятий за пределами колониетских волостей, фактически превратившись в составляющую общероссийской промышленности южного региона.

Согласно архивным документам, к июню 1903 года на территории губернии насчитывалось в общей сложности 130 относительно крупных фабрик и заводов, из которых 37 (28,4%) принадлежало колониетам. Наибольший их процент имели машиностроительная (75%) и пищевая (36,2%) отрасли местной промышленности. Подавляющее их большинство сосредотачивалось в молочанских

---

⁹ Сборник по основной статистике. Вып. 1: Подворная перепись. Бердянский уезд. Симферополь, 1909. С. 52–55.

¹⁰ Мелитопольское Уездное Земское Собрание. Постановление 44-й очередной сессии созыва 24–29 сентября 1909 г. Мелитополь, 1910. С. 436.

¹¹ Сборник по основной статистике... С. 48.

и пришибских колониях, то есть на территории Мелитопольского и Бердянского уездов, Таврической губернии¹².

Подобная тенденция сохранилась и в последующие годы. По данным статистики в 1913 г. в Таврической губернии немцам и менонитам принадлежало 25% всех крупных предприятий¹³.

На основании вышеприведенного материала можно сделать следующие общие выводы. Во второй половине XIX в. наблюдалось значительное развитие промышленности в отдельных группах колоний южного региона, что было связано как с необходимостью обеспечения внутренних потребностей самих колонистов, так и с быстрым ростом потребностей общего регионального рынка. Колонистская промышленность сохраняла свой аграрный характер на протяжении всего рассматриваемого периода и играла важную роль в развитии отдельных ее отраслей, в частности, сельскохозяйственного машиностроения. Немцы и менониты сыграли заметную роль в развитии капиталистических отношений в экономике Таврической губернии и всего Юга России во второй половине XIX — начале XX века.

---

¹² Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАК Украины). Ф. 575. Оп. 1. Д. 374. Л. 11–20.

¹³ ГАРК. Ф. 26. Оп. 3. Д. 813. Л. 48–57.

А. А. КОПАЛОВ

Вопросы пола и цензура в России на рубеже XIX–XX вв. (по материалам РГИА)

Аннотация: Взаимодействие государственных органов цензуры и авторов, переводчиков и издателей в России представляет собой важный, требующий глубокого осмысления предмет исследования. Отдельного внимания заслуживает тема цензурной политики в отношении научных произведений, затрагивающих вопросы пола. На основе архивных материалов анализируется ход принятия решений цензорами относительно отечественных и зарубежных книг по данной теме.

Ключевые слова: В. М. Бехтерев, вопросы пола, Главное управление по делам печати, Медицинский совет МВД.

Становление психиатрической науки в России неразрывно связано с именем профессора И. М. Балинского, в 1862 г. основавшего первое в России научное психиатрическое общество, которое стало отправной точкой для распространения знаний в области психогигиены. Его дело продолжили ученики, выдающиеся врачи и ученые И. П. Мержеевский и В. М. Бехтерев¹.

Одним из наиболее важных направлений деятельности психогигиены были вопросы, связанные со взаимоотношениями полов. Медицинская специфика научных работ предполагала анатомические описания и наглядную информацию, имеющую крайне сомнительное содержание с точки зрения традиционной морали. Вместе с тем увеличение общей грамотности, расширение издательско-полиграфического дела создавало угрозы для обхода привычных форм политики табуирования в данном вопросе. Благодаря этим изменениям распространение знаний о сущности и особенностях половых отношений пошло намного быстрее, что порождало «особый интерес» к научным работам по психогигиене со стороны цензурных органов Российской империи.

Реформа 1865 г. позволила печатать книги без предварительной цензуры, однако сочинения, признаваемые недопустимыми, подвергались судебному преследованию².

---

¹ Безчасный К. В. Исторические аспекты популяризации психогигиенических знаний в России в конце XIX – начале XX в. // Психическое здоровье. 2017. Т. 15. № 6. С. 59.

² Блохин В. Ф. Из истории цензурного реформаторства: государство и легальная печать России в политическом контексте (1865–1905) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6. С. 36.

Первая отечественная научная работа, написанная приват-доцентом Военно-медицинской академии В.О. Мержеевским и опубликованная в 1878 г., после издания подверглась аресту. В вину автору вменялось обилие «безнравственных действий», которые «могут послужить примером и иметь развращающее влияние на юношество»³. Медицинский совет Министерства внутренних дел предложил допустить продажу книги исключительно врачам и юристам⁴, что было удовлетворено решением министра внутренних дел о снятии ареста с книги⁵.

Работа известного петербургского акушера-гинеколога И. М. Тарновского «Извращение полового чувства у женщин» 1895 г. также привлекла пристальное внимание цензуры из-за описанных в книге половых извращений. По мнению чиновников, это могло «попасть в руки молодежи и произвести соблазн и желание подражания»⁶. Медицинский совет допустил издание книги при условии продажи исключительно врачам и юристам, что и было сделано решением министра внутренних дел⁷.

Сложнее дело обстояло с публикациями иностранных ученых. Выпущенная в 1884 г. брошюра доктора Л. Мартино «Онанизм, сафизм и содомия у женщин» в переводе И. В. Жарновского была запрещена в обращении и печатании с конфискацией⁸. Хотя переводчику было отказано в возвращении изъятых экземпляров, Главное управление по делам печати согласилось с предложением Медицинского совета о переиздании работы при условии публикации в каком-либо специализированном медицинском журнале⁹. И. С. Кон отмечал, что в конце 1890-х гг. проблема сексуальности постепенно преодолевалась нравственные и цензурные устои, все более распространяясь на страницах публицистических и научных трудов, которые пользовались популярностью среди многих слоев общества¹⁰.

³ Российский государственный исторический архив (Далее – РГИА). Ф. 776. Оп. 20. Д. 36. Л. 2–3.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 20.

⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 1499. Л. 1–2.

⁷ Там же. Л. 4–7 об.

⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 728. Л. 2–2 об.

⁹ Там же. Л. 14–18.

¹⁰ Кон И. С. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М. 2010. С. 127.

Фундаментальная монография профессора Венского университета Р. фон Крафт-Эбинга «Половая психопатия» прошла через многочисленные этапы запретов и разрешений на печать. В 1887 г. попечитель Одесского учебного округа направил министру народного просвещения И.Д. Делянову донесение, в котором просил ограничить продажу данной работы лицам, не входящим в круг специалистов¹¹. В свою очередь Делянов обратился к министру внутренних дел Д. А. Толстому с просьбой о запрете переиздания книги, что было удовлетворено¹².

Дело, однако, продолжилось, когда в Харькове при проверке вскрыли тайное печатание «Половой психопатии» в типографии Каплана и Бирюкова. В послании харьковскому губернатору Главное управление по делам печати предлагало начать уголовное преследование за нарушение распоряжения и усилить надзор за остальными типографиями¹³. В итоге выяснилось, что отпечатанные первые листы книги были сделаны до распоряжения о запрете переиздания, поэтому ограничились уничтожением уже арестованных листов¹⁴. 24 марта 1892 г. постановлением был запрещен к свободному ввозу и подлинник сочинения¹⁵.

В 1900 г. вопрос о переиздании книги Крафт-Эбинга был поднят из-за прошения переводчика и доктора медицины А. Золотова, которого поддержали профессор В.М. Бехтерев и председатель Медицинского совета академик В.В. Пашутин. Золотов указывал на невозможность приобрести эту книгу для специалистов и ее большое значение для науки¹⁶. В то же время цензурирующий медицинские сочинения в Санкт-Петербургском цензурном комитете профессор Н.П. Гундобин дал заключение, что книга Крафт-Эбинга не только для публики, но и для специалистов представляет интерес исключительно порнографический¹⁷. Несмотря на поддержку Медицинским советом переиздания с условием продажи исключительно врачам

¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 756. Л. 1-2 об.

¹² Там же. Л. 3-5 об.

¹³ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 921. Л. 10-11 об.

¹⁴ Там же. Л. 13-15 об.

¹⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 526. Л. 15.

¹⁶ Там же. Д. 462. Л. 6-7 об.

¹⁷ Там же. Д. 526. Л. 16.

и юристам¹⁸, в издании перевода Золотова было отказано, так как «для публики и субъектов нервных она представляет большую опасность подражания»¹⁹.

В августе 1901 г. в Санкт-Петербургский цензурный комитет данное сочинение поступило повторно. Несмотря на запрет, перевод Золотова был отпечатан Н. С. Аскарнаховым и предоставлен в комитет в качестве бесцензурного издания. Цензоры указали на большое содержание в книге разного рода половых извращений. Также отмечалось, что если поступившие в комитет 8 томов стоили 5 рублей, то свободно продававшиеся в магазине экземпляры стоили всего 2 рубля. Таким образом, переводчик и издатель были заинтересованы не в популяризации знаний, а в быстром сбыте книги, «пикантной по названию и содержанию». Работа была признана опасной для молодежи и общественных нравов²⁰. По распоряжению Главного управления по делам печати 11 июня 1902 г. тысяча изъятых экземпляров была уничтожена путем превращения в массу²¹.

В 1903 г. у уже упомянутого издателя Аскарнахова возникли проблемы с продажей книги доктора медицины Г. О. Роледера «Половое влечение и половая жизнь человека». Профессор Гундобин в докладе Санкт-Петербургскому цензурному комитету отмечал большое содержание вредной для широкой публики информации о сексуальных перверсиях. Однако комитет, не находя серьезных оснований для ареста книги, передал этот вопрос в ведение Главного управления по делам печати²². Аскарнахов в прошении к министру внутренних дел указывал на то, что данное издание ценно с научной точки зрения. После обращений книга была передана на рассмотрение Медицинского совета, который не нашел препятствий с медицинской стороны к публикации. И в результате данная работа была без ограничений выпущена в свет²³.

Проанализировав перечень научных книг отечественных и зарубежных ученых, можно сказать, что отношение цензоров к русским

¹⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 462. Л. 3–3 об.

¹⁹ Там же. Д. 526. Л. 9–9 об.

²⁰ Там же. Л. 17–17 об.

²¹ Там же. Л. 25.

²² РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 674. Л. 1–2 об.

²³ Там же. Л. 7–9.

было более мягким. Так, работы В.О. Мержеевского, И.М. Тарновского были разрешены к продаже лишь с условием их реализации ограниченному кругу лиц, книга П.И. Ковалевского была допущена к продаже без ограничений. В то же время первый выпуск брошюры Л. Мартино после конфискации не был возвращен переводчику Жарновскому, хотя тот в прошении указал на мягкое решение цензоров в отношении работ Мержеевского и Тарновского²⁴.

В большинстве случаев поводом для ареста или запрета книги на тему половых отношений было опасение за дурное воздействие на молодежь сцен с описанием половых извращений. В случае запрета переиздания «Половой психопатии» в 1887 г. стало сообщение о популярности данной книги в среде учащейся молодежи²⁵, что вызвало крайнюю обеспокоенность в Министерстве народного просвещения.

Лучше понять логику цензоров и чиновников позволяет дело о запрете книги А. Бебеля «Женщина в прошлом настоящем и будущем». Среди причин запрета, помимо социалистической направленности работы, было указано: *«Условия русской жизни и подготовленность читающей публики весьма отличны от существующих за границей. В особенности же неподготовленность эта среди русских женщин, между тем книга эта, своими отрицательными взглядами на брак, как на таинство, и проповедованием коммунистического сожительства может особенно вредно повлиять, не говоря уже о мужской порочной молодежи на представительниц женского пола»*²⁶. Министр внутренних дел Д.С. Сипягин указал, что публикация в России данной работы вызовет *«сочувственное отношение в наших литературных кругах»*²⁷. Такая риторика вполне соответствовала тезису ряда научных и политических деятелей о недопустимости передачи женщинам знаний, которые они могли бы использовать в своих интересах²⁸.

²⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 728. Л. 14 об.

²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 756. Л. 1–2.

²⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 459. Л. 4.

²⁷ Там же. Л. 20–21.

²⁸ *Энгельштейн Л.* Ключи счастья: секс и поиски обновления России на рубеже XIX–XX веков. М., 1996. С. 233.

Периодически возникали прецеденты возбуждения уголовных дел. 30 ноября в Московский комитет по делам цензуры поступила книга И. П. Мюллера «Половая мораль и освобождение женщины». Цензоров возмутили фрагменты, в которых автор рассуждал о важности распространения информации и средств для предохранения от нежелательной беременности, заинтересованности эксплуататорских классов в увеличении дешевой рабочей силы. 4 декабря комитет постановил наложить на книгу арест, а против издателя и иных виновных лиц возбудить уголовное дело²⁹.

Подводя итоги, можно констатировать, что регламентирование печати и продажи книг, посвященных вопросам пола, отличалось некоторой амбивалентностью. Зачастую защита от нападков цензоров и снятие ареста были заслугой Медицинского совета и выдающихся русских ученых, которые помогали распространению научной литературы, оказывали поддержку писателям и переводчикам. Важно отметить, что отечественные работы не подвергались столь пристальному анализу, как иностранные. Если рассматривать причины для запрещения указанных произведений, то цензоров более беспокоила женская нравственность, нежели проблематика половых извращений. При этом цензурная политика, регламентировавшая данный аспект научного знания, крайне отрицательно относилась к публицистическим произведениям, которые подвергали сомнению нормы традиционного устройства семьи и общества (например, книги Мюллера или Бебеля).

Тема половых девиаций в научной литературе обычно приводила к дозволению продажи книг исключительно врачам и юристам. Тем не менее, самые широкие слои общества, от студентов до аристократии, интересовалась новыми исследованиями в ранее неизученной области. Столь сильный интерес не мог быть побежден одними лишь мерами ограничения и запрещения, поэтому, несмотря на возможные последствия, продолжалась подпольная публикация, как это было с известнейшей работой Крафт-Эбинга.

---

²⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Д. 1194. Л. 1–2об.

А. П. ЗИНОВЬЕВА (ЛАВРИНА)

**Ad orientem: Деятельность Фадлаллы Сарруфа
в контексте развития петербургского университетского
востоковедения второй половины XIX века**

Аннотация: В данной статье речь пойдет о двух взаимосвязанных темах. В первую очередь, о развитии учебного и научного поля петербургского университетского востоковедения. В частности, о его одном из направлений — петербургской арабистике. Во вторую очередь, акцент ставится на деятельности и непосредственном участии в деле преподавания арабистики ориенталиста Фадлаллы (Ивановича) Сарруфа. Кратко обозначая биографические данные, службу Сарруфа при Иерусалимской миссии и его контакты, предполагается обратиться к наименее исследованной стороне — преподавательской деятельности в контексте развития арабистики в конце XIX — начале XX в. Привлечение новых архивных источников и использование ранее опубликованных становится важным элементом актуализации наследия Петербургской школы арабистики.

Ключевые слова: востоковедение, арабистика, Фадлалла Сарруф, преподавание, Петербургский университет.

Кратко обозначая биографические характеристики исследуемой фигуры, необходимо иметь представление о том, как вообще иностранные подданные из стран христианского Востока могли попадать в пространство Российской империи. Также необходимо обратиться к социально-политическому срезу взаимосвязей с Востоком. Отметим, что под Востоком в данном случае будет пониматься христианский православный Восток, прежде всего, территория Сирии, Палестины, Синайского полуострова, Порты (Османской империи) и границ современного государства Израиль. Фокус исследования сконцентрирован на кросс-культурной коммуникации научных, духовно-просветительских институций. И на анализе механизма пополнения иностранными преподавателями, выходцами из Ближнего зарубежья, кафедр университета и дальнейшем их встраивании в преподавательскую корпорацию.

Прежде всего отметим причины, побудившие к развитию отечественного востоковедения и появлению востоковедов в рамках университета. С одной стороны, в первой половине XIX в. интенсивность русско-арабских контактов усиливалась, встраиваясь в орбиту

интересов ближневосточной политики. С другой стороны, имелся и создавался общий фон интереса к восточной культуре, языку и быту в рамках эпохи романтизма, увлечением ориенталистикой, в частности, египтологией, особенно после открытий Ж. Ф. Шампольона. В связи с этим пополнялись отдельные музейные, предметные и книжные коллекции, появлялись научные труды и записки.

Увеличивалась и частотность контактов, побуждая к диалогу двух пока еще не до конца понимающих друг друга сторон, т.е. возникала проблема эффективности коммуникации. В первую очередь, имелась потребность в качественных переводчиках, дипломатических представителях и драгоманах. На эту должность могли быть наняты специально подготовленные кадры из местного населения, однако имперский центр не всегда им доверял. Следует отметить, что и внутри России уже существовали институты, которые могли стать базой для пополнения данных специалистов. Как например, московский центр востоковедения – Лазаревский институт восточных языков¹, петербургское отделение Академии наук – Азиатский музей, появившийся в ноябре 1818 г. и ставший местом сосредоточения книжного и рукописного восточного наследия. В 1930 г. произошла реорганизация. На основе Азиатского музея, Коллегии востоковедов, Туркологического кабинета, Института буддийской культуры и Кавказского историко-археографического института появился новый Институт востоковедения². Директором нового академического учреждения был назначен академик С. Ф. Ольденбург. Помимо этого, действовало специализированное учебное заведение – Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Новое учебное заведение должно было готовить из числа выпускников восточных факультетов высших учебных заведений сотрудников для дипломатической работы в «Леванте». В рамках двухгодичного курса воспитанники,

¹ Волхонский М. А. История Лазаревского института в первой половине XIX в. в контексте политики Российской империи в Закавказье: «Заведение, где будут изучать восточные языки в обширном размере» // *Международная аналитика*. 2016. № 4. С. 91-102.

² Шумовский Т. А. Арабистика. Азиатский музей – Ленинградское отделение института востоковедения АН СССР. М., 1972.

уже знающие восточный язык, должны были пройти курсы, как минимум четырех языков – арабского, французского, персидского и турецкого. До создания этого заведения предпринимались попытки организовать учебно-научные центры, в том числе в 1810 г. был представлен «Проект Азиатской академии» министра народного просвещения (в будущем – президента Академии наук) С. С. Уварова. Однако они не были воплощены по разным причинам³.

В данном ракурсе учебные заведения столкнулись с проблемой. Она заключалась в вопросе постоянного состава преподавателей, которые могли бы читать лекции и вести практические занятия. Проблемы пополнения учебных курсов студентами и слушателями не было. Поиск преподавателей осложнялся тем, что преподаватели, являющиеся носителями языка, могли преподавать на европейских языках. Проблема отсутствия преподавателей-ориенталистов существовала и в университетах. Согласно университетскому уставу 1804 г., при отделениях словесных наук полагалось иметь кафедру восточных языков⁴. Пальму первенства в деле организации и развития университетского востоковедения занимал Казанский университет, затем шли Московский и Петербургский. Преподавание также велось в Дерптском и Виленском университетах.

В первой половине XIX века в рамках расширения структуры востоковедческого образования появился проект «О заведении для восточных языков училищ в Казанском учебном округе». Исследованию казанского востоковедения посвящены специальные научные статьи, в которых наиболее полно изложены обстоятельства возникновения данного феномена⁵. В Петербургском университете наличествовала проблема кадрового состава, а вернее, отсутствие кадров «этнических» востоковедов. Здесь место востоковедов занимали французы, преподававшие арабский и персидский языки. Приглашенные по инициативе С. С. Уварова в 1817 г. ученики

³ История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 151.

⁴ Жарова Е. Ю. Университетские Уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. 2011. С. 268–290.

⁵ Валеев Р. М. Феномен университетского востоковедения в Казани: истоки и развития (XIX – начало XX вв.) // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 147. Кн. 2. 2005. С. 35–48.

известного французского ориенталиста С. де Саси – Франсуа Бернар Шармуа и Жан Франсуа Деманж – читали курсы восточной словесности на французском языке, что облегчало понимание и восприятие языка учащимися. После «дела профессоров» в 1822 г. они покинули университет⁶. Поворотным моментом становится 1832 г., когда был составлен проект восточных языков для Петербургского университета. В Московском университете восточные языки преподавал получивший образование в Геттингене и Париже А. В. Болдырев, бывший, по мнению востоковеда Б. М. Данцига, основоположником школы русских востоковедов⁷. Во многом именно он облегчал участь студентов, которые могли понимать сложные восточные конструкции на русском языке. Тем не менее проблема организации преподавания языков долгое время оставалась одной из главных. Первым студентам, слушавшим курсы восточной словесности, приходилось понимать арабский, турецкий и персидский языки на латыни. Налиествовала также проблема методического оснащения материалом. Чаще всего обращались к пособию по арабской грамматике и хрестоматии де Саси. Следует отметить, что ключевыми фигурами в деле развития петербургского востоковедения первой половины XIX в. стали А. К. Казем-Бек, О. И. Сенковский, создавшие основы собственных научных школ и введшие в научный оборот новые методологические труды по востоковедению.

Вторая половина XIX в. стала временем наиболее интенсивного развития отечественной ориенталистики. Востоковеды все чаще принимали участие в научных командировках с целью не только ознакомления с исследуемым предметом и языком, но и изучения рукописного наследия библиотек Египта, Сирии и Палестины, в том числе христианских литературных древностей. Университетское востоковедение переживало качественные изменения. Знаменательным событием становится открытие в Петербургском университете 22 октября 1854 г. Факультета восточных языков (Далее – ФВЯ). До этого

---

⁶ Смирнова Е. В. Подготовка отечественных востоковедов и русско-арабская коммуникация (первая половина XIX века) // Человеческий капитал. 2019. № 7(127). С. 27.

⁷ Данциг Б. М. Изучение Ближнего Востока в России (XIX – начало XX в.). М., 1968. С. 46.

в университете не было полноценного факультета. Существовало отделение на историко-филологическом факультете. Функционировало шесть специальных кафедр: азербайджанская, арабская, армянская, грузинская, персидская, турецкая. Столичное развитие востоковедения связано с именем бывшего попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина, переведенного в 1845 г. в Санкт-Петербург. По мнению востоковеда В.В. Григорьева, в развитии петербургского востоковедения наблюдался расцвет, тогда как Казанский университет лишился кафедр персидского и арабского языков, ощутимо сократился преподавательский и учащийся состав⁸. Закрытие разряда восточной словесности привело к прерыванию научно-исследовательской традиции университетского востоковедения.

На ФВЯ было учреждено 9 кафедр восточных языков: арабского, персидского, турецко-татарского, монгольско-калмыцкого, китайского, еврейского, армянского, грузинского, маньчжурского. Был определен профессорский и преподавательский состав — 9 ординарных профессоров, 3 адъюнкта и 3 лектора⁹. Как отмечал в своей записке о состоянии отечественного востоковедения московский филолог Ф.Е. Корш: «Восточный факультет Петербургского университета является рассадником научного ориентализма»¹⁰. Во многом развитию столичного востоковедения способствовали присутствовавшие в университете преподаватели. В частности, на кафедре арабской словесности в 1850-е гг. преподавал этнический египтянин профессор М. Тантави, издавший учебник арабского языка — *Arabe vulgaire (Traite de la langue arabe vulgaire. Leipzig, 1848)*¹¹. Важным моментом стало преподавание арабской каллиграфии и, как следствие, возможность понимания и прочтения восточных почерков.

Хотя административный вопрос петербургского университетского востоковедения был преодолен, некоторые проблемы оставались.

⁸ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997. С. 159.

⁹ Григорьев В. В. Императорский С. Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: историческая записка. СПб., 1870. С. 123–124.

¹⁰ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 777. Оп. 3. Д. 12. Л. 7.

¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 25. Д. 6. Л. 30.

Отсутствовала преемственность научных школ, по-прежнему развитие востоковедения курировалось со стороны Министерства иностранных дел, закрывая, как и до этого, проблемы восполнения кадрового состава. Это ощущалось прежде всего в том, что от востоковедов требовалось быть практиками, т.е. свободно владеть современным восточным языком или его диалектами. Например, не староосманским для чтения древних памятников литературы, а новоосманским, на котором изъяснялся современный носитель языка, применяя знания в международной деятельности. Однако в большинстве случаев в обучении, которое велось на новой методической базе, практические упражнения сохраняли устаревшие черты. При этом у учащихся ощущалась недостаточная общетеоретическая подготовка, чаще всего это обуславливалось сложностью предмета, нехваткой времени для его изучения и краткостью читаемых курсов.

К середине 1870-х — началу 1880-х гг. стали оформляться полноценные востоковедческие научные школы, которые продолжили свое существование и в послереволюционное время. Прежде всего, они связаны с именами В.Р. Розена, В.А. Жуковского, В.В. Бартольда и др. Фигура В.Р. Розена, который являлся деканом ФВЯ Петербургского университета в 1893–1902 гг., во многом определила развитие пореформенного востоковедения. Он всячески поддерживал расширение и углубление исследовательской практики студентов, а также учебные и научные депутации за границу. Поездки и стажировки в восточных университетах стали толчком для установления более тесных научных контактов. В.А. Жуковский, востоковед-иранист, после окончания в 1880 г. восточного факультета Петербургского университета был отправлен на 3 года (1883–1886 гг.) в Иран для совершенствования в языке и сборе диалектологических материалов для диссертации¹². Ему было поручено приобрести персидскую литературу. В.В. Бартольд несколько раз выезжал в научные экспедиции в Константинополь¹³. К этому же времени сформировалась площадка для коммуникации в виде съезда ориенталистов: I конгресс прошел в Париже в 1873 г., II — в Лондоне в 1874 г., III Конгресс — в Петербурге в 1876 г. Начали издаваться

¹² РГИА. Ф. 740. Оп. 7. Д. 544. Л. 73.

¹³ Там же. Оп. 8. Д. 791. Л. 50.

«Труды международного съезда ориенталистов» — труды третьего конгресса под редакцией петербургского востоковеда В. В. Григорьева¹⁴.

Знаковым моментом для арабистики стал выход в 1876 г. хрестоматии Гиргаса и Розена, обеспечивающей студентов всех курсов необходимыми текстами, дающими наиболее обстоятельное представление о жанрах арабской литературы. К концу XIX в. постепенно завершался процесс набора учебных пособий, многие грамматики арабского, персидского и турецкого языка в студенческой среде передавались в виде литографий, выходили краткие записи лекций, удобные для практического пользования. Организация и проведение занятий часто зависели от возможностей преподавателя и способностей студентов. Занятия на некоторых кафедрах иногда велись совместно. Например, на кафедре арабского и персидского языка, частично это было связано с нехваткой преподавателей, частично — с невозможностью наполнить аудитории учащимися. В целом отметим, что по опубликованному отчету за 1900 г., можно говорить о небольшом количестве учащихся на ФВЯ; к этому году на нем обучалось 221 студента (6,7%). Это не самый малый показатель, учитывая, что на историко-филологическом факультете, училось 215 студентов (5,99%)¹⁵.

Отдельное место занимал азиатский сектор, который представляли кафедры китайского и монголо-калмыцкого языков, занимавшиеся переводами богослужебных книг на монгольский язык, составлением словарей и историко-географических сборников. Здесь же можно отметить участие ученого-синолога В. П. Васильева в Пекинской духовной миссии и последующую его работу в Петербургском университете по организации и развитию курсов маньчжурской словесности¹⁶.

Особняком стояло развитие кафедры еврейской, сирийской и халдейской словесности. В целом, семитология долгое время

---

¹⁴ Труды Третьего Международного съезда ориенталистов в Петербурге: 1876. Т. 1. СПб., 1879.

¹⁵ Отчет Санкт-Петербургского университета на 1900 г. сост. Н. Я. Марром. СПб., 1901. С. 140.

¹⁶ Валеев Р. М., Валеева Р. З., Федорченко Р. Г. В. П. Васильев в XII Пекинской духовной миссии: архивные материалы (1840–1850 гг.) // Миссионеры на Дальнем Востоке: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2014 г.). СПб., 2014. С. 35–46.

находилась в области, связанной с Церковью. В частности, в 1856 г. был поставлен вопрос о переводе Библии на русский язык, в 1860 г. начал работать специальный комитет, который занимался подготовкой и публикацией синодального перевода Библии, печатавшегося с 1868 г. отдельными частями. В этом деле высокое филологическое искусство проявил фактически единственный семитолог, гебраист Д. А. Хвольсон, занимавшийся исследованием как ветхозаветных и новозаветных сюжетов, так и научным исследованием арабской письменности, в том числе эпиграфической традиции. Будучи учеником европейского гебраиста Абрахама Гейгера, Хвольсон пытался применить новую систему иудаики в университете¹⁷.

Помимо университетского, а также кабинетного научного исследования языка, истории и культуры Ближнего и Дальнего Востока, существовало и практическое взаимодействие с этими регионами. Речь идет о расширении сети представительств Российской империи и духовно-просветительских проектов в конкретных странах, в частности в Сирии, Палестине, на Синайском полуострове. В рамках обозначенной темы затрагивается вопрос, возникший еще в 1840-е гг., о создании Русской духовной миссии (Далее – РДМ) на Святой земле, в Иерусалиме. Исследованию тех или иных сюжетов, связанных с организацией, деятельностью РДМ посвящены многочисленные научные труды¹⁸. В данном случае, интерес представляет деятельность одного из переводчиков-ориенталистов Фадлаллы Сарруфа в качестве участника РДМ.

Историографический ракурс биографии и деятельности Ф. Сарруфа представлен узкоспециально¹⁹. Архивные источники сконцентрированы в ведомственном архиве Министерства иностранных дел – Архиве внешней политики Российской империи

---

¹⁷ Браткин Д. Д. А. Хвольсон как судебный эксперт и ученик Авраама Гейгера: три сюжета из научной биографии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 107-124.

¹⁸ Лисовой Н. Н. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме: история и духовное наследие // Богословские труды. Вып. 35. М., 1999. С. 36-51.

¹⁹ Смирнова Е. В. Фадлалла Сарруф – переводчик русской духовной миссии в Иерусалиме и лектор С.-Петербургского университета // Востоковедение: история и методология. 2021. № 2. С. 68-79.

(АВПРИ). В целом, фигура Сарруфа в контексте изучения петербургского востоковедения представляется в виде лакуны. В связи с этим кратко очертим его биографию. Фадлалла (Иванович в русифицированном варианте) Сарруф, этнический араб, родился в Дамаске 6 октября 1826 года, происходил из семьи православных сирийцев. Получив образование в Дамасской патриаршей школе и хорошо владев помимо арабского, греческим и французским языками, довольно быстро продвинулся по карьерной лестнице. В 1847 г. начал вести деятельность РДМ. Узнав о подходящей кандидатуре на должность переводчика миссии, Сарруф, по приглашению Антиохийского патриарха Мефодия, прибыл в Иерусалим. Познакомившись с начальником РДМ, архимандритом Порфирием (Успенским), Сарруф стал его «правой рукой»²⁰. Начальнику миссии часто приходилось вступать в контакт с местными жителями — православными арабами, так как это была часть его паствы. Однако мало кто из сотрудников РДМ, будучи выпускниками духовных академий и семинарий, знал арабский язык. Поэтому часто Фадлалла Сарруф помогал сотрудникам и участникам миссии с изучением арабского языка, брал на себя роль посредника-переводчика. Фактически именно он контролировал выбор арабских учителей для приходских школ, курировал вопросы, связанные с устройством деревенских христианских общин, являлся неким модератором бесед по поводу устройства земельной собственности. Сарруф сопровождал Порфирия (Успенского) во время его научных поездок по Ближнему Востоку. В 1850 г. они побывали в Александрии, Каире и на Синае. Там Сарруф помогал в поисках и выборе книг и рукописей в патриарших и монастырских библиотеках. После начала Крымской кампании миссия закрылась. Следовательно, и Сарруфу, как турецкому подданному, вернее всего было вернуться в Сирию. Тем не менее, он решил приехать в Петербург. Здесь Ф. Сарруф занимался переводами, в 1857 г. принял российское подданство²¹. А вскоре РДМ возобновило работу под руководством епископа Кирилла (Наумова), который предложил ему вернуться на прежнее драгоманское место. Ф. Сарруф

²⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 23. II отд. 2 ст. Д. 425. Л. 1, 2.

²¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 135. Д. 65. Л. 40.

составил записку о положении православных на Ближнем востоке, участвовал в переговорах с сирийскими униатами, которые хотели принять православие. Далее планировалось привлечь его к вопросу эфиопских христиан и к взаимодействию с Коптской церковью. В 1861 г. Фадлалла получил чин коллежского регистратора с зачислением 14 лет в действительной службе при миссии с 1848 по 1862 гг. Хотя по административным меркам в период службы Сарруфа драгоманская должность была вольнонаемной, стаж за нее могли засчитать. В 1863 г. ново-назначенный руководитель РДМ, архимандрит Леонид (Кавелин), отстранил Сарруфа от занимаемой должности. Летом 1864 г. он сообщил в Министерство иностранных дел России о своих трудностях, попросив выдать ему деньги на проезд из Иерусалима в Петербург. Фактически, Фадлалла остался без средств к существованию и вынужден был искать любую работу. Сарруф, получивший подданство и желавший попасть на государственную службу, находился в тяжелом положении, в то время как ведомственная администрация к данному повороту ситуации была не готова. С 1864 по 1895 г. Сарруфу приходилось забрасывать Министерство иностранных дел, Сенат, Ведомство православного исповедания просьбами о выдаче ему аттестата о службе, денежного содержания за время нахождения на драгоманской должности, о возможном месте на государственной службе. В 1877 г. он получил аттестат о службе и уже в 1878 г. поступил вместо барона В. Розена на должность цензора восточных языков в Главное управление по делам печати Министерства иностранных дел²². 29 января 1882 г. Сарруф стал на два года лектором арабского языка в Императорском Петербургском университете. Вероятно, поступление в университет было успешно организовано с подачи В. Розена, преподавателя и впоследствии декана Восточного факультета, знавшего Сарруфа по службе в цензурном комитете. Далее, как свидетельствует план преподавания на 1888 г., Сарруф вел два раза в неделю лекционные и практические занятия²³. Эти занятия он продолжал до конца своей жизни.

В течение чуть более 20 лет Сарруф занимал должность преподавателя, затем лектора арабского языка. Его занятия были основаны

²² РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 13. Л. 17–17 об., 18.

²³ РГИА. Ф. 797. Оп. 23. II отд. 2 ст. Д. 425. Л. 1, 2.

на применение практики свойственной первой половине XIX в., когда лекции восточных языков читали иностранцы. Хотя студентам, учившимся у Сарруфа, было куда легче понимать объяснение иностранного языка по-русски. Во время преподавательской деятельности Фадлалла издал фототипические коллекции писем на арабском языке. Его стараниями был составлен методический сборник грамматики современного разговорного арабского языка с приложением поговорок, пословиц, высказываний и песен, однако этот труд не был издан²⁴.

Сарруф, хотя и находился вдали от своего места рождения, не забывал о родине. Его происхождение, знание языка, длительный опыт нахождения на драгоманской службе заинтересовали зачинателей Императорского Палестинского общества, членом-учредителем которого Сарруф стал в 1882 г.²⁵ Возможно, его перу принадлежал небольшой дневник, в котором фиксировались путевые заметки о поездке по Сирии, Палестине и Заиорданию. В пути Сарруф фиксировал свои наблюдения, оставляя небольшие краткие исторические очерки о пребывании в Акке, Хайфе, Назарете, где общался с местными жителями²⁶. Он скончался 2 ноября 1903 г. в Петербурге и был похоронен на Шуваловском кладбище у часовни Спаса Нерукотворного. Сохранились как могила, так и надгробная плита.

Таким образом, многое из задуманного востоковедами, ориенталистами первой половины XIX в. было реализовано и достигнуто только во второй его половине. Главным достижением учебного сектора петербургского востоковедения стало открытие полноценного факультета в столичном университете. В то же время формировалось научное востоковедческое поле. Оно пополнялось уже универсантами, которые становились преподавателями, профессорами, академиками, продолжали научные традиции школы и открывали новые грани ориенталистики.

---

²⁴ *Базиленко И. В., Дьяков Н. Н., Жуков К. А.* Россия и мусульманский Ближний Восток (арабские страны, Турция, Иран). СПб., 2015. С. 43.

²⁵ *Дмитриевский А. А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. М.; СПб., 2008. С. 243–244.

²⁶ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 934. Л. 2.

17.

М. В. Д. Цензурный устав на
всеподданнейшей службе при Импе-
РАВНОЕ герцогини, цензурный Ко-
УРАВЛЕНИЕ шитель, Барон Водень, когда
тайнеуствует одъ обывающей
его, съ 1^ю напутнаго ашах,
отъ заминей по цензуре.
ПЕЧАТЬ. Не вкормлях съ свои старо.
М. Архим. Мелодия пролетелей въ удвоенью
раню ирманиаго ходатай
спва Барона Дерна, а пуща
валя въ пощрыял пощрыть
размоторные ирмани на во-
споминать адровахъ дельшиу
ураману Руской будущаши-
сой дучеюной Миссии, атофь-
налу Климкошу Деметра-
тору Родилману Саррирру, съ
предъводительствлю ашу адровахъ
делахъ ирманихъ 18 сп. 2 по
шести спехъ руд. съ вощь, о гали
шлюго гашь представити на
васоукоптрные Валиевъ
Васокреведителюства,
сочинаривахъ, что 1^ю Саррирру
родил изъ Валиева, руской
подранин, вороватова-

ни преемственнаго.
чужость мурмана по на
спощецу прещицу при самъ
приселелгах.
Ио Макарыча Кавнаго Ураманой ?
по дръсамъ лекати Р. Д. Д.

Доклад и. д. начальника Главного управления по делам печати В. В. Григорьева о поручении
Фаддале Сарруфу рассмотрения изданий на восточных языках
при Санкт-Петербургском цензурном комитете. 28 апреля 1878 г.
(РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 13. Л. 17, 17 об.)

1853 г. 25 Октября
Душаньбуру Канун-ин Абду-Гуфурод
С. Саида Т. Губкинбуру.

1853 года
25 Октября
Душаньбуру
Душаньбуру Канун-ин Абду-Гуфурод
С. Саида Т. Губкинбуру.

1853 г. 25 Октября
Душаньбуру Канун-ин Абду-Гуфурод
С. Саида Т. Губкинбуру.

1853 года
25 Октября
Душаньбуру
Душаньбуру Канун-ин Абду-Гуфурод
С. Саида Т. Губкинбуру.

Письмо архимандрита Порфирия (Успенского) директору Канцелярии обер-прокурора Синода К. С. Сербиновичу об исполнении Фадлаulloй Сарруфом должности переводчика и преподавания арабского языка сотрудникам духовной миссии и единовременном пособии последнему (500 рублей). 25 октября 1853 г. (РГИА. Ф. 797. Оп. 23. П отд. 2 ст. Д. 425. Л. 1, 1 об.)

И. В. ЛИДЖИЕВА, И. И. МУЧАЕВА

Об инородческих депутациях на встрече императоров на станции «Минеральные Воды»¹

Аннотация: В статье рассматривается аспект даров в церемонии встречи императоров Александра III и Николая II с депутациями от кочевых народов Ставропольской губернии (калмыки, ногайцы и трухмены) в 1888 г. и 1914 г. соответственно, на железнодорожной станции «Минеральные Воды».

Ключевые слова: Александр III, Николай II, кочевые инородцы, Ставропольская губерния, депутации, Кавказ.

В первой четверти XX в. Российское государство в своем составе имело различные административно-территориальные конструкторы, обусловленные в том числе незавершенностью интеграционной политики. Степные пространства южного периферийного субъекта (как например, Ставропольская губерния) занимали кочевые инородцы: калмыки, ногайцы и трухмены. Кочевой образ жизни обусловил отсутствие памятников материальной культуры, за исключением отдельных этнографических предметов, которые в том числе выступили дарами, преподнесенными царским особам. Так, приемы членами императорской семьи депутаций от народов не только фиксировались в письменных источниках, но и оставляли след в виде материальных памятников. Исследование проблемы выявления вещественных источников, связанных с депутациями от инородческих обществ на приеме с членами императорской семьи, является одной из актуальных тем на современном этапе в свете концепции культурной и образовательной политики государства и запросов общества.

Целью данной статьи является исследование на основе анализа документов, выявленных в фондах Государственного архива Ставропольского края и Национального архива Республики Калмыкия, отдельного аспекта, касающегося даров, преподнесенных депутациями от кочевых обществ Ставропольской губернии на встречах

---

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

императоров Александра III в 1888 г. и Николая II в 1914 г. на станции «Минеральные Воды».

Так, 18 сентября 1888 г. императорский поезд остановился на станции «Минеральные Воды». Военный историк генерал от кавалерии В. А. Потто, описывая именно этот момент путешествия царя Александра III писал: *«Обойдя почетный караул, Государь милостиво принял хлеб-соль, поднесенную ему на ценных блюдах представителями городов: Пятигорска, Георгиевска и Ставрополя. Из этих блюд выдавались особенно: пятигорское, с прекрасным видом на южную сторону города, и блюдо инородцев, представлявшее собою массивную серебряную скамью, или калмыцкий столик, украшенный самоцветными камнями; на блюде – изображение различных инородческих типов; солонка также имеет вид калмыцкой кибитки»*². Ранее представители от обществ кочевников принимали участие во встрече императора Николая I Ставрополе³, в церемонии коронации императора Александра Александровича и императрицы Марии Федоровны⁴. Калмыки Астраханской губернии в дар царской семье преподнесли серебряное подносное блюдо, выполненное в форме священного для буддистов цветка лотоса, ныне хранящееся в Особой кладовой Российского этнографического музея⁵.

Весть об этом путешествии императора распространилась в народе еще в начале 1888 г., когда было завершено строительство очередной ветки Владикавказской железной дороги, Екатеринодар – Новороссийск. По утверждению современного исследователя А. В. Громовой, *«для Государя Александра III поездка стала проявлением государственной воли и внимания к стране, личного участия в государственных делах, в устройении отдаленных частей Империи, ознакомлением, осматриванием и в некотором роде инспекцией в деле освоения обширных российских территорий, включая новые»*⁶. Новость о предстоящем

² Царская семья на Кавказе. 18 сентября – 14 октября 1888 года. Составлено по поручению Главноначальствующего Генерал-Адъютанта Князя Дондукова-Корсакова полковником Потто. Тифлис, 1889. С. 8.

³ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 408. Оп. 1. Д. 1158.

⁴ ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 907.

⁵ Российский этнографический музей. Коллекционный № 6834–6.

⁶ Громова А. В. Личное попечение о Российской империи. Поездка императора Александра III с семьей по Кавказу 18 сентября – 14 октября 1888 года // Под скипе-

грандиозном событии дошла и до самых дальних кочевий. Весной уже во всех обществах кочевников состоялись общественные сходы. И уже 29 апреля 1888 г. главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии подполковник А. А. Самойлов направил к губернатору генерал-лейтенанту Н. Е. Никифораки ходатайство. В документе Самойлов отмечает, что подведомственные ему народы, узнав о том, что «Их Императорские Величества Государь Император и Государыня Императрица имеют предположение осчастливить Кавказ своим посещением», просят о «дозволении инородческим обществам приветствовать Государя Императора и Государыню Императрицу во время предстоящего приезда Их Императорских Величеств на Кавказ»⁷. К ходатайству за подписью главного чиновника инородческого управления прилагались копии пяти приговоров: ногайского общества от 29, 30 и 31 марта, караногайского — от 11 апреля и трукменского — от 14 апреля 1888 г., в которых сообщалось об ассигновании из домашних общественных капиталов четырех тысяч рублей на приобретение даров. Калмыки Большедербетовского улуса через своего владельца, нойона Михаила Гахаева «выразили особое верно-подданническое желание приветствовать Их Императорских Величеств чрез особых избранных»⁸. Следует отметить активность в этом вопросе не только со стороны привилегированных сословий, но и простолюдинов. Относительно образа русского царя, сформировавшегося с позиций буддийского мировоззрения в представлениях калмыков, известный историк В. В. Трепавлов отмечал «объединение фигуры российского монарха с давно утвердившимся клише Белый Царь»⁹, имея в виду воплощение буддийского божества Белая Тара.

На момент поступления в канцелярию ходатайства А. А. Самойлова, в связи с отсутствием официальных сведений о предстоящей поездке императора Александра III, оно осталось без движения. Однако 6 июня запрос на уровне канцелярий Н. Е. Никифораки и главноначальству-

---

тром Романовых. К 300-летию провозглашения России империей: материалы науч. — практ. конф. Пермь, 2022. С. 257–296.

⁷ ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 1751. Л. 27.

⁸ Там же. Л. 27 об.

⁹ Трепавлов В. В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII в. М., 2007. С. 25–26.

ющего гражданской частью на Кавказе А. М. Дондукова-Корсакова был направлен. Ответ последовал 25 июня того же года от исполняющего обязанности директора канцелярии главноначальствующего на Кавказе П. Н. Шатилова на имя губернатора Н. Е. Никифораки, под грифом «конфиденциально». В документе отмечалось, что «*по всей вероятности*» для ограниченного числа, включающего высшее губернское чиновничество, депутацию от дворянства и населения губернии, будет возможность представиться императору на станции «Минеральные Воды», так как маршрут уже получил высочайшее одобрение¹⁰. Сообщив об этом, Шатилов уведомляет о необходимости подготовить списки лиц, которые будут представлены императору, с обозначением их должностного или общественного положения. Особо отмечался количественный состав депутации от двух до трех человек с уезда или округа, а также городские головы, с двумя выборными главами от городов, имеющих общественное управление, и при отсутствии такового управления по одному депутату.

18 июля главный пристав кочующих народов направил губернатору проект состава депутатий от инородческих обществ, который включал семь человек. От трухменского народа – народный голова Назар Джембулатов и почетный трухмен Абдула Нурмухаметов; от едишкульских ногайцев – народный голова Арсланбек Махмутов; от едисанских ногайцев – Лукман Акбалат Аджиев; от джембойлуковских – Амангазы Менглибай Аджиев и от большедербетовских калмыков – владелец улуса, прапорщик в отставке Михаил Гахаев и калмык Багатуктунова аймака Хоче Олюшинов¹¹.

Полный список депутации от губернии был сформирован уже к 17 августа, о чем Н. Е. Никифораки сообщил управляющему железной дорогой, инженеру И. Д. Иноземцеву¹². В ее состав вошли 50 человек. Из них 30 – из числа привилегированного населения и 20 – представители крестьянского и инородческого населения, для которых были отведены три отдельных вагона в поезде для проезда 17 октября от Невинномысска до Минеральных Вод и обратно. Причем каждый

¹⁰ ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 1751. Л. 125.

¹¹ Там же. Л. 137.

¹² Там же. Л. 164.

из них должен был приобрести билет. В случае с депутатами от ино-родческих обществ их покупка осуществлялась за счет ассигнованных сумм из средств домашнего капитала. К сожалению, не удалось выявить документы, которые содержали бы детальное описание даров. Однако, упоминание о них в работе современника В. А. Потто имеет принципиально важное значение, и в данном случае служит основным эмпирическим материалом. Дары не только представляли материальную ценность, но и носили символический характер, отражая этническую и религиозную идентичность подданных российского императора.

В декабре 1914 г. железнодорожная станция «Минеральные Воды» очередной раз послужила местом приветствия уже императора Николая II. 17 декабря 1914 г. (4 декабря по старому стилю) Николай II в своем дневнике сделал следующую запись: *«Объехал несколько лазаретов и под конец Владикавказский кадетский корпус. Оттуда – на вокзал. Уехал в 1.45. Вид был чудесный на хребет – Казбек любезно показался. До обеда на станции Минер[альные] Воды было много депутаций от Ставропольской губернии и тьма народа. Погода была мягкая»*¹³.

Императора, возвращавшегося с поездки на Кавказский фронт, наряду с губернатором, действительным статским советником Б. М. Янушевичем и высшим губернским чиновничеством, приветствовали депутация от земств с хлебом-солью и кочевых народов: калмыков, туркмен и ногайцев. Калмыцкий народ представляли бакша (настоятель буддийского монастыря) Дордже Сетенов, зайсанг Опогинов и простолюдин Кирсанов, которые поднесли императору «изображение Будды» (танка. – И. Л., И. М.). Туркмены поднесли государю кибитки собственного изготовления. Одна из них была раскинута на станции.

Описание кибитки было дано в новостных сообщениях официального губернского издания «Северо-Кавказский край»: *«снаружи обтянутая белым войлоком и украшенная бархатными половами с золотым шитьем, иллюминованная разноцветными электрическим лампочками. Внутри кибитки, пол и стены ее были убраны дорогими текинскими коврами. Над входом кибитки красовалась надпись по-туркменски, в переводе “Боже, Царя храни”. В 7 час. 35 мин. К дебаркадеру станции*

¹³ Дневники императора Николая II (1894–1918): В 2 т. Т. 2. Ч. 2: 1914–1918. М., 2013. С. 78.

плавно подошел царский поезд, и вагон Государя остановился прямо перед кибиткой туркменцев, к которой была сделана дорожка»¹⁴.

Инородцы в свою очередь также получали подарки от императорских особ. Так, например, удостоенному аудиенции императора Николая II, ламе донских калмыков Менко Барманжинову был пожалован портрет наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича в раме¹⁵.

Коллекции императора Александра Александровича, включавшие, в том числе дары депутаций от подданных разных губерний, послужили основой «Русского музея Императора Александра III», а в дальнейшем Российского этнографического музея. Именно этот факт позволил сохранить и донести до наших дней уникальные аутентичные предметы, иллюстрирующие кочевой быт инородческого населения Российской империи.

Таким образом, делопроизводственная документация губернской канцелярии и инородческой администрации позволяет определить факт участия представителей кочевых народов Ставропольской губернии на станции «Минеральные Воды» в церемонии приветствия императоров. Кроме того, документы показывают значимость рассматриваемых мероприятий для обеих сторон, т.е. как для императора, так и для его подданных. Немаловажным фактором является и финансовая сторона подготовки даров для членов императорской семьи. Основным инструментом послужил общественный капитал. При этом общества принимают расходы на так называемые «домашние» капиталы, которые существовали параллельно с такими же финансовыми инструментами, но действующими на государственном уровне. Выявленные материалы дают основания для продуцирования дальнейшего исследования по выявлению артефактов и введения их в научный оборот.

¹⁴ Национальный архив Республики Калмыкии (НАРК). Ф. И-21. Оп. 1. Д. 283. Л. 124.

¹⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 525. Оп. 2. Вн. оп. 214/2712. Д. 182. Л. 1.

В. И. МУСАЕВ

**Перемены в церковно-религиозной политике
Российской империи в начале XX в.
и их последствия на Северо-Западе России**

Аннотация: В статье рассматриваются перемены в религиозно-церковной жизни в Российской империи в начале XX в. (в первую очередь в Санкт-Петербургской и соседних северо-западных губерниях), в связи с изданием указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. и других законодательных актов, направленных на либерализацию религиозной политики государства. В целом эти меры не поколебали доминирующее положение православия как государственной религии в Империи. В то же время принятые меры создали более благоприятные условия для деятельности общин других конфессий, хотя и не в одинаковой степени. Исследование проведено (преимущественно) на основе документальных данных из Российского государственного исторического архива (Ф. 821 – Департамент Духовных Дел иностранных исповеданий МВД, Ф. 796 – Канцелярия Синода).

Ключевые слова: Российская империя, церковно-религиозная политика, веротерпимость, инославные общины.

В начале XX в. в Российской империи произошли изменения (с 1905 г.) в религиозной политике государства. Пересмотр некоторых основополагающих положений, ранее определявших ситуацию в Империи в конфессиональной сфере, был намечен несколько ранее. Положение православия как государственного вероисповедания сохранялось, однако в общем контексте демократических преобразований были расширены права последователей других конфессий. Уже в царском манифесте от 26 февраля 1903 г. было признано за благо *«укрепить неуклонное властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах империи российской, которые, благоговейно почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляют всем русским подданным инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной»*¹. 5 июля 1904 года циркуляром Министерства внутренних дел (Далее – МВД) губернаторам было разъяснено, что *«переход лиц, принадлежащих к одному из инославных христианских исповеданий, в другое таковое же разрешается*

---

¹ Бердников И. П. Наши новые законы и законопроекты о свободе совести. М., 1914. С. 16.

губернатором»². Указ Правительствующему Сенату, подписанный императором 12 декабря 1904 г., гласил: «Для закрепления выраженного Нами в Манифесте 26 ф. 1903 г. неуклонного душевного желания охранять освященную основными законами империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного стеснения». Комитет Министров составил положение, высочайше утвержденное 12 февраля 1905 г., об отмене всех постановлений, стеснявших свободы исповедания веры и не основанных прямо на законе³.

Комитетом Министров в феврале 1905 г. было составлено положение, утвержденное императором 11 февраля, «об отмене всех стесняющих свобод исповедания веры и не основанных прямо на законе административных распоряжений, от каких бы начальств они не исходили, и о помиловании тех лиц, которые по особым Высоч[айшим] повелениям были подвергнуты без суда высылке из мест постоянного жительства или лишению свободы за религиозные выступления и вытекающие из них поступки»⁴. 24 марта того же года губернаторам было разослано предписание за подписью министра внутренних дел А. Г. Булыгина, в котором, на основании положения Комитета Министров от 11 февраля, следовали указания: «1) Без замедления и во всяком случае не позднее трех месяцев со дня утверждения сего Положения распорядиться отменной всех, кроме указанных в следующем пункте (2), стесняющих свободу исповедания веры и не основанных прямо на законе административных распоряжений, от каких бы начальств они ни исходили; 2) если из числа стесняющих свободу исповедания веры административных распоряжений окажутся такие, применение которых и впредь, по соображениям государственного порядка, он признает необходимым, то на утверждение

² Буткевич Т. И. Протестантство в России (из лекций по церковному праву). Харьков, 1913. С. 12.

³ Бердников И. П. Краткий курс церковного права Православной Церкви. Казань, 1913. С. 1292.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. № 49. 22 марта 1905 г. Ст. 389.

оних испросить через Государственный Совет Высочайшее соизволение и 3) принять действительные меры надзора к тому, чтобы никакими административными учреждениями и лицами впредь не устанавливалось каких-либо стеснений в области религии, в законе не установленных»⁵.

Итогом преобразований стало положение Комитета Министров «Об укреплении начал веротерпимости», высочайше утвержденное 17 апреля 1905 г.⁶ Впервые официально допускался выход подданных империи из православия и переход в другую деноминацию. Положение, кроме того, допускало браки православных со старообрядцами и сектантами⁷. В новом законе исповедания делились на три группы: старообрядческие согласия, секты и изуверные учения. Третья группа (например, скопцы) по-прежнему подвергалась преследованиям, в отношении же первых двух предусматривалось значительное расширение прав. Религиозным обществам присваивалось название «общин», за ними признавалось право владения движимым и недвижимым имуществом. Старообрядцам и сектантам разрешалось устройство скитов и обителей с согласия министра внутренних дел, создание школ, особых кладбищ для погребений. Ряд ограничительных законов отменялся⁸. Высочайший манифест от 17 октября 1905 г. был посвящен преимущественно вопросам политического характера, но при этом, способствуя общей

---

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 125. Д. 9. Л. 13.

⁶ Касательно общих начал веротерпимости положение гласило: «1) Отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собой каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее, по достижении совершеннолетия, от православия лицо признаётся принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало. 2) При переходе одного из супругов, исповедующих одну и ту же христианскую веру, в другое христианское исповедание, все не достигшие совершеннолетия дети остаются в прежней вере другого супруга, а при переходе обоих супругов вместе дети их до 14 лет следуют вере родителей, достигшие же сего возраста остаются в прежней своей религии. 3) Лица, числившиеся православными, но в действительности исповедующие ту нехристианскую религию, к которой до присоединения к православию принадлежали сами они или их предки, подлежат, по желанию их, исключению из числа православных» (Бердников И. П. Краткий курс церковного права Православной Церкви. С. 1295).

⁷ Там же. С. 372.

⁸ Никольская Т. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. СПб., 2008. С. 27.

либерализации общественно-политической жизни в стране, он содействовал также и укреплению основ религиозной свободы.

Уже 28 мая 1905 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД сообщал, что *«со времени издания указа последовал уже целый ряд ходатайств со стороны лиц, по метрическим документам признаваемых православными, но в действительности не исповедующих православия, о присоединении их к той инославной христианской или нехристианской вере, к которой они или их предки принадлежали до присоединения к православию и которую они на самом деле исповедуют»*⁹. Осложнениями для учреждений Православной церкви наступившие изменения были чреваты в основном на имперских окраинах, где православные составляли меньшинство. Во внутренних российских губерниях, в которых православие безраздельно господствовало, легализация перехода из православия в другие конфессии не могла иметь слишком серьезных последствий. В то же время, последователи инославных конфессий в новых условиях могли рассчитывать на положительные перемены в своем положении. Особенно это касалось свободных общин.

Переходы из православия в лютеранство имели место в основном в Прибалтийских губерниях, главным образом среди эстонцев и латышей, предки которых или они сами перешли в свое время из лютеранства в православие, но не успели как следует укрепиться в вере. Эти же явления наблюдались в Финляндии среди местных карелов. Все это было головной болью для руководства Рижской и Финляндской православных епархий. Однако массового характера «отпадения» от православия в этих епархиях все же не приняли, основную часть местной православной паствы удалось сохранить. Во внутренних российских губерниях наблюдались лишь отдельные переходы из православия в лютеранство. Например, в очередном отчете Евангелическо-лютеранской генеральной консистории, за 1907–1908 год, в пяти консисториальных округах были отмечены 1244 таких перехода, также как и 225 переходов из лютеранства в православие. Генеральная консистория при этом неблагоприятным считала то обстоятельство, *«что лицам в возрасте от 14 до 21 года не предоставлена возможность свободного*

⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 158. Л. 1–2.

в случае желания перехода из господствующей церкви в лютеранство: между тем, в этом именно возрасте confirмируются лютеране, и вопрос о переходе в этом возрасте с особой силой волнует душу»¹⁰.

Переходы из православия в другие конфессии отслеживали и руководящие структуры православных епархий. В отчете о состоянии Санкт-Петербургской епархии за 1907 г. было зафиксировано 531 «отпадение» за 1906 г., за 1907 г. — 467. Из последнего числа большинство перешли в лютеранство — 331 человек, а также в католичество — 109, в реформатство — 10, в армяно-григорианство — двое, в старообрядчество — трое, в некое «протестантское исповедание» — один и «возвратилось в иудейство» — 10¹¹. Авторы отчета квалифицировали часть таких «отпадений» по рубрикам: «а) по случаю брака с инославным лицом — до 73; б) под влиянием полученного воспитания и среды — 72; в) по влиянию семьи, в лице мужа, жены, родителей и т.д. — 55; г) по разным житейским соображениям, к каковым относятся... желание переходящего в лютеранство вступить в брак с лицом иудейского или магометанского исповедания — 13; д) по убеждению и внутренней склонности — 14; е) по незнанию языка русского и непонимания православного богослужения — 10»¹².

В отчете по Санкт-Петербургской епархии за 1908 г. число «отпавших» было определено в 462 человека (155 мужчин и 307 женщин). Преобладали снова переходы в лютеранство, каковых было зафиксировано 251. В католичество перешел 181 человек, в реформатство — шестеро, в старообрядчество — четверо, в армяно-григорианство — трое, в «пашковщину» — один, в ислам — шестеро и в иудаизм — 10. Тридцать человек «после увещаний» отказались от намерения выйти из православия¹³. Наиболее распространенной причиной выхода из православия (122 случая) называлось «желание, а иногда и необходимость вступить в брак с инославным или иноверным лицом». 82 перехода были совершены «по отчужденности от православия и влечению к другой вере, развившихся под влиянием главным образом воспитания». Из этих 82 человек 52 перешли в лютеранство. В отчете этот факт связывался с весьма любопытным обстоятельством:

¹⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 22. Л. 160.

¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2229. Л. 136 об.

¹² Там же. Л. 136 об. — 137.

¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2290. Л. 334.

«Значительное число из переходящих в лютеранство составляли в отчетном году питомцы воспитательного дома, воспитавшиеся в финских лютеранских семьях. Живя с детства в таких семьях, окруженные со всех сторон влиянием лютеранских понятий, часто притом не знающие русского языка и не понимающие православного богослужения, питомцы эти, конечно, не имеют с православием никакой связи и все приобретенным духовным складом свои тяготеют к лютеранству. И не мудрено, что первый жизненный толчок, заставлявший их задуматься над своими религиозными влечениями, сделать выбор между православием, которого они не знают, и лютеранством, с которым они свыклись с детских лет и влияние которого постоянно испытывать, решает вопрос в пользу последнего»¹⁴.

По данным Департамента духовных дел иностранных исповеданий, в Псковской губернии за период с 17 апреля 1905 г., т.е. с момента обнародования указа о веротерпимости, до 1 января 1909 г. из православия в лютеранство перешли 248 человек (112 мужчин и 136 женщин) и в католичество — восемь (четверо мужчин и четыре женщины). В Новгородской губернии за тот же период число «отпадений» было значительно меньшим — 25 в католичество (семь мужчин и 18 женщин), 15 в лютеранство (пять мужчин и десять женщин) и один в сектантство (одна женщина). По Петербургской губернии за этот период статистика департамента по переходам в лютеранство и католичество (без учета других конфессий) составляла соответственно 573 (273 мужчин и 300 женщин) и 35 (семь мужчин и 28 женщин) человек¹⁵. Эта статистика, однако, не согласовывалась с приведенными выше данными руководства Санкт-Петербургской епархии, особенно в том, что касалось переходов в католичество. Согласно этим данным, только за два года (1907 и 1908 гг.) в лютеранство перешли 582 человека, в католичество — 290.

Либерализация религиозного законодательства также имела благоприятные последствия для петербургских немцев-лютеран и вообще протестантов в том смысле, что с рубежа веков более распространенный характер стали принимать конфессионально смешанные браки, протестантов (в основном немцев, так как именно

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2290. Л. 339-341.

¹⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 12. Л. 143 об. — 145.

они преобладали среди протестантов — жителей Петербурга) с православными. С период с 1900 по 1910 г. число таких браков выросло на 10,6%, тогда как количество чисто протестантских браков за тот же период сократилось на 12%. В условиях сохранения в силе требования о воспитании детей от смешанных браков в православной вере это, наряду с сокращением традиционной иммиграции из Германии и довольно низкой рождаемостью среди петербургских немцев, способствовало постепенному сокращению численности немецких протестантов в российской столице. Данное обстоятельство вызывало тревогу у немецкого лютеранского и вообще протестантского духовенства, которое предостерегало свою паству от конфессионально смешанных браков. Теперь, когда это правило соблюдалось уже не так строго, оснований для опасений стало меньше. В целом, несмотря на отдельные неблагоприятные явления, жизнь евангелическо-лютеранских приходов и общин в Петербурге и на Северо-Западе России развивалась вполне благополучно. В одном из годовых отчетов Генеральной консистории отмечалось, в частности, умножение паствы ряда лютеранских приходов в Петербурге, включая финский и эстонский¹⁶. В приходах продолжалась строительная деятельность. В середине 1900-х гг. сообщалось о постройке «вчерне» и скором освящении новой Петропавловской церкви в Пскове. Тогда же герцоги Мекленбургские построили новую лютеранскую церковь в Ораниенбауме¹⁷. О традиционно особых отношениях евангелическо-лютеранских общин в России с императорским двором говорит, в частности, телеграмма императора Николая II от 12 декабря 1910 г.: *«Сердечно благодарю Церковный Совет и прихожан евангелическо-лютеранской церкви св. Петра за молитвы и выраженные чувства. Долголетним упорным трудом прихожан достигнута достойная похвалы постанова состоящих при церкви св. Петра учебных*

---

¹⁶ «В некоторых местностях численность евангелического населения достигла таких размеров, что наличных церковных зданий уже недостаточно. Например, в финской церкви св. Марии в Санкт-Петербурге приходится по воскресным дням отправлять богослужение по три раза, а в эстонском приходе церкви св. Иоанна отправлено было в отчетном году 393 службы с произнесением проповедей и 1155 священнодействий» (РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 22. Л. 22).

¹⁷ Там же. Д. 39. Л. 107 об. — 108.

заведений и благотворительных учреждений. Желая дальнейшего преуспевания церкви и ее учреждениям, не сомневаюсь, что благоволение к ним, неизменно высказываемое с высоты престола, побудит прихожан к вящему труду на пользу отечества»¹⁸.

Развитие жизни римско-католических общин в России в этот же период шло более неоднозначно. С одной стороны, ряд жестких ограничений, действовавших ранее, особенно после польских событий 1863–1864 гг., подлежал снятию, что явствует из цитированных выше законодательных проектов и межведомственной переписки. В то же время, во властных кругах сохранялись предубеждение против активности католических структур в России и опасения, что католики используют возможность либерализации религиозного законодательства в империи для продвижения своей политической повестки. Такие опасения неоднократно озвучивались должностными лицами МВД. Например, министр П. А. Столыпин в письме варшавскому генерал-губернатору от 23 сентября 1907 г. сообщал, что в последнее время неоднократно наблюдались попытки католических богомольцев, проезжающих в сопровождении ксендзов из Ченстохова через Варшаву в Вильно, к устройству на промежуточных станциях демонстраций религиозно-национального характера. Он просил принять меры к недопущению таких демонстраций, вплоть до отправки воинских команд (генерал-губернатор, впрочем, в ответном письме от 30 сентября уведомлял министра, что «в пределах Высочайше вверенного мне края указанных демонстраций на станциях железных дорог не наблюдалось»)¹⁹. Товарищ министра внутренних дел А. А. Макаров, позднее занявший пост министра, в циркуляре губернаторам от 25 июля 1908 г. указывал, что «в Министерстве Внутренних Дел получены сведения, что совершаемые в различных местностях Российской Империи католические процессии нередко принимают характер политических манифестаций, будучи сопровождаемы произнесением речей, раздачей различного рода брошюр и эмблем, музыкой, кавалькадами, несением знамен и употреблением изданий, не имеющих религиозного значения, причем таковые процессии устраиваются иногда без ксендзов

¹⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 137. Л. 38.

¹⁹ Там же. Оп. 125. Д. 9. Л. 48.

и даже по ночам», и просил «неуклонно следить за тем, чтобы всякого рода р.-к. процессии в вверенной Вам губернии не могли совершаться без участия духовенства и без соблюдения изъясненного правила относительно предварительного предупреждения о том местной полиции, а также чтобы эти процессии носили действительно религиозный характер и отнюдь не представляли собой попыток к противоправительственным демонстрациям»²⁰. На положении католиков в Российской империи сказывались и обстоятельства внешнеполитического характера, связанные с отношениями России с Ватиканом. В начале XX в. эти отношения заметно осложнились из-за религиозной политики царского правительства, а также вследствие изменения политического курса Римской курии и ее сближения с Тройственным союзом. В Ватикане считали, что и после 1905 г. католические общины в России по-прежнему не пользуются полнотой прав.

На Северо-Западе России не очень многочисленные местные католики никогда особо не проявляли сколько-нибудь заметных политических устремлений. Однако общее настороженное отношение к католикам со стороны различных управленческих структур, вероятно, косвенно сказывалось и на них. Возможно, с этим были отчасти связаны те сложности, которые подчас возникали при попытках католиков получить разрешение на строительство новых церковных зданий и открытие новых приходов. Подобные затруднения, о которых выше уже упоминалось, продолжали иметь место и после 1905 г. В частности, дело об устройстве в Петербурге за Нарвской заставой молитвенного дома во имя св. Казимира и открытии при нем самостоятельного католического прихода тянулось 12 лет. Известно также о ходатайстве в декабре 1909 г. принца Максимилиана Саксонского, проживавшего во Фрайбурге в Швейцарии, о разрешении ему построить католическую церковь на Петербургской стороне. Принц при этом принимал на себя «все расходы и хлопоты по сооружению и оборудованию церковных построек и самой церкви» и обязывался обеспечивать «ее дальнейшее существование, а также и содержание имеющих состоять при ней священнослужителей и служащих, отпуская ежегодно на сей предмет необходимую сумму денег»²¹. Ходатайство, поддержанное руководством

²⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 9. Л. 171.

²¹ Там же. Д. 1048. Л. 1-2.

Могилевской католической архиепархии, не было, однако, удовлетворено. В письме на имя управляющего архиепархией, за подписью министра внутренних дел П. А. Столыпина, от 20 января 1910 г. содержался отрицательный ответ на упомянутое ходатайство²². Причины его отклонения не назывались, так что на этот счет можно лишь строить предположения. Одним из таковых могло быть выдвинутое принцем условие, чтобы настоятелем и тремя священниками-викариями в приходе служили допущенные в Россию и Петербург доминиканцы. К последним же, как и вообще к членам католических монашеских орденов, в России в то время относились с недоверием (можно вспомнить, что управление церковью св. Екатерины, находившееся с 1820-х гг. в руках доминиканцев, в конце XIX в. было у них изъято).

Внешние сложности, с которыми сталкивались учреждения католической церкви, усугублялись из-за внутренних проблем. С начала XX в. в католических приходах Северо-Западного края начали обостряться польско-литовские противоречия: по мере развития литовского национального движения священники и прихожане литовцы принялись оспаривать доминирование польского клира в духовных делах. Эти конфликты отразились на отношениях между поляками и литовцами в петербургских католических приходах, прежде всего в церкви св. Екатерины. Возникавшие споры касались таких вопросов, как управление приходом, замещение священнических должностей, язык проповедей и религиозных песнопений, а также вопроса о приходских школах. Литовцы неоднократно адресовали властям, в основном органам МВД, жалобы на польскую администрацию. Помимо того, в 1912 г. дело дошло до полемики в прессе. Газета «Литва», выходившая в Вильно, хотя и издавалась на польском языке, но отстаивала литовские интересы. С польской стороны выступали «Dziennik Petersburgski» («Петербургская газета»), варшавская «Dwugroszówka» и виленский «Kurier Litewski». Polemika была так остра, что дело дошло до судебного разбирательства о клевете между газетами «Литва» и «Петербургская газета»²³.

Либерализация религиозного законодательства в империи имела благоприятные последствия для расширения активности

²² РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 1048. Л. 5.

²³ Spustek J. Polacy w Piotrogradzie 1914–1917. Warszawa, 1966. S. 48.

свободно-церковных общин. В 1905 г., после возвращения из двухгодичной заграничной командировки, лидер евангелистов И. С. Проханов приступил к активной деятельности в Петербурге. Сразу же после выхода манифеста 17 октября 1905 г. он добился разрешения издавать ежемесячный журнал «Христианин». Первый пробный номер был выпущен литографическим способом в ноябре 1905 г. В нем была опубликована статья И. С. Проханова «Назревающие вопросы евангельской церкви в России». С января 1906 г. журнал «Христианин» печатался в типографии. Как бесплатное приложение к журналу выходил «Братский листок», а несколько позже издавались «Молодой виноградник» и «Детский друг». Начиная с 1908 г. стал издаваться еженедельный иллюстрированный листок «Сеятель»²⁴. Печатались также многочисленные брошюры. Их изданием занималось специально основанное для этих целей товарищество «Радуга», имевшее в Петербурге свой магазин²⁵.

17 октября 1906 г. увидел свет именной указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов». Этот указ дал право легализации евангельско-баптистских общин, но при существенных ограничениях и условиях. Несмотря на такие ограничения, многие общины поспешили воспользоваться хотя бы тем, что им предоставлялось. В 1908 г. была зарегистрирована петербургская община евангельских христиан, руководимая И. С. Прохановым. Вслед за ней в Петербурге легализовалась община, руководимая И. В. Каргелем, а затем — русская баптистская община²⁶.

Таким образом, сколько-нибудь серьезной угрозы устоям государственной религии в губерниях с преобладавшим русским православным населением последствия указа 17 апреля 1905 г. и других законодательных актов, способствовавших либерализации религиозной жизни, не несли. Тем не менее, православное духовенство

²⁴ История евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1989. С. 149, 151.

²⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2348. Л. 65 об.

²⁶ История евангельских христиан-баптистов в СССР... С. 125.

и консервативно настроенные светские круги с опасением и настороженностью относились к имевшим место переменам. Особенно негативно этой частью общества воспринималась деятельность свободных протестантских общин. Им, наряду со старообрядцами, уделялось внимание в годовых епархиальных отчетах, их действия описывались и комментировались в явно выраженных критических тонах, подчеркивался их пропагандистский и вредный для православия характер. Обращалось внимание на заграничные связи сектантов. Исследователь истории евангельских христиан-баптистов в России – Советском Союзе С.Н. Савинский делил время с 1905 по 1917 г. на два периода: первый – с 1905 по 1911 г., когда происходило оживление деятельности братства, легализация общин, расширение проповеди Евангелия в России, и второй – с 1912 по 1917 г., который характеризовался возобновлением преследований и гонений, «напоминающих победоносцевское время»²⁷. Вполне возможно, что позиция православной общественности повлияла на принятие мер по новому ограничению религиозных свобод, направленное именно против свободных общин. В том же 1910 г. были инициированы первые ограничения. 4 октября 1910 г. МВД разослало циркуляр, ограничивавший действия указов от 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г. и существенно стеснявший свободу религиозных собраний.

Несмотря на ограничительные меры государственной власти и контрпропаганду со стороны епархиального духовенства и православных миссионеров, влияние свободно-церковного движения не сходило на нет. Обращения из православия в другие конфессии, в том числе в протестантские свободные общины, на протяжении предвоенных лет в ограниченных масштабах продолжали происходить. Переходы в три из них – евангельских христиан, баптистов и адвентистов седьмого дня – в Петербургской епархии за период с 1910 по 1913 г. выражались в следующих цифрах²⁸:

---

²⁷ Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии. Ч. I. (1867-1917). СПб., 1999. С. 247.

²⁸ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2598. Л. 91 об.

	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Евангелисты	209	320	229	139
Баптисты	109	107	96	56
Адвентисты	12	14	16	17

Таким образом, в евангельские христиане за четыре года перешли 897 человек, в баптизм — 368, в адвентизм — 59. В 1913 г. в Петербургской епархии из православия официально вышли 700 человек, из которых 212 присоединились к русским протестантским общинам²⁹. Новые, еще более жесткие ограничения, которые затронули не только свободные общины, но и все неправославные конфессии, были введены в 1914 г., в связи с началом Первой Мировой войны.

---

²⁹ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2598. Л. 91 об.

Н. Б. ПОСТИКЭ

**Частная и общественная благотворительность
в сельскохозяйственном просвещении
Российской империи XIX – начале XX вв.**

Аннотация: В статье рассматривается отдельный вид благотворительности, направленной на развитие сельскохозяйственного образования. На материалах архивных делопроизводственных документов департамента земледелия исследованы основные виды общественного участия в развитии сельскохозяйственного просвещения в последней четверти XIX в. Выделены типы пожертвований по источникам происхождения и направлению, проанализировано участие правительственных органов в реализации благотворительной деятельности.

Ключевые слова: благотворительность, сельскохозяйственное образование, сельскохозяйственные школы, земская служба, образовательные стипендии.

Благотворительность была и остается неотъемлемой частью культуры народов России с древних времен. Рецепция западноевропейских ценностей просвещения, начиная с XVIII в., способствовала институализации благотворительной деятельности и превращению ее в инструмент социально-общественного строительства.

Значимым явлением российской действительности XIX в. стала отраслевая благотворительность. Под термином «отраслевая» здесь подразумевается благотворительность, направленная на развитие конкретной отрасли производства или народного хозяйства в целом, в данном случае – на развитие сельскохозяйственного образования.

В первое пореформенное десятилетие обострилась необходимость преобразования сельскохозяйственного быта в изменившихся производственных отношениях. Для обсуждения и решения проблем аграрной сферы проводились съезды, собрания и комиссии общественных организаций и земств. Результатом этих обсуждений стала деятельность земских учреждений по формированию первых элементов системы сельскохозяйственного образования.

Исследование деятельности земств и отдельных земских деятелей в 70–80-х гг. XIX в. позволяет говорить о существовании с их стороны интереса к агропросветительской деятельности и признанию пользы распространения сельскохозяйственного образования. Однако

устройство сельскохозяйственных школ казалось многим из них несвоевременным и затратным делом¹. Главные трудности, с которыми сталкивались общественные организации и земства при открытии специализированных учебных заведений, заключались в отсутствии нормативно-правового обеспечения деятельности начальных сельскохозяйственных школ и неопределенности ведомственной принадлежности подобных образовательных учреждений.

В 1869 г. Вятское губернское земство подготовило проекты уставов сельскохозяйственного училища и начальной школы с преподаванием естествознания и сельского хозяйства². В 1872 г. было открыто первое земское училище «для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и приготовления народных учителей» в Вятке³. Однако в 1880 г. училище было закрыто ввиду того, что правительственные учреждения не смогли обеспечить необходимую поддержку этой образовательной земской инициативе. Вятское губернское земство поочередно передавало училище в ведение Министерства народного просвещения и Министерства государственных имуществ (Далее – МГИ). Первое из них отказалось предоставить права гражданской службы учителям училища, ссылаясь на несоответствие целей естественно-научного преподавания с задачами общеобразовательной народной школы⁴. Второе – не имело нормативно-правового обеспечения деятельности начальных сельскохозяйственных школ.

В 1871 г. по инициативе гласного Александровской управы Екатеринославской губернии, барона Н. А. Корфа⁵, земством был подготовлен проект устава сельскохозяйственного и ремесленного

---

¹ Обзор деятельности земств по сельскому хозяйству (1865–1895 гг.): В 3 т. СПб., 1896. Т. 1. С. 229–230.

² Там же. Т. 2. С. 490–491.

³ Помелов В. Б. Вятское губернское земское училище «для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и подготовки народных учителей» // Историко-педагогический журнал. 2017. № 2. С. 129–146.

⁴ Обзор деятельности земств... Т. 2. С. 499.

⁵ Збандут С. Ф. Н. А. Корф и И. А. Попов – выдающиеся лидеры местного самоуправления города Мариуполя // Студент года 2023: сборник статей XXVIII Международного научно-исследовательского конкурса (5 июня 2023 года). Пенза, 2023. С. 65–70.

училища. На содержание проектируемого училища выделял средства другой земский деятель — Д.Т. Гнедин⁶. Однако училище не было открыто. В 1877 г. Гнедин подготовил очередной проект сельскохозяйственной и ремесленной школы, об открытии которой ходатайствовало Александровское земство, тоже не осуществленный.

Большую роль в формировании земской образовательной инициативы играл пример частных лиц, жертвующих личные средства или завещающих свое имущество на открытие сельскохозяйственных школ. Действительный статский советник В.И. Уткин завещал свое имение Нерехтской земской управе в селе Каликино Костромской губернии с тем, чтобы там было открыто земледельческое училище для крестьян⁷. В ответ на ходатайство земства Департамент земледелия в 1881 г. разработал устав и штат Уткинской сельскохозяйственной школы⁸, а в 1884 г. школа была открыта⁹. Сестра Н. А. Некрасова, А. А. Буткевич, пожертвовала в 1882 г. на открытие сельскохозяйственной школы в Новгородской губернии усадьбу с землей и финансовый капитал¹⁰. Некрасовская сельскохозяйственная школа была открыта в 1892 г.¹¹

Ситуация радикально изменилась в царствование императора Александра III, когда в 1883 г. было утверждено «Нормальное положение о низшей сельскохозяйственной школе». За первые десять лет по Положению были открыты 33 частные сельскохозяйственные школы, из которых 20 школ открыто земствами и сельскохозяйственными обществами и 13 школ — по инициативе частных лиц¹².

---

⁶ Обзор деятельности земств... Т. 2. С. 492.

⁷ Мельникова Д. А. Уткинская низшая сельскохозяйственная школа (последняя четверть XIX — начало XX в.) // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: Материалы междунар. науч. конф. (6–8 апреля 2023 года): В 2 т. СПб., 2023. Т. 2. С. 25–30.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 381. Оп. 46. Д. 116. Л. 222.

⁹ Сельскохозяйственные учебные заведения, подведомственные Департаменту земледелия в конце 1895 года. СПб., 1896. С. 83.

¹⁰ Обзор деятельности земств... Т. 2. С. 513.

¹¹ Сельскохозяйственные учебные заведения... С. 83.

¹² Там же. С. 30–31.

Со второй половины 80-х гг. XIX в., с ростом количества сельскохозяйственных учреждений, расширялись формы общественного участия в деле отраслевой просветительской благотворительности. Благотворительные пожертвования этого периода можно разделить по двум направлениям:

1) Жертвование имений и капитала для устройства сельскохозяйственных школ;

2) Учреждение стипендий для обучения малоимущих и талантливых студентов.

В период с 1880 по 1904 гг. в канцелярию Департамента земледелия МГИ поступило 13 обращений о принятии капитала и имущества на учреждение сельскохозяйственных школ¹³ и 35 обращений с пожертвованием капитала на учреждение стипендий в сельскохозяйственных учебных заведениях империи¹⁴.

В первом случае жертвователи – часто состоятельные помещики, посвятившие делу сельскохозяйственного образования значительную часть своих материальных средств и нравственных сил. Не имея наследников, они передавали государству созданные ими частные сельскохозяйственные школы как гаранту обеспечения процветания полезного дела сельскохозяйственного образования. Так, М. О. Борташевич, занимавшийся в своем имении в Крыму разведением винограда и открывший там школу виноделия, не имел наследников и завещал все свое имение МГИ в 1887 г.¹⁵ Уфимский землевладелец А. Д. Дашков основал в своем имении в селе Петровка сельскохозяйственное училище. В 1904 г. Дашков завещал МГИ училище и капитал в 100 000 рублей на его содержание¹⁶.

Другие значительные финансовые и материальные пожертвования передавались МГИ с тем, чтобы там были открыты

¹³ РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 136. Л. 38; Д. 142. Л. 158, 194; Д. 143. Л. 95; Д. 144. Л. 139; Д. 145. Л. 64; Д. 150. Л. 158; Д. 158. Л. 65; Д. 161. Л. 19, 25, 63; Д. 162. Л. 14; Д. 171. Л. 22; Д. 172. Л. 38; Д. 175. Л. 115; Д. 177. Л. 9.

¹⁴ РГИА Ф. 381. Оп. 46. Д. 133. Л. 160; Д. 136. Л. 126, 129; Д. 138. Л. 49; Д. 142. Л. 110; Д. 143. Л. 95, 164; Д. 144. Л. 51, 82; Д. 145. Л. 137; Д. 146. Л. 17, 37; Д. 150. Л. 6, 8, 20, 75, 88; Д. 151. Л. 43, 46, 96; Д. 158. Л. 1; Д. 161. Л. 36, 103, 104, 105; Д. 162. Л. 61; Д. 164. Л. 7, 11, 28; Д. 171. Л. 57; Д. 172. Л. 57; Д. 175. Л. 20; Д. 177. Л. 5, 33.

¹⁵ Там же. Д. 136. Л. 8.

¹⁶ Там же. Д. 177. Л. 9.

сельскохозяйственные учебные заведения. Первое подобное пожертвование было сделано в 1876 г. вдовой полковника гвардии А. А. Майновой. «Майновская» сельскохозяйственная школа была открыта МГИ в 1887 г.¹⁷ Тайный советник А. И. Воронин завещал министерству свое имение в Волынской губернии с условием сохранения его в государственной собственности и учреждения из средств завещанного капитала стипендий для обучения крестьян из внутренних губерний империи¹⁸. Школа была открыта МГИ, согласно с желаниями жертвователя, в 1892 г.¹⁹ На пожертвованной статским советником и земским деятелем, профессором Н. А. Карышевым земле из родового имения в селе Александровка Екатеринославского уезда, министерство учредило Гнединскую низшую сельскохозяйственную школу по нереализованному в 1877 г. проекту Д. Г. Гнедина²⁰.

На рубеже XIX–XX вв., на фоне быстрого развития сельскохозяйственного производства, среди пожертвований стали появляться коллективные взносы представителей местного управления и крестьян на открытие и содержание сельскохозяйственных и ремесленных школ. В ряде случаев жертвователи выделяли землю и получали от правительственного учреждения финансовую помощь на строительство учебного заведения. В других – представители общественности предоставляли финансовое обеспечение и получали в аренду землю. Во всех таких случаях имела место консолидированная деятельность по созданию сельскохозяйственных учебных заведений. В 1895 г. жители Туапсинского посада выделили участок земли для строительства и ведения учебно-хозяйственной деятельности училища плодоводства и виноградарства. Министерство земледелия, в свою очередь, выделило на строительство 40 000 рублей, и в 1898 г. училище было открыто²¹. Самарское губернское земство выделило 60 000 рублей на строительство Губернского земледельческого училища и ассигновало ежегодно на его содержание 22 500 рублей. Землю

---

¹⁷ РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 145. Л. 64.

¹⁸ Там же. Д. 142. Л. 194.

¹⁹ Там же. Д. 144. Л. 103.

²⁰ Там же. Д. 161. Л. 25.

²¹ Там же. Л. 19.

под училище предоставило Министерство земледелия из фондов государственных имуществ, и училище было открыто в 1899 г.²²

Учреждение стипендий стало вторым направлением отраслевой благотворительности. Стипендии за счет средств частных и общественных пожертвований на обучение малоимущих талантливых студентов можно подразделить на два типа: именные и целевые. Первый тип стипендий стал востребован настолько, что в 1876 г. Комитет министров утвердил особое положение о присвоении стипендиям имени учредителей²³. Именные стипендии формировались за счет процентов с капитала, размещенного в ценных бумагах в Государственном банке. Распорядителем капитала, пожертвованного на сельскохозяйственное образование, являлось или Министерство земледелия, или непосредственно учебное заведение. Основным источником формирования данного типа стипендий были посмертные завещания. Кроме того, учреждением именных стипендий общественные деятели, коммерсанты и государственные чиновники прославляли заслуги своих почетных членов. Капитал таких стипендий формировался за счет сборов внутри учреждений. Минимальный размер капитала, необходимого для учреждения именной стипендии в сельскохозяйственной школе, составлял 2500 рублей, а средний размер пожертвования на стипендию в училище — 5000 рублей²⁴. Именные стипендии стали имиджевым инструментом для выделения заслуг жертвователей.

Целевые стипендии учреждались, в первую очередь, для подготовки специалистов и не преследовали целей личного прославления благотворителей. Среди учредителей целевых стипендий преобладали земские организации и частные ревнители развития сельского хозяйства. Самым крупным жертвователем на учебные сельскохозяйственные цели был князь Л. С. Голицын, землевладелец Таврической губернии, пожертвовавший 100000 рублей на учреждение

²² РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 161. Л. 63.

²³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 2. Т. 51. Ч. 1. № 56006.

²⁴ Данные обобщены из сведений, приведенных в докладных записках Департамента земледелия. См.: РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 108, 194, 123, 124, 132, 136, 138, 142, 144, 145, 146, 150, 151, 158, 161, 162, 164, 171, 172, 175, 177.

шести премий по виноградарству и виноделию²⁵. Самым скромным — капитал в размере 2534 рублей, собранный в 1896 г. служащими крестьянских учреждений Глазовского уезда, для учреждения стипендии для одного крестьянского мальчика в одной из сельскохозяйственных школ Вятской губернии²⁶.

В начале XX в. практика учреждения целевых отраслевых стипендий стала распространяться среди губернских и уездных земств для образования крестьянского населения. Не имея достаточных средств для формирования капитала земские стипендии формировались за счет ежегодных земских сборов по решению земских сходов. Земские стипендии в указанный период были не единичные, а учреждались группами, от пяти одновременно. Так, Псковское губернское земство в 1899 г. учредило шестнадцать стипендий при открытой Псковским уездным земством Быстрицкой сельскохозяйственной школе в селе Загорье²⁷. Днепроовское уездное земство постановило ежегодно, с 1902 г., включать в смету содержание десяти стипендий для крестьянских детей в Лукьяновской низшей сельскохозяйственной школе²⁸, а через три года, в 1905 г., учредило еще пять стипендий в том же учебном заведении²⁹.

Благотворительность в сельскохозяйственном образовании стала ярким эпизодом последней четверти XIX — начала XX вв., демонстрирующим вовлеченность в решение насущных проблем общества каждого его отдельного представителя. Общая положительная тенденция в явлении отраслевой благотворительности этого периода заключается в том доверии, которое общество выказывало по отношению к правительственным учреждениям в сохранении и распределении средств пожертвований. В свою очередь Министерство земледелия, в период бурного экономического роста и подъема общественной активности, смогло выстроить эффективную систему взаимоотношений между обществом и правительством по решению общих задач развития сельскохозяйственного производства.

²⁵ РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 161. Л. 36.

²⁶ Там же. Д. 150. Л. 75.

²⁷ Там же. Д. 172. Л. 57.

²⁸ Там же. Д. 171. Л. 57.

²⁹ Там же. Д. 177. Л. 5.

Докладъ
 по
ДЕПАРТАМЕНТУ
 ЗЕМЛЕДЕЛІЯ
 " **СЕЛЬСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ**
М. Р. И.

Оправлении на взысканіи въ Государ-
 ственный Советъ представителя о при-
 численіи къ спеціальному кредитному
 Министерству Государственнаго Ин-
 цидентъ завѣщаннаго Статскимъ вл-
 стникомъ Замузенной капита-
 ла, въ 44267 р. 66 к.

Статскій Советникъ Замузенной,
 умершій въ 1884 году, завѣщанъ об-
 ществу с. Жабокъ, Лохвицкаго уѣзда,
 Полтавской губерніи, капиталъ,
 составляющій въ настоящее вре-
 мя въ процентамъ 44267 руб. 66 к.
 По желанію завѣщателя капи-
 талъ этотъ долженъ быть
 предназначенъ на учрежденіе въ
 названномъ селѣ сельскохозяй-
 ственной и ремесленной школы,

Въслѣдствіе чего, чтобы часть капи-
 тала не оставалась проста и была обращена въ за-
 вѣщаніи, 4 мая, 1891 года,
 Статско-Судебн.,
 Меленушкинъ, часть на вѣчныя времена, съ цѣ-
 лью обратитъ на проценты без-
 платно дѣтей вѣдннхъ роди-
 телей.

Вслѣдствіе этого комиссия
 изъ представителей отъ об-

Доклад по Департаменту земледелия и сельской промышленности МГИ
 о завещании капитала на учреждение сельскохозяйственной и ремесленной школы
 в селе Жабок Лохвицкого уезда Полтавской губернии
 (РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 143. Л. 95)

129

Докладъ
по
ДЕПАРТАМЕНТУ
ЗЕМЛЕДЕЛІА
СѢЛЬСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

М. Р. И.

Времене Учрежденіи Мина
справленія Департамента Мин
ищевъ, Статис-Сертифік. Вѣдом-
ства Вспомогательнаго Вѣдомства
въ 15 дѣл. марта сего года, между
иными предпринимана Владимі-
ише Владиміе Император-
ская Владиміе/составили
иже прифронтни, для казенной
Майновской сельскохозяйственной
школы, учрежденной казенно-
иной купчей полевника Майно-
вое земля (въ Козельскомъ уѣздѣ
Крымловской губ.), принадлежащая
Собственн. въ Имперію, по
иной Владиміе/составили

..... (с. 1)
А. С. Импер. Мин.
ищевъ, Статис-Сертифік.
Вѣдомства Вспомогательнаго
Вѣдомства

Въ 1887 году, въ 15 дѣл. марта сего года, между иными предпринимана Владиміише Владиміе Императорская Владиміе/составили иже прифронтни, для казенной Майновской сельскохозяйственной школы, учрежденной казенно-иной купчей полевника Майновое земля (въ Козельскомъ уѣздѣ Крымловской губ.), принадлежащая Собственн. въ Имперію, по иной Владиміе/составили

Доклад по Департаменту земледелия и сельской промышленности МГИ о покупке земли для Майновской сельскохозяйственной школы в Козельском уезде Черниговской губернии (РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 145. Л. 129)

75
##

Докладъ
по
ДЕПАРТАМЕНТУ
ЗЕМЛЕДЕЛІА
МИНИСТЕРСТВА
ЗЕМЛЕДЕЛІА
ГОСУД. ИМУЩ.

Времене Учрежденіи Мина
справленія Департамента Мин
ищевъ, Статис-Сертифік. Вѣдом-
ства Вспомогательнаго Вѣдомства
въ 15 дѣл. марта сего года, между
иными предпринимана Владиміише Владиміе Императорская Владиміе/составили иже прифронтни, для казенной Майновской сельскохозяйственной школы, учрежденной казенно-иной купчей полевника Майновое земля (въ Козельскомъ уѣздѣ Крымловской губ.), принадлежащая Собственн. въ Имперію, по иной Владиміе/составили

Въ 1887 году, въ 15 дѣл. марта сего года, между иными предпринимана Владиміише Владиміе Императорская Владиміе/составили иже прифронтни, для казенной Майновской сельскохозяйственной школы, учрежденной казенно-иной купчей полевника Майновое земля (въ Козельскомъ уѣздѣ Крымловской губ.), принадлежащая Собственн. въ Имперію, по иной Владиміе/составили

Въ 1887 году, въ 15 дѣл. марта сего года, между иными предпринимана Владиміише Владиміе Императорская Владиміе/составили иже прифронтни, для казенной Майновской сельскохозяйственной школы, учрежденной казенно-иной купчей полевника Майновое земля (въ Козельскомъ уѣздѣ Крымловской губ.), принадлежащая Собственн. въ Имперію, по иной Владиміе/составили

Въ 1887 году, въ 15 дѣл. марта сего года, между иными предпринимана Владиміише Владиміе Императорская Владиміе/составили иже прифронтни, для казенной Майновской сельскохозяйственной школы, учрежденной казенно-иной купчей полевника Майновое земля (въ Козельскомъ уѣздѣ Крымловской губ.), принадлежащая Собственн. въ Имперію, по иной Владиміе/составили

Въ 1887 году, въ 15 дѣл. марта сего года, между иными предпринимана Владиміише Владиміе Императорская Владиміе/составили иже прифронтни, для казенной Майновской сельскохозяйственной школы, учрежденной казенно-иной купчей полевника Майновое земля (въ Козельскомъ уѣздѣ Крымловской губ.), принадлежащая Собственн. въ Имперію, по иной Владиміе/составили

Доклад по Департаменту земледелия и сельской промышленности МГИ о принятии капитала на учреждение стипендии в одной из сельскохозяйственных школ Вятской губернии (РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 150. Л. 75)

Т. Т. РАИШЕВ

Политика Российской империи в Туркестане в области оспопрививания во второй половине XIX – начале XX вв.

Аннотация: В статье на основе анализа широкого пласта архивных материалов, исторических источников и научной литературы исследуется военно-медицинская политика Российской империи на территории Туркестанского края во второй половине XIX – начале XX века на примере оспопрививания.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестанский край, военная медицина, оспопрививание.

Исследование военно-медицинской политики Российской империи на территории Туркестанского края на рубеже XIX – начала XX вв., до сих пор является малоизученной и актуальной тематикой для историков и исследователей Туркестанского региона.

Империя привнесла в среднеазиатский регион квалифицированную систему военного здравоохранения, основанную на достижениях европейской медицинской науки, оказывающую медпомощь российским военнослужащим, а также местному населению. Принимались меры по борьбе с эпидемическими болезнями, проводилась вакцинация местных жителей от оспы. Однако здесь следует подчеркнуть, что методы вариоляции¹ были известны давно, как в Туркестане, так и в других странах Востока, задолго до открытий Э.Э. Дженнера². Российское правительство предпринимало усилия

¹ Вариоляция – издревле распространенный у восточных народов (Китай, Тибет, Турция, Индия и др.) обычай прививать содержимое оспин при натуральной оспе здоровым людям в целях получения невосприимчивости к этой болезни. В 1717 г. леди Мэри Уортли Монтегю, жена английского посла, в Османской Порте, успешно сделала прививку от оспы и поделилась этим опытом с Королевской медицинской академией Великобритании. В 1762 г., находясь под сильным влиянием идей Просвещения, первой в Российской империи сделала прививку от оспы императрица Екатерина II. Вариоляция была запрещена в России в 1805 г.

² Дженнер, Эдуард Антони (1749–1823) – английский врач, изобретатель перовой в мире вакцины против натуральной оспы, разработанной на основе вируса коровьей оспы (впервые привил ее в 1790 г.), первый руководитель Ложи оспопрививания в Лондоне (1803). *Hohmann S. La médecine moderne au Turkestan russe: un outil au service de la politique colonial // Cahiers d'Asie centrale № 17/18. Tachkent, Paris: IFÉAC Éditions Complexe, 2009. P. 330–331.*

по распространению профилактических методов на восточных территориях за пределами империи, задолго до завоевания Средней Азии. Например, с 1812 г. в Средней Азии татарские купцы, распространяли в Бухаре и Самарканде брошюры, напечатанные в Казани на арабском и чагатайском языках, с описанием Дженнеровской методики вакцинации³.

Согласно проекту «Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» 1867 г. начальники уездов отвечали «за сохранение народного здоровья» и должны были «принимать меры к прекращению эпидемических болезней»⁴. В проекте «Положения» существовал целый раздел № VII, под названием «Устройство медицинской части». В параграфе 387 документа говорилось, что медицинский инспектор Туркестанского военного округа (Далее – ТуркВО) осуществлял основной медицинский надзор в Туркестанском крае. В каждом уезде края по штату полагались уездный врач и повивальная бабка (акушерка). Они должны были принимать и лечить местное население, выдавать бесплатные лекарства, за счет ассигнаций из казны. Согласно параграфу 383 вышеуказанного документа местный уездный врач был ответственным за распространение оспопрививания среди коренного населения края⁵. Это лишний раз подтверждает нам то, что здравоохранение (в том числе и его гражданская часть) в данном регионе находилось в ведении местных военных.

22 октября 1868 г. городской врач И. М. Карачаров в доме Саид Азимбая в Ташкенте привил оспу 10 детям. Для расширения прививок оспы 7 ноября 1868 г. городской начальник Е. А. Россицкий издал распоряжение, по которому аксакалы должны были проводить разъяснительную работу среди жителей, растолковать им полезность оспопрививания. Благодаря проведенной работе, в октябре – ноябре 1868 г. И. М. Карачаров сделал прививку 78 детям, а в декабре – еще 85⁶.

³ См. напр.: *Нойманн* С. Р. 331.

⁴ Проект Положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями от 11 июля 1867 // *Ахметжанова* А. Т. Реформы Российской империи 60–90-х годов XIX в. в Казахстане [Электронный ресурс]: Учебно-методическое пособие. Алматы, 2013. С. 21.

⁵ Там же. С. 58.

⁶ *Махмудов* М. Становление и развитие медицины и здравоохранение в Средней Азии (1865–1924 гг.). Дис. ... докт. ист. наук. Ташкент, 1992. С. 112–113.

С 1872 года благодаря усилиям первого генерал-губернатора Туркестана (командующего войсками ТуркВО) К. П. фон Кауфмана началась кампания оспопрививания, представлявшая собой первую современную программу общественного здравоохранения в Туркестане. 8 мая 1879 г. было утверждено «Положение об оспопрививании в Туркестанском Генерал-губернаторстве». Согласно данному Положению: «а) наблюдение за правилами, успешностью прививок и распространением оспопрививания вменялось в обязанности Военных Губернаторов, Начальников Заравшанского Округа и Амударьинского Отдела под непосредственным заведованием Военно-Медицинского Инспектора и Областных Врачей, а в уездах Уездного Начальника и Уездного Врача; б) прививание предохраняющей оспы, было обязанностью всех, без исключения штатных чиновников Военно-народного Управления, повивальных бабок и фельдшеров; в) медицинские чины Военного Ведомства обязаны не только не уклоняться от этой обязанности, но и использовать для этого состоящих в их ведении фельдшеров и способных цирюльников; г) для прививания от оспы в уездах назначались оспопрививатели; д) более того, оспопрививание в уездах мог проводить любой, кто по испытанию местных врачей признавался имеющим потребность для этого сведения и получал от них о том свидетельство»⁷.

Кроме того, для обучения оспопрививанию избирались лица, изъявившие желание (а если таких не было — по назначению обществ, согласно распоряжению местной администрации), как из «туземцев», так и из русских от 18 до 25 лет, преимущественно из грамотных, хорошей нравственности, здорового телосложения и способных. Количество людей определял военный губернатор (начальник округа или отдела) по согласованию с местным медицинским начальством. Их здоровье свидетельствовалось уездным врачом. Оспопрививатели обучались уездными врачами в больницах или приемных покоях, а если таковой нет — на дому, полгода. В течение данного периода, общества обязаны были снабжать их пищей, одеждой и квартирой, платить за них все государственные подати, исправлять земские и мирские повинности, а врачам запрещалось использовать их для других каких-либо занятий. Сбор денег на содержание учеников

⁷ Национальный архив Узбекистана (НАУз). Ф. И-19. Д. 32134. Л. 4.

производился вместе со сбором податей. Примерная сумма определялась уездной администрацией с утверждением военными губернаторами, начальниками Зеравшанского округа и Амударьинского отдела. Остатки от этого сбора, переходили на следующий год. После окончания обучения уездный врач выдавал им свидетельство, удостоверяющее полное знание ими этого искусства и предоставлявшее право заниматься частной практикой⁸.

Медицинские чины, оспопрививатели и частные лица, оказавшие большое усердие в оспопрививании, получали от главного начальника Края (по ходатайству военно-медицинского инспектора) награды, подарки, а также золотые и серебряные медали. Оспопрививатели на время службы были освобождены от платежа податей и исправления всяких земских и мирских повинностей. Но перемещения по участку они осуществляли за свои деньги. Оклад их в Сырдарьинской области, Зеравшанском округе, Амударьинском отделе составлял по 180 рублей в год, а в Семиреченской области от 40 до 100 рублей в год. Волостям или обществам, входящим в состав каждого участка, предоставлялось ходатайство определения на должность оспопрививателя лиц, ими самими избранных, которые имели право по свидетельству уездного врача, за вознаграждение и меньшее. Жалование оспопрививателей осуществлялось за счет средств, собираемых на содержание «туземной» администрации⁹.

Необходимо признать, что оспопрививание шло с большим трудом — мусульманское духовенство убеждало людей в том, что таким образом русская власть хочет обратить их в христианство. В связи с этим, в разных местах региона даже вспыхивали очаги сопротивления¹⁰. В обществе распространялись слухи о том, что на самом деле вакцинация проводилась для выявления мальчиков для призыва на военную службу и девочек для занятия проституцией¹¹. О том же сообщает и сенатор Ф.К. Гирс в своем отчете, однако, он пишет,

⁸ НАУз. Ф. И-19. Д. 32134. Л. 4 об.

⁹ Там же. Л. 5-5 об.

¹⁰ Волков И. В. Исторические аспекты цивилизационной политики царской России в Средней Азии: дис. ... докт. истор. наук. Бишкек, 2020. С. 242.

¹¹ См. напр.: *Hohmann S. P.* 330.

что «время убедило их в неосновательности подобных подозрений, а также и в пользе, приносимой оспопрививанием»¹².

В 1879 году в Ташкенте, Перовске и Верном были учреждены три депо для заготовки оспенной лимфы. Лимфу получали от предварительно привитых оспой телят. Ташкентское депо снабжало лимфой всех лиц, занимавшихся оспопрививанием в г. Ташкенте, Кураминском, Ходжентском, Чимкентском и Аулие-Атинском уездах, а также в Ферганской области и Зеравшанском округе. Зона ответственности Перовского депо — во всех остальных уездах области и Амударьинском отделе, Верненского — во всей Семиреченской области и Кульджинском районе. На каждое депо для заготовления лимфы ассигновывалось ежегодно земского кредита 600 рублей, из них: на жалование сторожу — 120 рублей, на покупку и прокормление телят — 240 рублей и на наем, отопление и освещение помещения — 240 рублей. Сумма эта отпускалась авансом уездному врачу и по мере действительной необходимости увеличивалась или уменьшалась по распоряжению главного начальника Края. На заготовление ланцетов и других оспопрививательных принадлежностей сырдарьинскому областному врачу ежегодно выдавалось 500 руб., данные предметы он рассылал по потребности областных врачей во все части Края¹³. По сообщениям Добросмыслова, в 1875 году в Ташкенте оспа была привита более 1000 детям, в 1876 году — 766 детям, в том числе 46 русским, а в 1877 году — 1468 детям, в том числе 76 русским. Сначала прививки производились с руки на руку (вакуляция), а с 1877 года стали производиться лимфой, полученной от телят¹⁴. Необходимо отметить огромный вклад ташкентского городского врача М.Х. Батыршина, сумевшего убедить местное население Ташкента в пользу оспопрививания, а также организовать процесс вакцинации на вполне удовлетворительном уровне. Именно Батыршин являлся человеком, заслугой которого можно считать открытие в Ташкенте «Туркестанского депо»¹⁵. Гирс писал, что в 1881 г. число детей, которым

¹² Отчет ревизирующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1884. С. 161.

¹³ НАУз. Ф. И-19. Д. 32134. Л. 5 об. — 6 об.

¹⁴ НАУз. Ф. И-1. Оп. 12. Д. 1741. Л. 45 об.

¹⁵ Шадманова С.Б. Первый городской врач Туркестана М.Х. Батыршин: Штрихи к портрету. // Гасырлар Авазы — Эхо веков. № 1/2. 2014. С. 233.

была привита предохранительная оспа, достигло 25 тыс. чел. (обо-его пола). В Перовском уезде с 1873 по 1879 гг. зарегистрировано 2355 случаев (400 в год), а с 1879 по июль 1883 г. 18570 чел. (5200 в год), т.е. в 13 раз больше¹⁶. В 1886 г. в Туркестане было зарегистрировано 102 вакцинатора из числа коренных народов¹⁷.

12 июня 1886 года было утверждено «Положение об управлении Туркестанского края»¹⁸. Пункт А «Управление медицинской частью» II главы был полностью посвящен здравоохранению¹⁹. Медицина края оставалась в ведении Главного военно-медицинского управления. Надзор за этой сферой в крае возлагался на окружного военно-медицинского инспектора, а в областях на подведомственного ему областного врача, наделенного правами губернского врачебного инспектора, подчинявшегося областному военному губернатору.

На уездных и городских врачей возлагалось проведение оспопрививания, обучение этому делу учеников из местных жителей. Областные правления назначали число оспопрививателей и определяли им жалование, но с утверждения генерал-губернатора. Их содержание производилось за счет земского сбора, посредством этих же денег в Ташкенте содержалось депо по заготовлению оспенной лимфы и инструментов для оспопрививателей.

Таким образом, «Положение об управлении Туркестанским краем» от 1886 года не внесло кардинальных перемен в управление здравоохранения в регионе, так как эта сфера продолжала оставаться в рамках полномочий Военного ведомства.

В заключении мы можем отметить, что после завоевания Средней Азии Российской империей медицинское обслуживание в крае, в том числе оспопрививание, было полностью подчинено военному сектору. Туркестанская администрация была озабочена проблемами вакцинации от оспы гражданского населения, но в первую очередь российских военнослужащих. Поскольку решение данной

¹⁶ Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1884. С. 161.

¹⁷ Нohnmann S. Указ. соч. С. 331.

¹⁸ Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 6. СПб., 1888. С. 318–344.

¹⁹ Там же. С. 322.

задачи оставалось актуальным на протяжении всего периода пребывания здесь Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.), оспопрививание было важной частью нормативной базы системы здравоохранения Туркестанского края. Для осуществления данной задачи на местах была организована подготовка кадров-оспопрививателей, а также созданы условия по локализации производства оспенного детрита на основе передовых достижений науки и техники того периода.

А. М. ХВАТКОВА

**Коллекция братьев Морозовых
картин французской живописи
и её судьба в контексте событий 1917 года**

Аннотация: В статье автор поднимает вопрос о том, как в условиях трансформации российской действительности в революционный 1917 г. удалось сохранить шедевры французской живописи, собранные братьями-меценатами Михаилом и Иваном Морозовыми. Своей целью автор видит рассмотреть меры, которые были предприняты для организации работы музея современного искусства, созданного на основе коллекции И. А. Морозова. Сделаны выводы о том, что учреждение музея было одним из исключительных явлений после прихода большевистской власти, и о его значении в культурно-историческом наследии.

Ключевые слова: коллекционирование, братья Морозовы, французская живопись, современное искусство, государственный музей нового западного искусства, меценатство.

История династии предпринимателей – меценатов Морозовых до сих пор представляет интерес в отечественной исторической науке. В советской историографии благотворительные проекты представителей этого рода долгое время игнорировались. С наступлением перестройки подход к оценке деятельности Морозовых изменился. Для историков открылись актуальные темы исследований, такие как покровительство французской живописи братьями тверской линии династии Морозовых – Михаилом и Иваном.

Советские историки недостаточно внимания уделяли вопросу о формировании коллекции братьев Михаила и Ивана Морозовых. Исключение составляют изданные в начале 20-х гг. XX в. статьи искусствоведа А. М. Эфроса и Б. Н. Терновца, которые предприняли попытку осмысления событий из жизни Ивана Абрамовича Морозова и собранной им художественной коллекции¹. Позже, в 1974 г., в Вашингтоне была опубликована статья С. Якобсона «Русские коллекционеры и меценаты Щукины и Морозовы», на которую также

---

¹ Эфрос А. М. Человек с поправкой. Памяти И. А. Морозова // Среди коллекционеров: Ежемесячник искусства и художественной старины. № 10. М., 1921. С. 1–4; Терновец Б. Н. Собиратели и антиквары прошлого. И. А. Морозов // Среди коллекционеров: Ежемесячник искусства и художественной старины. № 10. М., 1921. С. 38–41.

стоит обратить внимание при изучении вопроса об истории коллекции братьев Морозовых².

Возрождение интереса к данной теме случилось в 90-е гг. XX в., когда были изданы работы таких исследовательниц, как Н. Г. Думова и Н. Ю. Семенова³, чуть позже — публикации Т. Г. Никифоровой, О. Б. Поляковой⁴.

Актуальность выбранной темы связана с событиями в современном музейно-выставочном пространстве. За последнее десятилетие было организовано несколько крупнейших выставок с экспозицией тех шедевров изобразительного искусства, которые братья Морозовы приобрели на рубеже XIX–XX вв. Прошедшие выставки в Парижском музее Фонд «Луи Виттон», в Эрмитаже в Санкт-Петербурге, а также в Музее изобразительных искусств в Москве подняли в общественной повестке, в том числе и мировой, значение роли меценатов Морозовых в культурно-историческом наследии России.

Целью данного исследования является ответить на вопрос: как сложилась судьба картин из коллекции братьев Морозовых после событий 1917 года?

Одной из задач исследования является рассмотреть меры, которые были предприняты для организации работы музея современного искусства, созданного на основе национализированной коллекции И. А. Морозова, в стихийных условиях после революции 1917 г.

По воспоминаниям Маргариты Кирилловны Морозовой (жены Михаила Абрамовича) известно, что картины, собранные её мужем, после его смерти были переданы в фонды Третьяковской галереи⁵. Поэтому после революции 1917 г. проблем с полотнами Михаила

---

² Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (ОР ГМИИ им. А. С. Пушкина). Коллекция 12. Р. 2. Д. 7.

³ Думова Н. Г. Московские меценаты. М., 1992; Семенова Н. Ю. Морозовы-коллекционеры // Морозовы и Москва: Труды юбилейной научно-практ. конф. «Морозовские чтения» (26–27 декабря 1997 г.). М., 1998. С. 151–161.

⁴ Никифорова Т. Г. Иван Абрамович Морозов — создатель «стальной комнаты» // Толстовский ежегодник. М., 2001. С. 48–57; Полякова О. Б. Коллекционер Иван Абрамович Морозов // Вестник архивиста: информационный бюллетень: [№ 1(49)]. М., 2007. С. 283–292.

⁵ ОР ГМИИ им. А. С. Пушкина. Коллекция 12. Справочное № 19.

Морозова не возникло, в то время как собрание его брата было под угрозой.

Во-первых, был выпущен особый декрет, который запрещал вывоз за границу предметов особой художественной и исторической ценности. Во-вторых, охранные грамоты, предназначенные для защиты художественного имущества от реквизиций, просуществовали полгода с их появления⁶. В-третьих, Совет народных комиссаров (СНК) 19 декабря 1918 г. постановил национализировать художественное собрание И. А. Морозова и объявить его государственной собственностью РСФСР⁷.

В это время при первом наркомпросе А. В. Луначарском был организован особый отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Одним из его членов был Игорь Грабарь, который при отделе развивал идею об открытии музеев на основе бывших частных коллекций. Именно эта инициатива спасла собрание И. А. Морозова.

В начале 1919 г. отдел направил Бориса Николаевича Терновца в качестве специалиста для составления каталога по всем имеющимся картинам в доме коллекционера.

И. А. Морозов, как показывает практика его коллекционирования, бережно относился к документам, сохранявшимся за купленными им полотнами⁸, поэтому составить каталог картин удалось в кратчайшие сроки. Помимо этого, коллекционер самостоятельно приступил к созданию плана будущей галереи, которая должна была разместиться в бывшем особняке мецената на Пречистенке⁹.

К весне 1919 г. комиссия по приему картин И. А. Морозова постановила «...преобразовать национализированное собрание во II Музей Новой Западной живописи; ответственным хранителем музея назначить Б. Терновца, а помощником хранителя – И. А. Морозова»¹⁰.

⁶ Семенова Н. Ю. Братья Морозовы. Коллекционеры, которые не торгуются? М., 2022. С. 235–236.

⁷ ОР ГМИИ им. А. С. Пушкина. Коллекция 12. Справочное № 4. Л. 2.

⁸ Семенова Н. Ю. Братья Морозовы... С. 116.

⁹ ОР ГМИИ им. А. С. Пушкина. Коллекция 12. Р. 1. Д. 69.

¹⁰ Там же. Справочное № 5. Л. 3.

Меценат был обрадован этой новостью¹¹, однако распоряжение комиссии о выселении семьи Морозовых из особняка заставило главу семейства принять решение об эмиграции. Через несколько лет за границей И. А. Морозов скончался.

Наравне с Иваном Морозовым коллекцию картин французской живописи собирал Сергей Иванович Щукин. Национализированное собрание этого мецената стало I филиалом Музея Нового Западного искусства.

В 1923 г. I и II отделения объединили в Государственный музей нового западного искусства – ГМНЗИ. В ходе работы музей не раз пытались закрыть. Например, в 1930 г. здание хотели передать Музею Военной академии¹². В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. вся живопись и прочие экспонаты ГМНЗИ были вывезены из Москвы. После окончания войны восстановлением музея решили не заниматься, а в 1948 г. он был закрыт.

В заключение необходимо подчеркнуть, что, несмотря на давление со стороны государства, открытие ГМНЗИ на основе коллекции И. А. Морозова было уникальным явлением большевистского режима. Решив проблему сохранения бывшей частной коллекции мецената И. А. Морозова, ГМНЗИ стал единственным в Москве музеем современного западноевропейского искусства. Просуществовав около 30 лет, он оставил за собой богатейшее наследие и произвел неизгладимое впечатление на общественность, даже за рубежом.

¹¹ Терновец Б. Н. Письма, дневники, статьи. М., 1977. С. 123.

¹² Яворская Н. В. История Государственного музея нового западного искусства. 1918–1948. М., 2012. С. 298.

Р. М. ХОДЖАМЕДОВ

**Роль земств в организации выборов
в Государственную думу 1906 года
(по материалам Смоленской губернии)**

Аннотация: В статье рассматриваются полномочия, осуществлявшиеся Смоленским земством при подготовке выборов в Первую Государственную думу Российской империи. На основе анализа архивных материалов автор приходит к выводу о большой роли местного самоуправления в дореволюционной России в проведении избирательной кампании, которая обуславливалась выборным характером самоуправления, накопившего большой электоральный опыт к началу XX века.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, земство, выборы, начало XX века, Первая русская революция.

Население Смоленской губернии активно участвовало в революционных событиях, что осложняло избирательный процесс в Государственную думу. Для его организации требовалось участие не только земств, но и представителей исполнительной власти, а также органов правопорядка.

В настоящем исследовании для изучения политической активности населения были привлечены следующие материалы Государственного архива Смоленской области:

– «Дело о распространяемой в Смоленской губернии антиправительственной литературе, прокламациях, воззваниях»¹ из фонда № 1 («Канцелярия Смоленского губернатора»);

– «Дело о выборах в государственную Думу»² из фонда № 7 («Смоленская губернская земская управа»), содержащее полный отчет земств о проделанной в ходе избирательной кампании работе.

Обращаясь к документации органов правопорядка, мы отмечаем высокую активность агитационных сил³. В разных уголках губернии распространялись прокламации, побуждающие население к участию в мятежах, направленных против властей и «богатеев». После

---

¹ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 8. Д. 366.

² ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 8.

³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 366.

9 января 1905 г., провинция продолжала считать Георгия Гапона героем, выразителем интересов трудового народа.

1 марта 1905 г. в канцелярию смоленского губернатора поступил рапорт о распространении в Сафоновской волости «Воззвания отца Гапона к рабочим»⁴. 5 марта гжатский уездный исправник сообщил о рассылке петиций и копий воззвания Гапона по почте, совершенной неизвестными лицами⁵. 14 марта 1905 г. исправник Вяземского уезда сообщил о том, что в одной из церквей были подброшены листовки антиправительственного содержания, которые читались некоторыми крестьянами, а затем были ими якобы уничтожены⁶. 9 апреля подобные листовки нашлись и в Дорогобужском уезде, где городской Марк Лагунов обнаружил четыре экземпляра прокламаций революционного содержания⁷. Первая из обнаруженных в Дорогобуже прокламаций интересна тем, что в ней, по косвенным свидетельствам, сообщалось о земских избирательных кампаниях.

К сожалению, исследуемое архивное дело не содержит самих экземпляров прокламаций, поскольку таковые передавались лично губернатору, о чем свидетельствуют соответствующие пометки на документах.

Сведения демонстрируют крайне сложную политическую ситуацию на территории Смоленской губернии. Накануне учреждения законодательной Государственной думы и в ходе начального периода Первой русской революции Смоленщина демонстрировала высокую политическую активность.

Это означало, что в ходе подготовки к проведению первых в истории страны парламентских выборов предстояло провести колоссальную работу как по подготовке самих выборов, так и по обеспечению на них безопасности. И если часть этих обязанностей ложилась на плечи сотрудников Министерства внутренних дел, то работа по составлению избирательных списков все равно оставалась заботой земских учреждений, на которых предпочитало опираться правительство.

---

⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 366. Л. 40.

⁵ Там же. Л. 46.

⁶ Там же. Л. 55.

⁷ Там же. Л. 94.

Анализ избирательного законодательства показал, что подготовкой избирательных списков должны были заниматься уездные земские управы. Однако это вовсе не означает, что вышестоящее губернское земство никак не принимало участия в организации выборов.

В ходе нашего исследования мы рассмотрели некоторые материалы Смоленского губернского земства и сделали выводы относительно важности проделанной им работы. Забегая вперед, отметим, что основная часть работы губернского земства заключалась в контроле над составлением списков, внесении в них изменений, а также публикации таковых на страницах «Смоленских губернских ведомостей».

Первый документ, связанный с исследуемой в настоящей работе темой, датируется 22 декабря 1905 г. — запрос Гжатской земской управы в городскую думу списков жителей Гжатска, состоящих на службе в губернской управе или получающих от нее пенсию⁸. Это было необходимо для составления избирательных списков. Забегая вперед, отметим, что почти все земские бумаги будут посвящены именно подобным запросам.

Новый избирательный закон от 11 декабря 1905 г. поступил в Смоленскую губернскую земскую управу 24 декабря того же года⁹. Он повторял куриальную систему, принятую на земских выборах, но вводил четвертую — «рабочую» курию и губернские избирательные собрания. По этим куриям и необходимо было составить списки с учетом имущественного ценза или численности предприятий. Нужно сказать, что земства были первыми учреждениями в России, которые формировались путем массовых всесословных выборов. В них принимали участие дворяне, горожане, крестьяне. Причем для участия последних не требовалось избирательного ценза. Земства являлись и организаторами выборов. Первой их задачей было составление списков, которые поступали в земство после соответствующих запросов. Именно поэтому и в 1905–1906 гг. вся работа по составлению списков легла на земство.

Запрашивались данные и о служащих учреждений, находившихся на содержании земств. Так 29 декабря 1905 г. губернская земская

⁸ ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 8. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 2–5.

управа направила запросы в приют Барышникова и Гедеоновскую больницу¹⁰.

Запрос такого же списка от Смоленской городской управы (городские жители голосовали в отдельной курии) поступил 30 декабря с разъяснением: «Означенные сведения необходимы управе при составлении списков городских избирателей в Государственную Думу»¹¹.

В тот же день в Смоленскую губернскую земскую управу начали поступать запрошенные списки из уездов. Первыми поступили сведения из Смоленского и Духовщинского уездов¹², а затем и из других уездов¹³.

Список выборщиков, представленный Смоленским уездным земством, включал 66 смолян и одного жителя села Поповка близ Смоленска (ныне в черте города)¹⁴.

3 января 1906 г. в Смоленскую губернскую земскую управу поступил последний список обладающих избирательным правом работников колонии-приюта в Стодолище — всего 6 человек¹⁵.

В соответствии с избирательным законом последние изменения в избирательные списки были внесены Смоленским губернским земством 10 января 1906 г. В перечень избирателей включили имена заведующего страховым отделом при губернской земской управе Т. И. Румакина и техника А. И. Петровского¹⁶. Таким образом, земство составило избирательные списки, которые выбрали депутатов в Первую Государственную думу от Смоленской губернии.

На этом исследуемое нами дело исчерпывает себя относительно деятельности губернского земства в период выборов депутатов в Государственную Думу Российской империи I созыва. Тем не менее, отметим, что именно земства будут формировать избирательные списки и далее. Исследуемое нами архивное дело будет вестись вплоть до 1907 г., а значит, земские управы продолжают работу

---

¹⁰ ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 8. Л. 6.

¹¹ Там же. Л. 7.

¹² Там же. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 10.

¹⁴ Там же. Л. 16–19.

¹⁵ Там же. Л. 20.

¹⁶ Там же. Л. 21.

по составлению избирательных списков во время выборов в Государственную Думу II и III созывов.

Особенно напряженно работать приходилось во время составления списков в Думу I и III созывов, поскольку изданные накануне избирательные законы вносили серьезные изменения в существовавшие до этого избирательные законы (соответственно 6 августа и 11 декабря 1905 г.), изменяя правила голосований, создавая и упраздняя избирательные курии и меняя избирательные цензы.

Однако выборы всегда проходили в назначенный срок. Значит, земства справлялись со своей работой, вовремя предоставляя перечень потенциальных кандидатов в нижнюю палату российского парламента.

Всего Смоленскую губернию представляли шесть депутатов (См. Прилож.). Пятеро из них примкнули к Конституционно-демократической партии, и только Т. О. Волков вступил в ряды прогрессистов. Но все они были сторонниками либерального демократического строя. Это отражает общий либеральный настрой смоленских земцев и политической элиты Смоленской губернии в целом.

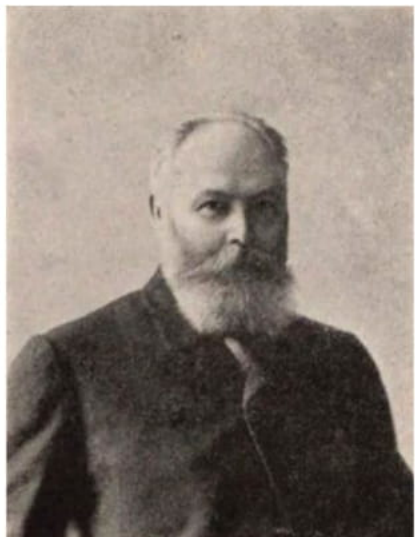
Земства занимали ключевое положение в вопросе составления избирательных списков. Именно от слаженности работы земских уездных и губернских управ зависел успех проведения избирательных мероприятий. Земским губернским управам отводилась роль надзирателя за деятельностью уездных земств. Благодаря успешной работе именно этих учреждений выборы в Смоленской губернии прошли в срок, и смоленские депутаты приступили к работе со всеми остальными.

В заключение отметим, что современные выборы проводятся на бескуриальной основе. В их основе лежит принцип равенства, отсутствует имущественный ценз, а потому составление избирательных списков упрощено по сравнению с началом XX века. Тем большая ответственность лежала на плечах земцев, выполнявших свою работу на высоком уровне.

Депутаты Первой Государственной думы от Смоленской губернии¹⁷

	<p>Квасков Михаил Александрович — врач, родился в Смоленске в 1876 г. в купеческой семье. Окончив с золотой медалью гимназию, поступил в Московский университет, но за неблагонадежность в 1890 г. был уволен «без права поступления». Пробыв год за границей, в Бреславском университете, при министре народного просвещения Ванновском был снова принят в Московский университет. По окончании университета служил врачом в Смоленской земской больнице. Член общества врачей, публичной библиотеки и других просветительных учреждений. Избранный в 1904 г. гласным городской думы, он сразу стал во главе либерального большинства; особенную популярность приобрел при октябрьских погромах. В качестве председателя думской комиссии безопасности многое сделал для предотвращения погромов в Смоленске.</p>
	<p>Кузнецов Иван Иванович — крестьянин Сычевского уезда, родился в 1874 г. Окончив земскую школу, поступил в ученье в столярную мастерскую в Москве. По прошествии трех лет вернулся на родину, где пробыл два года, занимаясь сельским хозяйством вместе с родителями. В 1893 г. поехал в Петербург, где в течение двух лет работал на Балтийском судостроительном заводе в качестве столяра. По отбытии воинской повинности служил столярным мастером в ремесленном училище «Красного креста» в Санкт-Петербурге. В ноябре 1905 г. вернулся в деревню. Членом Думы был избран от крестьянской курии.</p>

¹⁷ Источник: Государственная Дума первого призыва: портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. М., 1906. С. 74–75.

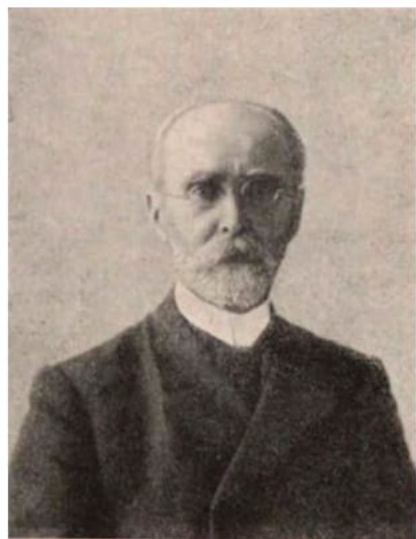
Лебедев Михаил Дмитриевич — доктор медицины, родился в 1849 г. в семье священника Гжатского уезда. Окончил семинарию и Московский университет по медицинскому факультету. Занимался медицинской практикой в Москве. В 1890 г. приобрел ценз и был избран гласным Гжатского уездного земства, в 1894 г. — гласным губернского земства, в 1898 г. избран председателем ревизионной комиссии губернского земства.

В 1904 г. в качестве протеста против действий председателя собрания князя Урусова отказался от участия в ревизионной и редакционной комиссиях и вместе с большинством прогрессивных гласных покинул собрание. В 1905 г. был избран гласным Московской городской думы.

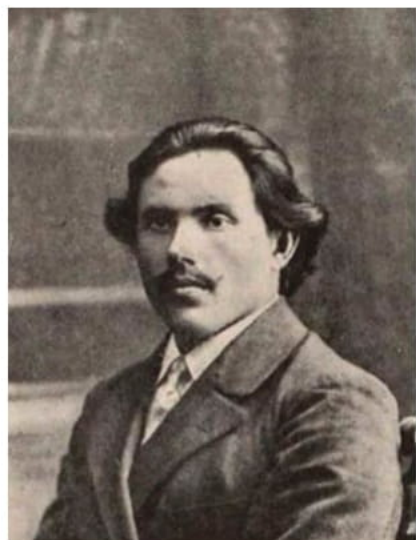
Мокрунов Михаил Сергеевич — крестьянин, родился в 1880 г. Окончил народное училище. До 19 лет занимался земледелием, потом работал около пяти лет в Санкт-Петербурге на фабрике обуви. Осенью 1905 г. вернулся в деревню. Член Крестьянского союза, сторонник национализации земли и демократического строя.

Попов Александр Николаевич — землевладелец, родился в 1840 г. Окончил кадетский корпус и Военную академию Генерального штаба. В 1863 г. вышел в отставку. С введением земских учреждений был избран гласным Смоленского губернского и уездного земств и первым председателем череповецкой уездной земской управы; в этой должности служил три десятилетия.

В 1873 г. был избран председателем Новгородской губернской земской управы. В 1881 г. вынужден был вследствие административного воздействия оставить должность председателя управы, переехал в Смоленскую губернию и был избран губернским и земским гласным. В 1894 г. принял участие в издании журнала «Новое Слово» и в течение двух лет состоял его редактором. По закрытии журнала был выслан из Санкт-Петербурга и отдан под надзор полиции: надзор отбывал в своем имении в Краснинском уезде.

Волков Тимофей Осипович — крестьянин Бельского уезда. Родился в 1880 г. Окончил учительскую семинарию. Был сначала земским учителем, затем работал в министерском двухклассном училище. На выборах прошел благодаря соглашению кадетов с крестьянами.

РАЗДЕЛ 3
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ГОСУДАРСТВА
И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В РЕШЕНИИ
АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

А. Н. АНТОШКИН

Религиозное воспитание в кадетских корпусах Российской империи в годы правления Александра III

Аннотация: С началом правления Александра III военно-учебные заведения подверглись постепенной милитаризации. Военные гимназии были преобразованы в кадетские корпуса. Система военного образования вступила в инерционную фазу развития. Религиозное воспитание зависело от авторитета и усердия законоучителя и было направлено на формирование патриотических убеждений в рамках формирующихся реалий военно-профессиональной подготовки.

Ключевые слова: религиозное воспитание, кадетский корпус, Закон Божий, законоучитель, православная вера.

В рамках военной реформы, разработанной в 60-е гг. XIX в. под руководством военного министра Д. А. Милютина, преподавание в военно-учебных заведениях Российской империи было построено таким образом, что религиозно-нравственное образование лежало в основе всей подготовки будущих офицеров. Преподавание Закона Божия велось согласно новой методике, позволявшей будущим офицерам сформировать целостное представление о религии¹. Уже через несколько лет деятельности военных гимназий был замечен подъем уровня духовного воспитания, который способствовал нравственному улучшению обучающихся². К сожалению, к концу 1870-х гг. система подготовки офицеров оказалась в состоянии системного кризиса. Успешно использовавшиеся в 1860-е гг. методы оказались в значительной степени выхолощены. Выход из сложившейся ситуации виделся в усилении специально-военного компонента.

В начале царствования Александра III система воспитания будущих офицеров стала подвергаться последовательной милитаризации. Военные гимназии, пропитанные гуманистической педагогикой милютинской эпохи, были переименованы в кадетские корпуса, ориентированные на то, чтобы *«воспитать в своих питомцах*

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 725. Оп. 15. Д. 80. Л. 9 об.; Реформа военно-учебных заведений. Её причины, способ осуществления и результаты. (1862–1869 гг.) // Педагогический сборник. 1869. № 3. Ч. неофид. С. 198.

² Гурковский В. А. Повседневная жизнь русского кадета. М., 2017. С. 53–54.

*тот военный дух, которым искони отличались офицеры русской армии»*³. Гражданские воспитатели стали заменяться офицерами.

Правовые нормы, регламентировавшие доступ в военные училища и получение офицерского чина, были подвергнуты существенной модификации в соответствии с ужесточением общегосударственной и образовательной политики. Речь шла главным образом об ограничении образовательных прав лиц, исповедовавших иудаизм⁴. В 1888 и 1891 гг. в Военном министерстве рассматривался вопрос о допуске в училища евреев, перешедших в православие лишь затем, чтобы получить офицерское звание. В 1891 г. было определено, что евреи могли поступить в юнкерское училище лишь в том случае, если они приняли православие не на военной службе и имели в своих документах об образовании хорошую отметку об изучении Закона Божия православного исповедания⁵.

Религиозное воспитание кадет было подчинено задаче военно-профессиональной подготовки⁶. Порядки стали постепенно приближаться к армейским, был введен ряд новых дисциплин, однако учебные программы остались прежними, утвержденными в мае 1882 г. Обширность курса не соответствовала возможностям учащихся, которые к тому же не имели времени, достаточного для того, чтобы готовиться к урокам. Это привело к тому, что кадеты стали воспринимать Закон Божий в качестве факультатива. Уровень религиозного обучения резко снизился. Это не осталось незамеченным начальством, однако после работы комиссии прошли только частные сокращения программ⁷.

В 1886 г. была утверждена новая «Инструкции по воспитательной части для кадетских корпусов», воспитание, *«живо проникнутое духом христианского вероучения и строго согласованное с общими началами*

³ РГВИА. Ф. 725. Оп. 20. Д. 18. Л. 137 об.

⁴ Грулев М. В. Записки генерала-еврея. М. 2007. С. 99.

⁵ РГВИА. Ф. 725. Оп. 48. Д. 136. Л. 44.

⁶ Инструкция по учебной части и программы для преподавания учебных предметов в военных училищах // Педагогический сборник. 1883. № 12. Ч. офиц. С. 343.

⁷ Совецание комиссии генерал-лейтенанта Симашко и Педагогического комитета Главного управления военно-учебных заведений по вопросам, возникавшим при частной разработке программ по предметам // Педагогический сборник. 1890. № 1. Ч. офиц. С. 73–74.

русского государственного устройства»⁸, должно было обеспечивать «подготовление воспитывающихся юношей к будущей службе Государю и Отечеству – посредством постепенной, с детского возраста, выработки в кадетах тех верных понятий и стремлений, кои служат прочной основой искренней преданности Престолу, сознательного повиновения власти и закону и чувств чести, добра и правды»⁹. Ключевой тенденцией стало стремление руководства военно-учебных заведений усилить влияние религиозных средств воспитания на формирование общечеловеческих и профессиональных качеств выпускников¹⁰.

Цель религиозного воспитания заключалась в формировании религиозно-нравственных убеждений, *«в которых каждый юноша имел бы всегда надежную опору от могущих постигнуть его впоследствии внутренних сомнений и внешних искушений, как и постоянный источник душевной силы для доброго совершения предстоящего ему дела жизни»¹¹.*

Религиозное воспитание начиналось в первом классе и продолжалось до окончания корпуса, причем преподавание Закона Божия должно было *«выражаться не в форме только простого изложения уроков Св. веры, как предмета знания, но в форме живых и вразумительных бесед с детьми о вере и благочестии»¹². В военных училищах изучение истории Русской Православной Церкви должно было показать воспитанникам, что православие было основой российской государственности, источником вдохновения и сил в борьбе с многочисленными врагами, что все великие свершения осуществлены под влиянием православной веры, и отказ от нее равносителен отречению от своего народа. Таким образом, юнкер по выпуску из учебного заведения должен был стать не только христианином, но и воином-патриотом. Как отмечал Главный начальник военно-учебных заведений Н. А. Махотин, «весь строй и обстановка жизни воспитанников военно-учебных заведений и ныне по возможности направляется в сообщении молодым людям, в результате их воспитания и образования, несомненного*

⁸ Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. СПб., 1886. С. 1.

⁹ Там же.

¹⁰ Столетие Военного министерства. Главное управление военно-учебных заведений: Исторический очерк. Т. 10. Ч. 3. СПб., 1914. С. 120, 121.

¹¹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 24. Д. 219. Л. 6–6 об.

¹² Там же. Л. 2–2 об.

руководства к тому, чтобы быть истинными сынами церкви и самоотверженными слугами престола и отечества»¹³.

В соответствии с приказом по военному ведомству от 24 июля 1889 г. № 170 прежние программы курса кадетских корпусов были заменены «Общей программой и инструкцией для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах»¹⁴. Еженедельное объяснение в классе евангельского чтения в наступающий воскресный день было отменено. Общие методические указания относительно ведения занятий, имевшиеся в прежней программе, не давались. На изучение Закона Божия, как и прежде, полагалось по 2 еженедельных урока во всех 7 классах. Рекомендации по ведению преподавания в каждом классе подверглись существенному сокращению.

В конце XIX в. система военного образования вступила в инерционную фазу своего развития. Методика преподавания всех дисциплин, в том числе и Закона Божия, стала тяготеть к схоластике, а духовно-нравственное воспитание осуществлялось формально, механически. Роль религиозного обучения и воспитания в подготовке кадет быстро падала. Будущий генерал-лейтенант А. А. Игнатьев, учившийся в 1891–1894 гг. во Владимирском-Киевском кадетском корпусе, так характеризовал религиозные настроения своих однокашников: «...О религии никто не рассуждал и никто ею не интересовался, а хождение в церковь для громадного большинства представлялось, одной из скучных служебных обязанностей, в особенности... когда из-за молебна приходилось жертвовать ночевкой в городе»¹⁵. Выполнение каких-либо религиозных действий было строго регламентировано и носило общеобязательный характер. Так, в Пажеском корпусе в 1880-е гг. было принято, что пажи, «приходя на занятия, обязательно подходили к двери церкви, крестились и целовали ее»¹⁶.

¹³ РГВИА. Ф. 725. Оп. 24. Д. 219. Л. 7–7 об.

¹⁴ Приказы по военно-учебным заведениям // Педагогический сборник. 1889. № 9. Ч. офиц. С. 102; Общая программа и инструкция для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах. СПб., 1890.

¹⁵ Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 38.

¹⁶ Михаил Алексеевич Бер. Полковник лейб-гвардии конной артиллерии (1875–1953). Мемуары. (1939–1953 гг.) // Бер-Глинка А. И. Род Бер в России в 1762–1920-х гг. Исследования. Мемуары. Документы. М., 2020. С. 392.

Распределение учебного времени в военно-учебных заведениях, как и прежде, зависело от расписания праздников, составлявших основу православного календаря¹⁷. На смену действовавшему с 1852 г. расписанию табельных дней пришло новое, Высочайше утвержденное 13 января 1887 г.¹⁸ В эти дни кадеты не учились и посещали православные богослужения: во все воскресные дни, в двенадцатые (непереходящие и переходящие), великие церковные праздники, в пятницу и субботу Сырной недели, четверг, пятница и суббота Страстной недели, на Светлой седмице (всей), а также в дни рождения и тезоименитства Государя Императора, Государыни Императрицы, Наследника Цесаревича и Государыни Цесаревны, дни восшествия на престол и коронования¹⁹.

В тех кадетских корпусах, воспитанники которых вышли из социокультурной среды, сохранившей традиционный уклад, религия продолжала определять ритм жизни. Так, в учрежденном в 1883 г. Донском кадетском корпусе большинство кадет отличались набожностью и стремились исполнять все без исключения возложенные на них религиозные обязанности. Руководство заведения, со своей стороны, шло навстречу своим питомцам, бережно поддерживая в них религиозное настроение. В каждой сотне на добровольные пожертвования самих кадет были заведены сотенные образа. За лампадкой, горевшей возле каждого образа, следил один из воспитанников. Были учреждены сотенные праздники. Перед ними желавшие кадеты покупали свечи и просфоры для проскомидии. Перед обедней законоучитель читал и разъяснял воспитанникам то Евангелие, которое должно было читаться во время литургии. Во время Великого поста кадетам, желавшим не вкушать скоромного в течение всего времени, готовили постную пищу²⁰.

В 1890 г. были обновлены инструкции по религиозному воспитанию, в соответствии с которыми на первый план выдвигались

---

¹⁷ Голубев А. Ю. К вопросу о кадетском образовании в России // Военная мысль. 2008. № 7. С. 73.

¹⁸ Приказ по военному ведомству. 20 января 1887 г. // Педагогический сборник. 1887. № 2. Ч. офиц. С. 31–32.

¹⁹ Там же.

²⁰ Верны заветам старины: Воспоминания кадет Донского корпуса. [Madrid], 1973. С. 68.

религиозные средства укрепления духа воина, формирования в нем «*благодетельности и честности, полного послушания начальникам и безграничной преданности престолу и Отечеству*»²¹.

В конце XIX в. преподавание Закона Божия вновь подверглось деструктивному влиянию формализма²², которое было усугублено быстрым распространением в российском обществе атеистических идей. Как и на рубеже 1850-х — 1860-х гг., в отдельных заведениях занятия велись на достойном уровне благодаря авторитету и усердию законоучителей. Система религиозного воспитания также заметно деградировала. Форма стала преобладать над содержанием, и лишь глубокая вера и педагогический талант отдельных корпусных священников препятствовали вырождению религиозного воспитания в бездушную и бесплодную схоластику.

---

²¹ Кузнецов В. Д. Религиозные основы подготовки будущих офицеров Российской империи в 1890–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2005. № 12. С. 62.

²² Ишеев П. П. Осколки прошлого. Воспоминания. 1889–1959. Н. — Й., 1959. С. 18; Макаров Ю. В. Моя служба в Старой гвардии. Мирное время и война. Буэнос-Айрес, 1951. С. 15.

В. Н. АСОЧАКОВА

Проблемы миссионерской деятельности Русской православной церкви в Приенисейской Сибири в период царствования Александра III¹

Аннотация: В период царствования Александра III изменились цели и методы политики христианизации коренных народов Сибири. Интеграция сибирских территорий и экономики сопровождались ассимиляцией многонационального конгломерата народов Сибири посредством христианизации. Анализ архивных документов, отчетов о миссионерской деятельности позволил выявить новые методы, приемы миссионерской деятельности, их эффективность по отношению к коренному населению Хакасско-Минусинского края.

Ключевые слова: христианизация, Енисейская епархия, хакасы, православие, миссионерские приходы, миссионеры.

Александр III за время тринадцатилетнего правления сумел усилить авторитет Православной Церкви. Его консервативные взгляды включали такие важные идеи, как необходимость сохранения самодержавия и укрепление влияния Православной Церкви в обществе². При Александре III пристальное внимание уделялось миссионерскому делу³. Мы рассмотрим проблемы миссионерской деятельности в период его царствования в Хакасско-Минусинском крае.

Хакасско-Минусинский край – территория современной Республики Хакасия, включая районы этнического расселения хакасов в XIX в., в церковно-административном отношении – юг Енисейской епархии (1861). Источники представлены документами текущего делопроизводства, отчетами. Большая их часть хранится в фондах Степных дум Национального архива Республики Хакасия и Государственного архива Красноярского края.

В миссионерской деятельности в 80–90-е гг. XIX в. стали применяться новые формы и методы христианизации,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 23-28-10111, <https://rscf.ru/project/23-28-10111/>, при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия.

² Начапкин М. Н. Роль императора Александра III в сохранении консервативных духовно-нравственных основ русской православной цивилизации // Церковь. Богословие. История. Екатеринбург, 2020. № 1. С. 35–41.

³ Стогов Д. И. Русские консерваторы конца XIX – начала XX в. об эпохе императора Александра III // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1 (4). С. 125–141.

обусловленные спадом в деятельности православной миссии. Язычество сохраняло свое приоритетное положение в духовной жизни народов Сибири. В 1873 г. в Енисейской епархии для крещения автохтонов было создано 12 миссионерских приходов. В Приенисейской Сибири к концу XIX в. насчитывалось семь таких приходов, шесть из которых (Боже-озерский, Чебаковский, Усть-Фыркальский, Аскизский, Усть-Абаканский, Синявинский) были образованы для «окормления» ясачного населения, а один (Верхне-Усинский) – противораскольничий⁴.

Духовенство сознавало, что приемы распространения христианства (раздача наград, поощрение администрации, духовенства, самих новокрещенных) привели к тому, что представители народов Сибири, принимая православие, были «совершенно неспособны к осмысленному восприятию веры». Освобождение от ясака на три года способствовало повторному крещению⁵. Протоиерей Алтайской духовной миссии (Далее – АДМ) В. Вербицкий описывал случаи, когда к крещению прибегали, чтобы развестись⁶. В 1898 г. в одной из газет сообщалось: «Даже крещение приходится совершать при помощи десятников, собирающих некрещенных к приехавшему в улус священнику»⁷.

В 1884 г. в Енисейской епархии по распоряжению епископа Исаакия начался сбор сведений о «некрещенных инородцах»⁸. Священники-миссионеры должны были прислать отчеты по вопросам: 1. Сколько инородцев в приходе? 2. К каким племенам принадлежат? 3. Знакомы ли с русским языком? 4. В каких местах живут? 5. К каким думам или управлениям принадлежат? 6. Сколько из них не просвящены святым крещением?

Анализ отчетов священников-миссионеров: В. Кузьмина (Аскизского прихода), П. Суханкина (Усть-Есинского прихода), И. Данилова (Усть-Фыркальского прихода), Н. Орфеева

⁴ Асочакова В.Н. К истории православия в Хакасии (XVII–XIX вв.). Абакан, 2018. С. 130–131.

⁵ Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы: материалы для изучения. Красноярск, 1898. С. 46.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 440. Д. 1256. Л. 2–3 об.

⁷ Христианство у минусинских тюрков // Сибирская жизнь. Томск, 1898. № 201.

⁸ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 667. Оп. 1. Д. 26. Л. 9–11.

(Усть-Абаканского прихода), Г. Тыжнова (Боже-озерского прихода), А. Соколова (Ново-Марьясовского прихода) и Г. Суховского (Синявинского прихода) – позволил выявить итоги и проблемы миссионерской деятельности в Енисейской епархии 80–90-е гг. XIX в.

Итак, по отчетам, практически все автохтонное население Минусинского округа (26559 человек) было крещено. 254 некрещеных – в основном дети до 10 лет. Почти все владеют русским языком, некоторые не говорят, но понимают⁹. Приходы в Хакасско-Минусинском крае являлись контактной зоной, состав прихожан был смешанный хакасско-русский¹⁰. Г. Тыжнов писал: «Считаю, что русский элемент среди инородцев один из лучших проводников в эту темную среду христианских понятий... Если русский элемент будет проникать в инородческие улусы, то можно категорически сказать, что инородцы дойдут со временем до потери своей национальности»¹¹.

Миссионеры отмечали формальный характер крещения. Новокрещеные не ходят на исповедь, мало венчанных браков. Владимир Кузьмин писал, что в Аскизском приходе похоронено по христианскому обычаю 41 человек, из 333 новорожденных – 42 законнорожденных (родители в венчанном браке. – В. А.); большая часть «за всю жизнь ни разу не были в церкви, громадное большинство и разу не переступали даже порога церкви, так и отходят в вечность». Он сетовал, что «слишком медленно идет к ним православие»¹².

Далее священники перечисляли причины сложившейся ситуации. Первая причина заключалась в огромных площадях, занимаемых приходами. Например, Усть-Абаканский приход простирался на 1000 верст (священник за семь недель объезжал 2850 верст), Боже-озерский – на 492 версты, Бирилюсский – на 1700 верст. Улусы, охотничьи заимки и деревни располагались на расстоянии 12–65 верст друг от друга¹³. В. Кузьмин так писал об Аскизском приходе: «Занимает огромный район, едва

⁹ ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 26. Л. 12, 15, 16.

¹⁰ Асочакова В. Н. Особенности православных приходов Хакасско-Минусинского края (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2023. № 1 (51). С. 71–77.

¹¹ ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 26. Л. 7.

¹² Там же. Д. 127. Л. 2 об.

¹³ Там же. Д. 44. Л. 3–6 об, 30–32, 41–43.

не в 1000 квадратных верст с 7000-м населением, сплошь состоящим из иноверцев, все христиане, но только по крещению, но по жизни и по духу, по своим верованиям, по своему быту и культу, население пребывает во тьме язычества»¹⁴.

Вторая причина – отсутствие условий для совершения служб в миссионерских поездках. Например, Г. Тыжнов в 1889 г. писал: «В степные улусы попасть было немислимо по случаю наводнения от быстрого таяния глубокого снега», а когда он, наконец, добрался, для службы повесили колокол, но на службу пришло всего «пять человек, пришлось остаться до утра»¹⁵. Поэтому священники ходатайствовали об открытии 15 молитвенных домов: восьми – в Аскизском приходе и семи – в Усть-Абаканском. Николай Орфеев считал, что одна из главных причин «непосещения храмов» – «отдаленность и непонимание смысла богослужений»¹⁶.

Для возведения молитвенного дома и часовни требовалось 1200 и 1600 рублей соответственно. Для ясачных прихожан это была большая сумма, в некоторых приходах ее так и не собрали. Например, к 1861 г. относится упоминание о Тойдоновском приходе: церковь здесь еще не достроена, но в клировых ведомостях указаны штатные священнослужители (священник М.И. Шарипов, дьякон П.И. Куприянов), сохранились исповедные росписи. Церковь так и не была достроена (позже сруб перенесли в село Чебаки). Как писал первый енисейский епископ Никодим: «Влиятельный из родовичей князек инородцев сей думы против церкви»¹⁷. Недостающие на строительство деньги (297 рублей) пожертвовал Василий Тойдонов¹⁸.

Строительство затягивалось на долгие годы. Священник К. Любутский писал: «Инородцы Ачинского округа не собрали денег, отговариваясь бедностью». В Аскизском приходе к 1896 г. собрали половину требуемой суммы – 600 рублей, но не было подрядчика и не произведено торгов¹⁹. Вскоре выяснилось, что места,

¹⁴ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 127.

¹⁵ ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 38. Л. 6 об. – 7.

¹⁶ Там же. Л. 24 об.

¹⁷ Путешествие преосвященного Никодима, первого епископа Енисейского и Красноярского // Енисейские епархиальные ведомости. 1909. № 11. С. 20–27.

¹⁸ Из отчета о состоянии Енисейской епархии за 1884 г. // Енисейские епархиальные ведомости. 1885. № 9. 1 мая. С. 91–99, 106–114.

¹⁹ ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7875. Л. 29–31.

определенные для строительства шесть лет назад, не подходят для возведения зданий. К 1897 г. пунктами строительства были определены села: Аскиз, Усть-Сос, Апчинаев, Картузов, Петров, Киндырла. В Усть-Абаканском приходе вместо планируемых ранее семи часовен остановились на четырех. Всего в Минусинском и Ачинском уездах было построено около двух десятков молитвенных домов и часовен²⁰, что отражало общую тенденцию – «малое» церковное строительство в восточносибирских епархиях. Общее количество часовен и молитвенных домов было приблизительно равным числу церквей²¹.

Внедряются новые методы христианизации.

Во-первых, ведение службы на родном для коренного населения языке. Поскольку в Енисейской епархии таких миссионеров было очень мало, использовали религиозные книги, переведенные и изданные АДМ. Оказалось, что книги на шорском языке с русским алфавитом понимают качинцы. Но, хотя хакасский язык близок алтайскому, проповедь на алтайском языке оказалась неэффективной. П. Суховский писал, что три книги на алтайском языке ему подарил протоиерей Вербицкий, но они были непонятны для прихожан. Также, как и переводы Ильминского для казанских татар, адаптированные учителем Е. Катановым и Н. Катановым. А. Соколов писал, что даже «грамотные инородцы общего смысла и содержания прочитанного передать не могут»²². Впрочем, некоторые, наоборот, отмечали пользу переведенных книг. Например, Усть-Абаканский священник С. Масленников писал, что «прихожане хорошо понимают книги, разосланные комитетом и изданные Алтайской миссией на шорском наречии. Но богослужения на алтайском языке не особенно нравятся, так как они привыкли уже к славянскому»²³. Усть-Фыркальский священник И. Данилов «Священную историю на шорском наречии слушать очень любят инородцы. Многие спрашивают, когда же начнется служба на татарском языке?». Читая прихожанам

²⁰ ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3753. Л. 1–70.

²¹ Юрганова И. И. История Якутской епархии. 1870–1919 гг. (деятельность духовной консистории). Якутск, 2003. С. 138–143.

²² ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 127. Л. 33–33 об.

²³ Там же. Д. 44. Л. 4.

литургию на алтайском языке, он отметил большие различия: «Многое непонятно, но в конце книги есть кое-что из возгласов ектений вседневного богослужения на сагайском наречии, это кое-что составляет для наших инородцев драгоценные приобретения, вполне понятные им»²⁴. Переводческой деятельностью занимался священник В. Кузьмин. Составленные им переводы Священной истории, молитвослова, сборника рассказов, Литургии, бесед о пьянстве и т.д. были отосланы в Казань для издания под редакцией профессоров Г. Г. Юнгера и Н. Ф. Катанова.

Во-вторых, привлечение к миссионерской службе представителей коренных народов. Полезные результаты имело обучение хакасских мальчиков в АДМ. В 1876 г. появился первый (и долгое время единственный) священник-хакас Николай Катанов в Усть-Есинском приходе. С 1887 г. — учитель Симеон Чисмочаков в миссионерской школе Усть-Есинского прихода (в ней обучалось 24 мальчика и 6 девочек)²⁵. Позже Чисмочаков стал священником Усть-Есинской церкви и получил от епископа Томского и Барнаульского Макария «три тетрадки печатных часов (молитв. — В. А.), изображенных на инородческом языке»²⁶. Это был единственный приход в Енисейской епархии, где служба велась на хакасском языке. В 1887 г. появились первый букварь, «Указание пути в царство небесное», «Священная история Ветхого и Нового завета» на шорском языке. Они «были вручены грамотным Николаю и Степану Коковым, чтобы они читали из них, затем комитет прислал еще 20 экземпляров, и все они разошлись»²⁷. Всего к концу XIX в. в составе приходского духовенства было три священника-хакаса, один псаломщик и три церковных старосты.

Следующим направлением миссионерской деятельности являлось открытие духовных школ. Школы были местом распространения грамотности и подготовки миссионеров, но обучение шло на русском языке и изучали Божье слово. Затем

²⁴ ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 38. Л. 10–10 об.

²⁵ Енисейские епархиальные ведомости. 1888. № 12. С. 162.

²⁶ Архив города Минусинска (АГМ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 390. Л. 177.

²⁷ Енисейские епархиальные ведомости. 1888. № 12. С. 105.

в школах стали обучать по «системе Ильминского»²⁸. Наставления миссионерам в обучении детей публиковались в местных епархиальных ведомостях²⁹.

В селах Аскизском и Усть-Абаканском были учреждены министерские школы для инородческих детей, в Усть-Есинском, Боже-озерском приходах – церковно-приходские школы. Предполагалось открыть школы с общежитиями (для детей из отдаленных улусов) в селах Усть-Фыркальском, Синявинском. В школах обучались как мальчики, так и девочки. Два ученика Аскизской школы в 1889 г. были отправлены местным священником в Бийскую катехизаторскую школу, три мальчика – в Красноярское духовное училище.

Начинается изучение верований, обычаев хакасов, борьба с шаманизмом. С этой целью были собраны сведения об именах, родовой принадлежности шаманов. При этом священники отмечали, что «все они приведены в православие». В результате были представлены сведения о девятнадцати шаманах, из них две женщины³⁰. Скорее всего численность их в действительности была намного больше. Священник Усть-Фыркальской церкви в 1889 г. отобрал «истуканы и шаманские принадлежности и наложил на виновных епитимию – ходить шесть дней в пасхальную неделю в 10 улусах»³¹.

В 1897 г. население Минусинского округа составляло 182781 человек, автохтонное – 29783³². В епархиальных отчетах за 1898 г. отмечалось, что только 1/13 часть автохтонов оставалась в прежней вере³³.

---

²⁸ Сем Ю. А. Христианизация нанайцев, ее методы и результаты // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л., 1979. С. 222. Первоначальное обучение было на родном языке, и только потом – на русском.

²⁹ Наставление приходским священникам и миссионерам о церковном обучении детей вере и благочестию // Енисейские епархиальные ведомости. 1884. № 8. С. 129–140.

³⁰ Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1400. Л. 5, 6, 8 об., 11–15.

³¹ Енисейские епархиальные ведомости. 1890. № 15. С. 216.

³² Кыштанакوف В. А. Население Хакасии: из прошлого к современности (1897–2022). Абакан, 2022. С. 42.

³³ Отчет Енисейского Епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1900 г. // Енисейские епархиальные ведомости. 1901. № 7. С. 1–4.

С. А. ИКОННИКОВ

Оценка политики императора Александра III в проповедях духовенства Воронежской епархии

Аннотация: В статье рассмотрена проблема освещения политики императора Александра III в проповедях приходского духовенства Воронежской епархии конца XIX века. Показано, какие основные достижения государя становились предметом внимания клириков. Автор приходит к выводу, что духовенство стремилось представить период правления царя-мироотворца как время наивысшего политического, духовного и экономического развития Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, император Александр III, Воронежская епархия, приходское духовенство, проповеди.

Император Александр III внес весомый вклад в развитие Православной Российской Церкви. Значительным изменениям подверглись многие стороны церковной жизни, сфера государственно-конфессиональных отношений, положение священно- и церковнослужителей. Правление царя-мироотворца стало временем расцвета внешнего благополучия Церкви, развития ее материального благосостояния и количественного роста¹. Государство старалось поддержать Русскую Церковь, выполнявшую роль не только религиозного института, но и мощной социальной силы, формировавшей идеологическую основу самодержавной монархии. Статистические данные являются ярким свидетельством видимого усиления веры среди жителей России. Особенно наглядно это можно проследить на примере роста монастырей. В период с 1881 по 1890 гг. в империи появилось 160 новых монастырей. В среднем ежегодно в России открывалось по 16 новых обителей. Такого роста численности монастырей не знал ни один период отечественной истории².

Воронежская епархия не была исключением. Количество православных храмов и монастырей в рассматриваемый период постоянно росло. Если в 1880 г. в епархии числилось 807 приходских

---

¹ Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901.

² Фирсов С. Л. Русская Церковь на заре XX века // Русская Церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников: В 2 т. М., 2014. Т. 1. С. 14.

церквей³, то в 1890 — уже 868⁴. Практически все пастыри имели законченное семинарское образование. Так, по состоянию на 1891 г. из 1129 состоящих на службе протоиереев и священников 1082 лица окончили курс духовной семинарии или академии⁵.

Естественно, приходское духовенство стремилось посредством проповедей высказать благодарность в адрес государя, оценить его, как им казалось, положительные внутривнутриполитические и внешнеполитические шаги, направленные на укрепление государства. Неоднократно на страницах епархиальных ведомостей публиковались проповеди клириков, в которых авторы так или иначе характеризовали царствование «милостивого благопопечителя и Отца, мудрого руководителя и правителя, Церкви Православной благочестивого ревнителя, мира защитника и хранителя, сирых и обидимых заступника и кормителя»⁶.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что духовенство, в качестве одного из наиболее позитивных достижений императора Александра III, отмечало мудрую внешнюю политику, позволившую России сохранить мир и не ввязываться в многочисленные международные конфликты. В этой связи примечательно слово священника Воронежской епархии Федора Попова. Клирик, обращаясь к пастве, задавался риторическим вопросом: «Кто не знает, что весь Европейский мир во все дни Его царствования бряцал оружием, закован был в военные доспехи, готов был ежеминутно ринуться на братоубийственную войну, кто не знает, что соседние нам народы, не обнажив еще оружия, надменно хвалились и количеством вооруженных воинов, и неиспытанною их храбростью»⁷. Однако царю удалось не реагировать на провокации и придерживаться своего независимого курса. По мнению пастыря, главным фактором столь мудрой политики стало уважение, которое европейские лидеры испытывали к голосу

---

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 868. Л. 7.

⁴ Там же. Д. 1328. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 29.

⁶ 20-е Октября 1894 года // Воронежские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1894. № 21. С. 796.

⁷ Слово пред панихидою по случаю кончины Государя Императора Александра Александровича // ВЕВ. 1894. № 21. С. 802.

русского царя. Стоило монарху твердо заявить о своей позиции, как западные державы тут же внимали его призывам, «переставали бряцать оружием, преклоняли пред Ним свои головы»⁸.

Похожую мысль высказал протоиерей Митрофан Романовский. Важнейшим достижением правления Александра III стали мир и стабильная внешняя политика, направленная на разрешение конфликтов не силой оружия, а твердостью намерений и последовательностью действий. Клирик отмечал следующий факт: практически все западные монархи высказали искреннее сочувствие по поводу преждевременной кончины государя, что само по себе казалось крайне редким явлением, особенно в условиях постоянных противоречий и конфликтов в Европе. «Да и могло ли быть иначе по отношению к монаху, который до последних минут жизни стоял на страже всеобщего мира?», — вопрошал проповедник.

Вторая серьезная заслуга, часто отмечавшаяся в проповедях приходских пастырей, заключалась в преодолении внутренней смуты в стране. Александр III пришел к власти при трагических обстоятельствах, поразивших население империи. Террористы совершили покушение на его отца, внеся смятение и недоумение в сердца многих современников. Однако расправиться с заговорщиками государству было не так сложно. Гораздо сложнее оказалось переломить уже сформировавшееся в либеральной среде убеждение о деспотичном характере русской монархии. Вот именно это и смог сделать государь. Подобную мысль развивал известный проповедник, ректор Воронежской семинарии священник Алексей Спасский. 2 марта 1891 г. он произнес проповедь, посвященную десятилетию восшествия на престол Александра III. В ней клирик, по его собственным словам, подводил своего рода итоги правления государя, так как десятилетний юбилей как нельзя кстати подходил для анализа «пройденного поприща»⁹. Пастырь напоминал, насколько трудным являлось время прихода к власти царя-миротворца: «Разумеет

⁸ Слово пред панихидою по случаю кончины Государя Императора Александра Александровича // ВЕВ. 1894. № 21. С. 802.

⁹ Спасский А. М., свящ. Слово в день восшествия на Всероссийский Престол Благодетельнейшего Государя Императора Александра Александровича // ВЕВ. 1891. № 8. С. 269.

то смутное и тревожное время, когда тлетворные веяния запада все более и более заражали наш юный, еще не окрепший в новой жизни, государственный организм, когда безрассудная дерзость безбожных самовольников, злоупотребивши дарованною нам свободою, попущением Божиим простерла свою святотатственную руку на своего благодетеля – царя-освободителя»¹⁰. Несмотря на всю сложность ситуации, власть смогла преодолеть трудности и погасить огонь внутренней смуты. С проповедником сложно поспорить в том, что для скорейшей стабилизации внутривластной обстановки государю требовались не только сила, но и мудрость, жизненный опыт. Без них решить вопрос в короткие сроки не представлялось возможным. Всеми этими чертами новый монарх, безусловно, обладал.

Среди других заметных заслуг царя священник Алексей Спасский выделяет активизацию просветительской деятельности духовенства. Именно на клириков власть в годы правления Александра III возложила ответственность по распространению начального народного образования в духе благочестия и преданности Отечеству¹¹.

Здесь клирик также совершенно прав. Создание широкой сети церковных школ должно было способствовать повышению грамотности населения и стабилизации общественно-политической обстановки в стране. Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев рассматривал церковно-приходскую школу как «несокрушимый нравственный оплот» самодержавного строя. Его тщанием и был подготовлен проект правил о церковноприходских школах. 13 июня 1884 г. император Александр III утвердил его. Согласно новому документу, церковно-приходские школы должны были открываться духовенством и преследовали своей целью «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания»¹².

Следует заметить, что в деле народного образования произошло определенное столкновение интересов. Распространять грамотность призывалось, как известно, не только духовенство, но и земские

¹⁰ Спасский А. М., свящ. Слово в день восшествия на Всероссийский Престол... С. 270.

¹¹ Там же. С. 272.

¹² Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-70. Оп. 1. Д. 4. Л. 140.

учреждения. Неоднократно наблюдались конфликты между клириками и земскими деятелями. Так, курский протоиерей И. Новицкий в письме к главному наблюдателю церковно-приходских школ Российской империи, члену Училищного совета при Синоде В. И. Шемякину от 24 декабря 1899 г. отмечал: *«Духовенство жалуется все чаще и чаще, что труды его в церковных школах служат нередко причиной многих неприятностей для него со стороны земств, воображающих себя просветителями. А мы только выслушиваем эти жалобы и даже наглые клеветы, но помочь беде не можем... в деньгах, говорим, нам откажут!»*¹³

Совершенно не удивительно, что в проповедях приходских клириков, как одна из заслуг Александра III отмечается «обуздание» земств, а также ликвидация чрезмерной вольности крестьянского самоуправления. Так, священник Алексей Спасский в своем слове подчеркивал важность земской контрреформы, ведь царь наконец-то ограничил *«злоупотребления от самоуправления народного введением института земских начальников, призванных к неусыпным заботам о водворении порядка и мира среди крестьянских обществ, еще не достигших своей зрелости»*¹⁴.

Еще одной темой, развиваемой в посвященных личности императора Александра III проповедях воронежских клириков, являлась государственная идеология. В поучениях подчеркивалась мысль о том, что именно царь-миротворец смог достаточно ясно сформулировать особенности русской цивилизации, ее отличия от западного мира, защитить русские традиции и указать правильный путь развития страны. Об этом, к примеру, говорил протоиерей Петр Палицын. С началом XIX столетия в народе произошло *«особое тяготение к западу»*. Первоначально оно было естественным, было вызвано желанием познакомиться с передовыми достижениями Европы, но впоследствии приобрело угрожающие черты. Именно западные, чуждые России ценности привели к страшному событию — цареубийству: *«И совершилось цареубийство не иноплеменными варварами, а исчадиями земли русской, более других пораженными тлетворным*

¹³ РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 86. Л. 15.

¹⁴ Спасский А. М., свящ. Слово в день восшествия на Всероссийский Престол... С. 272.

ураганов, неудержимо хлынувшим на нас с запада»¹⁵. Однако государь смог донести до людей всю пагубность западных ценностей и указал для России путь собственного независимого развития.

В целом анализ источникового материала показывает, что духовенство стремилось в своих проповедях подчеркнуть достижения императора Александра III, рассматривая его правление как время наивысшего подъема Российской империи, как в экономическом, политическом, так и в духовном отношениях. Между тем не стоит забывать об официальном характере церковной проповеди. Клирики не могли в силу существовавшей цензуры произносить и публиковать поучения, содержавшие критику власти. Отсюда происходит и своего рода житийный образ царя-мироотворца, лишенный недостатков и представленный лишь в положительном свете.

---

¹⁵ Палицын П., протоиерей. Слово в день тезоименитства Его Императорского Величества Благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича // ВЕВ. 1891. № 18. С. 639

А. В. КЛЮЧАРЕВА

**Увековечивание памяти павших воинов
как одно из важнейших направлений деятельности
Русской Православной церкви
в годы Первой мировой войны**

Аннотация: В статье рассматривается одно из важнейших направлений деятельности Русской Православной церкви в годы Первой мировой войны. Как государственный институт в XIX – нач. XX вв., она выполняла мемориальную функцию. Эта функция заключалась в организации братских кладбищ павших в военных конфликтах воинов и их поддержании, проведении просветительской работы по распространению информации о героизме русских воинов. На основе документов из фондов Государственного архива Тульской области анализируется проблема увековечивания памяти павших на примере Тульской епархии.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русская Православная церковь, память, Тульская епархия, мемориальная деятельность, братские кладбища, Александровский комитет, Святейший Синод.

Обращение к изучению различных аспектов Первой мировой войны в 2024 году в исторической науке и обществе остается актуальным. Среди них проблематика, связанная с деятельностью Русской Православной церкви в годы войны. В настоящее время проблема мемориальной памяти в науке рассмотрена недостаточно, методологические аспекты нуждаются в углубленной разработке. Необходимо, прежде всего, более четкая терминология.

Обозначенная тема мемориализации (намеренного увековечивания) является важным компонентом культуры памяти в целом, целенаправленно изучаемой мировой наукой и обозначаемой англоязычным термином «memory studies»¹, что значит – изучение памяти в социально-культурном аспекте. А. В. Святославский включает в среду обитания как среду памяти следующие объекты: архитектурно-скульптурные мемориальные сооружения, памятные знаки, надписи, памятные престолы, храмы и часовни, памятные наименования тех или иных установлений, включая мемориальную топонимику; некрополи, музеи, мемориальные комплексы и др.

---

¹ Святославский А. В. Среда обитания как среда памяти: к истории мемориальной отечественной культуры. Автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2011. С. 4.

Объективно можно говорить о том, что Церковь, как государственный институт в XIX — нач. XX вв., выполняла мемориальную функцию, заключающуюся в организации братских кладбищ павших в военных конфликтах воинов, их поддержании, проведении просветительской работы по распространению информации о героизме русских воинов.

Мысли об увековечивании памяти погибших на Первой мировой войне впервые были высказаны представителями Александровского комитета о раненых. Первоначально комитет был создан как учреждение для оказания помощи военным служащим-инвалидам, а также семьям погибших или умерших от ран еще в 1814 г.

После начала Первой мировой войны Александровский комитет первым обратился к императору с предложениями о проведении мероприятий по увековечиванию памяти жертв войны. Они состояли в устройстве братских кладбищ на отводимых для этого особых участках, установке мемориальных досок в приходских церквях с начертанием имен павших воинов и сооружением памятников на родине воинов. 19 сентября 1914 г. император одобрил эти предложения. А спустя несколько месяцев после открытия комитета «на всеподданнейшем докладе Александровского комитета о раненых о проявленном русским обществом сочувствии к мысли об увековечивании памяти жертв настоящей войны, Государю Императору, в 13-й день Января, благоугодно было начертать: “Прочел с удовольствием. Надеюсь, что во всех местностях и городах России будут устроены братские кладбища и увековечены имена павших или умерших воинов”»².

Об этом было сообщено Министерству внутренних дел для осведомления местных земских и городских учреждений, а также обер-прокурору Святейшего Синода для извещения епархиальных преосвященных.

В апреле 1915 г. возникло Всероссийское общество памяти воинов, павших в ходе военных действий, центром которого стал Петроград. Общество приняло на себя широкий круг обязанностей в этой области. Оно занималось поиском могил воинов, выясняло

² Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 10. Д. 5196. Л. 3.

личности павших, приводило в должный вид братские и одиночные могилы, переносило тела усопших в более соответствующие места, оказывало возможную помощь в перевозке праха на родину, а также заботилось об устройстве часовен, памятников и прочее³.

Председатель Александровского Комитета о раненых, военный министр В. А. Сухомлинов предложил во всех приходских церквях соорудить доски с начертанием имен павших воинов; на родине убитых ставить памятники, хотя бы примитивного устройства, в виде часовен, крестов, каменных столбов. Министр также высказал пожелание, чтобы умирающие воины были похоронены в каждом городе на определенном кладбище и в одном месте. Впоследствии такие места могли быть обсажены деревьями, обнесены решетками. Такие братские кладбища, по мнению Сухомлинова, будут напоминать последующим поколениям о жертвах Великой Европейской войны⁴.

Городские и земские учреждения отнеслись к предложениям Александровского комитета с большим патриотическим подъемом, причем особую заботливость по устройству братских кладбищ проявили городские и земские учреждения Архангельской, Новгородской, Полтавской и Харьковской губерний. В Александровский комитет стали поступать пожертвования⁵.

Вообще при организации новых кладбищ городская и церковная администрации должны были руководствоваться специальной законодательной базой. Во-первых, это Врачебный устав, согласно которому мертвые должны быть погребены на отведенных для того кладбищах вне городов и селений⁶.

Во-вторых, указ Святейшего Синода от 12 апреля 1833 г. (пункт 321) гласил, что «погребение при церквях в селениях допускается сколько можно реже и по самым уважительным причинам, как то: в благодарность создавшему храм своим иждивением или обеспечивавшему существование причта»⁷.

³ ГАО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 5196. Л. 2 об.

⁴ Там же. Оп. 8. Д. 2466. Л. 2.

⁵ Там же. Оп. 10. Д. 5196. Л. 2 об.

⁶ Свод законов Российской империи. Т. XIII. СПб., 1892. Устав врачебный. Ст. 704. С. 262.

⁷ Устройство православной российской церкви. Ее учреждения и действующие узаконения по ее управлению. Харьков, 1898. С. 124.

В-третьих, по определению Святейшего Синода от 8–25 октября 1914 г. № 9246 «умершие воины должны быть хоронены на определенном кладбище и в одном месте»⁸. Петроградское городское управление отвело на Преображенском кладбище особый участок, достаточный для предания земле 10000 воинов. Московское городское управление выделило специальное кладбище при селе Всехсвятском. Кладбище это находилось под августейшим покровительством е.и. в. великой княгини Елизаветы Федоровны.

Весьма сочувственно отнеслись к мысли Александровского комитета епархиальные преосвященные, от которых были получены сообщения, указывающие на трогательные заботы местного духовенства об увековечивании памяти умерших воинов: сооружение прихожанами каплиц, установка неугасимых лампад и занесение имен воинов в синодик для вечного поминовения⁹.

В декабре 1915 г. в Тульскую духовную консисторию поступили рапорты благочинных священников об открытии братских кладбищ для захоронения жертв войны¹⁰. Из этих источников известно, что такие кладбища были устроены при Троицкой церкви 4-го Каширского округа. В 3-м Чернском округе братские кладбища для погребения жертв войны имелись при всех церквях округа. Доски же с начертанием на них имен павших воинов стали сооружаться после получения официальных известий о смерти павших воинов. В 1-м Одоевском округе кладбища не было, но в Преображенской и в Ильинской церквях г. Одоева имелись памятные доски.

Из рапорта благочинного церквей г. Белева протоиерея Владимира Введенского известно, что при Белевском городском кладбище (при Троицкой церкви) было выделено особое место для погребения умерших воинов, и оно получило название «братское кладбище». Здесь уже в начале 1915 г. было погребено 12 воинов. У каждой могилы на этом кладбище на средства военного ведомства ставились деревянные кресты. Всего на городском кладбище к 29 апреля 1915 г. было погребено 18 воинов. Настоятелем Троицкой церкви

⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 5033. Л. 2.

⁹ Там же. Д. 5196. Л. 2 об.

¹⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 2697. Л. 4, 10.

священником Петром Алферовым была заведена особая книга, в которую вносились подробные сведения о погребенных на кладбище воинах. 19 апреля на «братском кладбище» прошел торжественный крестный ход, была совершена панихида по всем православным вождям и воинам «за Веру, Царя и Отечество на поле брани живот свой положивших».

Собрание Алексинских городских уполномоченных на заседании 9 ноября 1914 г. для погребения воинов отвело место в ограде Соборной церкви г. Алексина, близкое к центральной части города, с постановкой впоследствии памятника на общей братской могиле. Кроме того, во всех церквях было решено соорудить доски с начертанием имен павших на поле брани и скончавшихся от полученных ран воинов из числа граждан г. Алексина.

Епифанская городская управа решила отвести под братское кладбище отдельное место, не занятое могилами местного городского кладбища, при Всехсвятской кладбищенской церкви с южной стороны. И, кроме того, — соорудить в ознаменование памяти жертв Великой войны в приходских церквях г. Епифани доски с начертанием имен¹¹.

18 марта 1915 г. Епифанская земская управа обратилась в Тульскую духовную консисторию с просьбой о разрешении хоронить умерших воинов в церковных оградах при всех приходских церквях бесплатно. При недостатке места в ограде представлялось желательным выделять для них почетное место на общих кладбищах¹².

Документальные источники свидетельствуют о том, что организация дела захоронений павших воинов вызывала на повестку острые вопросы межконфессиональных и национальных отношений. Так, из рапорта благочинного 4-го Крапивенского округа нам известно, что директор больницы княгини Гагариной, заведующий лазаретом села Сергиевское был озадачен вопросом: как хоронить умирающего больного, жертву войны магометанского происхождения? В результате было получено распоряжение хоронить павших

¹¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 2466. Л. 5.

¹² Там же. Оп. 10. Д. 5033. Л. 4.

воинов других конфессий вместе с другими воинами на особом кладбище, без различия вероисповедания¹³.

Известно также, что на особых участках Петроградского Царскосельского братского кладбища были похоронены российские воины католического, лютеранского, мусульманского, иудейского, буддистского вероисповеданий. Разделенные верой, они были объединены тем, что отдали жизнь за Единое и Общее Отечество — Великую Россию. Всего в годы Первой мировой войны на этом братском кладбище было погребено 17340 нижних чинов, 580 офицеров, 38 общественных деятелей, 23 сестры милосердия и 14 врачей.

Непосредственной обязанностью священнослужителей во время войны было совершение панихид по умершим воинам, среди которых оказывались и героически погибшие священнослужители.

16 октября 1914 г. погиб вместе со своим кораблем священнослужитель линейного заградителя «Прут» иеромонах Антоний (Смирнов). Когда судно, намеренно затопленное усилиями минного офицера, погружалось в воду, о. Антоний стоял на палубе и благословлял Святым крестом свою паству, в волнах боровшуюся со смертью, а также осенял своим крестом и вражеский корабль, с целью обезвредить его действия. Ему предлагали сесть в шлюпку, но он отказался. После этого о. Антоний спустился вниз корабля, надел ризу и вышел на палубу с крестом и Евангелием в руках, еще раз благословляя своих духовных чад. Затем он скрылся внутри корабля, после чего судно вскоре погрузилось в воду¹⁴. Святейший Синод повелел вознести повсеместно имя иеромонаха Антония за богослужением при поминовении «живот свой на поле брани за веру, Царя и Отечество положивших».

Еще один пример героизма находим в сообщении о ходе военных действий от Штаба верховного главнокомандующего от 28 января 1916 г. Из него следует, что юго-восточнее Залециков свой пастырский долг выполнял священник Александр Язловецкий. Он лично, с крестом в руках, подбирал убитых и раненых у проволочных заграждений противника. В скором времени о. Александр погиб

¹³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 2466. Л. 5.

¹⁴ Там же. Д. 2375. Л. 4.

и сам. Святейший Синод особо отметил примерный подвиг священника, явившего собой высокий образец христианской пастырской любви и самоотверженности¹⁵.

Итак, представители российского духовенства активно участвовали во всех мероприятиях, направленных на увековечивание памяти погибших в годы Первой мировой войны воинов. К сожалению, в годы Советской власти многие братские кладбища были уничтожены или осквернены. Поэтому в настоящее время проблема восстановления забытых братских кладбищ и создания мемориалов памяти героям Великой войны является чрезвычайно важной.

---

¹⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 2761. Л. 5.

М. А. ЛАНДА

Просветительская деятельность выборгского духовенства в начале XX века в свете политики Российской империи

Аннотация: В статье рассматриваются такие аспекты просветительской деятельности православного духовенства Выборга, как открытие учебных заведений с русским языком обучения, перевод и издание духовной литературы. Обращается также внимание на миссионерскую и культурную деятельность выборгских священников.

Ключевые слова: православие, учебные заведения, русский язык, Выборг, библиотеки-читальни, православное духовенство, русификация.

В конце XIX в. православное духовенство Великого княжества Финляндского проявляло особенную активность в деле духовного и культурного просвещения населения. Эта деятельность была частью политики русификации, начавшейся при Александре III и развернувшейся при Николае II. Она подразумевала защиту и распространение национальных ценностей (религии, языка, культуры)¹. Поскольку на Выборгскую губернию в то время приходилось наибольшее число православных в княжестве², деятельность православной церкви в Выборге представляет особый интерес. По ней косвенно можно судить о результате политики русификации в Финляндии.

Одним из значимых направлений просветительской деятельности духовенства г. Выборга была поддержка общегосударственного языка, в том числе помощь в открытии учебных заведений с преподаванием на русском языке. Под опекой Церковного комитета при Выборгском православном приходе находились такие заведения, как русское реальное училище, женская гимназия, детский сад и народная школа.

К концу XIX в. в городе осталась лишь одна русская школа, а русское отделение при местной финской гимназии еще в 1860-х гг. распоряжением Финляндского Сената было закрыто³. Не только

¹ Мюллер А. М., Рябова А. Л., Саблина М. А. Национальная политика Александра III // Россия в глобальном мире. 2017. № 5. С. 201–208.

² Число православных в Финляндии // Финляндская газета. 1903. № 35. С. 2.

³ Лицей. Школа. Гимназия. История пяти учебных заведений в одном здании. Выборг, 2015. С. 37.

в Министерстве народного просвещения Российской империи, но и «в верхах» вызывало беспокойство такое явление, как «наличие в Выборге людей, носящих русские фамилии и не умеющих говорить по-русски»⁴. В речи на открытии женской гимназии утверждалось, что этого события желали «чуть не в каждом русском семействе, в котором еще не были порваны связи со всеми русскими»⁵. Из этого можно заключить, что в Выборге уже существовали русские семьи, которые безвозвратно переняли иную ментальность. В 1882 г. при активном участии духовенства было открыто русское реальное училище (директором был назначен священник Г. Н. Соболев), а в 1884 г. — частная русская женская гимназия. Особый акцент делался на преподавании русского языка и Закона Божьего. На исполнение учениками религиозных обязанностей обращалось в годовых отчетах учебных заведений особенное внимание вследствие «преобладания в населении города лютеран»⁶. Право избрания учителей в народных начальных училищах по существующему в Великом княжестве Финляндском положению также принадлежало приходским попечительствам⁷.

Священнослужители Выборга оказывали и иную поддержку упомянутым учебным заведениям в сотрудничестве с Русским благотворительным обществом (РБО)⁸, главной задачей которого являлась оплата обучения нуждающихся учеников⁹.

Финляндская духовная консистория также подавала в Министерство народного просвещения прошения об учреждении школ с русским языком преподавания в Выборге и Выборгской губернии. В 1900 г. от нее поступил запрос о возрождении русских школ в Питкяранте и Нурминсаари. Министерство постановило отпустить 1390 рублей на содержание и восстановление школы, однако исход этого дела мог быть и неоднозначным, учитывая, что даже русский

⁴ Ленинградский областной государственный архив г. Выборга (ЛОГАВ). Ф. 320. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

⁵ ЛОГАВ. Ф. 316. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

⁶ ЛОГАВ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 171. Д. 1117. Л. 20.

⁸ Основано 1 сентября 1871 г.

⁹ ЛОГАВ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 2.

владелец завода В. А. Ратьков-Рожнов давал согласие на учреждение школы только при условии, что в ней будет преподаваться финский язык¹⁰. А в 1913 г. педагогический совет Выборгской учительской семинарии возбудил ходатайство о преподавании в ней финского языка¹¹, что также указывало на определенные настроения в обществе.

Кроме того, церковные праздники (Рождество, Пасха и др.) всегда проходили в школах с участием духовенства, что также должно было способствовать укоренению в сознании учеников религиозных и национальных ценностей. Например, 27 декабря 1900 г. Русский Дамский кружок (подведомственный Церковному комитету) устроил в народной школе елку. Сначала дети исполнили праздничный тропарь, затем гимн «Боже, царя храни», и начались танцы под оркестр выборгской крепости, специально выделенный для этого полковником Рымкевичем. Затем школьников напоили чаем с гостинцами, вручили подарки. Такие елки проходили в народной школе каждый год, на что отпускалось примерно 200 марок¹². В целом, все подобные праздники устраивались по одному образцу и обязательно включали какие-либо церковные песнопения и гимн, а затем школьники пели народные песни и читали стихи. Подобный распорядок полностью укладывается в концепт «православие, самодержавие, народность», которого несмотря ни на что продолжала придерживаться политика Российской империи. А вот кинематограф воспитательные комиссии в учебных заведениях не поощряли: входившее в состав комиссии духовенство нередко жаловалось на родителей, которые *«не только пускают своих детей в кинематографы, но даже нередко сами их водят туда»*¹³.

Распространением грамотности и знаний о православии в Выборге и Выборгской губернии занимались такие организации, как Братство святых Сергия и Германа Валаамских, Православное Карельское братство во имя святого великомученика Георгия Победоносца, а также ведущие свою деятельность под патронажем Выборгского

¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 172. Д. 1605. Л. 7, 11, 37.

¹¹ Там же. Оп. 180. Д. 9. Л. 40.

¹² Финляндская газета. 1901. № 156. С. 3.

¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 209. Л. 15.

православного прихода Русский Дамский кружок; Кружок сестер Выборгского православного прихода; Комитет, заведующий русской бесплатной библиотекой-читальней и воскресными чтениями, и Комитет по делам церковно-приходской жизни православных финнов.

Несмотря на это как в Выборгской губернии, так и во всем княжестве наблюдалась тенденция неуклонного уменьшения количества православных верующих. Во время присоединения Финляндии количество православных составляло 4% от общей численности населения, а к началу XX в. — не более 1,5%¹⁴. И хотя миссионерскую деятельность духовенства нельзя признать удачной, следует отдать должное шагам по просвещению населения: и обучению русскому языку, и собственно религиозному просвещению.

После первого собрания Братства святых Сергия и Германа в Выборге в 1885 г. началась активная деятельность по переводу и изданию духовной литературы. Часто, особенно в глухих местах губернии, встречались жители, считавшие, что они принадлежат к православной церкви, но на деле не знавшие ни молитв, ни обрядов. Для них и предназначалась данная литература¹⁵. На складе Братства в Выборге имелось Священное Писание, православные молитвословы и прочие книги религиозно-нравственного содержания¹⁶. Одним из деятельных основателей Братства был уже упомянутый священник Г. Н. Соболев, под конец своей жизни, наконец, добившийся учреждения Братства. Отчет гласит, что «1/2 июня 1885 года он имел радость официально открыть действия Братства, но на следующий же день Господь отозвал его к Себе»¹⁷.

Участие выборгских священнослужителей в деятельности Братства было весьма добросовестным. Так, в отчете за 1913 г.

---

¹⁴ Жабоедов-Господарец В. П. Православный вопрос в Великом княжестве Финляндском в 1905–1917 гг. в оценках правоконсервативной и либеральной печати XX в. // Известия Санкт-Петербургского аграрного университета. 2015. С. 152–156.

¹⁵ Крипатов Ю. И. Финляндское Братство Сергия и Германа Валаамских и его роль в просвещении карел // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (58). Ч. 2. С. 114–117.

¹⁶ Финляндская газета. 1900. № 2. С. 3.

¹⁷ Десятилетний отчет о деятельности Финляндского православного братства во имя свв. Сергия и Германа 1885–1895 и денежный отчет за 1894–1895 братский год. Выборг, 1896. С. 3.

упоминается комитет, все члены которого (М. Н. Казанский, Н. П. Никольский, П. Ф. Забелин и М. П. Парвицкий) были духовными лицами и жителями Выборга¹⁸. С 1896 г. протоиереем М. Казанским и священником С. Окуловым издавался ежемесячный иллюстрированный листок религиозно-нравственного содержания под названием «Aamun Koitto», распространявшийся среди православного населения Финляндии¹⁹.

Православное Карельское братство во имя святого великомученика Георгия Победоносца также имело в Выборге свое отделение. Среди его целей значились, в частности, учреждение просветительско-миссионерских кружков и обществ трезвости среди молодежи²⁰.

В феврале 1911 г. в выборгском приходе появился Комитет по делам церковно-приходской жизни православных финнов. К просветительским инициативам комитета относится открытие бесплатной библиотеки религиозно-нравственного содержания, книги из которой выдавались по окончании финского православного богослужения²¹. Однако приобщение финнов к православию с 1900 по 1917 г. шло не очень успешно, что доказывает крайне скудное количество приписанных к приходу финнов (437 человек в 1901 г.), а за десятилетие активной деятельности священников прихода их количество выросло всего на 150 человек²². Учитывая, что в городе тогда жило около 40 тыс. людей других национальностей, успех такой задачи, как распространение православия, кажется сомнительным — финны в массе своей были верны лютеранству. Даже «противосектантские беседы», проводимые выборгскими священниками каждое

¹⁸ Отчет Комитета Православного Финляндского Братства во имя преп. Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев за 1911–1912 братский год // Финляндская газета. 1913. № 185. С. 2.

¹⁹ Положение православия в Финляндии // Финляндская газета. 1900. № 23. С. 1–2.

²⁰ Устав Православного Карельского братства во имя святого великомученика и победоносца Георгия: [Утв. 19–29 дек. 1909 г.]. Петрозаводск, 1910. С. 4.

²¹ Карельский перешеек. И Вера, и Надежда, и Любовь. Выборг, 2017. С. 75.

²² Отчет по приходу за 1901 г.: К сведению прихожан Выборгского православного прихода. Выборг, 1902. С. 5; Отчет по приходу за 1908 г.: К сведению прихожан Выборгского православного прихода. Выборг, 1909. С. 1; Отчет по приходу за 1910–1911 гг.: К сведению прихожан Выборгского православного прихода. Выборг, 1912. С. 5.

воскресенье по вечерам в церкви Финляндского Архиерейского дома, не повлияли на статистику новообращенных²³.

За культурную составляющую деятельности Выборгского православного прихода отвечал в основном Комитет, заведующий русской бесплатной библиотекой-читальней и воскресными чтениями. Библиотека открылась в 1881 г. и к 1908 г. содержала 4778 журналов и книг на русском языке. Можно было быть уверенным в «добронравии» библиотечного собрания, поскольку в комитет читальни входили священник М. В. Успенский, инспектор городского училища Д. В. Добротин, священники Выборгского православного прихода и преподаватели женской гимназии²⁴. А в декабре 1901 г. в здании Выборгской народной школы открылась русская библиотека-читальня, планировавшаяся «*рассадником православно-русского самосознания*», куда будут приходить также «*иноверные и иноплеменные братья*»²⁵.

Просветительской идее с явным преобладанием национально-религиозного колорита соответствовали и воскресные чтения, регулярно устраиваемые Выборгским духовенством в народной школе имени графини Гейден. Собравшимся зачитывали различные духовные произведения или проводили тематические лекции²⁶. А начиная с 1904 г. духовенство Выборгского православного прихода вело духовные беседы и при русской народной школе на Выборгском форштадте, где также были устроены бесплатные библиотеки с книгами духовно-нравственного содержания²⁷. Однако неизменно наличествовал неусыпный контроль со стороны государства: во избежание, по всей видимости, «крамольных речей» властями было сделано распоряжение, чтобы эти «чтения велись священниками

²³ Финляндская газета. 1916. № 58. С. 3.

²⁴ Отчет по приходу за 1907 год: К сведению прихожан Выборгского православного прихода. 1908. С. 20–24.

²⁵ Освящение и открытие русской библиотеки-читальни в г. Выборге // Финляндская газета. 1901. № 188. С. 2.

²⁶ Напр.: Финляндская газета. 1901. № 48. С. 3; 1903. № 22. С. 3; 1903. № 27. С. 3; 1903. № 194. С. 3; 1904. № 13. С. 3.

²⁷ Отчет по приходу за 1907 год: К сведению прихожан Выборгского православного прихода. 1908. С. 35.

или же под руководством или ответственностью настоятелей приходов и теми лицами, которым они это поручают»²⁸.

Итак, с помощью просветительской и благотворительной деятельности православное духовенство Выборга ставило себе целью сформировать в обществе положительный образ православия и связанного с ним образа жизни, подразумевающего верность законам Российской империи. Это было связано с политикой государства, главной своей целью ставившего переход как можно большего количества людей с иной религией в православие. Планировалось также с помощью увеличения дотаций православному русскому населению окраинных территорий *«вывести его на первые, главенствующие позиции в империи»²⁹*. Этот замысел вступал в прямое противоречие с чаяниями подавляющего большинства жителей Финляндии. По многим причинам финны воспринимали православие как *«орудие русификации»³⁰*. Отделять просвещение как таковое от государственной политики призывали и отдельные церковные деятели, к которым относился и упомянутый ранее протоиерей Михаил Николаевич Казанский, позднее викарный епископ Православной церкви Финляндии. Излишне активная деятельность Православной церкви в Великом княжестве Финляндском подчас вредила и самому ее авторитету, отвращая от нее передовых граждан, вынужденных отдавать своих детей в финские школы³¹.

²⁸ Финляндская газета. 1904. № 193. С. 3.

²⁹ Мюллер А. М., Рябова А. Л., Саблина М. А. Национальная политика Александра III // Россия в глобальном мире. 2017. № 5. С. 201–208.

³⁰ Яровой О. А. Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии 1880–1920-е гг.: Из истории финнизации православной конфессии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1999. С. 12.

³¹ См. также: Там же. С. 16–18.

О. А. МОИСЕЕВА

Взгляды профессора И. Е. Троицкого по вопросу греко-болгарской распри

Аннотация: В 1880–90-х гг. одной из задач на Востоке, которую предстояло выполнить российскому дипломатическому корпусу в Константинополе, являлось решение вопроса о греко-болгарской схизме. Статья посвящена краткому рассмотрению взглядов профессора И. Е. Троицкого по данному вопросу. Кроме того, в работе представлен обзор мероприятий, связанных с выдачей бератов Болгарскому экзархату.

Ключевые слова: И. Е. Троицкий, К. П. Победоносцев, МИД, Святейший Синод, греко-болгарская распря, Константинопольский патриархат, Порта.

Восточное направление после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. продолжало быть одним из ведущих во внешней политике России. Нерешенной проблемой Константинопольского патриархата оставался греко-болгарский церковно-политический национально-территориальный конфликт, заключавшийся в желании болгар получить от Вселенского патриарха официальное признание автокефалии Болгарской церкви и территории во Фракии и Македонии, греки же не желали идти на уступки экзархату и прилагали немало усилий для удержания указанных территорий и своего влияния в этом регионе. Обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев подчеркивал, что *«главное яблоко раздора не в церковной, а в политической области»*¹, что даже если отменить болгарскую схизму, то существующее положение не поправится, пока не решатся политические вопросы. Так, и Святейший Синод, и Министерство иностранных дел России (Далее — МИД) в этом случае проводили политику открытого невмешательства. Они не могли допустить открытого и официального одобрения ни одной из конфликтующих сторон, т.к. это политически было невыгодно. России было важно сохранить добрые отношения с болгарскими и греческими, поэтому оставалось только дипломатическим путем *«располагать к взаимной уступчивости»*² в ожидании лучших времен.

---

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 62. II отд. 3 ст. Д. 4. Л. 22 об.

² Там же. Л. 23.

Одним из выразителей политики открытого невмешательства был И. Е. Троицкий — известный византист, историк церкви, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии и Санкт-Петербургского университета, редактор церковных журналов³, специалист по истории Восточной церкви, внештатный консультант обер-прокурора Святейшего Синода по восточному вопросу и внешнеполитическим отношениям с Восточными патриархатами⁴. В письме К. П. Победоносцеву в 1889 г. И. Е. Троицкий писал, что *«всего же желательнее для прочности нашего положения на Востоке, охранение единства веры в голове мира со всеми автономными церквями»*⁵, а прямое вмешательство в дела Востока *«неудобно»*, т.к. России *«нужны не раздоры и разногласия между ними, а мир и единение и особенно в церковных сферах»* и *«вообще в деле поддержки православного населения на Востоке, по моему мнению (И. Е. Троицкого. — О. А.), нам нужно держаться следующего правила: “не задерживать естественного роста, развития племен, но и не ускорять его искусственно”*⁶.

Это письмо, как и другие документы И. Е. Троицкого, находятся на хранении в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (Далее — ЦГИА СПб) в личном фонде И. Е. Троицкого (Ф. 2182), состоящем из 255 дел. В них содержится переписка профессора с К. П. Победоносцевым, дневники, а также некоторые копии с депеш российских послов. Изучение данных документов позволяет узнать мнения И. Е. Троицкого на различные события, происходящие на Востоке, в том числе и на греко-болгарскую распрю.

И. Е. Троицкий обладал достаточными сведениями о событиях, происходивших на Востоке. К. П. Победоносцев, желая услышать мнение профессора по тому или иному вопросу, пересылал ему депеши российских послов на Востоке. Другим информатором профессора был константинопольский корреспондент, а в действительности тайный агент российского правительства Г. П. Беглери,

³ «Церковный вестник», «Церковные ведомости», «Христианское чтение».

⁴ См. подробнее о биографии: Герд Л. А. И. Е. Троицкий по страницам архива ученого // Мир русской византистики. СПб., 2004. С. 8–40.

⁵ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2182. Оп. 1. Д. 162. Л. 8.

⁶ Там же. Д. 144. Л. 7–8.

письма которого содержали детальные сводки новостей, обзоры деятельности и обстановки в Восточных церквях. Именно благодаря Г. П. Беглери, и И. Е. Троицкий, и К. П. Победоносцев имели независимый от МИДа источник информации о событиях на Востоке.

Итак, в царствование Александра III греко-болгарская распря не утратила своей значимости ни для русской дипломатии, ни для Святейшего Синода, и дипломатическому корпусу в Константинополе предстояло решить эту проблему. Вопрос о болгарской схизме в 1880–1890-х гг. проявлялся в большей степени в борьбе за бераты⁷ и обладание Македонией. «Россия по-прежнему пыталась “маневрировать” между болгарами и греками, не выбирая окончательно чью-либо сторону, поддерживая то одних, то вторых. <...> Большое значение имело также и личное отношение послов к греко-болгарской распре»⁸. Так, например, константинопольского посла Е. П. Новикова сняли с занимаемой должности, в том числе и из-за его пассивности в греко-болгарском вопросе, ввиду его неприятия болгарской стороны⁹.

Прежде чем перейти к событиям, связанным непосредственно с греко-болгарской распрей, стоит привести в пример суждение И. Е. Троицкого из его ответного письма обер-прокурору о деятельности российских посольств на Востоке. Так, он пишет, что «интересы России на Востоке вверены людям, которые очи имеют для того, чтобы не видеть, уши для того, чтобы не слышать, голову для того, чтобы не рассуждать, и которые благожелательные сообщения получают

---

⁷ Берат — грамота турецкого султана, выдаваемая патриархам Восточных церквей, главам епархий.

⁸ *Моисеева О. А.* Отношения Российского МИДа и Святейшего Синода с Болгарской Православной Церковью с период правления Александра III // Переломные моменты истории: люди, события, исследования. К 350-летию со дня рождения Петра Великого. Мат. междун. науч. конференции: В 3 т. СПб., 2022. Т. 3. С. 188–189.

⁹ Новиковым не были довольны ни в МИДе — за его вялость и уступчивость австрийской политике и за промахи в отношениях с Турцией, ни в Святейшем Синоде — за пассивность в греко-болгарском вопросе (См. подробнее: *Карцов Ю. С.* Семь лет на Ближнем Востоке (1879–1886). Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. С. 89). Однако это не значит, что он бездействовал и не пытался разрешить греко-болгарскую распрю. См. подробнее: *Моисеева О. А.* Отношения Российского МИДа и Святейшего Синода с Болгарской Православной Церковью... С. 189–190; РГИА. Ф. 797. Оп. 50. II отд. 3 ст. Д. 192. Л. 1 об.; Д. 131. Л. 2–4.

для того, чтобы оспаривать такие истины как дважды два четыре»¹⁰. К тому же, по мнению профессора, в посольстве «не умеют держать язык за зубами»¹¹.

Как уже было сказано выше, первостепенным вопросом в борьбе между болгарскими и греческими народами в 1880–1890-х гг. было размежевание двух народов в Македонии и Фракии. Болгарский экзархат добивался от Порты берата для болгарских епископов в Скопье, Охриде и Адрианополе, что, естественно, встречало противодействие со стороны греков, а российское посольство поддерживало то одних, то других.

Так, например, в 1883–1885 гг. российское посольство получило указание поддерживать экзархат, но ходатайства константинопольского посла А. И. Нелидова перед султаном и великим визирем о выдаче бератов экзархату в Скопье и Охрид не имели успеха¹².

Поддержка российским посольством болгар в деле выдачи бератов в 1885 г. вызвала недовольство греков. В личном фонде Троицкого в ЦГИА СПб имеется копия с депеши А. И. Нелидова от 7/19 марта 1885 г., где он передавал свою беседу с Вселенским патриархом Иоакимом IV. Российский посол замечал, что еще до войны 1877–1878 гг. в Скопье и Охриде были болгарские епископы, и что население этих епархий признает Болгарский экзархат, поэтому выдача бератов вполне обоснована. Для России же важно, чтобы население оставалось верным своей церковной практике и не переходило в унию под влиянием католической пропаганды. В заключение, А. И. Нелидов отмечал, что в этих областях церковный вопрос излишне политизирован, поэтому «при таких условиях даже попытка к достижению соглашения немыслима, и нам остается, следуя неуклонно избранному нами пути и избегая всего, что могло бы привести к окончательному разрыву, терпеливо ждать более благоприятных политических условий, при которых нам можно было бы вновь заняться успокоением и устройством

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 140. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 138. Л. 9.

¹² См. подробнее, напр.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 340. Оп. 801. Д. 25. Л. 1–10 об.; Герд Л. А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С. 259–260.

греко-болгарской распри»¹³. И. Е. Троицкий после анализа ситуации на Востоке выразил в письме К. П. Победоносцеву свое мнение, что турецкое правительство в сложившейся ситуации было вынуждено либо аннулировать фирман¹⁴ 1870 г. и присоединить болгар обратно к Вселенской церкви, либо признать Болгарский экзархат раскольниками и окончательно отделить их от православной церкви. Ни с первым, ни со вторым вариантом Порты согласиться не могла. Россия же, как считал И. Е. Троицкий, должна придерживаться нейтралитета в данной ситуации. «Но это едва будет возможно», — писал Иван Егорович¹⁵. И, действительно, российское посольство всячески способствовало выдаче бератов Болгарскому экзарху.

В результате в мае 1885 г. Порты под угрозами Вселенской церкви устроить беспорядки на Крите была вынуждена отказать в выдаче бератов. Таким образом, российским дипломатам не удалось помочь болгарам и поддержать их на данном этапе, а дальнейшие события предопределили развитие отношений между посольством, экзархатом и патриархатом. Россия больше не могла содействовать болгарам в их конфликте с греками при возобновлении борьбы за бераты в 1890 г. Российский МИД предпочел «по возможности тормозить издание бератов»¹⁶. Несмотря на все протесты со стороны России, Порты все же выдала экзарху 26 июля 1890 г. бераты в Скопье и Охрид¹⁷. Следующая «победа» экзархата произошла в 1894 г., когда Болгарскому экзарху Иосифу выдали тескере¹⁸, по которому ему разрешалось отправить двух владык в Велес и Неврокоп. Это, естественно, привело в возмущение патриархию, и ситуация с болгарским вопросом обострилась¹⁹. По поводу выданных бератов в своей записке

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 165. Л. 7 об. — 8.

¹⁴ Фирман — мандат или указ, издаваемый сувереном в исламском государстве.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 158. Л. 8.

¹⁶ Герд Л. А. Константинополь и Петербург: церковная политика России... С. 273.

¹⁷ Беглери сообщает, что 26 июля бераты были выпущены, но не отданы экзарху. Само же вручение состоялось 16 августа 1890 г. (Россия и Православный Восток: Константинопольский патриархат в конце XIX в. Письма Г. П. Беглери к проф. И. Е. Троицкому 1878–1898 гг. СПб., 2003. С. 194).

¹⁸ Тескере — официальный документ, бумага в Турции.

¹⁹ См. подробнее: РГИА. Ф. 797. Оп. 64. II отд. 3 ст. Д. 168. Л. 2 об. — 3, 5–6; Д. 49. Л. 22–27, 35–37 об.

И. Е. Троицкий отмечал понимание греками того, что схизма дала болгарам *«возможность бравировать не только все дальнейшие меры патриархии, но и авторитет всего православного мира, от которого она их формально отрезала, и что, в сущности, она парализовала руки самим грекам, лишив их всех средств не только прямого воздействия на болгар на основе церковного союза с ними, но и косвенного со стороны православного мира, на основе солидарности к ним»*²⁰. Профессор был убежден, что снятие схизмы невозможно без уступок со стороны Вселенской патриархии, т.к. за такой большой срок болгары поняли выгодность схизмы в политическом отношении. Как и предполагал И. Е. Троицкий, на уступки Константинопольская патриархия не пошла, и в результате 1894 год закончился для нее плачевно. Нежелание греков идти на компромисс и их стремление оградиться от болгарского духовенства путем изменения церковных одеяний болгар привело к обострению положения дел в патриархате – Святейший Синод вынудил патриарха отречься от престола, что, в свою очередь, привело к патриаршему кризису.

Итак, российское посольство в Константинополе на протяжении 1880–1894-х гг. занимало сдержанную позицию, пытаясь не принимать окончательно ни сторону болгар, ни сторону патриархии. Болгарский экзарх Иосиф на протяжении всего периода своего служения пытался добиться от Порты выполнения фирмана 1870 г. Выдача бератов в Македонию была первостепенной задачей. Иосиф рассчитывал на помощь российских послов в этом деле, однако его надежды не оправдались.

На выдаче бератов в 1894 г. и последовавшем за ним патриаршем кризисе заканчиваются важные события отношений российского МИДа и Святейшего Синода с Болгарским экзархатом в царствование Александра III. Экзарх Иосиф в дальнейшем поменяет политические ориентиры, будет считать, что *«Болгария должна держаться западной политики до тех пор, пока не продвинутся дела с фирманом в Македонии <...>, а когда придет время требовать реформы и политические учреждения, тогда нужно прибегнуть к союзу с Россией»*²¹. Во второй

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 155. Л. 1-1 об.

²¹ Български екзарх Йосиф I. Дневник. София, 1992. С. 361.

половине 1890-х гг. продолжится борьба за бераты, отношения с Болгарским государством потеплеют. Российские посольства на Востоке по-прежнему не примут ни сторону греков, ни сторону болгар. Примирение же Болгарской церкви со Вселенской произойдет уже в середине XX в.

Греко-болгарская распря носила больше политический, национально-территориальный характер и уже потом церковный. Поэтому снятие схизмы не могло произойти без политической стабилизации Болгарского государства и урегулирования территориальных споров на Балканском полуострове. Именно время правления Александра III являлось тем переходным этапом, когда формировалось определенное внешнеполитическое положение, которое впоследствии, уже в начале XX в., разовьется в полное неприятие Болгарией России. Церковная и светская дипломатия в исследуемый период совместными силами пыталась укрепить положение в балканском регионе, в том числе и в Болгарии²².

Документы, хранящиеся в ЦГИА СПб, позволяют воссоздать взгляды И.Е. Троицкого на события греко-болгарской распри. Получая информацию от Г.П. Беглери и К.П. Победоносцева, профессор был в курсе событий на Востоке и давал рекомендации последнему в выборе поведенческой политики Святейшего Синода или послов в сложившихся ситуациях. Его высказывания были созвучны принятому внешнеполитическому курсу на Востоке, поэтому он и являлся внештатным консультантом обер-прокурора Святейшего Синода.

---

²² *Моисеева О. А.* Отношения Российского МИДа и Святейшего Синода с Болгарской Православной церковью... С. 187-193.

Л. А. НИКИФОРОВА

**Под покровительством трех Александров:
из истории домовая церкви
при Олонецкой мужской гимназии**

Аннотация: Музей изобразительных искусств Республики Карелия находится в здании бывшей Олонецкой мужской императора Александра I Благословенного гимназии. В 1896 году в память об императоре Александре III Миротворце при гимназии была открыта домовая церковь, освященная в честь благоверного князя Александра Невского. Гимназия и домовая церковь были закрыты в 1918 году.

Ключевые слова: Олонецкая мужская гимназия, домовая церковь, Александр Невский, Александр III, Петрозаводск.

Музей изобразительных искусств Республики Карелия расположен в историческом центре Петрозаводска, в одном из старинных каменных особняков — «Доме на Площади», история которого насчитывает более двух столетий. Именно в этом здании 24 сентября 1808 года в числе первых гимназий России открылась мужская гимназия в Петрозаводске. Олонецкая мужская гимназия за сто десять лет воспитала целую плеяду даровитых выпускников, создавших своим служением России, трудом и талантом славу себе и учебному заведению, давшему им путевку в жизнь. Гимназия была не только авторитетным учебным заведением, но и центром научных исследований истории, этнографии и фольклора Олонецкого края и имела одну из лучших библиотек в городе. Учениками и выпускниками петрозаводской гимназии были пейзажист Василий Поленов, поэт Владимир Бенедиктов, профессор Александр Чивилев, языковед Филипп Фортунатов, этнограф и коллекционер Василий Дашков, геолог и горный инженер Петр Дорошин, актер Николай Ходотов, архитектор Андрей Иосса и многие другие.

Здание для гимназии было построено еще в 1788–1789 годах, в течение XIX века не раз ремонтировалось. Однако серьезная перестройка его случилась лишь однажды и была связана с появлением домовая церкви гимназии. Как писали в местной газете «Олонецкие губернские ведомости» в 1896 году: «...несомненный и поразительный подъем религиозного чувства, могучею волною разлившегося

по всей России, в особенности в благословенное царствование незабвенного и приснопамятного Императора Александра III, явившего своему народу блестящий пример смиренного и истинно христианского Государя и покрывшего православную Русь множеством вновь сооруженных храмов и часовен, не мог не отразиться и на заветном, без сомнения, для Олонецкой гимназии вопросе о создании гимназического храма»¹.

Строительство домового храма при гимназии было осуществлено в 1895–1896 годах по проекту губернского инженера, архитектора Михаила Калитовича. Домовая церковь была устроена на втором этаже пристройки у левого торца здания. Для организации внутри высокого зала объем пристройки был поднят выше уровня карниза существующего здания гимназии. Главный фасад пристройки с домового храма был решен в виде ризалита на три оси оконных проемов: в нижнем этаже – окна прямоугольной формы, в верхнем, соответствующем храмовому залу, – большие арочные окна с декоративным обрамлением. Общий междуэтажный карниз, одинаково рустованный первый этаж и замковые камни, примененные в отделке окон первого этажа, зрительно объединили основной корпус гимназии и пристройку. Фасад пристройки завершен треугольным фронтоном, который еще больше усилил доминирующую роль части здания с домового храмом² (См. Прилож.).

Появлению домового храма при гимназии предшествовала большая работа по сбору средств на ее постройку. Первым взносом на это благое дело стало в 1881 году пожертвование от директора Минских народных училищ Ерменегильда Егоровича Тимофеева, окончившего курс Олонецкой гимназии в 1854 году. В 1888 году члены педагогического совета гимназии выделили из собственных средств 85 рублей в честь чудесного спасения царской семьи во время крушения поезда на Харьковской железной дороге у селения Борки.

---

¹ Олонецкие губернские ведомости (ОГВ). 1896. № 74. Неофиц. часть. 2 октября. С. 3. См. также: *Мареш И. Ф.* Торжество освящения церкви при Олонецкой гимназии 22 сентября 1896 г. Петрозаводск, 1896. С. 2.

² *Ициксон Е. Е.* История архитектуры Петрозаводска: 1703–1917. Петрозаводск, 2024. С. 100–101.

Через несколько лет от министра народного просвещения Ивана Давыдовича Делянова пришло уведомление о том, что в 1890 году Святейший Синод, при рассмотрении программы преподавания Закона Божия в гимназиях, определил предложить Министерству народного просвещения принять соответствующие меры к устройству православных церквей, по возможности, при всех гимназиях, чтобы законоучители, состоя настоятелями этих церквей, были вместе с тем и духовниками воспитанников. При этом, однако, выделение средств из казны не обещалось, а все расходы рекомендовалось отнести на «специальные средства учебного заведения»³, которых у Олонецкой гимназии не было.

Для ускорения сбора средств педагогический совет гимназии с подачи директора Сергея Герасимовича Окунькова избрал на должность попечителя гимназии известного в городе купца и благотворителя Марка Николаевича Пикина, который действительно активно занялся этим вопросом. Выступая перед хозяйственным комитетом гимназии в присутствии руководства учебного заведения, а также инспектора гимназии, попечителей и преподавателей, Пикин вызвался осуществить сбор добровольных пожертвований на строительство домово́й церкви и в качестве почина сам пожертвовал сумму, превышающую одну тысячу рублей. Далее последовало не только пожертвование в сто рублей от епископа Олонецкого и Петрозаводского Павла, но и благословение Владыки на христианское доброе дело устройства домово́й гимназической церкви. Крупный взнос был сделан Олонецким губернским земством — три тысячи рублей. По ходатайству помощника попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Леонида Ивановича Лаврентьева от Министерства народного просвещения на нужды строившейся церкви было направлено две суммы: в 1895 году — 1000 рублей, а в 1896 году — 1500 рублей⁴. Педагогический совет гимназии утвердил текст обращения к потенциальным благотворителям⁵. К сбору средств подключились горожане, петрозаводские, пудожские

³ Мареш И. Ф. Торжество освящения церкви при Олонецкой гимназии... С. 3.

⁴ Там же. С. 4-7.

⁵ Национальный Архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 1. Оп. 4. Д. 2/12. Л. 10-11.

и петербургские купцы. Всего на 22 сентября 1896 года было собрано 8636 рублей 54 копейки, вексель на 1000 рублей, а также в гимназию было передано 70 тысяч кирпичей и 100 пудов железа⁶.

Так совпало, что распоряжение попечителя учебного округа о начале строительства домово́й церкви гимназии было издано в день смерти государя Александра III – 20 октября 1894 года. На заседании Строительного отделения Олонецкого губернского правления был рассмотрен проект будущей церкви в здании гимназии. Проект был одобрен и утвержден «как составленный правильно», и строительство началось. В мае 1895 года в здании гимназии прошло заседание педагогического совета, на котором его участники приняли решение ходатайствовать пред высшим учебным начальством и попросить разрешения освятить созданный при Олонецкой гимназии храм во имя Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского. Помимо этого, увидев в дате принятия решения о начале строительства – 20 октября 1894 года – особый знак, тем же ходатайством предлагалось считать, что домовая гимназическая церковь служит памятником благословенного царствования императора Александра III, в связи с чем ежегодно, 20 октября, в день его кончины, планировалось совершать для воспитанников и воспитателей гимназии заупокойную литургию и освобождать в этот день учеников от учебных занятий⁷.

К осени 1895 года пристройка была уже подведена под крышу, а к сентябрю 1896 года завершена внутренняя отделка храма. В местной газете сообщили, что 11 сентября на здание гимназии водружен крест⁸.

22 сентября 1896 года в воскресный день состоялось освящение храма. Подробное описание этого события было помещено на страницы местной газеты «Олонецкие губернские ведомости», а также было выпущено в виде отдельной брошюры «Торжество освящения церкви при Олонецкой гимназии», подготовленной к изданию Иосифом Федоровичем Марешем.

⁶ Мареш И. Ф. Торжество освящения церкви при Олонецкой гимназии... С. 8.

⁷ НАРК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2/12. Л. 3.

⁸ ОГВ. 1896. № 69. Неофиц. часть. 14 сентября. С. 2.

Домовая церковь при Олонецкой гимназии размещалась в большой зале площадью 160 м² с высотой потолков в шесть метров и девятью большими арочными окнами. По описаниям внутренняя отделка была весьма скромной и выдержанной в белом цвете. Иконостас был устроен местным заонежским крестьянином Петром Ивановым Пономаревыми. Иконы были привезены из Петербурга, где писались по заказу руководства гимназии классным художником Алексеем Васильевичем Шишкиным. Иконы были написаны на цинковых пластинах. В центре иконостаса над «Тайной Вечерей» размещался образ «Спаса Нерукотворного», по правой стороне царских врат были иконы Спасителя, Святого Стефана и Святого Благоверного Великого князя Александра Невского, по левой — иконы Богоматери, Святого Лаврентия и Святого Сергия Радонежского. Царские врата традиционно были украшены изображением Благовещения и ликами Евангелистов (См. Прилож.).

Строительство церкви было посвящено памяти почившего императора Александра III Миротворца, а сама церковь была освящена во имя Святого благоверного князя Александра Невского. Позднее в 1908 году в честь своего столетия гимназия была удостоена имени императора Александра I Благословенного. Таким образом, Олонецкая мужская гимназия находилась под покровительством трех Александров, которых любил и уважал народ, защитников Отечества и поборников православия. Гимназисты воспитывались на примере служения Родине этих замечательных людей.

Более чем вековое существование гимназии подходило к концу. Сменилась эпоха. Начинался новый этап жизни Дома на Площади. Учебный 1917/1918 год в Олонецкой мужской гимназии шел своим чередом. Всего было по штату 13 педагогов и 394 учащихся мальчика. 31 октября 1917 года состоялось заседание Педагогического совета гимназии и в присутствии учеников старших классов педагоги обсуждали вопрос преподавания Закона Божьего, а также отмену обязательного изучения латыни. В январе-феврале 1918 года протоиерей Дмитрий Островский еще совершал богослужения в гимназической церкви, за ним сохранились 6 уроков в гимназии, также он принял на себя заведывание церковно-историческим музеем,

созданным на основе коллекции епархиального древлехранилища. Летом 1918 года на одном из заседаний коллегии городского отдела народного образования обсуждался вопрос о том, что из школ нужно убрать все предметы духовного культа, в том числе иконы, и сдать все это имущество в церковно-исторический музей. 10 августа того же года комиссариат просвещения губернии принял решение о ликвидации церквей, находящихся в учебных заведениях и освобождении этих помещений для нужд школ⁹.

28 сентября 1918 года исполнительный комитет городского совета поручил специальной комиссии приступить к ликвидации домовых церквей, в том числе и церкви при мужской гимназии. Священнику Дмитрию Островскому было велено срочно забрать из здания гимназии церковное имущество, имеющее ценность для церковно-исторического музея. Спустя двадцать дней священник Машезерский отчитался, что имущество домово́й церкви принял на хранение в кафедральный собор Петрозаводска¹⁰. Осенью 1918 года с Дома на Площади сняли крест. К сожалению, в настоящее время местонахождение икон из бывшей гимназической домово́й церкви не установлено.

В 1919–1922 годах в здании размещался Петрозаводский местный лазарет, все помещения, в том числе и зал бывшей церкви были заняты под койки для раненых¹¹. В начале 1922 года в Дом на Площади въехал Карпрофсовет (Совет профессиональных союзов Карелии), в большой зале устроили сцену и стали проводить собрания, слеты, съезды профсоюзных деятелей и активистов. В годы Великой Отечественной войны здание уцелело, в нем расположились казармы финских воинских частей.

После войны здание было отремонтировано и внешний вид зала бывшей церкви изменился, появились архитектурные украшения в виде пилястр с капителями, украшенными колосками, проемы двух из девяти окон были заложены кирпичом и заштукатурены. Помещения бывшей гимназии поочередно занимали Дворец

⁹ НАРК. Ф. Р-581. Оп. 4. Д. 1/1. Л. 9.

¹⁰ НАРК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1/13. Л. 8, 141.

¹¹ Там же. Д. 2/18. Л. 268.

Пионеров, Петрозаводское музыкальное училище, Культпросветучилище. Большая зала неизменно становилась местом для выступления учащихся и воспитанников этих учреждений, на сцене проводились концерты, спектакли, репетиции.

20 октября 1960 года в Доме на Площади для посетителей открыл свои двери Музей изобразительных искусств Карелии. По удивительному стечению обстоятельств это произошло в день памяти императора Александра III, а в музейное собрание поступила часть некогда довольно внушительной личной коллекции императора из бывшей резиденции — Аничкова дворца: западноевропейская керамика, скульптура, живописные и графические работы русских художников¹². В большой зале бывшей гимназической церкви сейчас размещается раздел постоянной экспозиции музея и представлена коллекция русского искусства, стоит концертный рояль, регулярно проводятся торжественные мероприятия, лекции и концерты.

---

¹² Никифорова Л.А. Императорская коллекция в Петрозаводске // Русское искусство. 2019. № . 4 (64). С. 82–89.

Мужская гимназия в г. Петрозаводске. 1901. Фотография.
(Национальный архив Республики Карелия. П-4599)

Иконостас домовой церкви гимназии. 1896-1918. Фотография.
(Научный архив МИИ РК)

Б. В. ОЧИРОВ

**Миссионерская деятельность
Русской православной церкви на территории
Большедербетовского улуса Калмыкии
во второй половине XIX – начале XX вв.¹**

Аннотация: В данной статье рассматривается миссионерская и просветительская деятельность представителей Русской православной церкви на территории Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. Несмотря на существовавшие ограничения и сложности, институт миссионерства и религиозно-просветительская работа по отношению к калмыкам способствовали культурному обмену, знакомству калмыков с православной верой.

Ключевые слова: православие, миссионерство, Ставропольская губерния, Большедербетовский улус, калмыки, крестьяне.

Миссионерская деятельность Русской православной церкви на территории Большедербетовского улуса Ставропольской губернии во второй половине XIX в. сыграла важную роль в распространении христианства среди калмыков. Эта деятельность получала поддержку со стороны российской администрации, которая видела в этом важную цель в приобщении калмыков к православной вере и переходе их к оседлому образу жизни.

Центрами закрепления православной веры в Калмыцкой степи были церковные приходы. Новые крестьянские поселения требовали открытия новых приходов. Сам процесс становления церковно-приходской системы был растянут почти на 30 лет.

Указ от 30 декабря 1846 г. санкционировал переселение крестьян в Калмыцкую степь². При этом стоит отметить, что Калмыцкая степь была поделена между Астраханской и Ставропольской губерниями. Из-за сложности в управлении Большедербетовским улусом, в 1860 г. он был передан в административное управление Ставропольской губернии. После отмены крепостного права процесс переселения

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-20019 «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого кочевого общества в составе дореволюционной России».

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (ПСЗ. Собр. 2). Т. 21. № 20758. С. 725–726.

крестьян стал более масштабным. Крестьяне несли в степи не только плуг и соху, но также и свою православную веру.

Указ от 13 марта 1860 г. «О порядке заведывания кочующими в Ставропольской губернии Калмыками, и о новой пограничной черте между Ставропольской и Астраханской губерниями» определил территориальные и административные разграничения между губерниями³.

До вышеназванного указа Большедербетовский улус и отдельная часть Малодербетовского улуса территориально входили в состав Ставропольской губернии, но в административном отношении подчинялись астраханской администрации⁴.

По сравнению с другими улусами Астраханской губернии, земли Большедербетовского улуса были более благоприятными для ведения земледелия. Вместе с переходом калмыцких земель к Ставропольской губернии также отошли населенные поселения: Дивная, Дербетовка, Винодельная, Предтеча, Величая, Урожайная и самовольные поселения на урочищах Рагули и Пробитый колодец⁵. Данные поселения стали со временем крупными населенными пунктами крестьян-переселенцев. Как видно, приоритетным направлением для царского правительства было хозяйственное и экономическое освоение калмыцких степей. Также не менее важным этапом в освоении было распространение православной веры. Целью царского правительства во второй половине XIX в. был перевод калмыков на оседлый образ жизни, а также распространение православной веры среди них. Но если в первом случае калмыки постепенно в большей своей части к первым десятилетиям XX в. стали оседлыми поселенцами, то во втором — христианизация калмыков имела не столь положительные результаты.

Как указывает С. С. Белоусов, политика христианизации в то время вступала в противоречие с действующим законодательством. Светские власти, согласно закону, запрещали крестьянам-переселенцам

³ ПСЗ. Собр. 2. Т. 35. № 35556. С. 222–223.

⁴ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Элиста, 2009. Т. 1. С. 519.

⁵ Белоусов С. С. Государственная переселенческая политика в Северном Прикаспии в XVIII — начале XX вв. Дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2022. С. 241.

селиться в миссионерских станах и стремились заставить уже поселившихся выселиться. Русская православная церковь, наоборот, стремилась привлечь русских поселенцев, считая, что с помощью них можно будет решить цели православного миссионерства. Автор также отмечает, что главными причинами низкого эффекта христианизации калмыков стало то, что российская администрация не смогла создать в представлении калмыков «привлекательный образ жизни калмыков в станах», а также недостаточное финансирование православных миссий⁶.

Но, несмотря на это, христианизация на территории Большедербетовского улуса продолжалась на всем протяжении второй половины XIX — начала XX вв. Как видим, экономическая интеграция Калмыцкой степи не могла не сопровождаться социально-культурной интеграцией, даже если последняя не имела большого эффекта.

Христианизация калмыков Большедербетовского улуса во второй половине XIX в. проходила не так активно, как на то рассчитывала российская администрация. Так, в 1862 г. Астраханская палата государственных имуществ запросила Ставропольскую духовную консисторию о количестве крестившихся калмыков и получила ответ — одна крещеная женщина⁷.

В 1879–1884 гг. крестилось 20 человек. Часть из них были определены на жительство в село Надежда. Указанное количество крестившихся принимало православие за пределами Большедербетовского улуса, находясь на заработках в других уездах губернии. Даже приняв христианство, их познания православной веры были скудны. Они не имели представления об обрядах, правилах и обязанностях христианина.

О христианской деятельности на территории Большедербетовского улуса писал миссионер Н. В. Львовский (Мефодий). В своей работе «Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии» он отмечал, что калмыки время от времени принимали христианство. На фоне этого Андреевское братство с начала своего

---

⁶ Белоусов С. С. Русские переселенцы на калмыцкие земли и их использование Русской православной церковью как средства христианизации калмыков (последняя треть XIX — начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2019. № 4 (62). С. 17.

⁷ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней... Т. 3. С. 285.

создания (1873 г.) проводило просветительскую деятельность «светом Евангельского учения»⁸. В 1873 г. Андреевским братством были открыты школы в селах Дербетовка и Большая Джалга. Епископ Кавказский и Екатеринодарский Герман призывал священников приходов, которые находились близ калмыцких кочевий, брать на воспитание местных мальчиков. На свои средства он содержал одного калмыка в духовном училище. В 1874 г. епископ даже посетил калмыцкие поселения, где общался с владельцем Большедербетовского улуса и главным бакшой Ивановым⁹.

Миссионерские станы на территории Большедербетовского улуса Ставропольской губернии возникли после открытия в 1889 г. Ставропольского епархиального комитета Православного миссионерского общества¹⁰.

Как видно, институт миссионерства, наряду с крестьянскими поселениями и православным духовенством стремился через просветительскую деятельность, привлечь калмыков к образованию, внушить преимущества христианской религии. Также стоит отметить, что с духовным обучением калмыки получали доступ к чтению и письму, что, конечно, было важным шагом в просвещении народа. Однако просветительская деятельность не имела массового характера в среде калмыцкого кочевого общества.

По ходатайству Андреевского братства, Святейшим Синодом разрешено было открыть в 1874 г. кафедру калмыцкого языка при Ставропольской духовной семинарии. К ней был закреплен К.С. Розов, являвшийся преподавателем семинарии. Однако по причине того, что в течение 7 лет из воспитанников семинарии не вышли миссионеры, кафедра была закрыта. Средства на содержание кафедры были направлены на миссионерскую деятельность в калмыцкой степи¹¹. Среди

---

⁸ Львовский Н. В. Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. Казань, 1894. С. 11.

⁹ Любушкина Е. Ю. Миссионерская деятельность на Ставрополье во второй половине XIX – начале XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 4. С. 82.

¹⁰ Белоусов С. С. Русские переселенцы на калмыцкие земли... С. 7.

¹¹ Львовский Н. В. Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии... С. 11.

причин сложности миссионерства было незнание калмыцкого языка, а также невладение русским языком калмыками, что вызывало проблемы в налаживании контактов. Также препятствием служили трудности понимания культурно-бытовой среды калмыцкого общества¹².

Миссионерство и перевод кочевников на оседлый образ жизни были тесно связаны между собой в общей политике Российской империи. Церковь как религиозный институт сыграл важную роль в экономическом освоении калмыцких степей. Так, 13–14 мая 1889 г. епископ Ставропольский и Екатеринодарский Владимир лично крестил в Большедербетовском улусе 14 калмыцких семей (52 человека). Для них, по инициативе епископа, было отведено место под поселение, которое назвали в честь князя Михаила Тверского — «Князе-Михайловский».

Следует отметить, что созданное поселение и другие, создаваемые для крещеных калмыков, становились объектом для крестьянского переселения. Помимо шанса распространения православной веры среди калмыков, такое поселение открывало перед крестьянами возможность получить новые земли. Православный миссионер Я. П. Дуброва писал следующее: *«Уверенность в полной возможности приписаться к крещеному поселку еще более увеличилась от того, что в поселке была уже построена церковь. Ведь ее бесконечно смущал преисполненные надежд сердца и умы крестьян»*¹³. В отчете о состоянии Большедербетовского улуса за 1899 г. отмечалось, что в улусе имелась одна православная церковь в Князе-Михайловском поселке крещеных калмыков и при ней причт, состоящий из священника-миссионера и псаломщика¹⁴.

Несмотря на запреты крестьянам селиться в станах, некоторым из них удавалось обустроиваться в таких поселениях. Так, в 1904 в п. Князе-Михайловский из 191 человека — 152 являлись крещеными калмыками, 39 — русскими. Уже к 1912 г. население состояло из 160 крещеных калмыков и 266 русских¹⁵.

¹² Белоусов С. С. Русские переселенцы на калмыцкие земли... С. 11–12.

¹³ Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 1892 года. Казань, 1898. С. 39.

¹⁴ Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. И-21. Оп. 1. Д. 157. Л. 2.

¹⁵ Белоусов С. С. Русские переселенцы на калмыцкие земли... С. 14.

Таким образом, институт миссионерства оказывал влияние на привлечение калмыков к православию. Предоставление духовного обучения калмыкам открывало для них новые горизонты, включая возможность изучения русской грамоты и развития письменности. Эти шаги были важными в контексте просвещения народа и увеличения культурного уровня калмыцкого общества.

Однако стоит отметить, что воздействие этой деятельности было ограниченным и не охватывало всех слоев калмыцкого кочевого населения. Массового распространения новых идей и образования в среде кочевников не произошло из-за специфики их образа жизни, традиций и устоев. Кроме того, сопротивление некоторых сегментов общества нововведениям и христианизации также замедлило процесс изменений. Стоит учитывать, что многие калмыки сохраняли свои традиционные верования и обычаи, которые затрудняли адаптацию к новым религиозным и образовательным практикам. Они видели в распространении христианства угрозу для своей культуры и идентичности, что делало более трудным процесс проникновения новых идей в среду кочевников. По мнению К. В. Орловой, местные власти, занимаясь миссионерской деятельностью, стремились поддерживать хорошие отношения как с простолюдинами, так и с привилегированной частью общества. Миссионеры проводили христианизацию путем количественного охвата населения. Это было причиной того, что калмыки, формально принимая православие, продолжали исповедовать буддизм. Такое стремление находило отражение в отчетах, где показатели христианизации калмыков не вполне соответствовали реальному положению дел¹⁶.

По данным переписи населения 1897 г. численность калмыков Ставропольской губернии составила 10814 человек. Из них лишь 347 человек (3,2%) исповедовали православную веру¹⁷.

---

¹⁶ Орлова К. В. «Крещенные живут по-прежнему, по-калмыцки»: к вопросу о конфессиональной идентичности крещеных калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. Т. 11. № 1(35). С. 33.

¹⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. XII: Область Войска Донского. СПб., 1905. С. 46.

Тем не менее просветительская и духовная работа среди калмыков имела свои позитивные результаты, даже если они были ограниченными. Открытие доступа к образованию и грамотности стало первым шагом к интеграции калмыков в общероссийское культурное пространство. Процесс просвещения и распространение идей христианства, хотя и не привели к массовому принятию новой религии, все же оставили след в культуре и истории калмыцкого народа.

Э. Г. ПУТЯТОВА

**Русская церковь в Южной Америке,
ее роль в процессе адаптации православной общины
(конец XIX — начало XX века)**

Аннотация: В статье рассматривается деятельность Русской церкви в Буэнос-Айресе, сыгравшей значительную культурно-духовную и благотворительную роль, в ходе первоначальной адаптации православных мигрантов в новой этнической, культурной и религиозной среде. Донесения в Святейший Синод протоиерея Константина Гавриловича Изразцова являются ценным источником, позволяющим исследовать процесс освоения трудовыми эмигрантами нового для них мира, расширяют представления о жизни православной общины в странах Южной Америки.

Ключевые слова: трудовая эмиграция, православная община, православная церковь, процесс адаптации, миграции, южноамериканские страны.

Миграционные процессы являются одним из важнейших признаков, обуславливающих лицо современного мира. Это явление, охватившее целые регионы, имеет свои особенности в каждой стране.

Для осмысления нынешних процессов крайне важно знать все обстоятельства переселения и дальнейшей адаптации трудовых мигрантов в конце XIX — начале XX вв. в такие классические переселенческие страны, которыми были Бразилия и Аргентина.

Значительную роль в ходе адаптации мигрантов в новой среде, в сохранении национальной самобытности, сыграла Русская православная церковь в Буэнос-Айресе.

В последней трети XIX в. в странах Южной Америки сформировалась большая православная община, стремившаяся к духовному единению. В 1887 г. русский военный клипер «Разбойник» посетил Буэнос-Айрес с дружественным визитом. Командир клипера П. Вульф встретился с представителями славянской общины: «*Депутация обратилась ко мне с просьбой ходатайствовать за них перед Государем Императором о сооружении в Буэнос-Айресе православного храма*»¹. Ходатайство было удовлетворено, Александр III утвердил штат православной церкви, причислив ее к дипломатической миссии

---

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 284. Л. 65 об.

в Аргентине. Уже в январе 1889 г. в Буэнос-Айресе совершилась православная литургия, на которой присутствовал посланник России в Бразилии, Аргентине и Уругвае А. С. Ионин.

С первых же дней службы церковь привлекла к себе множество верующих: православных из Сирии и арабских стран, сербов, черногорцев, болгар, выходцев из Российской империи. В 1891 г. настоятелем церкви был назначен Константин Гаврилович Изразцов (1865–1953), выпускник Санкт-Петербургской духовной академии². *«Я нашел ее (церковь. — Э. П.) совершенно пустой и бедно обставленной. Высшему своему начальству я предоставил составленные мною “Соображения на счет построения православного храма в Буэнос-Айресе” и благодаря сердечному отношению К. П. Победоносцева получил на построение храма 18 000 руб.»*³ Значительную часть необходимых средств составили пожертвования. Активное участие в сборе денег приняла семья Александра III и члены царской фамилии.

Церковь, построенная архитектором А. Кристоферсеном, представляла собой двухэтажное здание: первый этаж занимала начальная школа, на втором этаже шли богослужения. При церкви располагались два дома: один для причта, второй дом с участком земли сдавался в аренду.

В сентябре 1901 г. состоялось торжественное освящение православной церкви. В докладе Митрополиту Антонию Изразцов сообщает: *«Если позволительно так выразится — это был дебют православия в Южной Америке, где ранее о нашей церкви население имело самые смутные понятия, доходя иногда до того, что объединяли ее с синагогой. Некоторые из них (православных. — Э. П.) с простосердечной наивностью говорили, что сейчас они открыто и с гордостью заявляют всем о своем православии, а ранее как бы скрывали или маскировали свое вероисповедание»*⁴.

Псаломщиком при церкви служил диакон Иван Миленко. В штате церкви числился также сирийский иеромонах о. Герман Шехадэ, большую часть времени проводивший в Бразилии. Стараниями К. Г. Изразцова

---

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 84. Д. 169. Л. 5–5об.

³ Изразцов К. Г. Православная церковь в Буэнос-Айресе. СПб., 1904. С. 20.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 183. Д. 4516. Л. 2 об. — 3 об.

при церкви организовали школу, которую преимущественно посещали дети православных арабов и греков — 26 человек. «Арабы говорят, — писал Изразцов, — что если бы школа была в их квартале, то в нее ходило бы не менее 40–60 человек»⁵. Занятия начинались в 10 часов утра и велись в основном на родном для детей языке, обязательным было изучение испанского. Священник Павел Хури, бывший преподаватель Палестинского общества в Сирии, учил школьников арабскому языку и Закону Божьему. Изразцов и Миленко преподавали арифметику и испанский язык. Значительную помощь школе оказывали жены священнослужителей Е. Изразцова и Л. Миленко. В 1902 г. Изразцов обратился к Святейшему Синоду с просьбой благословить этих женщин на их труд. «Обе они много помогают нам пением в хоре, печением просфор и занятиями в школе с учениками, исполняя это совершенно безвозмездно»⁶.

В «Обзрении церковно-религиозной жизни православной общины в Аргентине за 1904 год». Миленко отмечал как характерную черту местного быта «упадок церковного рвения» среди православных. «Меркантильный дух, — замечает он, — проникает в нравы наших православных переселенцев, подавляет духовные интересы больше чем антагонизм католических монахов и гнет турецкого фанатизма»⁷.

После революции 1905 г. среди мигрантов, прибывших из России, увеличивается число этнических русских. Въезжали в страну преимущественно малоземельные крестьяне. В 1906 г. из 577 исповедовавшихся: 114 русских (из Киевской и Гродненской областей), 333 сирийца, 74 буковинца и галичанина, 16 далматинцев и черногорцев, 6 македонцев, 31 грек, 3 серба.

Увеличение численности православной общины предполагало открытие новых приходов. Так, в Рио-де-Жанейро была основана церковная община Св. Николая, под председательством сирийца Д. Шуэри, православные греки обосновались в Монтевидео⁸. 1906 г. из Сирии был прислан иеромонах о. Василий, поселившийся в Кордове (Аргентина) и ездивший по всему северо-западу республики.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 183. Д. 4516. Л. 14 об.

⁶ Там же. Оп. 184. Д. 5254. Л. 5 об.

⁷ Там же. Д. 5245. Л. 2–4 об.

⁸ Там же. Л. 9; Мосейкина М. Н. Отец Феодосий — архиепископ Сан-Паульский и всей Бразилии // Латинская Америка. М., 2000. № 7. С. 69–74.

В этом же году временную церковь основали греки, службу в ней вел архимандрит о. Иаков. Православная община в Чили (около 2 тыс. чел.) в основном состояла из сирийцев. *«Таким образом, — докладывал в Св. Синод Изразцов, — в Аргентине имеется четыре православных священника! Кто бы мог ожидать этого несколько лет тому назад»*⁹.

Среди переселенцев было много униатов из Галиции и Буковины, поселившихся в провинции Мисьонес (Аргентина). Наиболее крупными поселениями стали колонии в Асара, Сан-Исидоро, Трес-Капонес. Основную массу колонистов составляли униаты и католики, 18 семей исповедовали православие. Не дожидаясь, что им пришлют униатского священника, верующие написали письмо Изразцову, в котором просили *«чтобы Вы нас «пригорнули» под покров православной церкви»*. Для крестьян из Галиции и Буковины служба православного священника была не только религиозным актом, но частью их привычного быта на родине, возможностью прикоснуться к оставленной ими жизни, поэтому совершение Изразцовым православной службы «як в старом краю» встречалось ими особенно трепетно. *«Без священника, — писал он в середине 1908 г., — невозможно оставить наших прихожан в Мисьонес: церковь и душепастьеръ являются для них центром и объединяющим началом всей жизни; в каждый момент они идут к священнику, просят его совета, благословения, утешения, нравственной поддержки и защиты от окружающих поляков и латинствующих униатов»*¹⁰.

События русско-японской войны продемонстрировали сочувствие и поддержку со стороны православной общины, люди небогатые, переселенцы собрали пожертвования, которые и передали церкви: *«Хоть суммы, отправленные ими (сирийцами и славянами) никоим образом не могут быть названы большими, но нет никаких сомнений, что это были пожертвования, согретые самыми теплыми чувствами»*, — докладывал И. Миленко¹¹.

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 189. Д. 8052. Л. 4.

¹⁰ Там же. Оп. 191. Д. 149. Л. 35.

¹¹ Там же. Оп. 185. Д. 5742. Л. 20 об; Путятова Э. Г. Участие русской церкви в Буэнос-Айресе в жизни сирийской православной общины (начало XX века) // Материалы междунар. научной конф. Т. 1. СПб., 2022. С. 341–346.

В 1908 г. при церкви был построен доходный дом. Некоторую часть денег на его строительство, под беспроцентный кредит, дал австрийский генеральный консул в Буэнос-Айресе Н. Миханович, в благодарность за награждение его русским орденом¹².

Экономический кризис 1913 г. в Аргентине тяжело ударил по переселенцам. Работавшие на стройках русские крестьяне, страдали как от незнания языка, так и от отсутствия консульской поддержки. Для оказания им первой помощи, решено было построить при церкви ночлежный дом и небольшую бесплатную больницу.

Бремя первоначальной адаптации приводило к частому распаду семей. Об этом свидетельствует заметка, помещенная в газете «Русский голос» под красноречивым названием «Безвыходное положение». В доме при церкви приютились три женщины с детьми, оставшиеся без средств к существованию — они были брошены мужьями сразу же по прибытии в Аргентину. Такого же рода статья с призывом к читателям «Помогите» вышла в газете 8 марта 1914 г.

Автор описывал следующий случай: женщина переехала с мужем из Бразилии в Аргентину и на станции, при пересадке на другой поезд, муж скрылся, оставив жену с двумя детьми. В заметке перечислялись имена женщин, брошенных мужьями и нуждающихся в экстренной помощи. Автор статьи (И. Миленко) выступил с инициативой создать благотворительное общество с постоянными членскими взносами для нуждающихся и больных. *«Я обращаюсь просто ко всем добрым людям с просьбой — помогите несчастным»*¹³.

В январе 1914 г. Изразцов обращается в Св. Синод с просьбой разрешить ему сбор пожертвований на строительство ночлежного дома для безработных и бесприютных русских. Ходатайство это было рассмотрено и в апреле 1914 г. разрешение, подписанное Николаем II, было получено. Изразцову разрешалось рассылать подписные листы с призывом о пожертвованиях, публиковать их в «Церковных ведомостях» и «Правительственном вестнике»¹⁴. *«Принимая во внимание, — отмечалось в решении Святейшего Синода, — что*

¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 191. Д. 148. Л. 62 об.

¹³ Русский голос. Буэнос-Айрес, 1914. Март.

¹⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 83. Д. 1. Л. 13.

протоиерей Изразцов зарекомендовал себя умением создавать при русской церкви в Буэнос-Айресе вспомогательные, весьма полезные для церкви в хозяйственном отношении учреждения и благотворительные организации для приезжающих и проживающих в Аргентине русских»¹⁵.

Первая мировая война еще больше осложнила положение мигрантов. Консульство в Буэнос-Айресе получило телеграмму, предписывающую всем военнообязанным вернуться в Россию. Тем не менее, денег на возвращение правительство не выделило. В ответной телеграмме Е. Ф. Штейн, поверенный в делах в Аргентине и Бразилии, сообщал, что выполнение приказа вызовет наплыв в Буэнос-Айрес большого числа мигрантов, которые станут требовать отправки их на родину за государственный счет¹⁶.

К. Г. Изразцов в июне 1916 г. обратился к митрополиту Питириму: *«Нужно прийти на помощь страдающим здесь русским, которые желают и просят об отправке на родину, чтобы в этот исторический момент тяжелого испытания быть полезными для родины»¹⁷*. Он предлагал отправить желающих на специальном пароходе в Архангельск. Стоимость проезда могла составить по 85 руб. на каждого. *«Мне больше всего приходится иметь дело с русскими безработными и бедными, — писал Изразцов, — поэтому я знаю их настроения и сильное желание возвратиться на родину; теперь они чувствуют себя пришибленными, угнетенными, должны проводить ночи напролет в пустых вагонах, около сараев и полузаброшенных домов. Скрываются от всяких стражников и полицейских, которые их прогоняют и не позволяют по ночам нигде ни присесть ни прилечь»¹⁸*.

Русская православная церковь Буэнос-Айресе осуществляла значительную культурно-духовную и благотворительную миссию, связанную с адаптацией православных из различных стран мира к новым условиям жизни. Выполняя важные функции помощи православному населению, церковь приобщала народы Южной Америки к русской религиозной культуре.

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 199. VI отд. 1 ст. Д. 12. Л. 2 об.; Русский голос. Буэнос-Айрес, 1914. Март.

¹⁶ Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. К. 1915. Д. 20. Л. 4; Путятова Э. Г. Русская церковь в Буэнос-Айресе // Латинская Америка. М., 2007. № 11. С. 85.

¹⁷ АВПРИ. Ф. К. 1915. Д. 20. Л. 4.

¹⁸ РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1411. Л. 205.

А. В. РОЖИНА

**Взаимное страхование недвижимого имущества
духовного ведомства в России в 1910–1917 гг.
(по документам Вологодской епархии)**

Аннотация: Автором исследуется малоизученный аспект истории Русской православной церкви — организация страхования недвижимого церковного имущества в Российской империи в период думской монархии. Статья подготовлена на основе опубликованных источников и архивных материалов, хранящихся в фонде Хозяйственного управления при Синоде Российского государственного исторического архива. Особое внимание уделяется страховым документам Вологодской епархии.

Ключевые слова: Святейший Синод, Страховой отдел, взаимное страхование, строения духовного ведомства, Вологодская епархия, Российский государственный исторический архив.

Историография вопроса

В контексте обращения к прошлому Русской православной церкви в дореволюционный период было проведено множество исследований, при этом история страхования строений духовного ведомства не стала предметом изучения историков до настоящего времени¹. В рамках экономических исследований среди прочих форм взаимного страхования в дореволюционной России, упоминается страхование строений духовного ведомства (епархиальное взаимное страхование), но его рассмотрению не уделено отдельного внимания².

Материалы и методы исследования

При помощи методов формализации и систематизации исторических данных в исследовании анализируется реализация нормативно-правового акта по взаимному страхованию строений духовного ведомства на основе сметной документации Синода и страховых

¹ Камкин А. В. Православная церковь на Севере России. Очерки истории до 1917 года: Любителю старины. Краеведу. Учителю. Студенту. Вологда, 1992; Котов П. П., Рожина А. В. Монастыри в системе церковных властей в конце XVIII — начале XX века: по материалам Вологодской губернии. Сыктывкар, 2022; Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003 и др.

² Логвинова И. Л. Взаимное страхование в России: особенности эволюции. М., 2009. С. 46–49; Турбина К. Е., Дадьков В. Н. Взаимное страхование. М., 2007. С. 31; Хорин А. Н., Бровкин А. В. Исторический опыт взаимного страхования в России как база развития современного отраслевого некоммерческого страхового дела // Теоретическая и прикладная экономика. 2018. № 2. С. 12–21 и др.

документов церковного имущества по Вологодской епархии за период 1910–1917 гг., когда фактически осуществлялось епархиальное взаимное страхование.

Результаты и их обсуждение

Под термином «*взаимное страхование*» в отношении недвижимого имущества духовного ведомства подразумевается страхование строений, находившихся в ведении епархиального начальства с целью компенсации ущерба от пожаров «*на началах взаимности*». Это подразумевало страхование строений епархиальных учреждений не в частных страховых обществах, а создание единого фонда средств за счет ежегодных страховых премий, из которого выплачивались компенсации на ремонт и постройки в случаях пожаров³.

В «Объяснительной записке к смете доходов и расходов специальных средств ведомства Святейшего Синода» объясняется, что инициатива о взаимном страховании церковного имущества поступила в 90-х гг. XIX в. из епархий и была рассмотрена в Святейшем Синоде. «В виде опыта» было разрешено ввести местное епархиальное страхование в Киевской епархии. В Синоде рассматривался вопрос о возможности централизованной организации страхования церковных построек, осуществлялся сбор статистических сведений о количестве пожаров, произошедших в монастырях и церквях⁴. В результате, в 1904 г. был разработан страховой тариф и было утверждено «Положение о взаимном страховании от огня строений духовного ведомства». Для регулирования этого процесса (так называемого «*принятия строений на страх*») в Святейшем Синоде был создан Страховой отдел Хозяйственного управления, который подчинялся решениям Общего страхового присутствия⁵.

В 1910 г. в епархиях была проведена страховая оценка строений духовного ведомства (церквей, монастырей, православных братств и пр.). «Страховыми агентами» были благочинные, которые заполняли на бланках «*Страховую оценку*» и «*Страховую карточку*»

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 799. Оп. 29. Д. 752. Л. 308.

⁴ Там же. Л. 308 об.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (ПСЗ. Собр. 3). Т. XXIV. Ч. 1. СПб., 1907. № 24712. С. 614–809.

по каждому объекту. Оценка строений осуществлялась коллегиально с участием благочинного, двух священников ближайших приходов, церковнослужителей и представителей причта (как и было предписано нормативно-правовыми актами). В «Страховой оценке» заполнялось подробное описание зданий, их размер и особенности, материал, из которого они построены, вид покрытия, количество этажей, дата постройки и «оценочная сумма»⁶.

«Страховая карточка» оформлялась на бланке в табличной форме и, как правило, занимала одну страницу. По каждому строению указывали материал наружных стен, прочность покрытия, оценочную и страховую сумму, премию с тысячи рублей и годичный страховой взнос. Страховые карточки строений духовного ведомства предоставлялись в Духовную консисторию, а оттуда в Страховой отдел, где утверждались управляющим⁷.

Анализируя документы Хозяйственного управления при Синоде по Вологодской епархии, можно отметить, что страховую оценку недвижимого имущества проводили не только благочинные, но и заменяющие их священники, что допускалось в «Положении о взаимном страховании от огня строений духовного ведомства»⁸. В 1910 г. в Усть-Сысольском уезде страховую оценку осуществлял благочинный Дмитрий Попов, а в Яренском уезде — «замещающий по строительному делу благочинного» священник Онежской Богородской церкви Николай Кириллов, в 1913 г. его уже заменил назначенный благочинным протоиерей Александр⁹.

После оценки строений страховые премии ежегодно направлялись в епархиальные Духовные консистории, затем в фонд Страхового отдела Хозяйственного управления при Синоде. Согласно нормативно-правовым актам, страхование начиналось с 1 января 1911 г., а при последующем страховании — с двенадцати часов дня, следующего за днем совершения удостоверяющего произведенную оценку документов¹⁰.

⁶ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 102. Л. 20–21 и др.

⁷ Там же. Л. 22 и др.

⁸ ПСЗ. Собр. 3 ... № 24712. С. 614–620.

⁹ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 145. Л. 12–14; Д. 152. Л. 13, 14, 14 об., 15.

¹⁰ ПСЗ. Собр. 3 ... № 24712. С. 617.

Страховые премии должны были поступать не позже декабря, в случаях несвоевременных выплат взимались «недоимки» в размере 6% годовых¹¹. В Вологодской епархии были такие прецеденты, зафиксированные по четырём монастырям в Великоустюгском уезде. В Иоанно-Предтеченском женском монастыре была взыскана «недоимка» в размере 43 руб. 94 коп., в Михайло-Архангельском мужском монастыре — 49 руб. 45 коп., в Николаево-Прилуцком мужском монастыре — 10 руб. 93 коп., и на эти суммы были увеличены страховые взносы¹².

В случаях, когда церковные строения не подлежали восстановлению после пожара или приходили в негодность «по ветхости», они исключались из страховой оценки, размер ежегодных страховых выплат пересчитывался. При постройке новых церковных зданий, не позднее одного месяца об этом необходимо было уведомить благочинного, который оформлял страховую оценку на них¹³. В таких случаях к страховой оценке часто прилагались планы новых построек. В Российском государственном историческом архиве, к примеру, в страховых документах 2-го округа Сольвычегодского уезда Вологодской епархии сохранились планы 1913 г. церковно-причтовых домов Верхолальской Михайло-Архангельской церкви¹⁴ и Поршенской Спасской церкви¹⁵.

Размер поступлений и страховых выплат по фонду Страхового отдела отображался в смете «специальных средств» ведомства Святейшего Синода. С 1912 г. выплачивались компенсации в случаях пожаров, их размер в целом по Российской империи по годам составлял: в 1912 г. — 823 404 руб. 8 коп., в 1913 г. — 979 222 руб. 98 коп., в 1914 г. — 802 811 руб. 5 коп., в 1916 г. — 775 808 руб. 98 коп. Расчеты с данными по страховым расходам за 1917 г. не сохранились в архивных фондах, однако есть сведения, что страховая оценка строений духовного ведомства осуществлялась в епархиях вплоть до 1918 г.¹⁶

¹¹ ПСЗ. Собр. 3 ... № 24712. С. 618.

¹² РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 140 л. 142, 175, 183.

¹³ ПСЗ. Собр. 3 ... № 24712. С. 617.

¹⁴ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 129. Л. 18.

¹⁵ Там же. Л. 41.

¹⁶ РГИА. Ф. 799. Оп. 29. Д. 752. Л. 73; Д. 251. Л. 54–63.

По сметам специальных средств ведомства Святейшего Синода только 20% страховых сумм расходовалось непосредственно на возмещение «убытков от пожаров» строений духовного ведомства, остальные средства – на содержание бюрократического аппарата, делопроизводство, командировки и другие расходы по страховому делу. Около 60% денежных средств переводились в облигации¹⁷.

В случаях пожаров в церквях и монастырях на место происшествия выезжал благочинный и составлял пожарный акт, делал оценку страховых выплат и выяснял причину возгорания. Проверка правильности оценок строений, составления расчетов страховых премий и пожарных убытков осуществлялась в Духовной консистории с участием епархиального архитектора. Из Духовной консистории запрос на получение средств в случае пожара направлялся в Страховой отдел Хозяйственного управления при Синоде. Затем в Общем страховом присутствии рассматривались документы по страховому случаю, по итогам решения на оборотной стороне страховой карточки фиксировался номер постройки, поврежденной пожаром и размер страховых выплат, которые из фонда Страхового отдела отправлялись в Духовную консисторию, затем через благочинного передавались по назначению в учреждение, которое понесло убытки «от огня»¹⁸.

По страховым документам Вологодской епархии возгорания происходили в результате неосторожного обращения с огнем. Также были зафиксированы факты пожаров от ударов молнии, но в ряде случаев причины пожаров не были установлены. Только в Вологодской епархии в 1911–1918 гг. произошло 9 пожаров в монастырских строениях и более 30 возгораний в постройках, принадлежащих церквям. Не установлены причины возгораний в церквях в 1917 г., что дает основания предполагать их связь с революционными событиями. Большой урон «от огня» был нанесен 4 июня 1917 г. в Тотемском уезде в Спасо-Суморином мужском монастыре, основанном в XVI в. Сгорели три каменные церкви и каменная колокольня XIX в., пострадало три дома, где жили монахи, послушники и богомольцы.

¹⁷ РГИА. Ф. 799. Оп. 29. Д. 251. Л. 1–106.

¹⁸ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 105. Л. 36 об.

При этом все хозяйственные постройки уцелели¹⁹. Последний факт пожара, зафиксированный в страховых документах Вологодской епархии, датируется 15 апреля 1918 г. Он произошел во 2 округе Вологодского уезда во Владимирской Заоникиевской мужской пустыни. От возгорания пострадала хозяйственная постройка²⁰. В фондах Святейшего Синода сохранились документы, подтверждающие факт этих пожаров, но нет сведений о произведенных страховых выплатах по этим случаям, равно и по другим возгораниям, которые произошли в церковных строениях в 1917–1918 гг.

Последние записи по остаточным страховым суммам Хозяйственного управления при Святейшем Синоде относятся к 1918 г. К январю 1918 г. оставалось страховых средств наличными 115 728 руб. 37 коп., в Государственном банке — 11 252 руб. 90 коп. (более поздние записи отсутствуют), к февралю 1918 г. в Петроградской конторе Московского купеческого банка — 208 195 руб. 96 коп.²¹. Фактически в 1918 г. процесс взаимного страхования монастырского недвижимого имущества завершился. После отделения церкви от государства началась национализация церковного имущества.

Выводы

Таким образом, взаимное страхование строений духовного ведомства в связи с фактами многочисленных пожаров занимало важное место в России в период с 1910 г. до 1917 г. С целью компенсации ущерба «от огня» за счет ежегодных страховых премий от епархиальных учреждений в Страховом отделе Синода был сформирован единый фонд страховых сумм. В епархиях контроль за страхованием построек духовного ведомства был возложен на Духовные консистории и епархиального архиерея, а «страховыми агентами» фактически выступали благочинные или заменявшие их священники.

Изученный опыт на примере Вологодской епархии демонстрирует организацию страхования «на условиях взаимности», что отражает менталитет российской общинности и соборности, помощи в случае пожаров «всем миром». Безусловно, это еще не полная

¹⁹ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 133. Л. 39–43 об.

²⁰ Там же. Д. 122. Л. 3–5.

²¹ РГИА. Ф. 799. Оп. 29. Д. 234. Л. 9 об., 10, 37, 37 об., 135, 135 об.

и не завершенная картина взаимного страхования строений духовного ведомства в России в период думской монархии. Применительно к временному промежутку 1910–1917 гг. установлены основные составляющие процесса, дальнейшая проработка которых возможна при условии привлечения более широкого круга исторических источников.

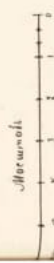
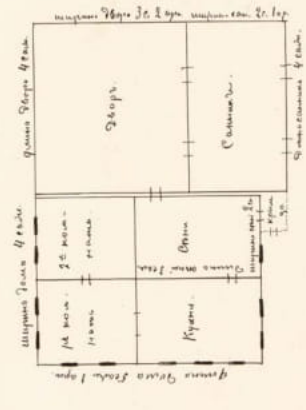

№ 601 5362 / 1224 132

41

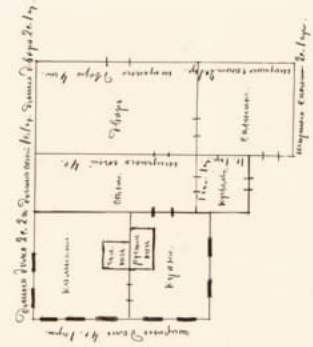
План вновь построенной церковно-приходской школы в уездном городе Вологодском уезде, уездной Михайло-Архангельской церкви Вологодского уезда, которая в старом помещении и строениях, числом в 14 лет, в 1913 году возведена, № 601.

План церковно-приходской школы в уездном городе Поршенском Спасо-Михайло-Архангельской церкви Вологодского уезда, которая в старом помещении и строениях, числом в 14 лет, в 1913 году возведена, № 601.

Владелец: 2 уездного Вологодского уезда, уездной Михайло-Архангельской церкви Вологодского уезда.

План церковно-приходского дома Верхотальской Михайло-Архангельской церкви Сольвычегодского уезда Вологодской губернии (РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 129. Л. 18)

Владелец: 2 уездного Вологодского уезда, уездной Поршенской Спасо-Михайло-Архангельской церкви Вологодского уезда.

План церковно-приходского дома Поршенской Спасо-Михайло-Архангельской церкви Сольвычегодского уезда Вологодской губернии (РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 129. Л. 41)

М. В. ШКАРОВСКИЙ

Русская посольская церковь Пресвятой Троицы в Афинах во второй половине XIX — начале XX вв.

Аннотация: Статья посвящена истории русской посольской церкви Пресвятой Троицы в Афинах. Она была перестроена в 1847–1855 гг. из развалин древнего византийского храма. Церковь занимала важное место в духовной, культурной и политической жизни русской колонии в Афинах. Ее настоятелями были видные деятели Российской Православной Церкви: будущий Патриарх Сергей (Страгородский), епископ Михаил (Грибановский), архимандрит Антонин (Капустин) и др. Статья написана на основе документов Российского государственного исторического архива.

Ключевые слова: Российская Православная Церковь, Греция, Афины, церковь Пресвятой Троицы, приходская деятельность.

В Греции в XIX–XX веках существовало несколько русских храмов. Еще в 1847–1855 гг. в Афинах, вблизи королевской резиденции, для использования сотрудниками российского посольства трудами ее первого настоятеля архимандрита Антонина (Капустина) была восстановлена древняя (XI века) полуразрушенная церковь Пресвятой Троицы («Панагия Ликодиму»). 23 августа 1860 г., после отъезда отца Антонина, настоятелем Свято-Троицкой церкви в Афинах был назначен другой яркий и талантливый церковный деятель архимандрит Петр (Троицкий, 1811–1873). С 15 июля 1858 г. около двух лет он был настоятелем русской посольской церкви в Константинополе. Архимандрит Петр придерживался грекофильских взглядов и был удален со своего поста из-за разногласий с политической линией российского посольства, поддерживавшего славян в греко-болгарской распре¹.

В Афинах грекофильство о. Петра проявлялось, прежде всего, в разнообразной помощи и поддержке храмам, монастырям и духовенству Элладской Церкви. По установившейся с начала существования Троицкого храма традиции, на летнее время храм закрывался, и его настоятели получали отпуск. Последние летние службы были на храмовый праздник День Пятидесятницы или Святой Троицы.

---

¹ П[етров] Н. Взгляд очевидца на греко-болгарскую распрю // Исторический вестник. 1886. Август. Т. 7. С. 274–286.

Служа в Афинах, архимандрит Петр неоднократно выполнял различные поручения Святейшего Синода. Так, в начале марта 1862 г. он, «согласно рвению великой княгини Елены Павловны», купил пять богослужебных книг на греческом языке и выслал их в Ниццу для перешедшего там в Православие в русской церкви англиканского священника Вооза Ричардсона (в крещении Афанасия). 17 марта князь Сергей Урусов выслал о. Петру благодарственное письмо². В Афинах архимандрит Петр трудился почти 10 лет, а весной 1869 г. был переведен обратно в Россию и 29 мая того же года хиротонисан во епископа Аккерманского, викария Кишиневской епархии. За труды в Греции он был награжден орденом св. князя Владимира 3 ст. и греческим орденом Спасителя.

В 1867 г. король Георг I (правивший в Греции до 1913 г.) женился на внучке российского императора Николая I, великой княжне Ольге Константиновне, которая внесла большой вклад в развитие русско-греческих связей, в том числе между Российской и Элладской Церквами.

Во второй половине XIX – начале XX веков из России греческим православным монастырям и храмам на островах и на Балканах постоянно жертвовались многочисленные церковные вещи, необходимые для богослужения: комплекты евхаристических предметов, священнические и диаконские облачения, напрестольные кресты, иконы, хоругви, кадила, дарохранильницы, церковные светильники, колокола и т.д., а также богослужебные книги на греческом языке. Особенно много пожертвований было сделано Святейшим Синодом Российской Православной Церкви. Доставка предметов церковной утвари и облачений осуществлялась на судах российских транспортных компаний³. В Российском государственном историческом архиве сохранились сотни дел об этой помощи на колоссальные суммы. Только церкви св. Спиридона на острове Корфу (Керкира) практически весь XIX век регулярно, каждые несколько лет давались значительные

---

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 31. II отд. 2 ст. Д. 327 л. 39–41.

³ Игошев В. В. Произведения русского церковного искусства рубежа XIX–XX вв. в Греции // Искусствознание. Вып. 2. М., 2013. С. 61–67.

пожертвования⁴. Многим греческим храмам и монастырям выдавались жалованные грамоты на сбор пожертвований в России, например, в 1844–1848 гг. Димитровскому монастырю на Корфу и т. д.⁵

В распределении поступавшей из России помощи участвовали и настоятели посольской церкви в Афинах. После отъезда в Россию архимандрита Петра (Троицкого), настоятелем Свято-Троицкого храма в 1869 г. был назначен иеромонах Николай (Новиков), возведенный в сан архимандрита в 1872 г. При о. Николае в 1871 г. по решению императора Александра II в Грецию из России были перевезены останки Константинопольского Патриарха Григория V, жестоко замученного турками в отместку за начавшееся в Греции восстание в 1821 г. Его тело было обнаружено русскими моряками, которые доставили его в Одессу, где он был облачен в присланное из Санкт-Петербурга Александром I епископское одеяние и похоронен с огромной торжественностью в кафедральном Свято-Троицком соборе города (позднее, в 1921 г., состоялась его канонизация)⁶.

29 ноября 1875 г. архимандрит Николай (Новиков) отправил митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому Исидору (Никольскому) обширное письмо о взяточничестве греческих министров при замещении архиерейских кафедр с приложением извлечения из доклада по этому вопросу парламентской комиссии Греции⁷. В 1876 г.о. Николай был награжден за свои труды в Элладе орденом св. Анны 2-й степени. В конце 1878 г. он был переведен настоятелем русского посольского храма свт. Николая Чудотворца в Риме.

С 9 января 1879 по май 1886 гг. пост настоятеля Свято-Троицкой церкви занимал архимандрит Анатолий (Станкевич, 1821–1903). Его деятельность в Афинах в некоторых направлениях была достаточно успешной. Отец Анатолий устроил при посольской церкви училище для русских детей и создал при российской Миссии «ученый ареопаг» из русских и греков. Он пользовался любовью и уважением

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 118. Д. 743; Ф. 797. Оп. 38. II отд. 3 ст. Д. 189. Л. 1–12 и др.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Д. 628. Л. 1–4.

⁶ Речь, сказанная митрополитом Афинским при встрече останков Константинопольского Патриарха святейшего Григория V // Христианское чтение. 1871. № 5. С. 938.

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 489. Л. 1–11.

православных за благолепное служение в церкви, трогательное чтение Евангелия, поучительные и разумные проповеди, которые архимандрит всегда говорил наизусть⁸.

Архимандриту Анатолию пришлось заниматься и вопросами ремонта церкви. В 1885 г. в Свято-Троицкой церкви начались протечки, и немецкий архитектор В. Шиллер понизил на полметра древний купол. 28 марта 1885 г. в письме настоятелю русского афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря игумену Макарию (Сушкину), о. Анатолий сообщал, что греческая королева Ольга присутствовала в храме на богослужении в Великую Пятницу, а русский великий князь Павел Александрович помогал выносить плащаницу. Богослужения в храме также посещали моряки с русских кораблей, которые в это время под командованием адмирала Казнакова стояли в Пирее⁹. После возвращения из Греции архимандрит Анатолий 25 мая 1886 г. был хиротонисан во епископа Балтского, викария Подольской епархии.

С лета 1886 по середину 1890 гг. настоятелем Свято-Троицкого храма служил архимандрит Геннадий (Щепетильников). Значительной фигурой среди настоятелей был известный богослов архимандрит Михаил (Грибановский, 1856–1898), исходатайствовавший свое назначение с 27 августа 1890 г. в Афины в связи с тяжелым воспалением легких, потребовавшим перемены климата. Он являлся старшим братом будущего Первоиерарха Русской Православной Церкви за границей митрополита Анастасия (Грибановского) и послужил прообразом героя рассказа А.П. Чехова «Архиерей». Отец Михаил был одним из первых — после долгого перерыва — профессоров Санкт-Петербургской Духовной Академии, имевших монашеский постриг¹⁰.

---

⁸ Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные архиереи в период с 1893 по 1865 годы. Куйбышев, 1966. Ч. 1. С. 233–235; Церковный вестник. 1903. № 6. С. 98.

⁹ Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПИМА). Оп. 42. Д. 231. Док. 3425. Л. 1–2.

¹⁰ См.: Симон, архиеп. Епископ Михаил Грибановский (1856–1898) // Альфа и Омега. 1998. № 1 (15).

В конце октября 1890 г. он прибыл в столицу Греции. Произошедшее вскоре после приезда знакомство архимандрита с лицами Греческого двора и российского посольства имело для него важное значение. 12 декабря 1890 г., всего через полтора месяца после прибытия в Афины, отец Михаил тяжело заболел брюшным тифом с воспалением легких и плевритом, два раза он был на краю смерти. Спасла его помощь новых знакомых, в том числе королевы эллинов Ольги Константиновны и российского посланника М. К. Ону. К больному были приглашены лучшие врачи Греческого двора, которые приняли все возможные меры. В результате архимандрит поправился¹¹.

В Афинах о. Михаил составил сборник статей, заключающих в себе размышления над Евангелием, вышедший уже после его возвращения в Россию. Этот сборник стал ярким событием в богословской литературе того времени¹². В Афинах отец Михаил был своеобразным центром, вокруг которого собирались русские жители города, интересовавшиеся богословием и светской наукой. В последний год пребывания в Афинах архимандрит устраивал в своей квартире раз в неделю религиозно-нравственные собеседования. Зал, где они проходили, был всегда переполнен, особенно активно посещали эти собрания русские моряки и дипломатический корпус. На все вопросы отец Михаил давал пространные объяснения, иногда носившие характер лекции и продолжавшиеся несколько часов¹³.

Следует упомянуть, что во время настоятельства о. Михаила — 4 ноября 1890 г. церковь Пресвятой Троицы в ходе своей заграничной поездки посетили наследник престола Николай Александрович (будущий император Николай II). 6 августа 1894 г. о. Михаил был хиротонисан в Санкт-Петербурге во епископа Прилукского, викария Полтавской епархии¹⁴.

После него настоятелем Свято-Троицкой церкви служил архимандрит Сергей (Страгородский, 1867–1944), позднее избранный Патриархом Московским и всея Руси. 21 сентября 1894 г. он был

¹¹ Михаил (Грибановский), еп. Сочинения, письма, жизнеописание. М., 2011. С. 758.

¹² Михаил (Грибановский), еп. Над Евангелием. СПб., 1896, 1898, 1911; Полтава, 1911; М., 2004.

¹³ Там же. С. 759–760.

¹⁴ Церковные ведомости. 1894. № 29. С. 271.

назначен настоятелем русской церкви в Афинах с возведением в сан архимандрита. В столице Греции будущий Патриарх провел три года, именно тут 14 июня 1895 г. его удостоили степени магистра богословия за диссертацию «Православное учение о спасении»¹⁵. 3 сентября 1897 г. по решению Святейшего Синода о. Сергей был назначен в Японию в качестве помощника начальника Духовной Миссии св. равноап. архиепископа Николая.

С осени 1897 по 1900 гг. настоятелем Свято-Троицкого храма был архимандрит Арсений (Тимофеев). Определением от 17 сентября 1897 г. Святейший Синод назначил его настоятелем¹⁶. В 1900 г. о. Арсений был определен членом Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета.

В начале XX века настоятелем русской церкви в Афинах служил архимандрит Иоанникий (Ефремов, 1863–1914). 17 ноября 1900 г. он был назначен настоятелем Свято-Троицкой церкви с ежегодным жалованием 2500 рублей¹⁷. В состав причта посольского храма в это время (с 1899 г.) также входил с жалованием 1500 рублей диакон Иоанн Щелкунов, а также псаломщик и регент церковного хора Петр Иванов. Все члены причта проживали в церковном доме. При храме имелся русский хор из пяти певчих, прежде штатный, а с 1882 г. служивший по вольному найму. На содержание церкви ежегодно ассигновалось 2000 рублей¹⁸. Прослужив в Афинах более четырех лет, архимандрит Иоанникий к весне 1905 г. был отозван в Россию, где 3 июля того же года хиротонисан в Курске во епископа Белгородского.

10 марта 1905 г. на освободившуюся вакансию настоятеля посольской церкви в Афинах был назначен архимандрит Анатолий (Юггер)¹⁹.

Однако у него возник сильный конфликт с российским посланником в Греции Ю. Н. Щербачевым, который уже 21 февраля 1906 г.

---

¹⁵ Фомин С. В. Страж Дома Господня. Патриарх Московский и Всея Руси Сергей Страгородский. М., 2003. С. 12–13; Иоанн (Разумов), митр. Святейший Патриарх Сергей. Жизнь и деятельность. М., 2013.

¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 3612. Л. 1–3.

¹⁷ Мальцев А. П. Православные церкви и русские учреждения за границей. СПб., 1906. С. 16.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5829. Л. 1–2.

написал в Министерство иностранных дел о необходимости отозвать архимандрита в Россию²⁰. 23 марта и отец Анатолий написал Санкт-Петербургскому митрополиту о своем прямом конфликте с Щербачевым, запретившим проводить в Свято-Троицком храме, несмотря на желание настоятеля, сбор средств в пользу Императорского Палестинского общества²¹.

15 апреля 1906 г. Святейший Синод определил уволить отца Анатолия, а новым настоятелем Свято-Троицкой церкви назначить инспектора Курской Духовной семинарии игумена Леонтия (фон Вимпфен) с возведением его в сан архимандрита²². Правда, это определение вызвало существенное недовольство прихожан. 15 мая они подали коллективное обращение в Синод, в котором писали, что русская колония в Афинах поражена увольнением настоятеля и просили разъяснить его причины²³.

В конце XIX — начале XX вв. число русских прихожан Свято-Троицкой церкви составляло лишь несколько десятков, в частности в 1905–1906 гг. около 50 человек²⁴. Русская колония состояла из окружения королевы эллинов Ольги, дипломатов с семьями, священников русских церквей, жен и детей офицеров российского флота, медицинского персонала русских больниц, сотрудников Афинского отделения Русского археологического института в Константинополе, журналистов и предпринимателей. Позднее к ним прибавились и русские дворы великих князей Павла Александровича и Георгия Михайловича, женившихся на греческих принцессах Александре и Марии, а также двор великой княгини Елены Владимировны, жены греческого принца Николая Георгиевича. Члены русской колонии венчались в Свято-Троицкой церкви, крестили детей, отпевали усопших. Греческие газеты в подробностях описывали торжественность и грандиозность проводимых треб. В 1894 г. в церкви состоялась панихида по генерал-лейтенанту князю М. А. Катакузину, в 1896 г. здесь отпевали русского контр-адмирала Л. К. Калогераса,

²⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5829. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 11–13.

²² Там же. Л. 8, 10–10 об.

²³ Там же. Л. 14–16.

²⁴ Мальцев А. П. Православные церкви и русские учреждения за границей... С. 16.

в 1901 г. — провожали в последний путь российского императорского посланника М. К. Ону и др.²⁵ Часто вместе с королевой Ольгой храм посещали ее супруг король Эллады Георг I и дети — греческие и датские принцы и принцессы Константин, Георгий, Николай, Мария, Андрей, Христофор. Регулярно королевской семье Греции наносили визиты родственники из России. Так 2 мая 1909 г. на всенощной в Свято-Троицком храме присутствовала прибывшая в Афины вдовствующая императрица Мария Федоровна.

С весны 1906 г. по лето 1914 г. настоятелем русской церкви в Афинах служил архимандрит Леонтий (фон Вимпфен, 1873–1919). Помимо службы в посольской церкви, архимандрит Леонтий по несколько раз в год служил панихиды по всем похороненным на русском кладбище в Пирее. В апреле 1907 г. он отслужил литургию на миноносцах № 212 и 213, отходивших в Россию. Совершал о. Леонтий и литургии и таинства бракосочетания в церкви при русской больнице в Пирее (1907 г.).

Отец Леонтий был любим королевой Ольгой, которая принимала активное участие в его судьбе. «Так давно здесь не было такого достойного, почтенного, симпатичного священника», — писала она в письме генералу А. А. Кирееву в Россию²⁶. Вскоре после приезда из Афин, 28 сентября 1914 г., о. Леонтий был хиротонисан во епископа Чебоксарского.

С осени 1914 г. настоятелем Свято-Троицкой церкви служил архимандрит Сергей (Дабич, 1877–1927). Служа в Афинах, он активно помогал не только своим прихожанам, но и русским инокам на Афоне. Так настоятель Свято-Пантелеимоновского монастыря игумен Мисаил (Сапегин) 8 июня 1915 г. отправил архимандриту письмо с выражением благодарности за оказанную в годы войны обители помощь и приглашением посетить ее²⁷.

²⁵ Жалнина-Василькиоти И. Л. Родной земли комок сухой. Русский некрополь в Греции. М., 2012. С. 16–17.

²⁶ Соколовская О. В., Чуркина И. В. Переписка греческой королевы Ольги Константиновны Романовой с генералом А. А. Киреевым. 1877–1909 // Славяноведение. 1996. № 4. С. 72.

²⁷ АРПМА. Оп. 44. Д. 14. Док. 3818. Л. 19–20.

Отцу Сергию пришлось пережить на своем посту Первую Мировую войну, разрыв дипломатических связей с Россией по инициативе Греции после революции 1917 г. и гражданскую войну на родине. Пост настоятеля Свято-Троицкой церкви он занимал до 1920 г. После начала Первой Мировой войны через Афины в Россию уехали некоторые члены Русской Духовной Миссии в Святой Земле, которых турецкие власти изгнали из Иерусалима. Значительная помощь им была оказана архимандритом Сергием²⁸.

19 декабря 1914 г. в Афины прибыли сразу 37 человек братии Русской Духовной Миссии в Святой Земле: 8 иеромонахов, 3 иеродиакон, 4 монаха, 15 послушников, регент Андрей Переверзев и 6 певчих. Из них иеромонах Фотий и иеродиакон Серафим оставались при Свято-Троицкой церкви для совершения треб и охраны ризницы, живя в квартире архимандрита Сергия до 21 февраля 1915 г., и, уехав затем в Александрию. Остальные были временно размещены в гостинице в Пирее, их необходимо было вернуть на родину. Кроме того, российский генеральный консул в Салониках поручил о. Сергию доставить в Россию еще 10 человек: 9 послушников и иеромонаха²⁹.

29 декабря 1914 г. в сопровождении архимандрита Сергия и его послушника в Россию из Афин выехал 41 член Иерусалимской Миссии³⁰. Отец Сергий благополучно провез порученных ему иноков и мирян по маршруту Греция – Сербия – Болгария – Румыния в Одессу, где оставил братию на попечение насельников местных афонских подворий, а сам выехал в Петроград, где пробыл несколько недель³¹. На обратном пути архимандрит 7–10 февраля находился в Софии, где по поручению Святейшего Синода, провел переговоры с архиереями Болгарского экзархата. 12 февраля он вернулся в Афины, где с этого дня около недели принимал 11 членов Русской Духовной Миссии в Америке³².

²⁸ РГИА. Ф. 801. Оп. 1. Д. 641. Л. 8.

²⁹ Там же. Л. 10.

³⁰ Кудрявцева В. П. Православные монастыри и Первая Мировая война // Линтула. Сборник научных статей. Вып. 7. СПб., 2014. С. 95.

³¹ РГИА. Ф. 801. Оп. 1. Д. 641. Л. 5, 11.

³² Там же. Л. 11, 17–18.

Так как после закрытия всех русских храмов на территории Османской империи и Болгарии архимандрит Сергей остался единственным русским настоятелем в Восточном Средиземноморье, то в 1916 г. он регулярно посылал Святейшему Синоду донесения не только по церковным делам в Греции, но и на Ближнем Востоке³³. Настоятель афинского посольского храма старался оказывать и другое содействие своей родине вплоть до Октябрьской революции 1917 г., прервавшей связи общины Свято-Троицкой церкви с Россией.

Так же, как и при предыдущих настоятелях, архимандрит Сергей исповедовал и причащал Святых таинств в русской больнице в Пирее и в больнице Благовещение в Афинах, служил панихиды на Пирейском русском кладбище и литургии в Свято-Ольгинской церкви. В 1916 г. Свято-Троицкая посольская церковь на летнее время не закрывалась. Внимательно следя за событиями на Македонском фронте, притч и прихожане – русские и сербы, служили литургии по поводу важных побед, таких, как например взятие русскими бригадами г. Монастыря.

Однако вследствие обстоятельств военного времени и осложнений в политических делах в Греции, согласно полученному из России распоряжению, богослужения в церкви прекратились с 21 ноября 1916 г. Церковный притч вместе с афинской русской колонией был размещен на афонском корабле, где находился до 18 декабря того же года, когда пароход отбыл в Италию. С 23 декабря 1916 г. по 17 марта 1917 г. архимандрит Сергей (Дабич) совершал богослужения в русской посольской церкви Рима. Богослужения в русской церкви Афин возобновились 25 марта 1917 г. Дальнейшая ее деятельность была связана уже с историей русской послереволюционной эмиграции.

³³ РГИА. Ф. 796. Оп. 203. VI отд. Ст. 1. Д. 33а. Л. 1–39.

1. *Письмо к Св. Синоду 10 Марта 1905.*

ТОВАРИЩЬ
МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ
ДЕЛЪ

Издостивый Государь

Екатиміуъ Карловичъ.

Есѣдѣствіе письма Вашего отъ 4 сего марта за № 1672 имѣю честь уведомить Ваше Превосходительство, что къ переименованію освобождающагося вакансію настоятеля церкви при Миссіи въ Асинахъ - настоятели Бринскаго Успенскаго монастыря архимандрита Анаголія, со стороны Министерства Иностранныхъ Дѣлъ препятствій не встрѣчается.

Сообщая о вышеизложенномъ съ покорнейшимъ просьбамъ о послѣдующемъ не оставить упомянутомъ, пользуюсь случаемъ, чтобы возобновить Вамъ, Издостивый Государь, уведомленіе въ совершенномъ моемъ почтеніи и таковой же преданности.

В. К. Саблеръ

№ 1672
9. марта 1905 года.
Его Прев - ству
В. К. Саблеру.

Отношение товарища министра иностранных дел князя Оболенского В. С. товарищу обер-прокурора Синода Саблеру В. К. о замещении вакансии настоятеля церкви при Миссии в Афинах. 9 марта 1905 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5829. Л. 1)

9. *Копія.*

№ 1252.

1905 года марта 10. дна. По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святейшаго Провосходительства Синода и указу судаіею о замѣщеніи вакантной должности настоятеля церкви при Миссіи въ Афинахъ. П Р И К А З А Л И: На должность настоятеля церкви при Миссіи въ Афинахъ, освобожденной за вакансіею бывшего настоятеля сей церкви архимандрита Іоанніа въ санъ Инокана Выгорелскаго, назначить Курной епархіи, поручателю настоятеля Бринскаго Успенскаго монастыря архимандрита Анаголія; о чемъ и провозгласилъ Г. Синодальный Оберъ-Прокурору указомъ Императорскаго Высочайшаго Дѣла, на каковой предметъ и поручаю данъ въ Кабинетъ Оберъ-Прокурера именованъ къ настоящему опредѣленію, а Провосходившаго Иностранному С. Петербургу и Иностранному Орловскому послать, для вышешнихъ распоряженій, указъ.

Подлинное опредѣленіе, подписанное о. о. членомъ Святейшаго Синода, къ исполненію прочтено 10 марта 1905 года.

Протоколъ: *11/11/05*

Исполнено // марта 1905 г. Указъ Иностранному С. Петербургу и Иностранному Орловскому № 1252. - *В. К. Саблеру*

В. К. Саблеру

Определение Синода о замещении вакантной должности настоятеля церкви при Российской миссии в Афинах. № 1252. 10 марта 1905 г. (копия) (РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5829. Л. 2)

№ 1578.
463 II-1

22. МАЯ. 1906

11.

Въ Святѣйшій Синодѣ.

Просьба.

Наша многочисленная русская колонія въ
Афинахъ была поражена на дняхъ, увольнениемъ
настоятеля нашей церкви, почтл. и ревнивецъ обра-
тился къ Святѣйшему Синоду съ просьбой изъяснить
почему такая тяжкая немилость постигла нашего
многоуважаемаго и горько чтимаго настоятеля, отца
Архимандрита Анатолия церкви русского
Посольства. Его переводятъ отсюда въ Россію
безъ всякаго другаго назначенія. Также ~~судя~~^{по} ~~судя~~^{судя} ~~судя~~^{судя} ~~судя~~^{судя}
считается строгимъ наказаніемъ за какое нибудь
преступленіе! Однако все мы низкоподпавшіеся
господинами, въ русскую церковь въ Афинахъ, заявляемъ,
что мы не только никакой вины за отца Архиман-
дрита не знаемъ, но свидѣтельствуемъ о его глубоко
религиозной и строгой монашеской жизни; мы про-

Звѣдаемъ? Подписанъ: 17 у.

18010 I con. $\frac{21}{11}$ 206 2115

Прошение прихожан церкви при Миссии в Афинах
в Синод о настоятеле архимандрите Анатолии
(РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5829. Л. 14)

Копія.

Согласенъ. 16 Января 1915г. Оберъ-Прокуроръ В. Саблеръ.

Хозяйственное Управление подало бы: выдать настоятелю церкви ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ На подлинномъ Архимандриту Сергію, на предригомъ Сергіемъ написано: метъ оказанія помощи изгнаннымъ въ Палестину монашамъ Сергіемъ написать отчетъ перевезеніе ихъ въ Россію сѣмьсотъ тридцать руб. въ израсходованіи этихъ (изъ дохода) отъ обращенія свободной денежной налич-сѣмьсотъ тридцати /730/ ности, въ ведѣніи хозяйственнаго Управленія со-рублей, равно и ранѣе столей, въ процентныхъ оумагахъ и на текущемъ сче-мнѣ высланныхъ 4000 /че-ту въ банкахъ / Отд. II, 58 сѣмьсотъ сѣмь-тысячъ тысячъ / рублей. израсходованіи этихъ денегъ Архимандритомъ Сергіемъ при Св. Синодѣ. *16 * Января 1915г. За Директора И. Головинъ. Начальникъ Отдѣленія Л. Добровольскій.

Върно:

Стаматини Мф. Александровъ

Распоряженіе Хозяйственного управления при Синоде об оказаніи помощи монахам Русской духовной миссии, изгнаннымъ из Палестины. 16 января 1915 г. (копія)

(РГИА. Ф. 801. Оп. 1. Д. 641. Л. 5)

С. 2, 2

Расходъ
по содержанию и доставленію братіи Русской Духовной Миссии
въ Иерусалимъ:

въ Иерусалимъ, 19-20 декабря 1914 года:

предмета расхода произведено:	длина в саж.	Крыша
за посылкой въ Константинополь въ предпріятіи Архимандрита за Иерусалимъ, съ 19 по 20 декабря 1914 г., для 31 человекъ братіи [см. с. 3 и 4 и 5]	469	✓
расхода на вывозъ братіи на берега и погрузка ихъ въ суда на пароходахъ: «Митрофанъ», «Варна», «Валдай» [производство Иерусалимъ, сурфактантъ въ Иерусалимской Миссии]	28	80
уточено произведеніемъ для братіи /распутанъ Архим. и т. п., въ разное время	36	—
матери пошивомъ и т. п. расхода по змучу для курсовой разгрузки при разгрузкѣ зскавъ	26	80
покупка на балю для 31 саж. братіи, въ разное время	45	80
вывозки на змучу добу, при вывозѣ въ Палестину и обратномъ, въ Иерусалимъ и т. д. /вывозки, по-смыслу, балю, на фудъ скарпиро, изъ Иерусалима, на змучу и телеграфъ	36	60
покупки въ предпріятіи Архим. - Герасимъ и т. п. /распутанъ, пошивомъ для вывоза братіи, пошивомъ вѣтъ Иерусалимъ, Иерусалимъ	72	25
распутанъ вѣтъ Иерусалимъ, Иерусалимъ	28	25

Отчет о расходе по содержанию изгнанных из Палестины монахов Русской духовной миссии в Афинах. 19-29 декабря 1914 г.

(РГИА. Ф. 801. Оп. 1. Д. 641. Л. 11)

И. И. ЮРГАНОВА

**Духовные миссии Русской Православной церкви
в Сибири в конце XIX – начале XX вв.
(по документам РГИА)**

Аннотация: В исследовании уделено внимание духовным миссиям Русской Православной церкви на северо-восточных рубежах империи, основной комплекс документальных источников о деятельности которых отложился на хранении в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Дана оценка информативного потенциала ежегодных отчетов епархиальных архиереев в Св. Синод, содержащих обязательный раздел по миссионерской деятельности. Отмечено, что в конце XIX в. наблюдается расширение текстового наполнения данного раздела с публикацией отдельных приложений (отчеты местных отделений ПМО). Сделан вывод о мультиаспектности материалов архива, предоставляющих широкие исследовательские возможности по изучению истории духовных миссий Сибири.

Ключевые слова: духовные миссии, миссионерская деятельность Русской церкви, христианизация Сибири, миссионерские стратегии в Сибири, Российский государственный исторический архив

В историческом контексте время правления императора Александра III (1881–1894) было непродолжительным. Оно трактуется и как период пробуждения религиозных настроений и возврата к вере, и как время ослабления церковности и проявления атеистических настроений в обществе¹.

К концу XIX столетия в составе Русской Церкви действовало 62 церковно-административные единицы (епархии), происходила активизация миссионерской деятельности, когда Святейший Синод и церковная общественность обратились к вопросам христианской миссии нерусских народов в России и за рубежом.

История миссии на восточных рубежах империи представляет интерес не только в аспекте распространения православия среди сибирских этносов, но и как цивилизационное влияние христианства на историческое развитие региона в целом. Отсутствие транспортной логистики, удаленность от центра и малая заселенность обширных территорий способствовали затяжной, на протяжении нескольких столетий, инкорпорации Сибири

---

¹ Цытин В., протоиер. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). М., 2006. С. 296–298.

в общегосударственные стандарты управления и подданства. Включение сибирских территорий в Русское государство соотносимо с XVI в. и данный процесс имел противоречивый характер в контексте политического, административного и экономического закрепления и освоения. Спецификой исторического развития Сибири стали факторы «огромности», мультиэтничности и мультиконфессиональности. Государственная власть должна была учитывать особенности традиционного законодательства местных этносов.

Главной целью миссионерской деятельности Русской церкви являлось привлечение в православие местного населения. Становление церковных структур Сибири происходило параллельно с оформлением административно-территориального устройства новых земель. До создания первой епархии в Тобольске (1620), территория которой увеличивалась по мере продвижения государства на восток, все земли за Уралом в церковном администрировании относились к Московской епархии. С середины XVII в. светская власть и патриарх выражали намерение об учреждении на востоке церковно-административных единиц, что будет реализовано двумя столетиями позже. В 1727 г. была создана Иркутская епархия. Затем, после деления Сибири на Восточную и Западную (1822), образованы Томская (1832), Камчатская (1840), Енисейская (1861), Якутская (1870), Забайкальская (1894) и Омская (1895) епархии.

В Сибири находили применение насильственный и ненасильственный методы миссионерской работы. Первый, согласно царскому указу (1714), предписывающему тобольскому архиепископу уничтожать кумиров и кумирниц, окрещая в христианскую веру, был заменен указом Сената о запрете насильственного крещения инородцев (1719), ставшим основой государственной политики по христианизации. В арсенал ненасильственных методов входили пропаганда христианской морали и нравственности, льготы, подарки и просветительская деятельность духовенства. Особо привлекательной для северных этносов была льгота по освобождению от натуральной повинности (ясака).

Первыми, специально организованными миссиями стали Даурская² и Китайская (Пекинская)³ духовные миссии. В 1742–1749 гг. действовала духовная миссия на Камчатском полуострове, в 1814 г. для христианизации бурят была открыта Забайкальская миссия, с 1830 г. начала работу Алтайская духовная миссия и к середине XIX в. (1859) «на востоке империи ... можно считать 14 миссий (с походными церквями)»⁴. Понятие миссионерских станов соотносимо с древностью, с апостольских времен известны общины верующих, занимавшихся миссионерством.

К концу XIX в. на территории Сибири действовала сеть миссионерских органов и учреждений под руководством Православного миссионерского общества (Далее – ПМО) (1865–1917). Следует отметить, что посыл к созданию Общества связан с именем первого начальника Алтайской миссии архимандрита Макария (Глухарева), указавшего на необходимость всероссийского миссионерского органа под эгидой Св. Синода и покровительством императора. В Сибири Общество курировало семь миссий: Алтайскую, Киргизскую, Тобольскую, Красноярскую (Енисейскую), Забайкальскую, Иркутскую и Якутскую (Чукотскую). Значимое влияние на деятельность сибирских миссий оказал опыт Алтайской миссии и труды святителя Иннокентия (Вениаминова), епископа Дионисия (Хитрова), митрополита Нестора (Анисимова)⁵.

² Даурская миссия – первая православная миссия в Забайкалье, действовавшая в 1681 г. – нач. 30-х гг. XVIII в., в составе 12 дух. особ под руководством игумена Феодосия († 1693): были основаны Селенгинский Троицкий и Посольский Преображенский монастыри, ставшие центрами распространения православия. В 1734 г. в связи с осложнениями в отношениях с Китаем миссионерская деятельность в Восточной Сибири была приостановлена.

³ Китайская (Пекинская) духовная миссия была учреждена в 1713 г. под руководством архимандрита Илариона (Лежайского). Задачами миссии являлись пастырское окормление православных и осуществление дипломатических функций.

⁴ *Святитель Иннокентий Московский, просветитель Америки и Сибири. Собрание сочинений и писем: в 7 т. Т. 4. Апостол Дальнего Востока и Севера (1852–1860).* М., 2013. С. 390–410.

⁵ *Макарий (Глухарев), архим.* Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе. М., 1894; *Пивоваров Б. О.* памятниках миссионерской письменности Русской православной церкви // *Свет Христов просвещает всех: Сборник миссионер. трудов.* Новосибирск, 2000. С. 3–24; *Из жизни камчатского миссионера и записки из дневника иеромонаха Нестора.*

Миссионерские округа и станы входили в состав церковно-административных округов и представляли комплекс строений с храмом, объединяя несколько поселений со школами и другими социальными объектами, выполняющими широкий спектр задач. Миссионеры пропагандировали оседлость, трезвый образ жизни, выступали инициаторами гигиены и санитарии. Распространение христианства предполагало переводы духовной и богослужебной литературы, была развернута переводческая деятельность, проводились службы на языке местного населения. Многие из сибирских этносов не имели собственной письменности, и ее создателями стали именно миссионеры.

Эффективность христианской проповеди зависела от противостояния представителей иных религий и верований. Расширение буддизма и ислама, получивших официальное признание и финансирование из государственной казны, стало стимулом для учреждения Забайкальской и Киргизских миссий.

К началу XX в. был накоплен историографический потенциал о деятельности духовных миссий Русской церкви. В трудах исследователей указывались наиболее значимые аспекты, необходимые для успешной деятельности, а именно — систематическое материальное и профессиональное обеспечение духовных миссий, важность привлечения широкого круга общественности с целью повышения интереса православных подданных империи к деятельности Русской церкви в Сибири⁶.

Киев, 1912; Стопами миссионера: труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще: В 6 т. Тверь, 2013; *Святитель Иннокентий Московский, просветитель Америки и Сибири*. Собрание сочинений и писем: в 7 т. М., 2015.

⁶ Ландышев С. Выписка из дневника миссионера духовной Алтайской миссии протоиерея Стефана Ландышева за 1-ю треть 1859 года // *Духовные Чтения*. 1861. Ч. 2. № 7. С. 312; Воронец Е. Н. 1) Материалы для изучения и обличения мохамеданства. Вып. 3: Отпадение инородцев-христиан в мохамеданство с русской государственной точки зрения. Орел, 1876; 2) Нужна ли теперь миссия для восточных областей Евр. России? М., 1883; 3) Великое русское дело в Сибири. Харьков, 1898; Кудрявцев А. Н. Краткий очерк миссионерской деятельности вообще и Православного миссионерского общества в особенности. Одесса, 1885; Вениамин (Благодрагов), архиеп. Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. СПб., 1895; Смирнов Е. И., протоиер. Очерк исторического развития и современного состояния Русской православной миссии. СПб., 1904; Дионисий, архимандр. Современное состояние, задачи и нужды православного инородческого миссионерства в Сибири. М., 1905; Гурий, архим. Православная миссия среди ламаитов

Наиболее полный комплекс источников, характеризующий деятельность православных духовных миссий Сибири, отложился в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), в том числе, в ежегодных отчетах епархиальных архиереев в Св. Синод (Ф.796), сведения которых служили основой для составления сводного годового отчета духовного ведомства империи. Епархиальные отчеты — это справочно-информационные документы и мультиаспектные исторические источники, содержащие разнообразную информацию. Помимо сведений о деятельности епархии в отчетном году (количестве монастырей и храмов, численности духовенства и его образовательном уровне, духовных учебных заведениях, состоянии паствы и др.), тексты отчетов содержат данные о географическом положении и климате епархии, особенностях проживания и ментальности паствы, взаимоотношениях пастырей и прихожан, поездках архиерея «для обозрения епархии». Структура отчетов формализована и состоит из определенных разделов, но наполняемость разделов различна и, наряду с краткими характеристиками епархиальной деятельности, присутствуют развернутые, значительные по объему, тексты, представляющие возможности для реконструкции нарратива повседневности исторической памяти. Обращение к ежегодным отчетам позволяет проследить топос деятельности Русской церкви, эволюцию духовных институций, взаимоотношения со светской властью и местными потестарными элитами и выявить специфику епархиальной деятельности.

Особенностью отчетов является переход от дискурса официального церковного документа к повествовательной прозе и от официального (институционального) дискурса к личностно-ориентированному, когда фокус изложения смещается с объективных обстоятельств на субъективное осмысление. В отчетах сибирских архиереев присутствует беллетризация текста, находит отражение авторская модальность, включающая этнографические наблюдения, описания природы, рассуждения о проблемах духовных миссий.

и меры к ее наилучшей постановке по трудам Казанского и Иркутского миссионерских съездов. Казань, 1915; *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Сибири. М., 1915; *Новицкий Гр.* Краткое описание о народе остяцком. Новосибирск, 1941 и др.

Обязательным элементом отчета являлся раздел «Миссионерская работа». Последние десятилетия XIX столетия, характеризующиеся активизацией миссионерского дела, способствовали расширению текстового наполнения данного раздела и появлению приложений (отдельные годовые отчеты местных отделений ПМО). Правила составления делопроизводственной документации второй половины XIX в. предусматривали подробное и детальное описание изложенных фактов, событий и явлений, с предварением их историей вопроса, что также дает возможности комплексного рассмотрения истории становления и развития православных миссий Сибири.

Помимо епархиальных отчетов, объектами исследования выступают историко-статистические сведения сибирских миссий конца XIX в.⁷

Следует отметить, что духовные миссии Сибири, имея единые цели и задачи, обладали разными возможностями и результаты их деятельности различны. Сложившаяся историческая традиция относит к наиболее успешной постановку миссионерского дела в Алтайской миссии, руководители и члены которой оставили значительное литературное наследие (миссионерские тексты как особый тип православной литературы) как теоретической, так и практической деятельности миссионеров и предприняли попытки формирования особой социокоммуникативной среды, создающей предпосылки духовного развития паствы⁸.

В составе Красноярской (Енисейской) епархии к концу XIX в. были Туруханская (6 приходов) и Минусинская (8 приходов) миссии⁹. И если минусинские миссионеры сообщали об отсутствии в их приходах некрещенных инородцев, то в Туруханском крае, населенном якутами, долганами, самоедами и юраками, значительное

---

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 440. Д. 1259 (Историко-статистические сведения о миссионерских приходах Енисейской епархии. 1897 г.); Д. 1261 (Историко-статистические сведения об Иркутской миссии. 1899 г.).

⁸ См.: Пивоваров Б. О памятниках миссионерской письменности Русской православной церкви ... С. 3–24; РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1255 (Отчет о миссионерских действиях по Алтайской миссии). Л. 1–22.

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1259. Л. 51–53 об.

число из них оставались язычниками-шаманистами. В епархиальном отчете указывалось, что «главным в деятельности миссионеров является укрепление и развитие веры Христовой и искоренение суеверий и пороков», отмечался кадровый дефицит и необходимость продолжительной и настойчивой борьбы «с вековыми верованиями, унаследованными от язычества»¹⁰. Недостаточная успешность миссионерского дела связывалась со значительностью территории, многочисленностью прихожан, отсутствием школ (10 школ на 30 000 чел.), отмечалось, что «результаты Туруханской миссии, несмотря на ее почти трехвековое существование, крайне малопродуктивны: язычников в крае остается ещё очень значительное число (до 2000); обращенные в христианство инородцы не могут быть признаны действительными христианами, но до сих пор костенеют в своих языческих традициях»¹¹.

В Иркутской духовной миссии в этот период действовали Тункинский, Балаганский и Верхотенский миссионерские отделы в составе открытых в 1832–1896 гг. 17 станов¹². Иркутский архиерей сообщал о том, что «вверенная ему паства ... резко разделяется на две неравные половины, из прихожан русского происхождения и инородцев» и «... всех бурят в Иркутской епархии насчитывается около 120 000, из них 35 000 крещенные, остальные язычники и буддисты...»¹³ Значимой проблемой миссии являлась активность буддистского духовенства. Источники констатируют, что, проживая совместно с некрещеными, буряты-неофиты вели кочевой образ жизни и, переходя в ламаизм, большинство бурят, по-прежнему оставались приверженцами язычества. Миссионеры отмечали, что они обращаются к шаманам и совершают языческие обряды «наравне с ламскими бурханами»¹⁴. Если инородцы выражали желание принять крещение и «поселиться среди русских», последние неохотно выделяли землю, опасаясь, что

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1894 (Отчет Енисейской епархии за 1901 г. Отчет Красноярского епархиального комитета Православного Миссионерского общества за 1901 г.). Л. 31.

¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1894. Л. 33.

¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1261. Здесь подсчет количества станов произведен автором на основе материалов всего дела.

¹³ Там же. Оп. 442. Д. 1895 (Отчет Иркутской епархии за 1901 г.). Л. 183–183 об.

¹⁴ Там же. Оп. 440. Д. 1261. Л. 38.

«их вытеснят из данной местности»¹⁵. «И вот, – сетовал Усть-Ордынский миссионер, – живущий в улусе, при всем своем желании быть истинным христианином, является невольным двоевером»¹⁶.

Для противостояния ламаизму «сильному своим многотысячным духовенством, богатством своих дацанов, пышностью ламских идолослужений, сплоченностью своих последователей бурят, их замкнутостью, привилегированным положением пред русским населением в отношении отбывания воинской повинности и земельных наделов»¹⁷ в 1814 г. была открыта Забайкальская миссия¹⁸.

Но если для миссионеров Прибайкалья и Забайкалья спецификой служения стали буддизм и двоеверие (троеверие) прихожан, то для служащих Чукотской (Якутской) миссии, это были, прежде всего, особенности проживания на Крайнем Севере. Присоединение Чукотского полуострова было долговременным. После ряда военных неудач государственная власть заключила мирный договор с чукчами (1778), они стали платить ясак (в определенных ими размерах). Созданная в 1863 г. Чукотская миссия к концу XIX в. состояла из 3-х станом: Чаунского, Эломбальского и Алазейского (Сень-Кельского)¹⁹.

В Tobольской (Сибирской) епархии действовало три духовных миссии: Кондинская (с 1844 г. при Кондинском Троицком монастыре), Обдорская (возобновившая свою деятельность в 1854 г.) и Сургутская²⁰. С 1872 г. началась деятельность Tobольского епархиального комитета ПМО и его основное внимание было обращено на Обдорскую миссию, так как Обдорск был центром притяжения самоедов и присутствовали возможности «для их просвещения»²¹.

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1261. Л. 38.

¹⁶ Там же. Л. 61 об.

¹⁷ Русским и крещеным инородцам выделялось по 15 десятин на душу, тогда как буддистам по 30 десятин.

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 2702 (Отчет Забайкальской епархии за 1915 г.). Л. 1.

¹⁹ Там же. Д. 1268 (Сведения о станах Чукотской миссии и походных священниках Якутской епархии). Л. 1–11.

²⁰ Цысь О. П. Сургутская православная миссия 1867–1898 гг.: возникновение, состав, основные направления и результаты деятельности // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 3 (46). С. 16–29.

²¹ См.: Местная хроника // Tobольские губернские ведомости. 1872. № 15. С. 89–90.

В 1898 г. Сургутская миссия была закрыта «как не имеющая в своем районе не просвещенных светом веры Христовой язычников»²².

Основанием для учреждения Киргизской (Казахской) миссии стала исламизация казахов. В 1782 г. был подписан императорский указ о строительстве в степи мечетей (за счет государства). В 1785 г. было разрешено открывать мусульманские школы при мечетях, в 1787 г. издан полный арабский текст Корана²³, в 1800 г. были сняты ограничения на публикацию исламской литературы и открыта первая мусульманская типография в Казани²⁴. В связи с этим, в Семипалатинской области в 1891 г. была учреждена Киргизская духовная миссия, подчиненная миссии Алтайской. В 1894 г. на основании указа Св. Синода была открыта вторая Киргизская миссия в Тобольской епархии (с тремя станами) как противомусульманская миссия. После создания Омской епархии (1895) миссии были соединены и переданы в подчинение омского епархиального архиерея²⁵.

Очевидно, что основными направлениями деятельности духовных миссий Сибири являлось обращение в православие и окормление уже крещенных инородцев (исповедь, причащение, отпевание, крещение новорожденных, проповедование Евангелия, разъяснение молитв, христианских праздников, просветительская работа и др.). Исторические источники свидетельствуют: «Жизнь миссионера все та же полная забот и тревог, огорчений при одной и той же обстановке, при одной и той же непрерывной работе. Все это требует от миссионера постоянства и особенной любви к избранному делу. При благоприятных условиях всякое дело становится легким и даже приятным. Не таково дело миссионерское: это война без перемирия. Как в военное время солдатам нет возможности пользоваться разными удобствами, так и миссионеру об удобствах помышлять не приходится. Едет он

²² Тобольское епархиальное православно-церковное братство Св. Великомученика Димитрия Солунского в 1894/1895 г. (5-й год со дня основания) // Тобольские епархиальные ведомости. 1896. № 8. С. 99.

²³ Данное издание Корана имело пять переизданий в 1789–1798 гг. с целью его бесплатной раздачи сибирским киргизам (так в империи называли казахов).

²⁴ Ислам на территории бывшей Российской империи: энцикл. словарь. М., 1998. Вып. 1. С. 50.

²⁵ Голубцов С. В. Киргизская (Казахская) миссия Русской Православной церкви // Вестник Омского ун-та. 2011. № 2. С. 313–316.

и весной, и летом, и осенью, и зимой, и в хорошую погоду, и в ненастье, не в каком-нибудь экипаже, а в уродливой телеге, розвальнях или на седле, будучи подвергнут всем невзгодам...»²⁶. Сибирские миссионеры указывали, что «от начала существования миссии они унаследовали себе правила быть для новопросвещенной паствы не одними требоисправителями, но истинными пастырями юнаго Христова стада, устроителями церковной, семейной и общественной жизни своей паствы, врачами недугов и не только душевных, но и телесных и естественными защитниками новокрещенных при разных нападениях на них...»²⁷

Таким образом, обращение к документальным материалам дает широкие исследовательские возможности изучения повседневности православного миссионерства и представляется значимым проведение анализа факторов и процессов, связанных с деятельностью духовных миссий Сибири и выявление успешности/неуспешности миссионерских стратегий.

---

²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1261. Л. 141-142.

²⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1261. Л. 141-142.

мало по преимуществу между сибирскими береговинами и Обдорским краем, - встречаются некрепкие и в одних случаях приходят, только что до них укавать трудно. Некрепкие держатся шаманства.

Препятствиями успешу миссионерской деятельности между инородцами края служат:

а) географическая особенность края: все приходы Туруханского края раскинуты на пагубными пространствами, покрытыми льдами, болотами, подвижными речками и озерами, - в край зной, как уже сказано, почти правды, кресте пути сообщений, да и волею поворота по приходам только по преимуществу зимой - с ноября по апрель месяца включительно. Летом, хотя и волею сообщений, но только по речкам и озерам, следовательно в много пунктов прихода проникнуть миссионеру почти невозможно. Вследствие этих условий священники миссионеры Туруханского края ведут свои приходы, а также больше не обращенные инородцев редко, и влияния на них имеют немногие; б) быт инородцев. Все инородцы ведут жизнь козью, - предпочитают обыванию в лесу или по берегам рек и озер, и лишь по временам выходят к известным пунктам (взг. Туруханск, к Маловской пагове, в селения Верхне-Ильдарские, Хатанские, Юдинское, в дер. Покровский Нос, Авама, Богатина и др.), для сбыта предметов своего промысла: рыбы, дров, тушины и т.п. Кочевого быта инородцев затрудняет влияние на них священников

По уезду ие это число распределяется так:

Название уездовъ	Число деревень	Число душъ		Въ какомъ разстоянн отъ церкви и каковы ея отношенія къ сообщенно
		мужск.	женск.	
1. Въ Хаваруйтскомъ уездѣ: крещеная	15	44	35	около церкви
эргакисовъ ламантовъ	7	13	11	
2. Въ Шарангскомъ: крещеная	17	22	30	въ 7, бесн осн. прелатенбургъ р. Иркутск.
ламантовъ	23	60	57	
3. Въ Бузургонскомъ: крещеная	18	57	59	въ 3 вер.
ламантовъ	33	83	31	
4. Въ Охоршибирскомъ: крещеная	40	86	82	въ 4 вер.
ламантовъ	62	160	152	
5. Въ Нимигскомъ: крещеная	52	125	118	въ 5 вер. р. Харангд
ламантовъ	32	96	83	
6. Въ Толтогайскомъ: крещеная	10	22	24	въ 7 вер.
ламантовъ	1	5	2	
7. Въ Чангорзонскомъ: крещеная	39	76	57	въ 8 вер.
ламантовъ	12	44	38	
8. Въ Ньорхойскомъ: крещеная	13	34	37	въ 10 вер.
ламантовъ	"	"	"	
9. Въ Мурайскомъ: крещеная	21	45	54	въ 8 вер.
ламантовъ	3	11	9	
10. Въ Хандатайскомъ: крещеная	6	14	14	въ 9 вер.
ламантовъ	4	10	15	
11. Въ Потаевскомъ: крещеная	6	23	23	въ 6 вер.
ламантовъ	2	11	9	

Итого крещеная 246 588 574
ламантовъ 170 493 464

Всего проповѣдниковъ св. Крещеніи въ 1874 году по 1896^г — 1132 только обоего пола. Въ истекшіи 1897 году окрестно муринскаго пола 26 человекъ, женскаго пола 34 человекъ, а всего 60 человекъ.

Не крещеные эргакисы держатся ламантской вѣры, но некоторые при этомъ не покидаютъ и шаманства, такъ какъ это первоначальная иль

Историко-статистические сведения об Иркутской миссии. 1897 г. (Жимыгътский Иннокентьевский миссионерский стан) (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1261. Л. 17)

РАЗДЕЛ 4
АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ
РГИА:
ВЫЯВЛЕНИЕ
И ОПИСАНИЕ,
ИССЛЕДОВАНИЕ
И ПУБЛИКАЦИЯ

А. В. АШИХМИН

**Читатели архива
Министерства народного просвещения в начале XX в.**

Аннотация: Историографическая ситуация в архивоведческих исследованиях последних десятилетий свидетельствует о высоком интересе к дореволюционным ведомственным архивам как к ученым учреждениям. В статье производится попытка очертить коллективный портрет сословия ученых читателей архива Министерства народного просвещения в начале XX в. Выстраивается социологическая типология обращений в министерский архив. По материалам прошений с просьбой о допущении к работе с архивными документами выстраивается типология ученых читателей. Делается вывод о большом вкладе читателей в создание «ученого» образа архива Министерства народного просвещения в начале XX в.

Ключевые слова: история архивов, Министерство народного просвещения, дореволюционные архивы России, читатели архивов, С. В. Рождественский.

Рубеж XIX и XX вв. — особая эпоха в истории российских архивов. Можно упомянуть десятки имен классиков зародившейся архивной науки, чьи труды предопределили развитие теоретической мысли и становление архивных институтов — С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский, А. С. Николаев, С. В. Рождественский, И. Л. Маяковский, Н. П. Черепнин, В. В. Снигирев и многие другие. Именно в это время окончательно сформировалось научное представление об архивах, а позднеимперская ученая общественность верно определила собственную роль в институциональных процессах архивного дела — отстаивание позиций с точки зрения научного знания, абстрагированного от примитивного бюрократического представления об архиве как об источнике информации для сиюминутных служебных нужд. В статье мы постараемся показать, что один из «ученых» архивов — архив Министерства народного просвещения (Далее — МНП) — был важным институтом взаимодействия архивистов, ученых, преподавателей и студенчества. Это во многом предопределило отстаивание данным архивным сообществом передовых позиций в области архивоведения (включавшего в себя теорию, историю и практику архивного дела) вплоть до конца 1920-х гг. Как известно, все ученые эксперименты в этой области были прекращены вместе с тотальным огосударствлением, знаменовавшим полную институциональную и интеллектуальную

большевизацию архивного дела, как это убедительно показала Т. И. Хорхордина¹.

К началу XX в. архив МНП был одним из самых хорошо организованных ведомственных архивов, наряду с архивами Сената, Синода и Государственного совета. Д. И. Раскин справедливо отметил, что более чем за столетие своего существования архив министерства «проделал путь от неупорядоченного собрания бумаг при канцелярии министерского департамента до хорошо организованного архива, служившего базой для исторических исследований и самого осуществлявшего научную и публикаторскую работу»². Не последнюю роль в ученой трансформации ведомственного архива сыграли известные историки Н. П. Барсуков³, К. А. Военский⁴, А. С. Николаев⁵, возглавлявшие учреждение в начале XX в. На рубеже веков архив был открыт для любого исследователя, тема занятий которого соотносилась со спецификой хранящихся в нем материалов. В формировании ученого статуса архива особую роль сыграло курирование ведомством народного просвещения большинства вопросов архивного дела в XIX в. В 1834 г. при Департаменте народного просвещения была образована Археографическая комиссия. Ее идейным вдохновителем выступил П. М. Строев⁶. В 1873 г. в ведомстве народного просвещения

¹ Хорхордина Т. И. История и архивы. М., 1994. С. 352–357.

² Раскин Д. И. Архив Министерства народного просвещения (1803–1918): от придатка канцелярии к ученому учреждению // История и архивы. 2016. № 4(6). С. 24.

³ Барсуков Николай Платонович (1838–1906) – археограф, историк, архивариус. Сотрудник Археографической комиссии (1863–1906). Помощник начальника архива и библиотеки Святейшего Синода (1868–1883). Начальник архива МНП (1883–1906). Автор многочисленных научных работ: «Жизнь и труды П. М. Строева» (СПб., 1878), «Жизнь и труды М. П. Погодина» (СПб., 1888–1910), «Источники русской агиографии» (СПб., 1882) и др. Подготовил к публикации дневник А. В. Храповицкого (СПб., 1874).

⁴ Военский Константин Адамович (1860–1928) – военный историк, археограф. Директор архива МНП (1906–1915). Автор множества трудов по истории Отечественной войны 1812 г. Подробнее о нем: Кононов А. А. Историк К. А. Военский (1860–1928): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.

⁵ Николаев Александр Сергеевич (1877 – после 1934) – историк-архивист, педагог, последний начальник архива МНП (1915–1917). В 1903–1915 гг. состоял помощником К. А. Военского. Автор работ по истории средневековой Руси.

⁶ Подробнее об этом: Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 281–294.

была создана Временная комиссия об устройстве архивов, которую возглавил Н. В. Калачов.

Благоприятная почва институциональной близости к ученым учреждениям, а также общий историографический интерес к истории науки и образования в России на рубеже веков дали свои плоды в отношении академизации ведомственного архива. Вот как описывал его особенности К. А. Военский, подчеркивая укоренившуюся в изучаемый период двойственность представлений о его функциях: *«Одною из важнейших служебных задач архива Министерства народного просвещения, несомненно, является составление справок для выяснения первоначальных мотивов, на основании которых возникла переписка по данному делу в центральном управлении министерства. <...> С другой стороны, в архиве министерства сохраняются дела и документы первостепенной научной ценности – обстоятельство, налагающее на служебный персонал государственного хранилища обязанность сознательного уважения и бережного, хотел бы сказать, любовного отношения к архивным сокровищам»*⁷. Таким образом, к началу XX в. бюрократическое отношение к архивным материалам постепенно трансформировалось в сторону академизма. Наиболее ярко эту идею уже после революции выразил последний начальник архива А. С. Николаев: *«Ученый в новом архиве, создающемся на месте ведомственного, будет и должен быть не только желанным дорогим гостем, но постоянным жильцом, об удобстве которого особенно горячо заботятся рачительные хозяева»*⁸.

В начале XX в. обращение в ведомственный архив было возможно по любому прикладному или научному вопросу. Причем читатели были дифференцируемы в зависимости от того, по какому поводу они обратились в архив. Заинтересованные в материалах условно делились на две большие группы: «ученые читатели» и лица, обратившиеся по личной или служебной необходимости. Представители второй группы получали информацию в виде устных или

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 123. Д. 119. Л. 79–79 об. Представление начальника архива МНП К. А. Военского вице-директору Департамента общих дел МНП А. П. Даеву. 10 октября 1912 г.

⁸ Цит. по: Хорхордина Т. И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003. С. 375.

письменных справок, а также могли заниматься с делами в особом помещении. С запросами к архивному начальству обращались как частные лица, так и учреждения. Начальник архива Н. П. Барсуков писал в рапорте: «Из хранящихся дел архивом по требованиям сообщались как устные, так и письменные справки, а равно выдавались и сами дела. В течение истекшего 1905 года в разряды департаментов и прочие центральные управления министерства выдано было 1500 дел»⁹. Запросы читателей второй группы можно условно разделить на несколько категорий. Первая — «пенсионные» запросы (об уточнении сумм пенсий, о выдаче денежных пособий, вознаграждений, выплат по завещаниям и т.д.). Вторую группу составляли запросы различных учреждений: наведение справок о службе, уточнение нюансов законодательства, история решений ведомственных вопросов и т.д. Третью группу, самую немногочисленную, составляли коммеморативные запросы о юбилеях и иных круглых датах, связанных с учебными заведениями, учеными сообществами, музеями, библиотеками, выдающимися с точки зрения государства или общества персоналиями и т.д.

Государственные институты в случае служебной необходимости напрямую обращались в архив с просьбой прислать те или иные дела. Так, в 1914 г. в Отдел промышленных училищ были отправлены дела «По Кунгурскому техническому училищу» за 1881 г. и «Об учреждении Новочеркасского атаманского технического училища и об уставе его» за 1882 г.¹⁰ Дела министерского архива на длительный срок передавались в ученые учреждения: например, в 1901 г. — в Юрьевский университет «для занятий профессора Петухова», в 1902 г. — в Румянцевский музей и библиотеку Петербургского университета, а в 1905 г. к ним прибавилась библиотека Варшавского университета¹¹. Ежегодная сумма дел, выдаваемая из архива

⁹ РГИА. Ф. 745 (Архив МНП). Оп. 1. Д. 37. Л. 3. Рапорт начальника архива МНП Н. П. Барсукова директору Департамента общих дел МНП В. А. Рахманову. 31 января 1906 г.

¹⁰ Там же. Д. 53. Л. 111. Отношение Отдела промышленных училищ МНП в архив ведомства. 9 декабря 1914 г.

¹¹ Там же. Д. 36. Л. 8–8 об. Рапорт начальника архива МНП Н. П. Барсукова директору ДНП М. А. Андреевскому. Май 1904 г.

на нужды подведомственных учреждений, была существенной: в 1900–1697 дел¹², в 1901 г. — 1928 дел¹³, в 1902 г. — 1752 дела¹⁴.

В 1915 г. из архива МНП было выдано 820 дел. 429 из них (т.е. приблизительно 52,3%) было выдано на руки читателям для уточнения пенсионных данных, а также для наведения справок о денежных пособиях, завещаниях и для прочих служебных уточнений. Архивные дела выдавались по преимуществу на руки. Сдача дела в архив часто задерживалась до полугода (как правило, по «пенсионным» запросам). Так, одно из дел Пенсионной кассы МНП было выдано 30 мая 1915 г., а сдано лишь 1 февраля 1916 г.¹⁵ Многие дела, находившиеся на руках у частных лиц, и вовсе не вернулись в архив после февраля 1917 г.

Как следует из многочисленных отчетов, запросы («ходатайства») о выдаче копий для утверждения в правах дворянства, наследства, пенсий и т.д. удовлетворялись архивом за счет действующих материалов Департамента народного просвещения. После 1907 г. выдача справок была сопряжена с физическими трудностями. После перемещения архива внутри здания на Чернышевой площади (часть его находилась в помещении канцелярии министра, другая часть — в восьми комнатах подвального этажа, сообщающихся с канцелярией лестницей «в 21 ступень»). К. А. Военский так описывал эти сложности начальству: *«Выдача каждой справки сопряжена с необходимостью спускаться из канцелярии в одну из комнат подвального помещения, в котором сосредоточены все наличные дела архива в количестве более 200 тысяч, распределенных в 5,5 тысяч картонов. Несмотря на образцовое устройство нового помещения, удовлетворяющее самым строгим требованиям архивного благоустройства в нем, как и во всяком хранилище, замечается постоянное накопление пыли... При извлечении дел из картонов пыль эта... подымается зачастую целыми столбами и, по удостоверению служащих, после работы в архивном помещении у них всегда наблюдается*

¹² РГИА. Ф. 745. Оп. 1. Д. 32. Л. 107. Рапорт начальника архива МНП Н. П. Барсукова директору ДНП В. А. Рахманову. [1901 г.].

¹³ Там же. Л. 126. Рапорт начальника архива МНП Н. П. Барсукова директору ДНП В. А. Рахманову. 14 августа 1902 г.

¹⁴ Там же. Л. 139 об. Рапорт начальника архива МНП Н. П. Барсукова директору ДНП В. А. Рахманову. 31 мая 1903 г.

¹⁵ РГИА. Ф. 745. Оп. 1. Д. 53. Л. 13 об. Дела, выданные из архива МНП в мае-июне 1915 г.

в отделяющейся при кашле мокроте значительный процент архивной пыли, что, как известно, разрушительно действует на органы дыхания»¹⁶.

Что касается группы ученых читателей, коллективному портрету которой и посвящена данная статья, то нужно сказать, что это была немногочисленная, но очень важная с точки зрения телеологии архивного знания и определения интеллектуальной самоидентичности архива группа. Словосочетанием «ученые читатели» автор обозначает лица, допущенные «к пользованию делами для научных работ». За период 1900–1905 гг. архив посетил 51 ученый читатель¹⁷. Большинство – профессора университетов, академики и приблизительно равные им по статусу лица (15 человек, т.е. примерно 29,4%). В отличие от студентов, профессора могли свободно перемещаться в рамках научных командировок, поэтому в данной группе наблюдается куда большее аффилиационное разнообразие. Большая часть ученых представляла столичные учебные заведения: университет – 3, Академия наук – 4, Археографическая комиссия – 1, историко-филологический институт – 1. Из нестолических учреждений, представители которого занимались в архиве, следует выделить Казанский университет и духовную академию, Харьковский и Варшавский университеты, Демидовский лицей.

Второе место по численности среди читателей занимали студенты и чиновники (каждая группа – по 10 человек, т.е. примерно по 19,6%). Подавляющее большинство студентов представляло столичные учебные заведения (университет, историко-филологический институт и духовную академию). Лишь двое иногородних подавали прошение в архив в исследуемый период – студент Московского университета Д. М. Щепкин, не приступивший к занятиям, и магистрант Варшавского университета В. А. Францев¹⁸.

Третье место по численности разделили группы преподавателей средних учебных заведений и «общественников» (по 8 человек

¹⁶ РГИА. Ф. 745. Оп. 1. Д. 41. Л. 13–13 об. Представление начальника архива МНП К. А. Военского в Департамент общих дел МНП. 27 марта 1907 г.

¹⁷ Сведения об этом почерпнуты из отчетов начальника архива за 1900–1903 и 1905 гг. Подобных сведений за 1904 г. не сохранилось.

¹⁸ См. Прилож.: Таблица 1. «Ученые читатели архива Министерства народного просвещения (1900–1905)».

каждая, т.е. примерно по 15,7%). В группу «общественников» вошли журналисты, редакторы изданий, коллекционеры, писатели и др. Нужно отметить, что в эту группу были помещены и читательницы, что подчеркивает изменение гендерной ситуации в ученых сообществах к началу XX в.: в 1903 г. в архиве занимались детские писательницы А.Н. Анненская и З.С. Иванова (псевдоним – Н. Мирович), причем обе исследовали материал, посвященный женскому образованию¹⁹. Третья читательница, А.П. Павлова-Сильванская, изучала биографию профессора Санкт-Петербургского университета Я.В. Толмачева (1779–1873) для одного из энциклопедических изданий. Среди преподавателей средних учебных заведений были представители школ ведомства учреждений императрицы Марии, лицея в Выборге, гимназий в Москве и Вильно, а также Тенишевского училища.

Теперь остановимся на контент-анализе тематики, с которой ученые читатели обращались в архив. В результате подсчетов выяснилось, что двумя наиболее популярными исследовательскими темами были биографика деятелей науки и культуры и история университетов, средних учебных заведений и студенчества (по обеим темам за период 1900–1905 гг. зафиксировано по 16 обращений, т.е. примерно по 31,4% от общего числа). Прикладная биографика была одним из востребованных средств заработка как для ученых, так и для студентов на рубеже веков – как правило, архивных поиск осуществлялся для известных энциклопедических изданий или «Русского биографического словаря». История университетов и других учебных заведений – традиционное поле исследования, связанное со спецификой материала, отложившегося в архиве профильного министерства. Не нужно сбрасывать со счетов и активно формирующееся самосознание русской интеллигенции, переходящее в массовую моду на интеллектуализм²⁰. Немаловажную роль в подобном самоопределении сыграла историография истории народного просвещения и цензуры в России второй половины XIX – начала

---

¹⁹ См. Прилож.

²⁰ Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М., 2009. С. 51–52.

XX вв., которая не могла быть создана без обращения к архивному материалу.

Менее востребованными темами в 1900–1905 гг. были история литературных процессов и цензуры (ей занимались 4 человека, т.е. 7,8%), административная история ведомства народного просвещения (5 человек, т.е. 9,8%) и история женского образования (3 человека, т.е. 5,9%). В исследуемый период также было зафиксировано обращение к архиву прикомандированного к Министерству внутренних дел чиновника Дмитриева-Мамонтова, изучавшего вопрос студенческого движения в России, волновавший центральную администрацию.

В единичных случаях ученым читателям, бюрократически некорректно обратившимся в архив, отказывали в доступе к документам. Так произошло со служащим Государственной канцелярии В. В. Бесселем, который в прошении на имя директора Департамента общих дел МНП не указал *«данные о том, какого рода делами, какой эпохи и по какому именно вопросу»* он предполагал заниматься²¹.

Особенным читателем архива МНП в исследуемый период был историк С. В. Рождественский, которому в 1899 г. было поручено написание исторического обзора деятельности министерства к 1902 г. В подборе материала ему помогал помощник начальника архива А. С. Раевский²². Как следует из его отчета, С. В. Рождественский вел дневную работу в помещении архива на Чернышевой площади, а вечернюю – в библиотеке Санкт-Петербургского университета, куда с разрешения начальника архива ему доставлялись необходимые архивные дела²³. Раевский отмечал, что *«вследствие начавшихся работ... значительно увеличился труд по доставанию дел и обратному их раскладыванию, выполняемый вольнонаемным писцом Кондратьевым»*²⁴. Помощник начальника архива был освобожден

²¹ РГИА. Ф. 745. Оп. 1. Д. 75. Л. 6 об. Представление начальника архива МНП А. С. Николаева директору Департамента общих дел Н. В. Вестману. 18 января 1917 г.

²² Там же. Д. 35. Л. 12. Записка исполняющего дела помощника начальника архива МНП А. С. Раевского. 19 октября 1899 г.

²³ Там же. Д. 32. Л. 126–126 об. Отчет начальника архива МНП Н. П. Барсукова за 1901 г.

²⁴ Там же. Д. 35. Л. 13. Записка исполняющего дела помощника начальника архива МНП А. С. Раевского. Без даты.

от составления алфавитных книг, чтобы помогать профессору в создании очерка. В многочисленных обсуждениях книги принимали участие товарищ министра Н. А. Зверев, начальник архива Н. П. Барсуков, историк С. Ф. Платонов, редактор «Журнала министерства народного просвещения» Э. Л. Радлов²⁵ и другие. Исходя из хронологических рамок и масштаба задачи, поставленной перед С. В. Рождественским, можно сказать, что работа была выполнена на высочайшем профессиональном уровне, и издание по истории министерства 1902 г. по сей день является настольной книгой многих исследователей истории образования и цензуры в России²⁶. За успешную реализацию идеи юбилейного издания в сентябре 1903 г. С. В. Рождественский был зачислен в состав Ученого комитета МНП с дополнительным жалованьем в 1000 рублей в год²⁷. Назначение сопровождалось комментарием председателя Ученого комитета для министра: *«При этом считаю необходимым объяснить, что С. В. Рождественский, известный уже Министерству народного просвещения составлением, по особому поручению министерства, очерка истории министерства, рекомендован был в качестве специалиста по вопросам русской истории профессором Платоновым, мне же лично известен как человек весьма усердный и исполнительный, почему и признается мною вполне подходящим для назначения его членом ученого комитета»*²⁸.

Для С. В. Рождественского многодневная кропотливая работа в архиве, как отмечает Е. Н. Груздева, стала главным фактором трансформации научных интересов: он отошел от изучения средневековой Руси, сконцентрировавшись на исследовании истории

---

²⁵ Э. Л. Радлов (1854–1928), помимо службы по министерству, преподавал и администрировал во многих значимых местах на рубеже веков. См., например: *Зиновьева А. П.* Профессиональные и интеллектуальные траектории профессора Э. Л. Радлова // Вече. 2022. № 34. С. 181–191.

²⁶ *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902. СПб., 1902.

²⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 992. Л. 2 об. Формулярный список причисленного к МНП доктора русской истории, статского советника С. В. Рождественского. Январь 1912 г.

²⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 992. Л. 46. Представление председателя ученого комитета МНП Н. Я. Сонины министру народного просвещения Г. Э. Зенгеру. 21 августа 1903 г.

образования в XVIII–XIX вв.²⁹. В 1912 г. он защитил докторскую диссертацию «Очерки истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках», изданную отдельной книгой.

Таким образом, интерес к архиву МНП со стороны ученых читателей свидетельствует о том, что архивы были окончательно вписаны в пространство знания империи. На рубеже веков была создана та самая архивная среда, которая во много стала *«местом, связанным с приобретением, распространением и обменом знаниями»*³⁰. Среди читателей архива МНП были известные ученые, профессора российских университетов, представители интеллигенции и студенчества.

---

²⁹ Груздева Е. Н. Сергей Васильевич Рождественский. К 140-летию со дня рождения // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2008. № 7. С. 60.

³⁰ Сдвижков Д. Знайки и их друзья. Сравнительная история русской интеллигенции. М., 2021. С. 310.

Приложение

Таблица 1. Ученые читатели архива Министерства народного просвещения (1900–1905)

ФИО	Род занятий	Тема научной работы	Годы занятий в архиве
Якоби Николай Борисович (1839–1902)	сенатор	«Опыты над электричеством его отца, академика Якоби»	1900–1902
Островский Сергей Александрович (1869–1929)	делопроизводитель Канцелярии Комитета министров	«Выход в свет первых комедий его отца, А. Н. Островского»	1900
Малеин Александр Иустиневич (1869–1938)	преподаватель С.-Петербургского историко- филол. инст-та	«Основание общества классической филологии и педагогики и биография профессора Кошанского»	1900
Францев Владимир Андреевич (1867–1942)	магистрант славянской филологии Варшавского ун-та	«Сношения русских ученых (с 30-х гг. XIX в.) с Чехией и чешских с Россией»	1900
Мичатек Николай Александрович (?–?)	помощник столоначальника Д-та торговли и мануфактур	Биографии Я. Кораблинова, А. П. Чебышева-Дмитриева, Ф. И. Чумакова, С. Д. Шестакова, В. В. Шнейдера, И. А. Щедрина, П. Д. Юркевича, Ф. И. Янковича-де- Мириево, В. Я. Яроцкого	1900

Егоров Вячеслав Александрович (1878–1934)	студент С.-Петербургского ун-та	Биографии профессоров И. Ф. Петрушевского, А. И. Попова, А. П. Патрицкого	1900
Дубровин Николай Федорович (1837–1904)	ординарный академик Академии наук (Далее – АН)	«Деятельность цензурного управления с 1818 по 1825 г.»	1900
Корсаков Дмитрий Александрович (1843–1919)	ординарный профессор Казанского ун-та	Биографии профессоров русской истории Казанского ун-та и К. Д. Кавелина	1900
Петухов Евгений Вячеславович (1863–1948)	ординарный профессор Юрьевского ун-та	«История Юрьевского университета»	1900
Модзалевский Борис Львович (1874–1928)	делопроизводитель канцелярии Конференции АН	«Биография графа Панина, бывшего помощника попечителя Харьковского учебного округа»	1900
Руммель Витольд Владиславович (1855–1902)	заведующий архивом Департамента герольдии Сената	«Биографии профессора Цомакиона и бывшего директора гимназии Циммермана»	1900
Берендт Эдуард Николаевич (1860–1930)	помощник стагс-секретаря Государственного совета	«Участие кн. Ливена в составлении устава Александровского лицея в Гельсингфорсе»	1901
Кубасов Иван Андреевич (1875–1937)	выпускник С.-Петербургского историко-филол. института	«Биография члена Главного правления училищ И. М. Муравьева-Апостола»	1901, 1903

Греков Владимир Иванович (?-?)	студент С.-Петербургского ун-та	«Биография кн. П. А. Ширинского- Шихматова»	1901
Щепкин Дмитрий Митрофанович (1879-1937)	студент Московского ун-та	«История Московского ун-та за 1825 и 1826 гг.»	1901 (к занятиям не приступил)
Божеянов Иван Николаевич (1852-1919)	надворный советник	«Автографы бывших министров народного просвещения»	1901 (к занятиям не приступил)
Г. Даль (?-?)	магистр философии, преподаватель лицея в Выборге	«Учебные заведения Старой Финляндии (Выборгской губернии) до 1812 г.»	1901
Штендман Георгий Федорович (1836-1903)	член Археологической комиссии МНП	«Биографии участников общества «Филаретов» – Фомы Зана и Адама Мицкевича»	1901
Белецкий Алексей Викторович (1840-1907)	помощник попечителя Виленского учебного округа	«Состояние Белорусского и Виленского учебных округов в 1830-1832 гг.»	1902
Ольденбург Сергей Федорович (1863-1934)	адъюнкт АН	«Развитие женского образования в России с 1856 по 1880 г.»	1902 (к занятиям не приступил)

Жуковский Валентин Алексеевич (1858–1918)	ординарный профессор С.-Петербургского университета	«Возникновение стипендий Министерства иностранных дел на факультете восточных языков С.-Петербургского университета»	1902
Щеглов Владимир Георгиевич (1854–1927)	ординарный профессор Демидовского юридического лицея	«История Демидовского юридического лицея за истекающее столетие его существования»	1902, 1903
Бржезинский Михаил Алексеевич (?–1914)	директор 2-й Виленской гимназии	«Осмотр гр. Протасовым Белорусского учебного округа»	1902
Благовидов Федор Васильевич (1865–?)	экстраординарный профессор Казанской духовной академии	«Положение студенчества в русских университетах до 1857 г. включительно»	1902
Эйнгорн Виталий Осипович (1862–1947)	преподаватель 1-й Московской гимназии	«История Московского главного народного училища и Московской 1-й гимназии»	1902, 1903
Родзевич Николай Николаевич (?–1919)	Преподаватель Одесского кадетского корпуса	«Состояние русских университетов с 1855 по 1863»	1902
Купалов Анатолий Юлианович (1880–1920)	студент историко-филол. ф-та С.-Петербургского ун-та	Биографии Катенина, Олина, Орлова, Смарадова, Смирновых, Щеглова и Щастного для Русского биографического словаря (Далее – РБС)	1902
Ельницкий Андрей Елифанович (1880–?)	студент юридического ф-та С.-Петербургского ун-та	Биография бывшего директора ДНП В. М. Попова для РБС	1902

Федоров Леонид Иванович (1879–1935)	студент С.-Петербургской духовной академии	«Духовное завещание римско- католического митрополита Сестренцевича-Богуща»	1902
Рождественский Сергей Васильевич (1868–1934)	приват-доцент С.-Петербургского университета	«Специальные исследования по отдельным вопросам из истории народного просвещения в конце XVIII и первой половине XIX в.»	1902, 1903, 1905
Ламанский Владимир Иванович (1833–1914)	ординарный академик АН	«Служебная деятельность С. А. Рачинского и выход его и Б. Н. Чичерина из числа профессоров Московского университета»	1902
Радлов Эрнест Леопольдович (1854–1928)	Редактор «Журнал Министерства народного просвещения» (Далее – «ЖМНП»)	«Биографические данные о бывшем директоре Нежинского лицея (1834–1854) профессоре психологии Эжеblade», история «ЖМНП»	1902, 1903
Анненская Александра Никитична (1840–1915)	детская писательница	История Бестужевских курсов	1903
Багалай Дмитрий Иванович (1857–1932)	профессор Харьковского университета	История Харьковского университета (1835–1884)	1903
Гласко Борис Владиславович (?–?)	студент С.-Петербургского университета	Биография профессора Штейнцлера	1903
Головачев Петр Михайлович (1861–1913)	магистрант русской истории	История Иркутской гимназии	1903

Иванова Зинаида Сергеевна (псевд. – Н. Минович, 1865–1913)	писательница, деятельница женского движения	История женского образования	1903
Козмин Николай Кирович (1873–1942)	преподаватель женских гимназии Вед-ва учр. имп. Марии	Николай Иванович Надеждин	1903
Корейша Яков Александрович (1871–?)	преподаватель Иркутской гимназии	История Иркутской гимназии	1903
Малевский Иван Францевич (?–?)	надворный советник	Собрание сведений об Адаме Мицкевиче для музея, основанного его сыном в Париже	1903
Мушников Владимир Федорович (?–?)	преподаватель Тенишевского училища	«Вопрос о состоянии частных пансионов в России в XVIII и первой половине XIX столетия»	1903
Павлова-Сильванская Александра Павловна (?–?)	дочь д. с. с.	Биография профессора Толмачева	1903
Петров Александр Александрович (?–?)	студент С.-Петербургского университета, сотрудник «Биографического словаря»	Биография бывш. Попечителя Варшавского учебного округа	1903
Сукачев Владимир Платонович (1849–1920)	издатель, коллекционер, почетный попечитель Иркутской гимназии	История Иркутской гимназии	1903

Тройницкий Григорий Александрович (1844–1914)	член Совета министра земледелия и государственных имуществ	История Ришельевского лицея в 1830-е гг.	1903
Дмитриев-Мамонов (?–?)	губернский секретарь, причисленный к Министерству внутренних дел	«По вопросу социально- революционного движения в России с 1895 по 1905 год»	1905
Озаровский Александр Эрстович (1861–1925)	капитан	«По вопросу об истории Дворянского полка и преемственных ему военно- учебных заведений»	1905
Переселенков Степан Александрович (1865–1941)	преподаватель приюта принца Ольденбургского	«История Новочеркасской мужской гимназии», «История литературы первой половины XIX века»	1905
Пташицкий Станислав Львович (1853–1933)	приват-доцент С.-Петербургского университета	«По вопросу о деятельности римско-каатолического митрополита Сестренцевича»	1905
Тодорский Павел Петрович (?–?)	студент С.-Петербургской духовной академии	«По вопросу об истории просвещения в эпоху Екатерины II»	1905
Вержбовский Федор Францевич (1853–1923)	ординарный профессор Варшавского университета	«Материалы по истории учебных заведений в Польше и Литве в XVIII столетий»	1905

В. В. БЕРСЕНЕВ

Государева помощь и призрение жертв катастрофы 17 октября 1888 года

Аннотация: Статья посвящена оказанию помощи жертвам железнодорожной катастрофы в Борках в 1888 г. Рассматриваются вопросы реабилитации раненых придворнослужителей, служащих Министерства путей сообщения и солдат железнодорожного батальона. Внимание также уделяется организации выплат пенсий, пособий, трудоустройству инвалидов и помещения сирот на казенный счет в благотворительные и средние учебные заведения.

Ключевые слова: железнодорожная катастрофа 1888 г., Борки, помощь, погибшие, раненые, лечебные заведения, пенсии, пособия.

Царствование императора Александра III, сопровождающееся поступательным движением экономической, политической, культурной составляющих динамического развития Российской империи в конце XIX века, не проходило по накатанной колее железнодорожного полотна. И это не фигура речи. Подтверждением этого может служить трагедия 19 октября 1888 г. при Борках, произошедшая, как установила комиссия обер-прокурора уголовно-кассационного департамента Сената А. Ф. Кони, вследствие разгона царского поезда до скорости в 67 верст в час ради *«представившейся счастливой возможностью проявить каким бы то ни было образом свою любовь и преданность к Его Особе (императора. — В.Б.). Паровозная прислуга, находясь в таком состоянии, слушая даже ободрение со стороны высшего начальства за нарушение им же утвержденное и составленное... расписания, получает возможность проявить свое усердие наиболее простым... способом — возможно быстрым движением»*¹.

Превышение скорости движения в совокупности с расшатыванием паровоза привели к катастрофе, размах и последствия которой намного превышали крушение свитского поезда 1 декабря 1879 г. под Москвой, лишь случайно не стоившее жизни загнанного со всех сторон народовольцами императора Александра II. На этот раз трагедия, повлекшая гибель 23 пассажиров поезда, привела

---

¹ *Магазинер Н.А.* Императорские поезда: как это было. Хроника строительства и эксплуатации. СПб., 2017. С. 61.

к полному разрушению вагона-столовой, в котором находились император, императрица и венценосные дети. Лишь промысел Божий или счастливая случайность уберегли императорскую фамилию от трагических последствий крушения. И хотя народная молва приписывала причину катастрофы преднамеренному взрыву бомбы, подложенной революционерами в форму для приготовления мороженого, о чем упоминал жандармский генерал А. И. Спиридович в своих воспоминаниях, никаких реальных доказательств деятельности посторонних лиц, которая могла бы привести к трагедии, следствие не выявило².

Особенно эмоционально-окрашенными выглядят описания трагедии, сделанные императрицей Марией Федоровной в письме своему брату греческому королю Георгу I, от 6 ноября 1888 г.: *«Как раз в тот самый момент, когда мы завтракали, нас было 20 человек, мы почувствовали сильный толчок и сразу за ним второй, после которого все мы оказались на полу и все вокруг нас зашаталось и стало падать и рушиться. Все падало и трещало как в Судный день. В последнюю секунду видела еще Сашу, который находился напротив меня за узким столом и который затем рухнул вниз вместе с обрушившимся столом. В этот момент я инстинктивно закрыла глаза, чтобы в них не попали осколки стекла и всего того, что сыпалось отовсюду... Когда мы выбрались из этого ада, все мы были с окровавленными лицами и руками, частично это была кровь от ран из-за осколков стекла, но в основном это была кровь тех бедных людей, которая попала на нас, так что в первую минуту мы думали, что мы все были тоже серьезно ранены»*³. Ю. А. Молин так описывает этот драматичный момент: *«Ветер, холодный и пронзительный, леденил изувеченных и раненых, которые лежали на мокром глинистом дне балки. Александр Александрович приказал развести костры. Император, чувствуя боль в пояснице и в правом бедре, как раз в том месте, где был массивный портсигар в кармане брюк, ходил, слегка прихрамывая, среди раненых и с удивлением заметил, что на него никто не обращает внимания, как будто он не царь... Через несколько месяцев после... катастрофы лейб-медики обратили внимание на постепенное изменение внешнего вида*

² Спиридович А. И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960. С. 138.

³ Кудрина Ю. В. С высоты престола. Император Александр III и императрица Мария Федоровна. М., 2013. С. 172, 174.

царя – у него появилась бледно-желтушная окраска и небольшая одутловатость кожных покровов»⁴.

Трагедия, произошедшая с царским поездом, воспринималась императорской фамилией как семейно-придворная драма, была глубоко пережита и памятна на протяжении десятков лет. Кровь придворнослужащих, лиц свиты, железнодорожников, охраны не только пробудила чувство сострадания, но уже с первых минут отозвалась деятельным участием со стороны царской семьи. Императрица лично оказывала помощь раненому инспектору железных дорог барону К. Г. Шернвалю, а цесаревич с братом Георгием вытаскивали из-под обломков жертв катастрофы.

Вскоре, когда телеграф разнес по всей России весть о произошедшей с царской семьей трагедии, вся страна содрогнулась от этого страшного известия и одновременно откликнулась повсеместными молебнами в честь невероятного чуда избавления августейшей фамилии от гибели, а государства от смуты.

В данной статье хотелось бы осветить малоизвестные факты, касающиеся помощи Министерства императорского двора (Далее – МИДв) и Министерства путей сообщения (Далее – МПС) чиновникам и служащим, непосредственно пострадавшим в катастрофе, а также семьям и родственникам погибших.

Надо отметить, что организация первичной помощи раненым и эвакуация тел погибших были проведены в кратчайшие сроки. Вскоре после прибытия свитского поезда, забравшего царских детей, подошел санитарный поезд с доктором К. А. Раухфусом. Управляющий Придворно-конюшенной частью генерал В. Д. Мартынов погрузил раненых и отвез их в Харьков. Пострадавших из числа придворнослужащих направили в Санкт-Петербург, раненых железнодорожников и нижних чинов 1-го железнодорожного батальона разместили в хирургической клинике Харьковского университета, больнице управления Курско-Харьково-Азовской железной дороги, Харьковской городской Александровской больнице и частной клинике профессора В. Ф. Грубе. Трупы погибших частично отправили

---

⁴ Молин Ю. А. Романовы. Путь на Голгофу. Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2002. С. 438–439.

в Санкт-Петербург, частично (6 человек нижних чинов железнодорожного батальона, уроженцев Юга) похоронили в Харькове»⁵.

В Российском государственном историческом архиве сохранились подробнейшие медицинские карты, истории болезней раненых, результаты вскрытия тел умерших и микробиологических исследований, находящихся на излечении в клинике Харьковского университета. Лечением пострадавших занимался профессор хирургической клиники Харьковского университета И. К. Зарубин вместе со своими учениками.

В Санкт-Петербург первую партию раненых из 6 человек доставили 20 октября. После их размещения в здании госпиталя Санкт-Петербургского дворцового управления на Большой Конюшенной улице они были осмотрены главным врачом И. Ф. Масловским, доктором Ф. А. Рощининым и ординатором Ивановым. Один из раненых, чернорабочий Н. Никольников, после осмотра был отпущен домой к родителям в Гатчину. Несколько придворнослужителей (официант Н. Полунин и поваренный ученик С. Леонов) проходили курс лечения в хирургическом бараке Общины св. Георгия под наблюдением хирурга В. Н. Зененко⁶.

Вскоре после возвращения императорской фамилии в Санкт-Петербург состоялись похороны погибших в катастрофе. На траурных катафалках сначала от Московского вокзала по Невскому проспекту, а затем уже в соответствии с местом упокоения их развезли по кладбищам. Такой же траурный ритуал соблюли по отношению к погибшим кондукторам-католикам К. О. Каралису и Ю. С. Стрельцунасу, которых похоронили на кладбище при костеле св. Екатерины на Выборгской стороне.

Уже в декабре 1888 г. МИДв озаботилось проблемой оказания помощи семьям погибших и раненых. Всего погибло 9 чиновников и придворнослужителей ведомства. Министр императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков внес предложения императору об основных принципах оказания вспомоществования семьям погибших

⁵ Российский государственный исторический архив (Далее – РГИА). Ф. 229. Оп. 2. Д. 1497. Л. 6.

⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 25. Внутр. оп. 396/1916. Д. 26. Л. 384–393.

и раненых. В своих Предложениях граф писал: «Так как многие из этих лиц не имели права на пенсию из казны или не успели еще приобрести этих прав, а остальные выслужили лишь незначительные пенсии, то представилось неизбежным главенствующую долю обеспечения, соображенных с положением каждого семейства, предположить к отнесению на счет Кабинета Вашего Величества. При определении способов обеспечения, особенное внимание обращено на судьбу осиротевших детей, большую частью малолетних»⁷. Далее министр предлагал разделить вспомоществование на пенсии и пособия, а также предлагал поместить детей пострадавших в учебные заведения. В своих Предложениях граф настаивал на том, что «обеспечения, достаточные... для безбедного и спокойного существования всех, находившихся на попечении погибших, указывают, по мнению моему на необходимость особого наблюдения за целесообразным употреблением средств, испрашиваемых для семейств, в которых находятся несовершеннолетние дети, и в том числе их, круглые сироты»⁸. Он полагал, что «в столь исключительном случае уместным в состав опеки над несовершеннолетними детьми назначать опекунов от тех учреждений МИДв, в ведении которых служили отцы этих детей, с тем, чтобы опекуны, независимо от отчетности в общеустановленном порядке, представляли Министерству... для доведения до высочайшего Вашего Величества сведения... для убеждения в целесообразности затрат, обеспечивающих детей средств... и мер, принимаемых для их воспитания»⁹.

Надо сказать, что МИДв не скупился тратить деньги на оказание медицинской помощи придворнослужителям. Сразу же по размещении раненых в госпитале Санкт-Петербургского дворцового управления в Фуражном дворе им была оказана квалифицированная медицинская помощь, благодаря которой многие из раненых вскоре вернулись на службу.

Главнейшей же обязанностью по отношению к семьям погибших и раненых для МИДв было оказание им материальной поддержки. Руководствуясь Уставом о пенсиях, чиновники и придворнослужители получили более чем достойное материальное обеспечение.

⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 25. Внутр. оп. 396/1916. Д. 26. Л. 153 об.

⁸ Там же. Л. 153 об.

⁹ Там же. Л. 154.

При этом прохождение этого бюрократического процесса часто зависело от степени близости покойного к членам императорской фамилии и от его придворных связей. Так, полные сироты погибшего лекарского помощника, коллежского асессора Х.Н. Чуковера, служившего в Аничковом дворце, тёща которого Анастасия Павлова служила камер-юнгферой при великой княжне Ксении Александровне, получили сказочное содержание. Старшая дочь погибшего Любовь, учащаяся в Александровской половине Смольного института за счет Кабинета е.и. в., получила возможность после окончания курса два года усовершенствоваться в иностранных языках при институте, а ее сестра Мария поступила в Смольный на место сестры. Каждой из них была назначена пенсия в 350 рублей в год до вступления в брак, а их брату Николаю жаловано 250 рублей в год до помещения его в учебное заведение. Кроме опеки над сиротами со стороны тети А. Павловой, МИДв назначил над ними опекуна со стороны министерства, а именно А. В. Кузнецкого, служившего казначеем Конторы августейших детей и наблюдавшего за соблюдением имущественных прав опекаемых, ибо на счете их покойного отца осталось 12120 рублей его личного капитала¹⁰.

Очень приличные пенсии получили родные погибших официантов. Вдове умершего от ран Генриха Лаутера назначили пенсию в размере 600 рублей, а его приемышу 150 рублей. Вдова Григория Федорова получила пенсию размером 300 рублей, а также 300 рублей пенсии и пособие в 150 рублей — на сына¹¹.

Не забыты были и дети погибших. Дочь ездowego придворной конюшни Елена Баскова была по достижению соответствующего возраста помещена в Демидовский дом призрения трудящихся на счет Кабинета его величества¹².

Кроме выплат пенсий и пособий МИДв оказывал помощь в реабилитации пострадавших. Так, после прошения лакея Высочайшего двора Анисима Аксенова, лечившегося в Харькове и получившего ранения ноги, Кабинет е.и. в. оплатил ему курс

¹⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 25. Внутр. оп. 396/1916. Д. 26. Л. 96–98, 156–157, 188–189.

¹¹ Там же. Л. 130, 139.

¹² Там же. Л. 162.

реабилитации в известной в России грязелечебнице в Гапсале (Эстляндия)¹³.

Как всегда бывает при дележе больших денег, кто-то казался обойденным. В частности, вдовы официантов Лаутера и Федорова, камер-казака Сидорова, камердинера Сафронова для отстаивания своих денежных интересов наняли присяжного поверенного И. М. Васильева с целью получения справок о величине денежного содержания, пособий и выплат их мужьям на службе в МИДв для обращения в суд против Правления Курско-Харьковско-Азовской железной дороги на предмет денежной компенсации¹⁴.

Следующей большой группой пострадавших в катастрофе 1888 г. были железнодорожные служащие. МПС в оказании помощи своим служащим несколько задержалось. Только в октябре 1889 г. внутри Министерства была учреждена Комиссия для рассмотрения требований разных лиц о вознаграждении за вред и убытки, причиненные произошедшим 17 октября 1888 г. крушением императорского поезда¹⁵.

Сложность в оказании помощи семьям погибших путейцев заключалась в их ведомственной разобщенности, ибо большая часть пострадавших служила на казенной Николаевской железной дороге, а другая — на частной Курско-Харьковско-Азовской железной дороге. Из-за этого наблюдалась существенная разница в пенсионном обеспечении семей погибших служащих. Так, родственники обер-кондуктора частной дороги Петра Морозова от правления Общества получили в пособие 12000 рублей. Вдова погибшего Виктория Адамовна Морозова вместе со своим отцом, товарищем прокурора Изюмского окружного суда, Адамом Жилинским были признаны решением Харьковского городского сиротского суда законными опекунами над сыном обер-кондуктора Виктором и распорядителями громадной по тем временам суммы¹⁶.

В тоже время семьи погибших кондукторов Николаевской железной дороги К. О. Каралиса и Ю. С. Стрельцунаса получили

¹³ РГИА. Ф. 472. Оп. 25. Внутр. оп. 396/1916. Д. 26. Л. 139, 416, 424.

¹⁴ Там же. Л. 424–425.

¹⁵ Там же. Л. 434.

¹⁶ Там же. Л. 126–128.

ежегодное пособие в 303 рубля за потерю кормильца и 13 рублей 50 копеек на воспитание каждого ребенка¹⁷. Пенсии слесарей Николаевской железной дороги И. Харламова и Г. Михайлова были значительно меньше, из-за чего они неоднократно обращались в Кабинет е.и. в. Им сначала выделили одноразовые пособия, а затем назначили каждому пенсию по 420 рублей в год и пособие на детей¹⁸.

Совсем небольшие деньги получили от Военного министерства вдовы нижних чинов 1-го железнодорожного батальона, которых погибло 6 человек¹⁹. Стремясь увеличить размер пенсии, они также обращались в Кабинет е.и. в., но добиться этого было непросто. Даже вдове ефрейтора батальона, дворянина Полтавской губернии К.М. Загурского, только после многочисленных прошений и справок из канцелярии Полтавского губернатора о ее материальном положении была назначена пенсия 420 рублей и пособие на дочь²⁰. Нижние чины из крестьян для получения более-менее приличной пенсии должны были пройти процедуру тщательной негласной проверки местной полицией материального положения их семей. После этого губернатор сообщал полученные сведения в МИДв.

В донесениях губернаторами указывалась величина земельного надела, количество скота, птицы, ульев, доходы членов семьи, состояние иждивенцев. Принималась во внимание денежная помощь семье от погибших солдат. Если МИДв не оказывало денежной помощи, то оно могло трудоустроить просителя у себя в ведомстве, как это случилось с кондуктором Николаевской железной дороги Павлом Гедричем, которого определили лакеем Высочайшего двора²¹.

Помимо материальных благ, важным для семей погибших являлось увековечивание памяти жертв катастрофы и ежегодный молебен 17 октября, который устраивала императорская фамилия. На него приглашались пострадавшие в катастрофе чиновники и придворнослужители. Даже в XX веке царь Николай II не переставал оказывать знаки внимания придворнослужителям, участникам

¹⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 25. Внутр. оп. 396/1916. Д. 26. Л. 118-119.

¹⁸ Там же. Л. 305-308, 324-330.

¹⁹ Там же. Л. 272.

²⁰ Там же. Л. 284, 470-472.

²¹ Там же. Л. 262.

трагедии, выделяя их в отдельную группу лиц при христосовании во время празднования Пасхи Высочайшим двором²².

Можно предположить, что чудесное спасение императорской фамилии под Борками для большинства населения империи стало своеобразным знамением правильности выбранного государем пути России, что воплотилось в наименовании его царем-мироотворцем, а помощь вдовам и раненым в катастрофе способствовала укреплению его авторитета как мудрого и щедрого монарха.

---

²² РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1610. Л. 60.

В. В. БОБРОВНИКОВ

**Буддийская община России в конце XIX — начале XX вв.
(по материалам фонда Департамента духовных дел
иностранных исповеданий МВД в РГИА)**

Аннотация: В предлагаемом исследовании речь идет о положении буддийской общины в России в конце XIX — начале XX вв. Проанализированы документы фонда 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел), хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. В эпоху контрреформ, в 1880–1890-е гг., религиозная жизнь буддийской общины была законодательно регламентирована, в силу чего распространение буддизма сдерживалось административными мерами. Революционные события 1905 и 1917 гг. повлекли за собой демократизацию общественной и религиозной жизни страны, что также сказалось и на правовом положении приверженцев буддийского вероисповедания.

Ключевые слова: Архивные документы, буддизм, Департамент духовных дел иностранных исповеданий, контрреформы, конфессия, ламаизм, община.

На протяжении истории стремительное расширение границ Российского государства сопровождалось включением в его состав многочисленных народов с их самобытным образом жизни, культурой и религией¹. Подданные Российской империи исповедовали все мировые религии. Буддизм является традиционным вероисповеданием для двух народов Восточной Сибири — бурят и тувинцев, а также для проживающих в поволжских степях калмыков. В середине XVIII в. буддизм получил косвенное признание благодаря распорядительному указу, изданному от лица российского монарха². Тем не менее, по мнению историка Н. В. Цыремпилова, вплоть до выхода указа о свободе вероисповедания в 1905 г., неправославные религиозные общины были значительно ограничены в правах, а христианизация окраин являлась одним из приоритетов в освоении имперской периферии³.

---

¹ Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII — нач. XX вв.). Улан-Удэ, 2013. С. 29.

² Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский и Положение о ламайском духовенстве 1853 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 72. С. 32.

³ Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России... С. 38.

Первая половина XIX в. была периодом укрепления буддийской общины – сангхи в Восточной Сибири, закрепления ее центра в Гусиноозерском дацане с духовным главой Бандидо-хамбо ламой⁴. Имперское покровительство легитимным религиозным общинам сопровождалось их подчиненным положением властям, которое обеспечивалось их встроенностью в бюрократический аппарат⁵.

В 1810 г. Александр I создал Главное управление духовных дел иностранных исповеданий. В 1832 г. ведомство было преобразовано в Департамент духовных дел иностранных исповеданий при Министерстве внутренних дел. В Департаменте было сосредоточено все делопроизводство о деятельности неправославных религиозных общин России. Делопроизводственная документация ведомства хранится в фонде 821 Российского государственного исторического архива.

Фактически разработка законодательства по управлению буддийской общиной Восточной Сибири, которое действовало до конца существования Российской империи, связана с именем генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. Интересы России на Дальнем Востоке касались и политики России в отношении приграничных народов, особенно бурят-монголов, связанных религиозными отношениями с подданными соседней Цинской империи⁶. В 1853 г. было издано «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири». Документ законодательно устанавливал штат лам в регионе, которых по закону должно было насчитываться 285. Правительством было признано 34 дацана, и с 1853 г. вплоть до конца XIX в. власти не выдали более ни одного официального разрешения на строительство новых храмов. Школа, рассчитанная на 35 учеников, была дозволена лишь в одном Гусиноозерском дацане⁷. Таким образом, данное законодательство значительно ограничивало распространение буддизма в регионе.

---

⁴ Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России... С. 38.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Там же. С. 153.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 422. Л. 134.

В эпоху контрреформ 1880–1890-х гг. наблюдалось значительное усиление позиции православной миссии в Сибири. Сохранились сведения, повествующие о насильственном крещении инородцев в данный период времени. О притеснениях буддистов Восточной Сибири при обращении их в православие сообщают документы, хранящиеся в фонде Канцелярии обер-прокурора Синода⁸. Насильственное крещение, как указывается в источнике, «с облавами в лесах, с побоями, истязаниями, даже над беременными женщинами, совершались полицией по требованию местного духовенства»⁹. Сведения дошли до иркутского генерал-губернатора, и началось следствие. Местная власть, зачастую, не препятствовала таким действиям миссионеров. Высказывались предположения, что все это исходило от епархиальных властей.

О политике сдерживания расширения буддийской общины Восточной Сибири в эпоху правления Александра III свидетельствует доклад обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева «О вредном влиянии на инородцев лам и нарушении ими “Положений” 1853 г.»¹⁰. Доклад изобилует жесткой обвинительной риторикой в адрес буддийских лам. В нем говорится о проблеме экономического отягощения мирян ламами, облагавшими местное население высокими поборами и собиравшими обильные подношения¹¹. По мнению автора источника, действия ламаитского духовенства служили причиной того, что забайкальские буряты «до сих пор не перешли в оседлое состояние»¹². В описании нравов, царящих в среде буддийского духовенства, указывалось на их невежество, занятие незаконной торговлей. Проповедники ламаитского учения обвинялись в главном преступлении перед государством — «в уклонении от принятия христианской веры»¹³.

Обширные материалы о положении буддийского духовенства Восточной Сибири оставил служащий Департамента духовных дел

⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 62. П отд. 3 ст. Д. 63. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 412. Л. 35.

¹¹ Там же. Л. 35.

¹² Там же. Л. 30.

¹³ Там же. Л. 35.

иностранных исповеданий князь Э.Э. Ухтомский, командированный в Забайкалье в 1886 г. с целью сбора сведений о положении местных ламаитов, а также для выяснения причин противоречий между православными миссионерами и буддийским духовенством. В Забайкалье Э.Э. Ухтомский видел «ключ к Сердцу Азии», а буддийских подданных считал важным инструментом для расширения русского влияния в регионе¹⁴.

В своем отчете о командировке за 1886 г. служащий Департамента свидетельствовал о широком распространении и высокой роли буддизма в общественной жизни бурят¹⁵. Дацаны, по замечаниям автора источника, в иных местностях начинали походить на городки. Вокруг кумирен и домов штатного ламства постоянно строились жилища, иногда открывались лавки¹⁶. Констатировался факт присутствия при дацанах заштатного ламства и обучающейся молодежи, что нарушало ограничительные меры Положения 1853 г. Каждый штатный и нештатный лама держал при себе по два, три, а иногда и по пять учеников. Число духовных лиц, как отмечал автор отчета, значительно превышало допустимое количество. Так, в Цугольском дацане проживало множество бессемейных бурят духовного звания. Всего, если считать детей и подростков, насчитывалось не менее тысячи человек¹⁷. Аналогичная картина наблюдалась при посещении Эгитуйского дацана: *«Я очутился во дворах заштатного ламства, всюду наталкиваясь на учеников и более старших духовных, на картину обучения детей грамоте»*, — отмечается в источнике. Примечательным являлся описанный чиновником случай нарушения буддийским духовенством закона 1853 г.: *«Пройдя затем к дому шеритую, я нашел его беззаботно попивающим чай и рядом с ним молодую бурятку. Остолбенение его закончилось лишь после моего отъезда. Характерным казался сам факт нарушения § 43 Положения. Хамба решил сместить виновного, чтобы доказать заботу о сохранении Положения. Это доказывает, как*

¹⁴ Суворов В. В. Национально-религиозные взгляды князя Э. Ухтомского // Власть. 2010. № 9. С. 68–70.

¹⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 420. Л. 127.

¹⁶ Там же. Л. 127.

¹⁷ Там же. Л. 135.

жутко становится ламам при мысли о наказании со стороны правительства», — писал автор отчета¹⁸.

Правительство отказывало буддистам в открытии новых школ¹⁹. Духовное учебное заведение было дозволено только в Гусиноозерском дацане. Однако, как писал Э.Э. Ухтомский, «в силу обычая, религиозно-нравственное образование постоянно велось хотя бы тайком, наперекор гонениям»²⁰. В каждой семье, имеющей более двух сыновей, существовал обычай отдавать одного из них в духовное звание²¹. Э.Э. Ухтомский подробно описывал организацию учебного процесса в буддийской школе: «*Мальчиков, предназначенных в духовное звание, родители отдают ламам — бедные заштатным, с 10-летнего возраста, когда ученики уже могут работать на учителей, богатые — бедным, чтобы последние, в благодарность за получаемую одежду и пищу прислуживали ховарчикам, начиная с 6–7-летнего возраста*»²². Вставая с восходом солнца, юные послушники умывались, зажигали лампаду перед бурханами и отправлялись для совершения служения. Вернувшись домой и взяв учебную книгу, ховарки шли к учителю сдавать заданный вечером урок. Его отвечали, стоя на коленях и сложив руки на груди крестом²³. До полудня учителя занимались с учениками, которые после торопились на хурал. Около пяти и к девяти часам вечера они приходили к наставникам отвечать урок и прослушать новый²⁴. Сначала обучение сводилось к механическому заучиванию наизусть круга молитв на тибетском языке, а затем только наставники разрешали приступить к переводу прочитанного. Вникать в содержание религиозных книг разрешалось лишь по достижении определенной зрелости²⁵.

«Дело преподавания ведется строго. За леность и шалости мальчиков ждет наказание. Обучение подрастающего поколения среди ламаитов

---

¹⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 420. Л. 137.

¹⁹ Там же. Л. 140.

²⁰ Там же. Л. 142.

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 421. Л. 7.

²² Там же. Д. 420. Л. 142.

²³ Там же. Л. 142.

²⁴ Там же. Л. 145.

²⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 421. Л. 144.

производится точь-в-точь как в древней Индии», — отмечал в отчете Э.Э. Ухтомский²⁶.

Подводя итоги командировки, в приложении к отчету дипломат констатировал, что меры правительства по ограничению распространения буддизма в Забайкалье не привели к желаемому результату: заштатные ламы продолжали заниматься отправлением культа, постройки при дацанах расширялись, школы тайно существовали при всех дацанах²⁷.

Жизнь буддийской общины калмыков также регламентировалась соответствующим законом. В 1847 г. было издано «Положение по управлению калмыцким народом», согласно которому религиозная власть в Калмыкии принадлежала Ламе калмыцкого народа. Глава буддийского духовенства назначался Сенатом с согласия Министерства государственных имуществ, поэтому являлся должностным лицом в системе государственной администрации²⁸. Тем не менее, власть российского монарха воспринималась буддийским населением края весьма позитивно. В фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий сохранилось ходатайство от калмыков Барунова рода о разрешении им сделать надпись на построенной ими в своем кочевье часовне-цаце, что сооружена она была в память о коронации императора Александра III и императрицы Марии Федоровны²⁹. Ходатайства калмыков о строительстве новых храмов и часовен часто встречали отказ, мотивированный тем, что подобные действия мешали делу распространения христианства среди местного населения³⁰. В то же время, ходатайство калмыка Цимбилева от 5 июля 1897 г., о разрешении в урочище Шаради-Хапхачи строительства молитвенного дома-сюме, считающегося воздвигнутым в память о почившем императоре Александре III, не встретило препятствий у властей³¹.

²⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 420. Л. 146.

²⁷ Там же. Д. 422. Л. 134.

²⁸ Уланов М. С. Буддизм в культурно-конфессиональном пространстве России. Элиста, 2021. С. 69.

²⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 397. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 22.

³¹ Там же. Л. 33.

Рубеж XIX–XX вв. в России ознаменовался нарастающим общественно-политическим кризисом, который вылился в 1905 г. в Первую русскую революцию³². Религиозный вопрос стал одним из самых острых в общественной жизни того времени. Ключевым моментом было издание именного Указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». В фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий хранятся делопроизводственные документы о разработке новых законоположений о вероисповеданиях ламаитов бурят и калмыков. Буряты-буддисты требовали пересмотреть Положение 1853 г., изменить законодательство и административную практику в соответствии с новыми условиями. В частной записке бурят-буддистов от 7 февраля 1905 г. на имя председателя Комитета министров С. Ю. Витте содержатся требования о разрешении свободного перехода в буддизм и отмене административного преследования за вероотступничество³³. Один из ключевых вопросов заключался в требовании отменить закон от 1890 г., согласно которому буддисты Иркутской губернии были изъяты из ведения своего духовного главы Хамбо-ламы и отданы в ведение губернской администрации³⁴. Тем самым было нарушено единство бурятской буддийской общины-сангхи. На состоявшемся в мае 1905 г. Особом совещании Кабинета министров ходатайство иркутских бурят о подчинении их ведению Хамбо-ламы было удовлетворено. Целостность сангхи была восстановлена³⁵.

Особыми совещаниями в России называли комиссии из административных лиц и представителей общества, которые формировались для рассмотрения особо важных вопросов и разработки законопроектов. Особому совещанию по делам веры было поручено пересмотреть действующее законодательство о ламаитском вероисповедании в соответствии с Указом от 17 апреля 1905 г. Выслушав

---

³² Терюкова Е. А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII – начало XX вв.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 206.

³³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 16. Л. 1.

³⁴ Там же. Л. 2.

³⁵ Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России... С. 199.

ходатайства представителей духовенства и мирян, на одном из частных заседаний, состоявшемся 27 января 1906 г., Особое совещание рассмотрело следующие ключевые положения о религиозных нуждах бурят-буддистов: о наименовании верующих в официальных документах как «буддистов»; о разрешении постройки дацанов и хуралов и увеличении штата лам, так как установленный в середине XIX в. штат не удовлетворял растущему числу исповедников культа; о праве проживания мирян при дацанах; о разрешении высших философских школ при дацанах и другие вопросы, касающиеся расширения прав буддийской общины Забайкалья³⁶.

Прошения калмыков-ламаитов Астраханской губернии, адресованные высшим государственным органам, содержали требования по пересмотру ограничительных мер Положения 1847 г. В их числе ходатайства об избрании Ламы-главы калмыцкого духовенства калмыцким народом, об устройстве молитвенных домов и устранении стеснений со стороны православных миссионеров³⁷. С 1906 г. калмыцкие общины начали сами избирать главных лам и строить новые хуралы³⁸. Вплоть до начала XX в., в силу неразвитости монастырского образования, в Калмыкии отсутствовала высшая буддийская философская школа цанид³⁹. Её открытие было связано с именем выдающегося религиозного деятеля, буддийского ламы Агвана Доржиева. В фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий хранится ходатайство А. Доржиева астраханскому губернатору о разрешении на строительство школы в Малодербетовском улусе в 1906 г., наподобие той, что существовала у бурят в Гусиноозерском дацане⁴⁰.

Указ от 17 апреля 1905 г. впервые в истории России признавал юридически возможным переход из православия в другие исповедания. Документы, хранящиеся в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий, сообщают о массовом переходе

³⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 34. Л. 52–57.

³⁷ Там же. Д. 19. Л. 3, 12.

³⁸ Житенев Т. Е. Буддизм в России: вехи истории // Вестник Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2011. № 7. С. 196.

³⁹ Там же. С. 194.

⁴⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 397. Л. 100.

забайкальских бурят в буддизм, после издания Указа⁴¹. Буряты Забайкальской области и Иркутской губернии подавали прошения на имя генерал-губернатора с просьбой исключить их из числа православных и приписать к буддийскому исповеданию. В то же время, подобные действия встречали препятствие со стороны местной администрации. «Прошения сначала препровождались в Иркутскую духовную консисторию, отсюда они рассылались для увещевания просителей теми священниками, в приходе коих состоят просители», — сообщалось в письме иркутского генерал-губернатора министру внутренних дел от 17 мая 1907 г.⁴² Однако в ответном письме министра разъяснялось, что для удовлетворения ходатайств достаточно было удостовериться в принадлежности заявителя или его предков к той религии, в которую он желал вернуться. Никаких сроков в данном случае не устанавливалось и увещевание со стороны православного духовенства не требовалось⁴³.

Знаковым событием в жизни буддийской общины Российской империи было строительство в Санкт-Петербурге буддийского храма, открытие которого состоялось в 1915 г. на северной окраине города, в Старой Деревне⁴⁴. Инициатива основать в столице буддийский храм принадлежала Агвану Доржиеву, выполнявшему в России функции доверенного лица Далай-ламы. Ходатайство Далай-ламы о постройке в российской столице молитвенного здания было передано в Министерство иностранных дел. Глава этого ведомства А. И. Извольский сочувственно отнесся к просьбе, отметив в своем письме к министру внутренних дел от 7 июня 1908 г.: «Далай-лама дружески расположен к России и сохранение добрых с ним отношений имеет для нас существенное значение как с точки зрения политических интересов в Китае, так и в смысле возможности использования в благоприятную сторону его влияния на наших подданных ламайского исповедания»⁴⁵. Министр внутренних дел П. А. Столыпин разрешил постройку буддийской молельни, «при условии соблюдения правил

⁴¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 436. Л. 8.

⁴² Там же. Л. 8.

⁴³ Там же. Л. 12.

⁴⁴ Андреев А. Д. Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ, 1991. С. 13.

⁴⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. Л. 1.

Устава строительного»⁴⁶. Император Николай II, в свою очередь, во время аудиенции в начале 1909 г. заверил А. Доржиева: «Буддисты в России могут чувствовать себя как под крылом могучего орла»⁴⁷. Таким образом, разрешение наиболее высоких инстанций на строительство было получено.

Тем не менее, возведение первого в Европе буддийского храма наталкивалось на сопротивление со стороны консервативной общественности. Так, февральский номер газеты «Колокол» за 1910 г. вышел с колонкой, обличающей строительство иноверческого храма в российской столице: «Постройка языческого храма в православной столице будет позорным событием. Я предлагаю сплотиться верующим христианам в одно общество, и задачей его поставить всеми силами воспрепятствовать постройке языческого храма в Санкт-Петербурге», — писалось в газете⁴⁸.

Переломными в истории нашей страны были события 1917 г., оказавшие влияние на все сферы жизни общества⁴⁹. 2 апреля 1917 г. Временное правительство издало Постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», а 14 июля — Постановление «О свободе совести», отменив тем самым все ранее действующие ограничения по религиозному признаку.

Постановления Временного правительства вызвали активизацию религиозной жизни, выразившуюся, в частности, в новом витке массового перехода забайкальских бурят в буддизм. В фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий хранится «Общественный приговор жителей Кутульского ведомства Верхнеленского уезда Иркутской губернии о переходе в буддизм и протоколы собраний буддистов Иркутской губернии об открытии и обеспечении дацанов, и выборе лам»⁵⁰. Документ был адресован высшим органам власти и выражал религиозные нужды местного населения. Участники схода жителей Кутульского ведомства Верхнеленского

⁴⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. Л. 2.

⁴⁷ Андреев А. Д. Буддийская святыня Петрограда... С. 14.

⁴⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. Л. 55.

⁴⁹ Житенев Т. Е. Буддизм в России: вехи истории // Вестник Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2011. № 7. С. 197.

⁵⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 432. Л. 1.

уезда от 1 июля 1917 г., называвшие себя в общественном приговоре «гражданами», на основании свободы совести просили официально считать их буддистами⁵¹. Для удовлетворения религиозных нужд участники схода постановили построить молитвенный дом, обслуживаемый местными ламами.

На рубеже XIX и XX вв. в научных кругах и в среде русской интеллигенции наблюдался возрастающий интерес к культуре и религиям Востока. В частности, о привлекательности буддийского учения свидетельствует хранящееся в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий заявление Э. Голлербаха о намерении перейти из лютеранства в буддизм от 22 марта 1917 г.⁵²

Таким образом, документы, хранящиеся в фонде 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел), позволяют проследить изменения в положении буддийской общины Российской империи, происходившие в конце XIX – начале XX вв. От периода контрреформ и сдерживания распространения буддизма административными методами в годы правления Александра III до демократизации и оживления религиозной жизни в ходе революционных событий 1905 и 1917 гг.

---

⁵¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 432. Л. 1.

⁵² Там же. Д. 433. Л. 1.

Министръ
Иностранныхъ Дѣлъ

Юня 12 дня 1908.

№ 898

В. В. В. Ж. Ж. Ж.
15 ЮННЯ 1908

В. Секретно.

4144

320

Дружески
Възвращенъ
наши секретарь

Милостивый Государь

Петръ Аркадьевичь,

Довѣренное лицо Далай-ламы Старшей Цанить Лхарамбо Агванъ Доржиевъ, съ которымъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ поддерживаетъ негласныя сношенія - вернувшись нынѣ изъ Китая, изъ монастыря У - тайшань, гдѣ въ послѣднее время имѣлъ пребываніе Духовный глава ламаистовъ - передалъ рядъ ходатайствъ послѣдняго и въ томъ числѣ просьбу о разрѣшеніи ламаистамъ соорудить свой храмъ въ С. Петербургѣ.

Принимая въ соображеніе, что Далай-лама дружески расположенъ къ Россіи и что сохраненіе добрыхъ съ нимъ отношеній имѣетъ для насъ существенное значеніе какъ съ точки зрѣнія политическихъ интересовъ нашихъ въ Китаѣ, такъ и въ смыслѣ возможности использовать въ благопріятную сторону его вліяніе на нашихъ подданныхъ ламайскаго исповѣда -

о Прев-ву П. А. Столыпину. -

18 июня 1908 г. по указу А. П. Извольскаго.
Министръ иностранныхъ дѣлъ

Письмо министра иностранных дел А. П. Извольского председателю
Совета министров П. А. Столыпину о разрешении постройки
буддийского храма в Санкт-Петербурге
(РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. Л. 1)

Т. В. БОГДАНОВА

**Мариинский дворец — резиденция
Государственного совета и высших государственных
учреждений Российской империи
(по материалам РГИА)**

Аннотация: В статье дан обзор документальных материалов, хранящихся в фондах Российского государственного исторического архива. Мариинский дворец был выстроен по проекту архитектора А.И. Штакеншнейдера как свадебный подарок императора Николая I для своей любимой старшей дочери Марии. Во время правления императора Александра III он был выкуплен в казну. В Мариинском дворце разместились высшие государственные учреждения Российской империи. В различных фондах РГИА хранятся документы о приобретении дворца, выделении денег на его благоустройство, строительстве нового зала для общих собраний Государственного совета (после его преобразования в 1905–1906 гг.). По сохранившимся архивным материалам можно сделать вывод, что императоры никогда не жалели казенных средств для поддержания дворца.

Ключевые слова: Мариинский дворец, Александр III, Государственный совет Российской империи, высшие государственные учреждения Российской империи.

Великолепное здание Мариинского дворца было построено архитектором А.И. Штакеншнейдером в 1839–1844 гг. как свадебный подарок императора Николая I для своей любимой старшей дочери Марии, обвенчавшейся летом 1839 г. с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским.

После кончины великой княгини Марии Николаевны в 1876 г. дворец достался ее детям. Император Александр II 13 августа 1876 г. подписал именной указ Департаменту уделов о продолжении выделения сумм на ремонт Мариинского дворца (с флигелями и садом) по 25 000 рублей и дачи Сергеевки по 10 000 рублей в год *«впредь до того времени пока означенные дворец и дача будут принадлежать их императорским высочествам князьям Романовским герцогам Лейхтенбергским»*¹. Этот указ хранится в одном из фондов Министерства императорского двора (Далее — МИДв) в Российском государственном историческом архиве — фонде Главного управления уделов МИДв (Ф. 515).

---

¹ Российский государственный исторический архив (Далее — РГИА). Ф. 515. Оп. 1. Д. 87. Л. 400.

Впервые о приобретении Мариинского дворца для размещения в нем высших государственных учреждений Российской империи заговорили весной 1884 г. В своем дневнике государственный секретарь А. А. Половцов 24 апреля 1884 г. записал: «...Воронцов сообщает мне, что так как Лейхтенбергские герцоги поставлены в необходимость продать Мариинский дворец, то при естественном нежелании государя устроить в этом фамильном здании нечто вроде кабака (как предлагают владельцы) у Воронцова явилась мысль купить этот дворец с тем, чтобы перевести в него Государственный совет и Комитет министров»². 30 мая 1884 г. А. А. Половцов подробно описал свой диалог с императором Александром III. На вопрос секретаря о том, не имеет ли он ничего против мысли об удалении Государственного совета «из-под крыши Зимнего дворца», император ответил: «Ничего не имею. Ведь и то помещение будет называться дворцом». Председатель Государственного совета великий князь Михаил Николаевич, присутствовавший при разговоре, заключил: «И даже можно будет сохранить название Мариинский дворец»³. Вопрос о приобретении Мариинского дворца был рассмотрен специально созданным для этого совещанием, которое возглавил председатель Департамента государственной экономии граф Э. Т. Баранов⁴.

В фонде Кабинета е.и. в. МИДв (Ф. 468) хранится подлинный указ императора Александра III министру императорского двора И. И. Воронцову-Дашкову от 14 июля 1884 г. о передаче Мариинского дворца с принадлежащими ему строениями и землей в государственную собственность для размещения в нем высших государственных учреждений. В указе записано: «Принимая необходимым занять для помещения высших государственных учреждений Мариинский дворец... повелеваем: ...определить вознаграждение в три миллиона рублей»⁵. Указ хранится в специальном конверте, на котором стоит

² Дневник государственного секретаря А. А. Половцова: В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 209–210.

³ Там же. С. 229.

⁴ История Государственного совета Российской империи. 1801–1917: высшее законосовещательное учреждение Российской империи и верхняя палата первого российского парламента. СПб., 2008. С. 108.

⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 55. Л. 2.

помета: «Министр императорского двора изволил приказать: пакет сей хранить Кабинете Его Величества»⁶.

В фонде Контроля МИДв (Ф. 482) хранятся несколько расчетных книг, в которых указаны суммы по отчуждению Мариинского дворца 1884 г.⁷ и за 1885–1909 гг.⁸ Дважды в год наследникам, в январе и июле, выделялось по 15000 рублей, а всего — 30000 рублей ежегодно⁹.

После продажи герцоги Лейхтенбергские из дворца вывезли все свое имущество. Впервые А. А. Половцов проинспектировал дворец у Синего моста 15 октября 1884 г. Впечатленный огромной площадью государственный секретарь предложил императору разместить во дворце больше учреждений, чем изначально было запланировано. Государственный совет и его библиотека, Государственная канцелярия, Комитет министров с его канцелярией, Особое присутствие для предварительного рассмотрения жалоб на определения департаментов Сената, Канцелярия прошений на высочайшее имя приносимых разместились в главном здании Мариинского дворца. В Манеже, конюшенном корпусе, офицерском флигеле и в некоторых других дворовых постройках разместились учреждения военного ведомства¹⁰.

Торжественное открытие Мариинского дворца состоялось 11 февраля 1885 г. В коллекции камер-фурьерских журналов (Ф. 516) за 1885 г. имеется запись об освящении нового помещения Государственного совета и Комитета министров в присутствии императорской четы. В журнале записано: «50 мин. 12 часа, их величества с государем наследником въезд имели в бывший Мариинский дворец... 5 мин. 1 часа, их величества с их высочествами проходили в Церковь дворца к слушанию молебствия, после которого было начато освящение всех помещений Дворца, предназначенных для Государственного совета и Комитета министров. В зале общего собрания (Ротонда) было провозглашено многолетие их величествам государю наследнику и августейшему председателю

⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 55. Л. 1 А.

⁷ РГИА. Ф. 482. Оп. 3. Внутр. Оп. 113/2267. Д. 8.

⁸ Там же. Оп. 8. Д. 46.

⁹ Там же. Л. 1.

¹⁰ Петров Г. Ф. Дворец у Синего моста: Мариинский дворец в Санкт-Петербурге. СПб., 2012. С. 211–212.

Государственного совета великому князю Михаилу Николаевичу, затем была провозглашена вечная память великой княгини Марии Николаевне..., после чего их величества еще раз изволили осмотреть помещение и затем отбыли из Мариинского дворца...»¹¹.

Еще до переезда высших государственных учреждений в Мариинский дворец, он был тщательно обследован. Вскоре стало понятно, что некоторые помещения требовали срочного капитального ремонта. Переустройство дворца под нужды высших государственных учреждений было поручено академику архитектуры Людвигу Людвиговичу Петерсону. Деньги выделили из Государственного казначейства. По предварительному расчету стоимость всех работ должна была составить 450 000 рублей. Было принято решение все строительные работы производить постепенно.

В фонде Государственной экономии Государственного совета (Ф. 1152) хранится «Описание работ, произведенных в Императорском Мариинском дворце в течение 1884, 1885 и 1886 гг.»¹², составленное заведующим Мариинским дворцом Н. Кандауровым, а также академиком архитектуры Л. Л. Петерсоном. Строительные работы состояли в следующем. В главном здании были переделаны большие пневматические печи. На первом этаже устроен отдельный вход с Вознесенского проспекта с сенями и квартирой для швейцара Канцелярии прошений. Со стороны площади, из бывшего под зонтиком окна, сделали парадный вход с ясеневыми дверями и тамбуром. В помещении театра устроен архив, в котором пол залили цементом, устроили новые окна с решетками, а вдоль стен всего помещения установили полки «плотнической работы». Также были пробиты новые двери в капитальных стенах, поправлены все оконные переплеты, починены и вычищены паркеты, а во многих помещениях уложены новые. Исправлена и местами обновлена штукатурка на стенах и потолках¹³.

В помещениях, отведенных для размещения Комитета министров, со стороны площади были выправлены наружные двери

¹¹ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Внутр. оп. 206/2703. Д. 50. Л. 16 об., 17, 17 об.

¹² РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1887 г. Д. 299. Л. 6-14 об.

¹³ Там же. Л. 6-8.

и тамбур, *«лестница перетерта и окрашена клеевым колером»*, в большой коридор был сделан новый стеклянный тамбур. Также были устроены квартиры с пробивкой в капитальных стенах дверей, постановкой новых перегородок и очагов, полов и оконных рам¹⁴.

По бельэтажу главного здания во всех залах и других помещениях были вычищены потолки и заново перекрашены с сохранением существующих рисунков и колеров. В зале заседания Департамента законов устроено водяное отопление между оконными переплетами. В круглом зале заседаний Общего собрания Государственного совета круглый просвет в потолке, за исключением средней рамы, был капитально исправлен, устроены металлические желобки с трубками для отвода накапливающейся в просвете воды. В Помпейском зале поправлена окраска стен и просвета в потолке. В бывшем Зимнем саду исправлена штукатурка, а стены окрашены колером¹⁵.

На пандусе был починен просвет в потолке, стены отскоблены и перетерты, окрашены и оклеены обоями, поправлен и выполирован поручень, выкрашена решетка с колоннами. Вся стенная живопись была очищена от копоти и отреставрирована. Было установлено новое укрепление для люстры, сделана вентиляция. В местах, где была сырость, штукатурку сняли и сделали ее вновь¹⁶.

Фасады главного здания со стороны площади, с Вознесенского проспекта, Нового переулка и со двора были окрашены известковыми красками, с предварительной перетиркой штукатурки, поправлены карнизы и «модульоны»¹⁷.

Далее в описании указаны переделки в детском, гофмейстерском и надворном флигелях и одноэтажном флигеле в саду. Работы также коснулись благоустройства сада, водопровода, пожарных кранов, подземных труб и колодцев, мостовых¹⁸.

Всего с 1884 г. по 1887 г. было потрачено на переустройство и ремонт дворца 160147 рублей 91 копейка¹⁹.

¹⁴ РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1887 г. Д. 299. Л. 8.

¹⁵ Там же. Л. 8-8 об.

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 9 об.

¹⁸ Там же. Л. 10-14 об.

¹⁹ Там же. Л. 1-2.

На 1888 г. было испрашено еще 118705 рублей. На эту сумму планировали провести следующие виды работ: земляные, каменные, водопроводные, металлические, печные, плотничные, штукатурные, малярные, позолотные и кровельные. Предполагалось исправить вестибюль подъезда и лестницы, ведущей в помещение Комитета министров, устроить новый просвет в зале Общего собрания Государственного совета, а также провести капитальный ремонт помещения, занимаемого Канцелярией Комитета министра. Там необходимо было заменить рамы и оконные переплеты²⁰. Высочайшее соизволение на выделение необходимой суммы последовало 9 июня 1887 г.²¹

Конечно, и этой суммы не хватило. В конце 1888 г. попросили 3684 рублей на работы по приспособлению Зимнего сада под потребности Канцелярии по принятию прошений на высочайшее имя приносимых²². В 1890 г. — 12585 рублей на «производство опытов по изменению системы отопления»²³. В 1893 г. во дворе Мариинского дворца была сделана пристройка к садовому флигелю по проекту Л. Л. Петерсона, в которой разместили особое котельное помещение с каменной дымовой трубой, документы об этом отложились в фонде Техническо-строительного комитета Министерства внутренних дел (Ф. 1293)²⁴.

Спустя десять лет после покупки дворца в казну было принято решение выделить на капитальный ремонт Мариинского дворца еще 180000 рублей²⁵. Для точного расчета необходимой на ремонт суммы была создана специальная комиссия под председательством члена Хозяйственного комитета действительного статского советника Сокова. В Комиссию вошли: архитектор Марфельд и гражданский инженер Корвин-Круковский. Они подробно освидетельствовали здание и выяснили все недостатки, требующие исправлений. Выводы Комиссии были следующими: для приведения дворца «в должный и соответствующий его назначению вид» необходимо перекрыть крышу на лицевом здании и одном из флигелей; отремонтировать

²⁰ РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. 1887 г. Д. 299. Л. 3–4.

²¹ Там же. Л. 17.

²² РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. 1889 г. Д. 118.

²³ Там же. 1894 г. Д. 370. Л. 1.

²⁴ РГИА. Ф. 1293. Оп. 89. Д. 112.

²⁵ РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. 1894 г. Д. 370. Л. 1.

главный подъезд и фасады; переустроить подвалы и уложить там бетонные полы; обновить внутренние помещения главного здания и боиых флигелей; отреставрировать художественную отделку парадных комнат; произвести некоторые исправления в дворцовой церкви, в прачечной и леднике и др.²⁶. Была составлена подробная расценочная ведомость²⁷. Государственный секретарь В. К. Плеве одобрил заключения Комиссии и предложил выделить 180 000 рублей в течение 1895, 1896 и 1897 гг.²⁸ Высочайшее повеление о выделение необходимой суммы последовало 9 января 1895 г.²⁹

Следующая капитальная переделка дворца состоялась после учреждения Государственной думы. В связи с преобразованием Государственного совета в 1905–1906 гг. и увеличением количества его членов было принято решение о строительстве нового зала для Общего собрания. Для проведения общих собраний на это время арендовали просторный зал Дворянского собрания, в котором заседания проходили с 28 апреля 1906 г. по 5 июля 1908 г.³⁰

В фонде Совета министров (Ф. 1276) хранится Особый журнал заседания Совета министров от 3 июля 1907 г. о назначении кредита для устройства в Мариинском дворце нового зала для Общего собрания Государственного совета с высочайшим знаком рассмотрения и пометой председателя Совета министров П. А. Столыпина: «*Рассмотрено его величеством в Петергофе. 17 июля 1907 г.*»³¹. Предполагалось выделить 682 000 рублей³²

Сначала было предложено построить отдельное здание во дворе. Архитектор Мариинского двора П. И. Шестов составил проект, который был отвергнут из-за его дороговизны. В итоге приняли решение пожертвовать Зимним садом Мариинского дворца и капитально его перестроить. Для составления проекта провели закрытый конкурс, в котором приняли участие четыре известных

²⁶ РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. 1894 г. Д. 370. Л. 1–3 об.

²⁷ Там же. Л. 5–12 об.

²⁸ Там же. Л. 4.

²⁹ Там же. Л. 28.

³⁰ Петров Г. Ф. Дворец у Синего моста... С. 271.

³¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 13. Л. 1.

³² Там же. Оп. 3. Д. 12. Л. 1.

архитектора: Л. Н. Бенуа, А. Л. Гун, П. И. Шестов и А. С. Хренов. Весной 1907 г. проекты были рассмотрены. Лучшей работой был признан проект Л. Н. Бенуа, хотя он не полностью удовлетворил специально созданную по этому случаю комиссию. Л. Н. Бенуа было поручено составить второй проект, который Леонтий Николаевич уже выполнил совместно с архитектором М. М. Перетятковичем³³.

В фонде Техническо-строительного комитета Министерства внутренних дел хранятся нереализованные эскизные проекты вышеуказанных архитекторов. Среди них: фасады со стороны Вознесенского проспекта зала заседаний Государственного совета, составленные архитекторами П. И. Шестовым³⁴ и А. С. Хреновым³⁵; планы бельэтажа³⁶ и II этажа Мариинского дворца с обозначением зала заседаний, составленные А. С. Хреновым³⁷ и П. И. Шестовым³⁸; эскизные проекты зала заседаний архитекторов А. Л. Гуна³⁹, П. И. Шестова⁴⁰ и А. С. Хренова⁴¹.

В общей сложности устройство нового зала заседаний Государственного совета обошлось казне в 732000 рублей⁴². В фонде Собственной е. и. в. канцелярии (Ф. 1409) сохранился «Список наградам, испрашиваемым за неслужебные отличия по высочайше учрежденной Комиссии для руководства работами по устройству в Мариинском дворце нового зала для общего собрания Государственного совета» от 8 октября 1908 г., в котором под первым номером указан профессор-руководитель Мастерской Высшего училища при Академии художеств архитектор Высочайшего двора, действительный статский советник, автор проекта Л. Н. Бенуа. За успешное строительство он был награжден орденом Святого Станислава I степени⁴³.

³³ Петров Г. Ф. Дворец у Синего моста... С. 271–272.

³⁴ РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Санкт-Петербургская губ. Д. 411. Л. 16.

³⁵ Там же. Л. 6.

³⁶ Там же. Л. 10.

³⁷ Там же. Л. 1.

³⁸ РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Санкт-Петербургская губ. Д. 411. Л. 19.

³⁹ Там же. Л. 24, 25, 27, 29.

⁴⁰ Там же. Л. 18.

⁴¹ Там же. Л. 6.

⁴² РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 12. Л. 7.

⁴³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 4. Д. 13912. Л. 2 об., 3.

Первое заседание Общего собрания Государственного совета в новом зале состоялось 15 октября 1908 г.⁴⁴

Мариинский дворец являлся резиденцией Государственного совета Российской империи более тридцати трех лет. Декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 13 декабря 1917 г. Государственный совет и Государственная канцелярия были упразднены⁴⁵.

Одним из самых поздних документов о Мариинском дворце, который хранится в РГИА в фонде Контроля МИДв, является записка на имя коменданта бывшего Мариинского дворца от 29 апреля 1918 г. о том, что ревизионный надзор со стороны Контроля имущества Республики в 1918 г. по зданиям дворца возложен на ревизора-техника Мышака⁴⁶.

На протяжении всего времени существования дворца он ни разу не менял свое название. В Советское время, как указано выше, он назывался бывший Мариинский дворец. В наши дни в нем располагается Законодательное собрание Санкт-Петербурга, сотрудники которого с огромной любовью сохраняют и берегут доставшийся им памятник истории.

---

⁴⁴ Петров Г. Ф. Дворец у Синего моста... С. 280.

⁴⁵ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4965. Л. 1.

⁴⁶ РГИА. Ф. 482. Оп. 6. Д. 740. Л. 1.

Н. В. ДУБРОВСКАЯ

К вопросу о деятельности Комиссии по преобразованию придворнослужительского сословия

Аннотация: В статье рассматриваются малоизвестные страницы реформ в Министерстве императорского двора в годы правления императора Александра III. Основное внимание уделяется деятельности сформированной при Министерстве Комиссии по преобразованию придворнослужительского сословия. Ее целью стала подготовка реформы, предполагавшей замену придворно- и конюшенно- служителей вольнонаемными людьми.

Ключевые слова: Министерство императорского двора, придворнослужители, Комиссия по преобразованию придворнослужительского сословия, штаты, Н. А. Деревницкий, граф А. П. Шувалов, граф А. В. Адлерберг.

Начало царствования Александра III ознаменовалось изменениями в различных институтах управления государством. Исключением не стало и Министерство императорского двора (Далее — МИДв). «...Хозяйский глаз Императора Александра III со вниманием остановился и на министерстве Императорского Двора, которое своим стародавним строем составляло полный контраст с другими ведомствами...»¹. Правовой статус придворнослужителей был одним из важных вопросов, который предстояло решить. «...Государь не хотел, чтобы придворнослужители составляли долею отдельную сословную касту...»². С этой целью 21 ноября 1881 года в составе МИДв создана Комиссия по преобразованию придворнослужительского сословия и замене придворнослужителей вольнонаемными людьми. Председателем Комиссии был назначен тайный советник Н. А. Деревницкий. Кроме него в комиссию вошли: действительный статский советник Придворной конторы в звании камергера Е. А. Миллер, действительный статский советник Петергофского дворцового правления А. Ф. Юркевич, статский советник Придворной конюшенной конторы И. А. Ковзан и действительный статский советник Царскосельского дворцового правления В. Г. Красиков.

---

¹ Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время в бозе почившего государя императора Александра III (1881–1894). В 2 ч. СПб., 1901. Ч. 1. Кн. 1. С. 4.

² Там же. С. 16.

Стоит отметить, что и в предыдущие царствования придворнослужительский вопрос широко обсуждался. В 1858 году была предпринята попытка упразднения этого сословия. Это обуславливалось необходимостью сокращения финансирования большой группы служащих из казны. Кроме того, указывалось, что придворнослужители не всегда удовлетворяли предъявляемым к ним требованиям: значительная часть занимала должности «без надлежащего знания дела, не обладая при том видной наружностью, служба неслась по очереди с большими промежутками, нередко около года, что заставляло иметь на смену большее число людей, чем нужно в действительности»³. В свободное время вовлекались в неблаговидные поступки. С другой стороны, чиновники МИДв подчеркивали, что «сложно будет найти надежных и умелых людей их числа вольнонаемных»⁴, а также сократить расходы казны на их содержание.

Результатом дискуссий стали два проекта положения об упразднении придворнослужительского сословия, составленные обер-гофмаршалом графом А. П. Шуваловым (1864 г.) и графом А. В. Адлербергом (1867 г.). Проект Шувалова подразумевал исключение с действительной службы всех служителей до камер-фурьера включительно, замену их вольнонаемными. Последние сохраняли бы право на пенсию, но не имели прочих преимуществ государственной службы. Лиц же выше камер-лакея предлагалось оставить на прежнем основании (как имеющих чин, так и выслуживающих его). А вновь определять в официантские должности только по найму, без права на чины. Проект Адлерберга подразумевал более «мягкий» переход к вольнонаемным служителям, не предполагавший одномоментное упразднение сословия⁵. Александр II «мысль об упразднении придворнослужительского сословия» одобрил, но дальнейшего развития проекты не получили. Но начиная с 60-х годов XIX века разрешалось принимать на придворнослужительские должности представителей различных сословий по найму⁶. К 80-м годам

---

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 66. Д. 22. Л. 24–24 об.

⁴ Там же. Л. 24–24 об.

⁵ Там же. Л. 25 об.

⁶ Там же.

XIX века вольнонаемные составляли 47% от общего количества придворнослужителей⁷.

Комиссии 1881 года во главе с тайным советником Николаем Андреевичем Деревницким предстояло разработать новое положение, опираясь в том числе, на опыт предшественников. 2 декабря 1881 года состоялось первое заседание, на котором было принято решение о разработке специального формата ведомости для сбора информации о придворнослужителях из всех учреждений МИДв. Делопроизводителем комиссии избран статский советник Иосиф Алоизович Ковзан⁸. В течение зимы 1881–1882 гг. комиссия провела 7 заседаний.

На первом этапе работы происходил сбор данных о придворнослужителях (их количество, возраст, размер жалования и т.д.)⁹, состоящих на действительной службе в организациях, подведомственных МИДв и Удельному ведомству, а также анализ всех имеющихся нормативно-правовых актов, касающихся прав и привилегий придворнослужителей. Далее, на основе полученных статистических сведений и записок по отдельным вопросам, члены комиссии начали разработку нового проекта преобразования. Итоговый документ состоял из преамбулы, в которой приводилась краткая история формирования придворнослужительского сословия, и основной части.

Обращаясь к истории вопроса, Комиссия установила, что в Своде законов Российской империи не содержится какого-либо точного определения придворнослужительского сословия. Лица, исполняющие обязанности при дворах и палатах, существовали издревле и именовались по-разному: «дворовая челядь», «дворовые люди». Указ 1 февраля 1794 года гласил: «...впредь ни в какие по двору должности как то: в официанты, камер-лакеи, лакеи, истопники, работники из военных и других разного звания и состояния людей не принимать и не определять, а замещать все таковые должности из детей придворнослужителей. Исполнение по сему относится и до придворной конюшни, в рассуждении нижних ее ведомства служителей...»¹⁰. Главная черта, обусловившая

⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 22. Л. 11 об.

⁸ Там же. Д. 13. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 10–13.

¹⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 22. Л. 23.

обособление придворнослужителей – удовлетворение различных потребностей двора.

Ко второй половине XIX века придворнослужители составляли особую замкнутую «касту», наделенную следующими обязанностями и привилегиями: вступление в службу в 16 лет; освобождение от личных податей и других повинностей (в том числе рекрутства); служба считалась действительной, что давало возможность получения чина, а также награждения орденом Св. Владимира IV степени за выслугу лет (что предоставляло возможность получения дворянства). Сыновьям, не достигшим чинов придворнослужителей, мастеровых и нижних воинских чинов, а также малолетним певчим, «спавшим с голосов», предоставлялось право поступать на государственную службу, на правах канцелярских чиновников 3-го разряда. В случае увольнения они приписывались к податному сословию (по собственному выбору, без уплаты личных податей), а исключенные из ведомства могли приписываться в мещане без согласия обществ, кроме столицы и привилегированных городов¹¹.

Проект преобразования подразумевал упразднение придворнослужительского сословия «как не соответствующее общему сословному укладу и не удовлетворявшее прежнему своему назначению»¹². Все придворнослужители (кроме классовых чинов) разделялись на три категории:

1. Ныне состоящие на разных должностях и их дети.
2. Уволенные в отставку по болезни или за ненадобностью и дети их.
3. Придворнослужительские дети, не состоящие и не состоявшие на службе, но проживающие по отдельным паспортам.

Все категории придворнослужителей должны были приписаться к мещанскому сословию двух столиц, а также тех городов, в которых имели недвижимость. Приписка к мещанству была необходима «только для счета», поскольку все они освобождались от всех личных повинностей, за исключением воинской. Кроме того, проект предусматривал право представителей упраздняемого сословия на вступление в гражданскую службу. Для 1 и 2 категорий

¹¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 22. Л. 23–23 об.

¹² Там же. Л. 30.

придворнослужителей эти правила распространялись и на их детей. Вместе с тем все вышеуказанные права и привилегии не распространялись на уволенных со службы за дурное поведение¹³.

Регламентировался вопрос пенсионного обеспечения. Всем лицам, прослужившим 50 лет, при выходе на пенсию, одновременно выплачивали двойной оклад годового жалования, а также назначали пенсию в размере годового оклада жалования. Прослужившие 45 лет одновременно получали полтора оклада годового жалования, а пенсию — в размере годового оклада. При 40 годах выслуги — один годовой оклад одновременно, пенсию — в размере годового оклада. Все прочие придворнослужители получали, согласно проекту, 10 дополнительных лет к выслуге. На основании общего количества лет рассчитывалось выходное пособие. Тем придворнослужителям, которым прибавка в 10 дополнительных лет не помогла получить стаж более 40 лет, при увольнении полагалась только единовременная выплата годового оклада¹⁴.

Отдельно рассматривались лица, занимающие официантские должности (т.е. имеющие право на классный чин). Если к моменту выхода на пенсию они не выслужили чин, то получали 15 дополнительных лет выслуги, одновременно годовой оклад жалования, а размер пенсии рассчитывался по общим правилам.

По подсчетам Комиссии на все выплаты было необходимо примерно 300 000 рублей¹⁵.

23 апреля 1882 года проект был направлен в Совет при министре императорского двора. Проект был утверждён не полностью, а некоторые положения претерпели изменения.

В январе 1883 года по великокняжеским дворам был разослана окончательная редакция документа, содержащая следующие положения:

Все существующие по действующим законам обязанности придворнослужительского сословия относительно МИДв прекращались с момента опубликования документа.

Все придворнослужители сохраняли права рождения, предоставленные законом, кроме тех, кто был уволен за дурное поведение.

¹³ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 22. Л. 12–12 об.

¹⁴ Там же. Л. 13.

¹⁵ Там же. Л. 13 об.

Придворнослужители получали возможность приписаться к любому сословию. Дети, рожденные после обнародования документа, причислялись к сословиям на общих основаниях.

Все лица, находящиеся на службе, к моменту обнародования документа, оказывались за штатом. Им прибавлялось 5 дополнительных лет к действительной службе. По числу общих лет назначалась пенсия, согласно ст. 267 Свода законов Российской империи (Устав о пенсиях 1876 г.).

Все лица, оказавшиеся за штатом, могли сохранить права и привилегии, если оставались служить по вольному найму¹⁶.

В заключение отметим, что проект преобразования придворнослужительского сословия, разработанный Комиссией во главе с Н. А. Деревицким, не был принят МИДв. Итоговый документ не решал всех вопросов, связанных с ликвидацией придворнослужительского сословия.

Однако важно отметить роль Комиссии по преобразованию придворнослужительского сословия в создании новых штатов для различных структур МИДв. Так, 10 мая 1882 года были утверждены временные штаты подвижного состава придворнослужителей высочайшего двора и императорского Зимнего дворца, а 24 февраля 1883 года (уже после ликвидации комиссии) был утвержден временный штат по заведыванию Петергофскими дворцами и зданиями.

Таким образом, освещение деятельности Комиссии, позволило, на наш взгляд, дополнить уже существующие данные по реформам МИДв в годы правления императора Александра III.

¹⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 22. Л. 27 об. — 28.

Н. Г. ЗАРЕМБО, Е. И. МАЛЮТИНА

**Период правления императора Александра III
в дневниках и мемуарах из фондов РГИА
(тематический обзор)**

Аннотация: Дневники и мемуары содержатся в различных фондах Российского государственного исторического архива, прежде всего в фондах личного происхождения. Показаны пути выявления дневников и мемуаров, относящихся к периоду правления императора Александра III, с целью введения их в научный оборот. Представлены характеристики некоторых дневников и мемуаров разных авторов, от государственных деятелей до рядовых людей. Показаны особенности ведения дневников и записных книжек, разнообразие воспоминаний.

Ключевые слова: РГИА, дневники, мемуары, фонды личного происхождения, научно-справочный аппарат, Г. М. Горфейн, С. В. Казакова.

В Российском государственном историческом архиве (Далее — РГИА), прежде всего в фондах личного происхождения, сохранилось значительное количество дневников и мемуаров. Приведем высказывание известного историка, источниковеда П. А. Зайончковского: *«Для изучения вопросов внутренней политики данный вид источников имеет огромное значение, давая возможность ознакомиться с закулисной стороной этой политики. Кроме того, мемуары значительно дополняют и уточняют официально-документальные источники: журналы заседаний, протоколы и т.д. Без преувеличения можно сказать, что исследование внутренней политики невозможно без мемуарных источников»*¹. Заметим, что такую оценку роли дневников и мемуаров можно распространить и на исследования по другим вопросам.

Для введения этих источников в научный оборот и использования при изучении различных аспектов истории, в том числе периода правления Александра III, необходимо их выявление. Определенные трудности создает то, что данный период охватывает незначительный временной отрезок — всего 13 лет и 8 месяцев.

Рассмотрим различные пути поиска дневников и мемуаров в фондах архива. Первый и самый очевидный — выявление их в фондах личного происхождения. В настоящее время на хранении

---

¹ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начале 90-х годов). М., 1970. С. 17.

в РГИА находятся 342 фонда личного происхождения, включающие 166 050 дел. В архиве отложились фонды выдающихся деятелей (П. А. Валуева, С. Ю. Витте, П. А. Столыпина) и родовые фонды знатнейших дворянских фамилий (Всеволожских, Шереметевых), а также две коллекции документов личного происхождения разных лиц (Ф. 1101, 1102).

Воспоминания можно обнаружить также в фондах учреждений, в частности, Главного управления по делам печати (Ф. 776), Петербургского (Петроградского) комитета по делам печати (Ф. 777), в Коллекции рукописей Синода (Ф. 834).

Также следует обратить внимание на рубрику в традиционном каталоге «Воспоминания, дневники, письма» в разделе «Печать и литература» (XIX).

Значительную помощь исследователям в подборе источников должен оказать справочник «Дневники и мемуары в фондах РГИА (XVIII – начало XX в.)», находящийся в процессе подготовки к публикации. Его материалы уже используются для консультаций сотрудниками отдела научно-справочного аппарата (Далее – ОНСА) РГИА. Следует также сказать несколько слов о незаметном глазу стороннего наблюдателя полувековом кропотливом труде архивистов по созданию справочника.

Эта работа началась в 1973 г. с подготовки обзора «Дневники и воспоминания XVIII – начала XX в., хранящиеся в ЦГИА СССР» с краткими аннотациями. Его ответственным редактором был опытный архивист Г. М. Горфейн. В рабочую группу сотрудников из 8 человек входили, в частности, С. И. Варехова и Д. И. Раскин². В обзоре авторы подчеркнули значение дневников и мемуаров в качестве источника, указав при этом, что они (за очень малым исключением) содержатся в личных фондах. Также была выделена группа дневников и воспоминаний участников революционного движения из фонда редактора журнала «Былое» П. Е. Щеголева (Ф. 1093). Авторы обзора очертили круг документов личного происхождения, включенных в него: *«возникшие вне непосредственного*

---

² Горфейн Г. М. (отв. сост.) и др. Дневники и воспоминания XVIII – начала XX в., хранящиеся в ЦГИА СССР (обзор). Л., [1973]. – Машинопись (ОНСА РГИА).

процесса служебной, общественной и предпринимательской деятельности их авторов; содержащие сведения о событиях личной или общественной жизни, почерпнутые из памяти и впечатлений авторов или связанных с ними лиц; написанные для себя или ограниченного круга читателей»³. Вместе с тем в обзор не включались удовлетворявшие упомянутым признакам записные книжки и переписка. Были добавлены записки об отдельных фактах семейной, служебной или общественной жизни («дневниковые записи»), а также немногочисленные поденные записи и журналы военных действий, путешествий, плаваний и т.д. Последние были включены по причине сложности их выявления в архивных фондах исследователями. В процессе данной работы составлялись карточки, включенные в дальнейшем в традиционный каталог.

При подготовке обзора его авторы проанализировали различные издания указателей дневников и воспоминаний⁴. Одновременно шли поиски оптимальной группировки дневников и воспоминаний. Рассматривались следующие варианты: социальное положение, профессиональная деятельность авторов, исторические события и т.д. В итоге было решено составить перечень по алфавиту фамилий авторов. В отдельный список выделили дневники и мемуары, авторы которых на тот момент не были установлены.

В 1989 г. ОНСА под руководством С.В. Казаковой приступил к подготовке 2-й редакции справочника. В аннотировании дневников и воспоминаний принимали участие почти все сотрудники отдела попутно с другими плановыми видами работ по усовершенствованию описей. При этом наибольших трудозатрат потребовало описание значительных по объему источников (например, дневники В.Г. Глазова, С.В. Смоленского), а также рукописей на иностранных языках.

---

³ Горфейн Г.М. (отв. сост.) и др. Дневники и воспоминания XVIII – начала XX в. ... С. 5.

⁴ Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII–XIX вв. (Из фондов отдела рукописей). М., 1951; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. М., 1976–1989 и др.

В аналитической записке «О ходе работы и перспективах подготовки к изданию справочника «Дневники и мемуары в фондах РГИА (XVIII – нач. XX в.) ”» от 29 апреля 1997 г. С. В. Казакова, сообщая об обзоре под редакцией Г. М. Горфейна, обращала внимание на наличие дополнительного перечня из 229 дневников и мемуаров. Они не были ранее включены в обзор, прежде всего по цензурным соображениям: «реакционность» взглядов, религиозно-философские и национальные проблемы, затрагиваемые авторами и т. п.⁵

В целях интенсификации работы над справочником в ОНСА РГИА в 1996 г. по базе данных «Аннотированный реестр описей» проводился контекстный поиск фондов и описей, содержащих в аннотациях упоминания о наличии записок, дневников и воспоминаний. Было обнаружено более 150 фондов, по которым предстояло провести довыявление. В ходе плановых работ по усовершенствованию описей и каталогизации еще в 56 фондах были обнаружены дневники и мемуары, на заголовки которых составлено около 200 карточек. Таким образом, на начало 1997 г. речь шла об объеме порядка 1000 позиций для справочника «Дневники и мемуары в фондах РГИА», из них развернутую аннотацию имело менее 10%⁶.

Составлением справок и аннотированием документов по списку, подготовленному в 1990-е годы и включающему порядка 600 авторов, занималась сотрудница ОНСА Е. И. Малютина. В 2018–2020 гг. работа шла в рамках гранта⁷. В настоящее время в подготовке справочника участвуют сотрудники двух отделов.

От небольшого исторического экскурса о многолетнем труде архивистов по выявлению и аннотированию дневников и мемуаров, а также составлению биографических справок перейдем непосредственно к теме нашего исследования.

В РГИА встречаются дневники, воспоминания, записи об отдельных событиях, записные книжки, путевые записи лиц, находившихся на государственной и общественной службе, государственных,

⁵ Казакова С. В. О ходе работы и перспективах подготовки к изданию справочника «Дневники и мемуары в фондах РГИА (XVIII – нач. XX в.) ». Л., 1997. – Машинопись (ОНСА РГИА). Л. 1.

⁶ Там же.

⁷ Грант РФФИ 18-09-00616.

политических, общественных и военных деятелей, представителей духовенства, науки, техники, литературы, искусства, лиц разных профессий, землевладельцев, предпринимателей, служащих торгово-промышленных и других фирм и т.д. Следует обратить внимание на особенности ведения дневников и записных книжек, разнообразие воспоминаний.

В нашем обзоре акцент сделан на источниках, наименее известных исследователям. В данном случае при анализе дневников и мемуаров будут указаны шифры только тех дел, в которых отражены события и явления периода правления Александра III. Некоторые из них были опубликованы (см. в сносках настоящего обзора).

Прежде всего обратим внимание на воспоминания или дневники государственных деятелей как наиболее значимых фигур эпохи Александра III. Примером служит фонд обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева (Ф. 1574), который поступил 1956 г. в порядке уточнения фондовой принадлежности, а затем пополнился материалами из фондов архива. Сохранились Дневниковые записи («Перечни») за 1894, 1896–1898, 1900–1902 гг. Победоносцева, содержащие перечисление лиц, с которыми встречался автор (по службе, на приемах, церковных службах, в поездках и пр.), а также об умерших и сочетавшихся браком⁸. Кроме них в фонде имеются погодные дневниковые записи за 1846–1893 гг. и ежедневные записи за отдельные периоды 1882, 1883, 1884 гг. Их основное содержание: служба в Синоде и Государственном совете, приемы, визиты, поездки, сведения об общественно-политических событиях и личной жизни, в том числе о покушении семинариста В. Гиацинтова на К.П. Победоносцева в 1892 г.⁹

Обратим внимание на сохранившиеся в этом фонде воспоминания жены обер-прокурора Синода Е.А. Победоносцевой (урожденной Энгельгардт). В числе прочего они содержат отрывочные сведения о службе и научных занятиях ее мужа, а также о покушении на него¹⁰.

Период окончания царствования Александра II и первые дни Александра III нашли отражение в двух дневниках председателя

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1574. Оп. 1. Д. 2 а.

⁹ Там же. Д. 2 б.

¹⁰ Там же. Д. 29.

Комитета министров, члена Государственного совета П. А. Валуева, отложившиеся в его личном фонде (Ф. 908). В более раннем дневнике (15 февраля – 18 апреля 1880, 2 марта 1881) показаны события конца правления Александра II, покушение на него, смерть и траурные мероприятия¹¹. Записи в другом дневнике (2–11 марта 1881) с этих событий начинаются, затем следует сообщение о важном заседании Совета министров с участием Александра III 9 марта, а также о разногласиях и изменениях в правительственных кругах¹².

Сенатор и член Государственного совета Г. П. Неболсин (1811–1896) оставил «Воспоминания о жизни, службе и трудах Г. П. Неболсина, собственноручно им записанных для его детей и внуков»¹³. В них много внимания уделено службе автора, производству его в чины, наградам и т.д. Неболсин написал об убийстве Александра II 1 марта 1881 г. и произошедших вслед за этим изменениях в составе министерств, о влиянии на назначения К. П. Победоносцева. Он выражал несогласие с направлением деятельности Министерства финансов, давал характеристики П. С. Ванновского, И. Д. Делянова, Н. Х. Бунге, И. Е. Вышнеградского.

В фонде еще одного деятеля эпохи Александра III, министра народного просвещения И. Д. Делянова, сохранилась Памятная книжка с 1 января 1888 по 21 мая 1889 гг. с отрывочными записями делового и имущественного характера¹⁴.

В личном фонде графов Воронцовых-Дашковых содержатся записи министра императорского двора и уделов И. И. Воронцова-Дашкова «Мой дневник с 6 октября 1894 г. Мисхор. Крым», посвященные последним дням императора и его кончине, процессу принятия решений в данной ситуации¹⁵.

Обратимся к очень информативным и объемным мемуарам управляющего делами Комитета министров при Александре III,

¹¹ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 21. Оpubл.: *Валуев П. А.* «Дневник» графа П. А. Валуева // Вестник Европы. 1907. Т. 243. Кн. 1 (январь). С. 245–269.

¹² РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 24. Л. 376 – 42 об. Оpubл.: *Валуев П. А.* Дневник. 1877–1884 гг. Пг., 1919.

¹³ РГИА. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 746.

¹⁴ РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 787.

¹⁵ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 3740.

а позднее члена и председателя Государственного совета А.Н. Куломзина (1838–1923). Один из экземпляров (в рукописном и машинописном виде с авторской правкой) его воспоминаний «Пережитое», хорошо известных и уже опубликованных, находится в его фонде (Ф. 1642. Оп. 1), а дела № 184–191 содержат главы мемуаров, отражающие события интересующего нас периода¹⁶, связанные с деятельностью Комитета министров, Комитета Сибирской железной дороги.

В РГИА также хранится знаменитый дневник А.В. Богданович (урожденной Бутовской). Будучи хозяйкой известного аристократического салона в Петербурге, она являлась основной помощницей в общественно-политической деятельности супруга, генерала Е.В. Богдановича. Генеральша оставила на страницах дневника сведения о государственных и общественных деятелях, дипломатах, представителях духовенства, редакторах газет, литераторах, о внешнеполитических событиях, распоряжениях и указах правительства и т.д. Интересна информация биографического характера о Е.В. Богдановиче: газетные публикации, телеграммы в связи с юбилеями со дня рождения, начала служебной деятельности последнего и другое. По структуре дневник состоит из книг (твердый переплет) и книжек (мягкий переплет), которые имеют отдельную нумерацию, принятую А.В. Богданович¹⁷. Часть дневника не сохранилась, в том числе за период 1 января – 26 марта 1889 г.¹⁸

Представляется важным выделить записи разных лиц об императоре Александре III, не включенные в воспоминания или дневники, а созданные авторами как отдельный документ.

В фонде министра внутренних дел Д.С. Сипягина (Ф. 721) сохранилась запись «Мой разговор с Государем в Гатчине 1889 г.» (в бытность автора курляндским губернатором). Император во время беседы расспрашивал автора о преобразованиях в Курляндской

¹⁶ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 184–191. Опубл.: Куломзин А. Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016.

¹⁷ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Предисловие. Л. I–IV; Д. 234, 235, 237, 238–241, 243–244, 246–256, 258, 260–264. Опубл.: Богданович А. В. Три последних самодержца. М.; Л., 1924. Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990; Три самодержца. Дневники генеральши Богданович. М., 2008; Богданович А. В. Дневники. 1879–1912. М., 2018.

¹⁸ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Предисловие. Л. I–IV.

губернии и оппозиционных правительственному курсу настроениях в ней¹⁹.

Великий князь Николай Михайлович оставил трогательное воспоминание «Последние дни нашего возлюбленного Государя Александра III»²⁰, которое сохранилось в фонде его Конторы (Ф. 549), с рассказом о тяжелом состоянии здоровья императора, событиях при дворе в Ливадии, беседе с императрицей Марией Федоровной.

В фонде Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III (Ф. 747) мы находим воспоминания лейб-медика В. Ф. Грубе о трех встречах с императором, где он в том числе излагает содержание их беседы от 19 октября 1888 г. о состоянии здоровья раненых, переживших крушение царского поезда в Борках 17 октября 1888 г.²¹ Протоиерей К. М. Петров оставил воспоминания о пребывании Александра III и императорской семьи в Беловеже в 1894 г.²²

Вернемся к рассмотрению дневников и мемуаров представителей разных социальных и профессиональных групп (сословной принадлежности и по роду деятельности).

Обратим внимание на дневники лиц, которые в период правления Александра III, имели высокое воинское звание — генералов. В небольшом фонде Д. С. Арсеньева (1832–1915), генерал-адъютанта, адмирала, воспитателя великих князей Сергея и Павла Александровичей, а в период 80–90-х гг. XIX в. — начальника Николаевской морской академии, а затем — члена Государственного совета, сохранилась Записки и Журналы, которые частично выходят за заявленные хронологические рамки. Записки Д. С. Арсеньева (1878 г. — 3 июля 1881 г.) содержат мнение автора о личности и политике Александра III и новых правительственных назначениях²³. Журнал

¹⁹ РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 80. Л. 1–2.

²⁰ РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1085. Л. 1–5. Оpubл.: Великий князь Николай Михайлович. Последние дни жизни возлюбленного Государя Императора Александра III. Тифлис. 1894.

²¹ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 165.

²² Там же. Д. 176. Оpubл.: Воспоминания о протоиерея Капитона Михайловича Петрова о пребывании императора Александра III в Беловеже в 1894 году // Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения. СПб., 1902. Т. 5. С. 31–33.

²³ РГИА. Ф. 839. Оп. 1. Д. 10.

за 1881–1891 гг. и Записки 1891–1899 гг. Д. С. Арсеньева включают сведения о жизни императорского двора, прежде всего, его бывших воспитанников, великих князей Сергея и Павла Александровичей. Значительную часть занимают записи, связанные с последующей службой автора: назначение в июле 1882 г. начальником Морского училища (Морского кадетского корпуса) и Николаевской морской академии, программы и деятельность этих учебных заведений, акты и происшествия в них. Арсеньев также оставил записи о семейных делах: жизнь и здоровье детей, благотворительная деятельность жены, покупка дома и т. д.²⁴

В фонде графов Ростовцевых сохранились дневники генерал-лейтенанта Н. Я. Ростовцева (1831–1897), который в 1891–1897 гг. занимал должность военного губернатора и командующего резервными и местными войсками Самаркандской области. Дневники, относящиеся к 1883–1894 гг., содержат ежедневные записи, большей частью связанные со службой. Автором были зафиксированы аудиенция у императора, прием у военного министра, посещение великих князей Владимира Александровича и Михаила Николаевича, осмотры военных учебных заведений, оставлены замечания по вопросам внешней и внутренней политики. Интересны описания церковных служб, приемов депутаций по случаю болезни, затем кончины императора Александра III, обращения к жителям Самарканда при подписании «присяжных листов» в 1894 г.²⁵

Фонд еще одного генерала – В. Г. Глазова (1848–1920), служившего в выбранный период начальником штаба 10-й кавалерийской дивизии, командиром лейб-гвардии 1-го стрелкового батальона и лейб-гвардии Московского полка. Часть находящихся в РГИА его дневников относится к 1891–1894 гг.²⁶ В них отражена служба автора в Царском Селе, военные учения и подготовка к ним, деятельность офицерского собрания и офицерского суда чести, посещения полка Александром III, а также участие Глазова в церемонии погребения императора.

²⁴ РГИА. Ф. 839. Оп. 1. Д. 11, 12.

²⁵ РГИА. Ф. 1042. Оп. 1. Д. 56, 57, 58, 59, 61, 66.

²⁶ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 4–7.

Обратим внимание на редкий случай, когда авторская рукопись, мемуары генерала Н. А. Епанчина (1857–1941) «На службе трех императоров. Воспоминания генерала от инфантерии Н. А. Епанчина»²⁷, была передана в РГИА его внуком бароном Э. А. Фальц-Фейном в числе прочих документов, составивших фонд № 1699. Часть воспоминаний относится к царствованию Александра III. Автор отмечал негативное влияние на него К. П. Победоносцева, черты характера императора, перемены в последние годы жизни.

В РГИА сохранились дневники и мемуары чиновников, служивших в разных министерствах или ведомствах.

В дневниках за 1891–1897 гг. члена Совета министра внутренних дел С. И. Толстого значительное место занимают повествование о внутриминистерских делах, откровенные характеристики губернаторов с оценкой их деятельности, эмоционально окрашенные комментарии назначений на должности разных лиц²⁸. На страницах дневника появляется множество известных лиц периода 80–90-х гг. XX в.: Победоносцев, Витте, Вышнеградский, Мещерский и другие. Автор часто восхищается императором Александром III («идеальный человек, беспеременный семьянин, преданный всей душой родине»), одновременно с этим пишет о нем «Бедный государь!», описывает их личное общение²⁹, восклицает в день смерти императора: «Нет более Государя! Закатилось солнце правды!»³⁰ Рассматриваемый дневник может служить одним из источников по истории внутренней политики и Министерства внутренних дел (Далее — МВД).

На хранении в РГИА находится фонд чиновника МВД, позднее заведующего общим архивом Министерства императорского двора А. В. Половцова (Половцева), но в нем сохранились только отрывочные записи о разных событиях его жизни. Среди них запись «Разговор с гр. Воронцов[ым]-Дашк[овым] в ноябре 1889 г.», сделанная

²⁷ РГИА. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 410–422. Оpubл.: Епанчин Н. А. На службе трех императоров. М., 1996.

²⁸ РГИА. Ф. 1667. Оп. 1. Д. 3, 4.

²⁹ Там же. Д. 3. Л. 106, 110.

³⁰ Там же. Д. 4. Л. 3 а об.

А. В. Половцовым по поводу возможного представления автора императору Александру III³¹.

В личном фонде графов Толстых сохранились записные книжки тоже чиновника МВД, бывшего офицера Конного полка П. И. Толстого (1849–1925) с очень краткими и отрывочными записями за 1885–1894 гг. о личных делах, времяпрепровождении и состоянии здоровья близких (рождение сыновей, поездки, прогулки, посещение яхт-клуба, спектаклей, завтраков и т.д.). В такого рода документах хорошо прослеживается круг постоянного общения автора (Грейги, Штиглицы)³².

Обратим внимание на воспоминания чиновника Министерства путей сообщения, позднее предпринимателя и общественного деятеля Н. Н. Изнара (1851–1932). Они сохранились в Коллекции документов личного происхождения, не составляющих отдельных фондов (Ф. 1101)³³. В них автор повествует о своей работе на строительстве железных дорог, деятельности в Тарифном отделе Министерстве путей сообщения, о съездах представителей железных дорог, о С. Ю. Витте, И. А. Вышнеградском и т.д.

В Коллекции документов разных лиц, изъятых из сейфов частных банков и кредитных обществ Петрограда, сохранились воспоминания заведующего Канцелярией императрицы Марии Федоровны Ф. А. Оома (1826–1898)³⁴. В них отражено участие автора в занятиях по ведомству учреждений императрицы Марии, в Международных конференциях Общества Красного Креста в Женеве (1884), Карлсруэ (1887), Риме (1892).

В РГИА также выявлены мемуары и дневники дипломатов. В фонде дипломата, посланника и полномочного министра в Мексике Р. Р. Розена (1847–1921) находится Дневник (2/14 января 1892 г. — 28 января / 9 февраля 1893 г.)³⁵ с ежедневными краткими записями о встречах с разными лицами, получении и отправлении

³¹ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 1486. Л. 1.

³² РГИА. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 13, 14, 15, 16.

³³ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 778. Оpubл.: *Изнар Н. Н.* Записки инженера // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 84–114; № 12. С. 86–106; 2004. № 2. С. 78–116; № 3. С. 110–124; № 4. С. 93–108; № 5. С. 64–91; № 6. С. 64–81; № 9. С. 83–95; 2004. № 10. С. 82–93; № 11. С. 81–111; № 12. С. 69–95.

³⁴ РГИА. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 1443.

³⁵ РГИА. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2.

корреспонденции, с сообщением о прибытии в Мехико к месту службы. В воспоминаниях «Очерки прошлого»³⁶ дипломата Г. А. Де-Воллана (1847–1916) незначительная часть посвящена царствованию Александра III.

В РГИА также имеются дневники представителей духовенства, которые прежде всего сохранились в фонде Канцелярии Синода (Ф. 796), Коллекции рукописей Синода (Ф. 834). Одними из самых известных и охватывающих значительный период, являются дневники епископа, основателя Русской духовной миссии в Японии Николая Японского (Касаткина) (1836–1912), которые велись им в том числе и в 80–90-е гг. XIX в.³⁷ Также исследователям хорошо знакомы дневники начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина)³⁸. В РГИА находится и дневник митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского и Финляндского Исидора за 1881–1892 гг.³⁹

Помимо таких длительных по времени ведения дневников сохранились записи представителей духовенства, отражающие отдельные эпизоды их службы. В частности, имеется «Дневник, веденный Нафанаилом, епископом Екатеринбургским, при обозрении церквей на высотах Уральского хребта во второй половине декабря 1882 года»⁴⁰, в котором автор отразил свою деятельность по наведению порядка в церковных делах, осмотр церквей, а также впечатления от встреч и путешествия. В РГИА отложились воспоминания священника А. Д. Воскресенского с описанием знакомства и совместной работы с известным педагогом и просветителем С. А. Рачинским в 1890–1891 гг.⁴¹ В фонде Канцелярии Синода сохранился

³⁶ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 966. Оpubл.: *Деволан Г. А. Очерки прошлого. Воспоминания (1860-е – 1883 гг.) // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 170–190; № 4. С. 122–153; № 5. С. 105–123; № 6. С. 131–160; № 8. С. 148–167; № 10. С. 93–109.*

³⁷ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1137, 1141–1151. Оpubл.: *Дневники святого Николая Японского. В 5 т. СПб., 2004.*

³⁸ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1129–1131. Оpubл.: *Дневник архимандрита Антонина (Капустина). Год 1881. М., 2011.*

³⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 450–454.

⁴⁰ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1134.

⁴¹ РГИА. Ф. 813. Оп. 1. Д. 39 (Оpubл.: *Воскресенский А. Д. Из дневника учителя Татевской школы. (Воспоминания о С. А. Рачинском) // Народное образование. 1911. Т. 1. Кн. 3. С. 273–292; Кн. 4. С. 418–440; Кн. 5/6. С. 565–593); Ф. 803. Оп. 16. Д. 2377. «Из дневника учителя Татевской школы. (Продолжение)».*

дневник за 1891–1894 гг. начальника архива и библиотеки Синода А. Н. Львова (1848–1901)⁴². Автор вносил в него свои наблюдения, касающиеся внутренней жизни ведомства православного исповедания и деятельности своих коллег.

События времени правления Александра III также отражены в дневниках и воспоминаниях представителей революционного движения, в значительном количестве собранных в фонде редактора журнала «Былое» П. Е. Щеголева (Ф. 1093). Акцент в воспоминаниях был сделан на ужесточении репрессий против печати, студентов, интеллигенции. О студенческих формах протеста повествуют мемуары адвоката и общественного деятеля М. Р. Бейлина «Из жизни томского студенчества»⁴³, руководителя Петербургской революционной группы Н. Н. Беляева «Революционные кружки 1887–1892 гг.»⁴⁴. Участница студенческого движения 1880-х гг. О. Г. Каллистратова описала в воспоминаниях свой арест, ссылку, условия содержания и протесты заключенных⁴⁵. Подчеркнем, что в фонде П. Е. Щеголева сохранились разные мемуары революционеров или лиц, близких к их кругу, содержащие сведения биографического характера, сведения о воззрениях и повседневности данной части населения⁴⁶. Воспоминания участников революционного движения также встречаются в других фондах РГИА⁴⁷.

Приведем примеры дневников, которые можно использовать для изучения отдельных регионов. В личном фонде орловского губернатора, члена Государственного совета А. Н. Трубникова сохранились его воспоминания, в которых было описано назначение его

⁴² РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 778. Л. 9–149 об. Оpubл.: «Князь церкви» (Из дневника А. Н. Львова) // Красный архив. 1930. Т. 2 (39). С. 108–148; Т. 3 (40). С. 97–124; *Львов А. Н. Дневник (1891–1898)* // Нестор. 2000. № 1. С. 9–164.

⁴³ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 29.

⁴⁴ Там же. Д. 30.

⁴⁵ Там же. Д. 87.

⁴⁶ Там же. Д. 67. *Гревс И. М.* «В годы юности. (За культуру). Отрывок второй. После студенчества. (Наше братство) ». Оpubл.: *Гревс И. М.* В годы юности. За культуру // *Былое*. 1918. № 12. Кн. 6. № 12. С. 42–88.

⁴⁷ РГИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 3. Васильев А. В. Воспоминания; Ф. 1006. Оп. 1. Д. 24. Иванчин-Писарева А. И. «Из моих воспоминаний. (О П. Н. Дурново) ». Оpubл.: *Иванчин-Писарев А. И.* Из воспоминаний о П. Н. Дурново // Каторга и ссылка. 1930. Кн. 7. С. 40–59.

губернатором в 1894 г.⁴⁸ Один из ярких примеров отражения региональной истории – дневник благовещенского городского головы, краеведа А. В. Кириллова (1851–1910), сохранившийся в его фонде (Ф. 1638). В нем автор запечатлел разные события из жизни, проблемы и нравы жителей Благовещенска, в том числе и в 80–90 гг. XIX в.⁴⁹

Примером воспоминаний человека творческих профессий служат записки писательницы Е. П. Кавелиной (1859 – не ранее 1918 г.), которые содержат размышления о жизни, религии, любви, предназначении писателя, сведения об общении с И. С. Тургеневым и мнение о его творчестве, оценку итогов правления Александра III⁵⁰.

Подчеркнем, что в РГИА на хранении находятся дневники и мемуары разных лиц, в том числе находящихся на «социальных полюсах». Приведем, еще примеры. С одной стороны, воспоминания В. Н. Фальц-Фейн (урожд. Епанчиной), дочери генерала Н. А. Епанчина, о представлении императрице, посещении балов и посольств⁵¹. С другой стороны, воспоминания сына крепостного, конторского служащего в имении Абамелек-Лазаревых И. И. Раева о приезде хозяев и осмотре ими владений⁵².

Таким образом, фонды РГИА дают широкие возможности для выявления дневников и мемуаров периода правления Александра III, их изучения и введения в научный оборот.

⁴⁸ РГИА. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 5. Оpubл.: Трубников А. Н. Воспоминания. Орел, 2004.

⁴⁹ РГИА. Ф. 1638. Оп. 1. Д. 229–231.

⁵⁰ РГИА. Ф. 947. Оп. 1. Д. 35, 36, 40, 45, 47, 71.

⁵¹ РГИА. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 196.

⁵² РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 40, 61. Оpubл.: Воспоминания о князе Семене Семеновиче Абамелек-Лазареве служащего Полазнинской конторы Ивана Ивановича Раева. 25 февраля 1917 года // Неклюдов Е. Г., Попова-Яцкевич Е. Г. Род Лазаревых. Екатеринбург, 2014. С. 282–291; Воспоминания о Семене Давыдовиче Абамелике служащего Полазнинской конторы Ивана Ивановича Раева. [Февраль 1917 года] // Там же. С. 276–281.

Г. М. ГОРФЕЙН (ответственный составитель), С. И. БАРЕКОВА, Л. А. ПЕ-
КРАСОВА, М. Г. НИКИФОРОВА, Д. И. ГАСКИН, А. Б. ПЕШНИН, Л. Д. ШТАДИК,
О. А. ЛЮБИМЦЕВ.

ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ ХУШ-НАЧАЛА XX в.,

ХРАНИЛИСЯ В ЦИГА СССР

(Обзор)

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Дневники и воспоминания — документальные источники, привлекающие внимание не только исследователей самых разнообразных специальностей, но и писателей, сценаристов, режиссеров, художников, музейных работников и многих других. Связано это с тем, что они насыщены подчас уникальными фактическими сведениями, с наибольшей непосредственностью, яркостью, полнотой воссоздают историческую обстановку событий, живой облик людей, их подлинную речь, быт, личные связи и т. д.

Дневники и воспоминания, хранившиеся в ЦИГА СССР, за очень малым исключением, содержатся в личных фондах. Наибольшее число их составляют дневники и воспоминания государственных деятелей, чиновников, дворян, военных.

Особую, довольно многочисленную, группу составляют дневники и воспоминания участников революционного движения. Документы эти в большинстве своем находятся в фонде историка, редактора журнала "Былое" П. Е. Щеголева, который собирал их и готовил для опубликования; в фонде П. Е. Щеголева имеются и корректуры, которые также включены в обзор, в связи с тем, что многие из них имеют авторские и редакторские поправки.

Довольно многие дневники и воспоминания, хранившиеся в ЦИГА СССР, написаны рядовыми людьми и не содержат сведений о конкретных событиях, тем не менее в обзор они включены, так как отразили определенную эпоху и характеризуют мировоззрение ^{у рядовых людей} отдельных слоев русского общества.

Имеется обширная литература, посвященная изучению дневников и воспоминаний. Наибольшую ее часть составляют списательные ис-

Горфейн Г. М. (отв. сост.) и др. Дневники и воспоминания XVIII — начала XX в., хранящиеся в ЦИГА СССР (обзор). Л., [1973]. — Машинопись (ОНСА РГИА). Л. 1, 3.

О ХОДЕ РАБОТЫ И ПЕРСПЕКТИВАХ ПОДГОТОВКИ
К ИЗДАНИЮ СПРАВОЧНИКА "ДНЕВНИКИ И МЕМУАРЫ
В ФОНДАХ РГИА" (XVIII – НАЧ. XX В.)

Аналитическая записка.

В 1975г. в ЦИА СССР был подготовлен обзор "Дневники и воспоминания XVIII – нач. XX вв.", хранящиеся в ЦИА СССР (отв. сост. Г. М. Горфин), с краткими аннотациями. В него включены 499 вывлеченных источников, в том числе 63 единицы хранения – неустоявшиеся авторов. Кроме того имеется перечень из 229 дневников и мемуаров, не включенных в 70-е годы в основной состав справочника главным образом по цензурным соображениям: "раковенность", вражда, религиозно-философские и национальные проблемы, затрагивающие авторов и т.п.

В справочник были включены только документы личного происхождения, возмездно или безвозмездно переданные в фонд, опись которых и того предпринимательской деятельности их авторов. В виде исключения из этого общего принципа в справочник включены поданные записки и журналы военных действий к дневникам, плаваньям и т.п., которые по форме и содержанию близки к дневникам. В справочнике не аннотировались записные книжки, практические отчеты и такие документы, как автобиографии.

Авторские записки отдалены: фактов личной, семейной или общественной жизни в форме хронологического перечня включались в справочник с определением – "дневниковые записки".

Выявление документов для обзора проводилось преимущественно по описям личных фондов, при том условии, что в аннотированном реестре описей имелось прямое указание на наличие дневников и мемуаров.

Возобновление работы по подготовке 2-й редакции справочника в ОНСА относится к 1989г. Планируются временные трудовые затраты коллегially (пока сказать, что на 1.01.97г. трудовые затраты на подготовку справочника составили приблизительно 1 чел./год). В аннотировании дневников и мемуаров участвуют все сотрудники отдела, в том числе и студенты. Другими плановыми работами по усилению трудового потенциала являются: при этом выделительных трудов затрат потребовало описание отдельных значительных по объему исторических (например, дневники генерала В. Г. Глазова) и историков на иностранных языках.

В целях интенсификации работ в ОНСА РГИА в 1996г. в фонд "Аннотированный реестр описей" был проваден контекстный поиск фондов и описей, содержащих в аннотациях упоминания о наличии записок, дневников и воспоминаний и распечатан номерник на более чем 150 фондов, по которым необходимо провести довыявление.

В процессе целевого выявления и при проведении плановых работ по усилению выявления описей и каталогизации еще в 56 фондах обнаружены дневники и мемуары, на заголовки которых составлено около 200 карточек. Таким образом на начало 1997г. речь идет об объеме ок. 1000 наименований для справочника "Дневники и мемуары в фондах РГИА", но них менее 100 имеют рассмотренные аннотации.

В 1994г. для паскового экзепляра 1-й редакции справочника был составлен сводный реестр-индекс, включивший 727 наименований. В настоящее время в ОНСА РГИА ведется работа по попытке начать ввод обязательной информации по справочнику в ЭВМ ("байт-дигит") однако в силу переполненности ЭВТ ОНСА другими плановыми видами работ, выделенными в автоматическом режиме, это пока является практически невозможным.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ДЛЯ СОСТАВИТЕЛЕЙ
СПРАВОЧНИКА
"ДНЕВНИКИ И МЕМУАРЫ В ФОНДАХ РГИА"
(XVIII – НАЧ. XX ВВ.)

Описание вывлеченных источников располагается в справочнике по алфавиту авторов, произведений каждого автора – в хронологической последовательности охваченного автором периода.

Документы с неустоявшимся авторством помещаются после алфавита авторов и располагаются в хронологической последовательности.

Каждое описание состоит из следующих элементов:

1. Сведения об авторе.
2. Название.
3. Аннотация содержания.
4. Шифр.
5. Сведения о публикации.

1. Сведения об авторе.

а) фамилия, имя, отчество (полностью). Сведения, установленные составителем помещаются в квадратные скобки. Для иностранцев – в русской транскрипции с указанием в круглых скобках имени на языке подлинника. Для женщин – указание в круглых скобках следом за ФИО "урома...". Или "в замужестве...".

б) даты (годы) жизни. Отсутствующие сведения отмечаются знаком "7" в краткие биограрические сведения (отдельной строкой), прилиженные по времени к описываемому документу, с указанием в случае необходимости "последствия...".

г) Термин "Неустоявленное лицо" требует максимально точного определения по линии родственных связей, возраста, служебного положения и т.п.

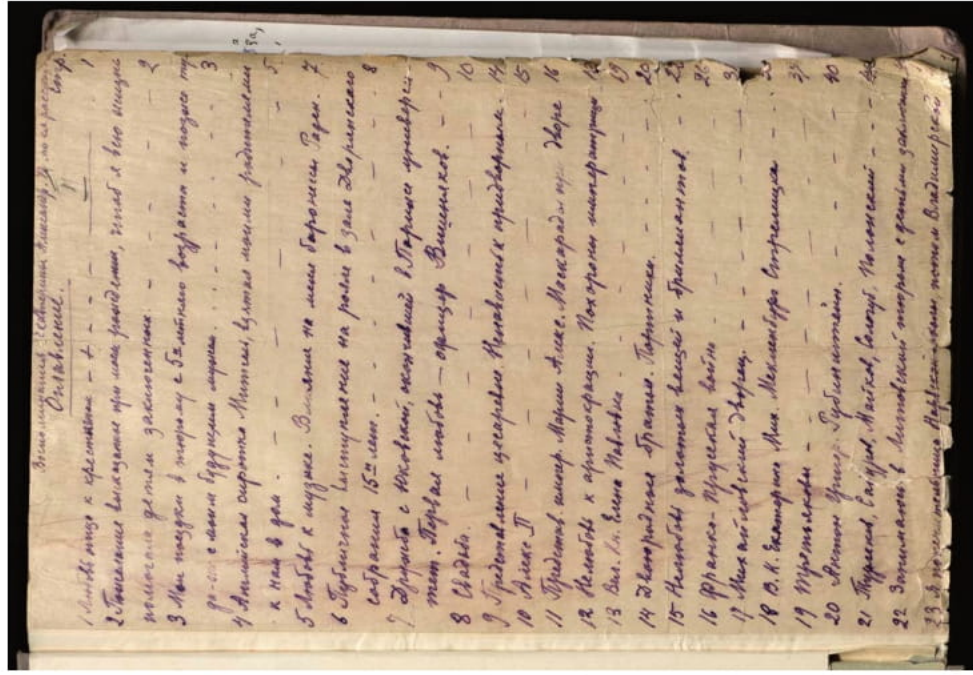
2. Название

- а) Своеобразие (авторское) название документа ставится на первое место, в кавчках, на языке оригинала.
- б) Название, данное составителем, и определение вида документа пишется следом без кавчек и новет в случае необходимости вклукмата перевода на русский язык авторского заглавия.
- в) Крайние даты охватываемого в произведении периода (для дневников желательно с указанием числа и месяца) – после точки, следом за названием.

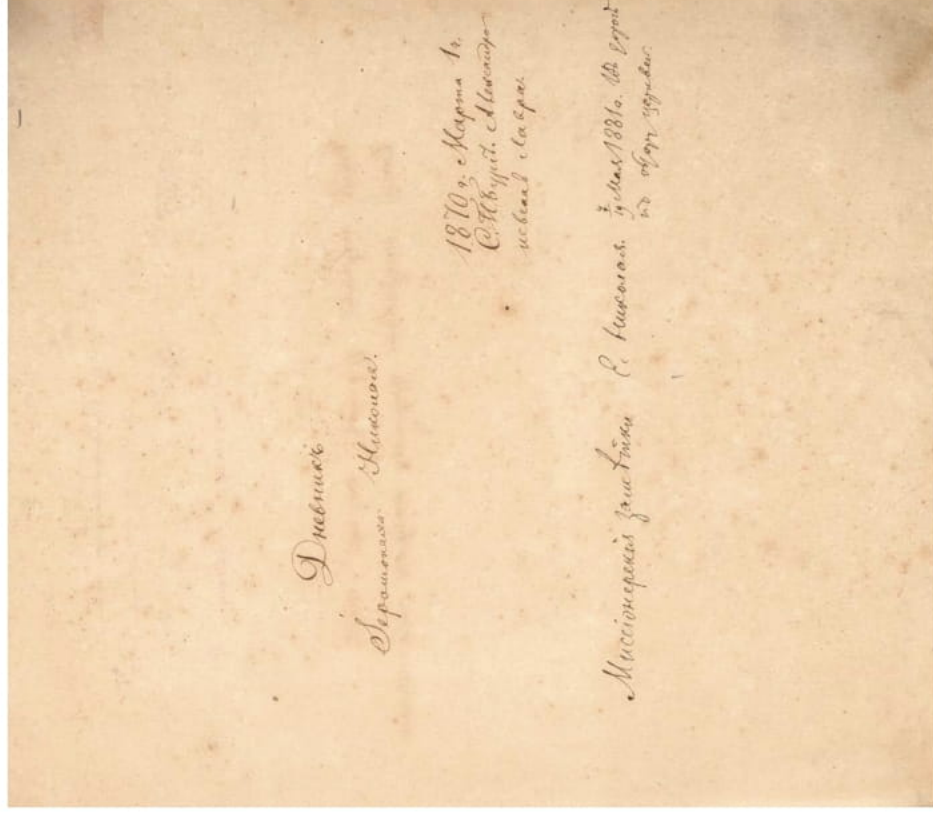
3. Аннотация содержания.

Объем и характер аннотации, степень полноты раскрытия информации зависят от характера аннотированного документа и ценности его как исторического источника. При этом объем описательной статьи может колебаться от 0,5/1 до 3-5 наименований страниц. Порядок изложения в аннотации аналогичен расположению информации в самом

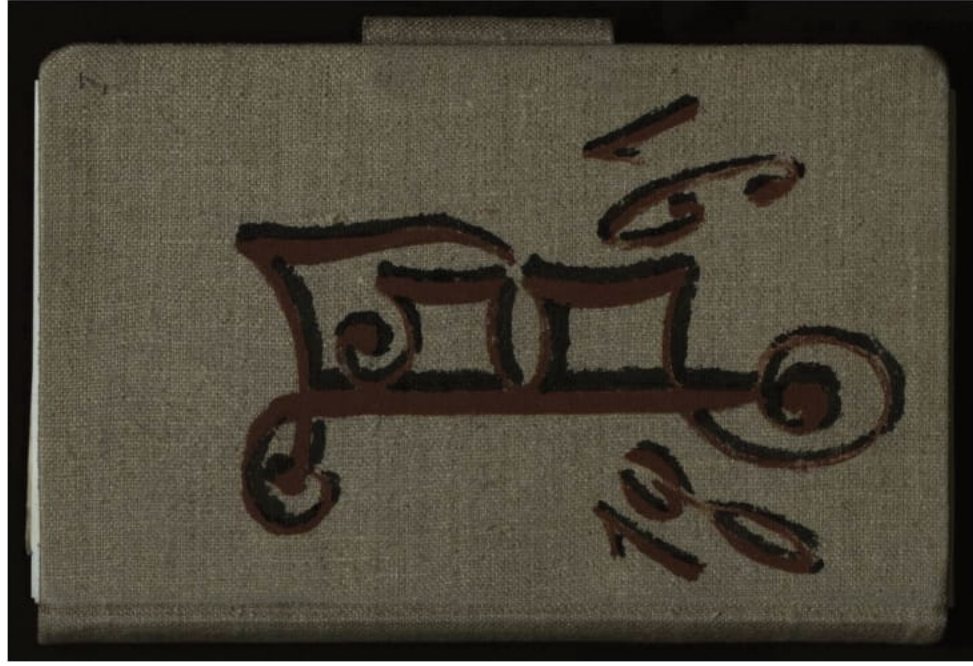
Казакова С. В. О ходе работы и перспективах подготовки к изданию справочника
«Дневники и мемуары в фондах РГИА (XVIII – нач. XX в.)». Л. 1997. – Машинопись (ОНСА РГИА). Л. 1, 4.

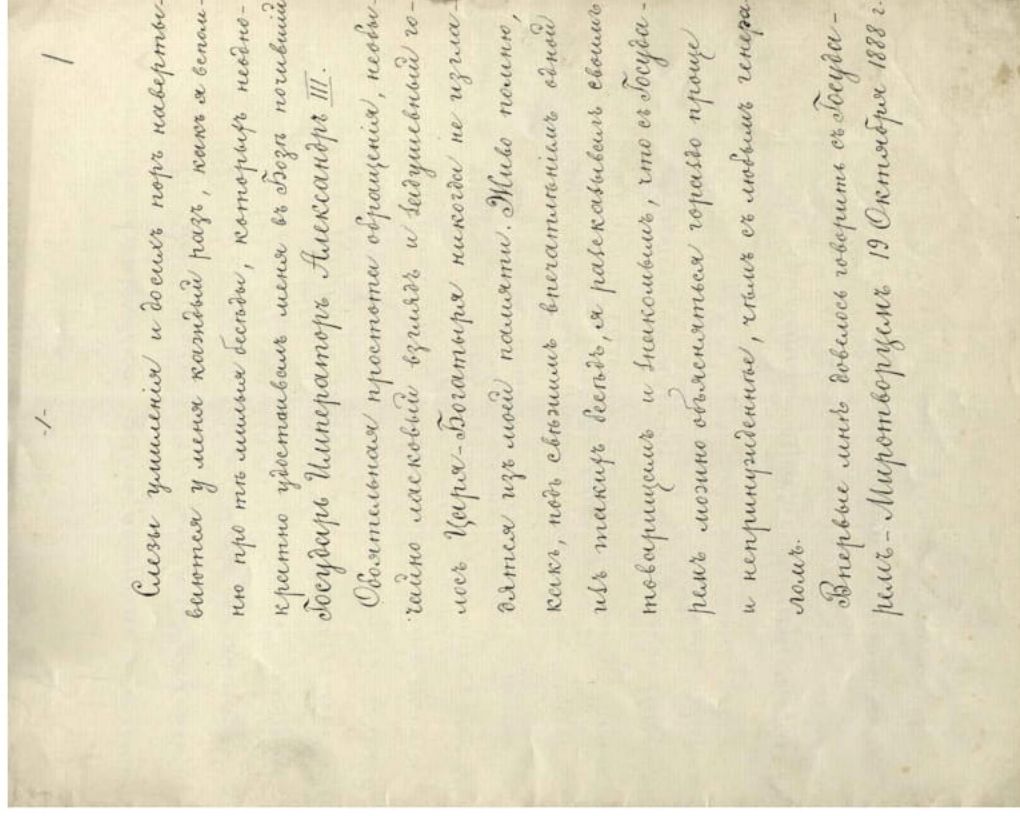
Победоносцева Е. А. Воспоминания
Екатерины Александровны П[обедоносцевой]
по ее рассказам (1840-е – 1928). Отглавление
(РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 29. Л. 1)

Николай (Касаткин). Дневник иеромонаха Николая
(1 марта 1870 г. – 28 февраля / 12 марта 1882 г.).
Миссионерские заметки е[пископа] Николая
8/9 мая 1881 г. в дороге по обзору церквей
(РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1137. Л. 1)

Глазов В. Г. Дневник
(22 марта - 30 ноября 1891 г.). Обложка.
(РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 4. Л. 1)

Связи ушаминя и досель поря наverts-
вытеса у мена казньи разъ, какъ а вела-
ню про ть шихъ бсоды, котарифъ невно-
кратно удмтавалъ мена въ бздъ погившй
бсударь Императоръ Александръ III.
Святимона протста ораццнн, нево-
гаино ласковбй взгядъ и бедушвнбй го-
мстъ Царя-Богатыря никогда не изма-
вдтса изъ мой памяти. Живо помню,
какъ, поь свозншъ впечатлннннъ въндъ
нъ такаръ всель, а ракекавалъ свошъ
товарнцнъ и Анкочннъ, что съ бсудв-
рнкъ можно объякнтса горазо проре
и кпрнцннднннъ, чтъкъ съ мбшнъ гелера-
лншъ.

Впервы мнъ довалосъ говорить съ бсудв-
рнкъ - Миротворцнъ 19 Октябръ 1888 г.

Грубе В. Ф. Воспоминания об императоре
Александрѣ III (1888-1894 гг.). Фрагмент
(РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 165. Л. 1)

А. А. КИРИЛЛОВА

**Материалы фонда Конторы двора наследника
великого князя Александра Александровича (РГИА)
по истории коллекционирования
произведений живописи**

Аннотация: В статье на основе документов Российского государственного исторического архива рассматривается тема коллекционирования живописи наследником престола, великим князем Александром Александровичем (будущим императором Александром III). Автор анализирует особенности формирования коллекции, впоследствии ставшей основой собрания Государственного Русского музея и в качестве примеров приводит материалы дел.

Ключевые слова: Александр III, изобразительное искусство, живопись, коллекционирование, Государственный Русский музей.

На хранении в Российском государственном историческом архиве (Далее – РГИА) находится фонд Конторы двора наследника великого князя Александра Александровича (Ф. 1339). Она существовала в период с 1866 г. до 1881 г. В ведении конторы находился Аничков дворец в Петербурге, в котором проживал Александр Александрович с семьей¹. Помимо разнообразных дел, охватывающих хозяйственные вопросы и личный состав, отчетов о капиталах и т.д., в фонде хорошо представлены различные документы о приобретении наследником картин и других предметов искусства.

Деятельность императора Александра III в качестве коллекционера и его влияние на современную ему художественную жизнь России сейчас широко освещена. Работу в этом направлении проводит Государственный Русский музей (Далее – ГРМ), в основе собрания которого изначально была личная коллекция императора. Так же эту тему раскрывает в своих публикациях заместитель директора по научной работе Государственного музея-заповедника «Павловск» Рифат Равильевич Гафифуллин². Изучением истории

---

¹ См: Российский государственный исторический архив. Путеводитель. В 4 т. СПб., 2012. Т. 2. С. 508.

² Гафифуллин Р.Р. 1) Предисловие: Каталог картин, принадлежащих Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002. С. 599–601; 2) Император Александр III –

формирования коллекции Александра III занимался И. В. Зимин³. Обращение к материалам фонда Конторы способствовало выяснению автором художественных предпочтений коллекционера и изучению провенанса предметов искусства.

Очевидно, что истоки такого важного для всей русской культуры процесса относятся к периоду, когда Александр III был ещё наследником престола. В этом отношении названный фонд является важнейшим источником. Более двадцати широко известных полотен, представленных на юбилейной выставке ГРМ, посвященной Александру III в 2020 году, уже находились в коллекции наследника в 1872 году, о чем свидетельствует каталог⁴, сохранившийся в РГИА.

Материалы фонда отражают особенности формирования коллекции Александра Александровича, в них содержится информация о перемещениях картин, предложениях и решениях о покупке, участии в российских и международных выставках, о технических работах по чистке картин и изготовлению рам, о приобретении целых коллекций живописных произведений, о стоимости работ.

В качестве примеров приведем материалы нескольких дел. Прежде всего это дело «О распоряжениях по приобретению Его Императорским Высочеством картин»⁵. В его состав вошли различные документы, на основании которых можно охарактеризовать основные источники формирования коллекции Александра Александровича:

— подарки царствующим родителям⁶ и супруги Марии Федоровны⁷;

— картины, приобретенные почившим цесаревичем Николаем Александровичем и перешедшие во владение Александра Александровича⁸;

коллекционер и покровитель русской науки и культуры // Император Александр III. Императрица Мария Федоровна: каталог выставки. СПб, 2006. С. 108–119.

³ Зимин И. В. Формирование художественной коллекции Александра III в Аничковом дворце // История. 2021. Т. 12. Вып. 2 (100). URL: <https://history.jes.su/s207987840014013-3-1/>

⁴ РГИА. Ф. 1339. Оп. 2. Д. 54.

⁵ Там же. Оп. 1. 1870 г. Д. 30.

⁶ Там же. Л. 3, 4, 18, 19, 22, 30.

⁷ Там же. Л. 20.

⁸ Там же. Л. 21.

— личные покупки с перепиской и документами об оплате картин художникам с указанием цен⁹.

В числе последних в данном деле содержатся материалы о приобретении наследником коллекции картин, принадлежащих коммерции советнику Василию Александровичу Кокореву. Эта важная для всей русской культуры покупка подробно освещена в деле. Серию документов, посвященных собранию Кокорева, открывает записка о встрече для осмотра и оценки картин совместно с академиком Императорской академии художеств, профессором Иваном Кузмичем Макаровым, секретарем Общества поощрения художников Дмитрием Васильевичем Григоровичем и академиком, профессором Александром Павловичем Брюлловым (братом художника Карла Брюллова)¹⁰. Характер материалов позволяет увидеть процесс организации приобретения коллекции от решения вопроса о покупке, стоимости коллекции (40000 рублей)¹¹, до определения приобретенных картин в Царское Село¹² и организации технических работ по позолоте рам и развеске картин в Александровском дворце¹³.

В состав дела входят список всех работ, вошедших в коллекцию, с карандашными метками¹⁴ и оценочный лист¹⁵, где указана стоимость каждой картины. Важной частью дела также является так называемый «Материал для описания картин, принадлежащих Его Императорскому Высочеству Государю наследнику цесаревичу Великому князю Александру Александровичу»¹⁶. Фактически это каталог коллекции, составленный членом императорской Академии художеств П. Н. Петровым¹⁷.

⁹ РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. 1870 г. Д. 30. Л. 1, 5, 6, 8, 27, 32.

¹⁰ Там же. Л. 5–6.

¹¹ Там же. Л. 7.

¹² Там же. Л. 10.

¹³ Там же. Л. 12–13.

¹⁴ «Опись картин русской школы из галереи Кокорева» (Там же. Л. 33–35 об.).

¹⁵ Там же. Л. 36–39.

¹⁶ Там же. Л. 40–97.

¹⁷ Там же. Л. 98. В материалах дела есть также документ о выдаче ему 500 рублей за эту работу, с учетом его прежних заслуг по консультированию при приобретениях произведений искусства Александром Александровичем.

Каталог представляет собой список художников с датами жизни и биографическими сведениями, перечисление их картин с подробным описанием сюжета, а также (в большинстве случаев) с указанием размеров и материалов. Проведенная П. Н. Петровым работа может служить примером первых шагов в историко-культурном осмыслении творчества художников русской школы в период зарождения интереса к национальному искусству. Это начало большого течения, названного впоследствии «расцветом русской культуры»¹⁸. И у истоков стоит заказчик работы и новый обладатель коллекции, наследник, великий князь Александр Александрович.

Среди приобретенных у Кокорева картин: работы Д. Г. Левицкого, В. Л. Боровиковского, А. Г. Венецианова, пять картин И. К. Айвазовского, более тридцати картин К. П. Брюллова (в том числе «Портрет сестер Шишмаревых», «Портрет графини Ю. П. Самойловой» и др.). В общей сложности — 145 живописных работ. Фактически, это основа современной коллекции ГРМ.

Можно предположить, что в данном деле представлен первоначальный, черновой вариант каталога с правками, карандашными пометками и подписью составителя. В чистовом варианте этот материал представлен в твердом переплете и оснащен оглавлением¹⁹.

Хотелось бы особо отметить дело «О приобретении картин, альбомов, литографий, бюстов, ваз и других художественных произведений и редкостей»²⁰. В нем содержатся документы и переписка о приобретении Александром Александровичем ряда работ профессора Карла Федоровича Гуна, профессора Александра Петровича Боголюбова, руководившего занятиями по искусству будущей императрицы Марии Федоровны, а также покупке картины «Ростепель»²¹ Федора Васильева и др. В материалах дела — автографы А. П. Боголюбова и Д. В. Григоровича.

Кроме того, определенный интерес представляет комплект документов «О приобретении 16-ти видов Москвы, писанных по заказу

¹⁸ Бенца А. Н. Мои воспоминания: в 5 кн. М., 1993. Кн. 1-3. С. 633.

¹⁹ «Материал для описания картин, принадлежащих его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу» (РГИА. Ф. 1339. Оп. 2. Д. 431).

²⁰ РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. 1871 г. Д. 15.

²¹ Официальное название картины в составе коллекции ГРМ — «Оттепель» (1871).

Екатерины II профессором Бартом (Жерар Делабарт. — А. К.) у московского купца Родионова»²² с размерами картин, описанием и перечислением сюжетов. Из материалов дела известно, что Родионов рассчитывал получить за коллекцию 10000 рублей. Однако в итоге все 16 работ были приобретены у него за 1600 рублей (по 100 рублей за каждую картину). Сейчас коллекция также является частью собрания ГРМ. В 2018 году она была впервые в полном объеме выставлена на временной экспозиции в Михайловском замке.

В 1872 г. Александр Александрович приобрел «пятнадцать картин видов Санкт-Петербурга, писанных масляными красками в царствование Государя Императора Павла I профессором Мейером (Иоганн Георг Майр. — А. К.) с 1796 по 1804 г.»²³ у того же московского купца Родионова, который уступил эту коллекцию наследнику за 750 рублей. Девять произведений из этой серии сейчас в коллекции ГРМ.

В материалах дела также отложились отношение Императорской Академии художеств, из которого узнаем об окончании художником В. В. Верещагиным картины «Вид Севастополя», заказанной ему наследником²⁴, и документы о выплате Верещагину 750 рублей за эту работу²⁵. Речь идет о картине «Вид Севастополя со стороны Малахова кургана», находящейся сейчас в составе коллекции ГРМ.

В рамках данного исследования нельзя не упомянуть «Каталог картин, принадлежащих наследнику Александру Александровичу. 1872 г.»²⁶ Всего в каталог вошло 332 картины, включая коллекцию Кокорева. В отличие от упомянутого выше отдельного каталога собрания Кокорева, в данном источнике нет сведений о размерах картин, отсутствуют годы создания работ, не указаны материалы. Техника исполнения большинства картин — «холст, масло» по умолчанию. В случае упоминания в каталоге акварельных работ это особо отмечается.

Каталог представляет собой список всех картин, принадлежащих на тот момент Александру Александровичу, составленный в виде

²² РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. 1871 г. Д. 15. Л. 33–37.

²³ Там же. 1872 г. Д. 33 («О приобретении Его Высочеством картин, бюстов, ваз, других художественных произведений и редкостей»). Л. 8, 19.

²⁴ Там же. Л. 11.

²⁵ Там же. Л. 12, 13.

²⁶ РГИА. Ф. 1339. Оп. 2. Д. 54.

таблицы со следующими графами: сюжет картины, имя художника, откуда и когда приобретена. В первой графе описание сюжета, как правило, сводится к одной фразе или предложению и часто соответствует (точно или приблизительно) известному в настоящее время (официальному) названию картины. Во второй графе информация ограничивается исключительно фамилией художника и инициалом имени. Третья графа каталога наиболее подробна: в ней описывается источник поступления в коллекцию картины и стоимость, за которую она была приобретена. Благодаря этому, данный документ наиболее полно отражает историю создания коллекции будущего императора в момент становления его художественных пристрастий, ставшей впоследствии базой для формирования облика русского национального искусства.

В дальнейшем каталог будет разрастаться. На данный момент есть публикация более позднего варианта каталога, который хранится в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Александра III и включает уже 428 произведений. Он был издан с предисловием Р.Р. Гафифуллиным в 2002 г.²⁷ Составители отдали предпочтение этому варианту как более полному по сравнению с предшествующим ему каталогом, хранящимся в РГИА. Однако, очевидно, что для изучения коллекции живописи Александра III необходимо использовать оба источника. Документ РГИА является более ранним, фактически, первым обобщенным каталогом коллекции и позволяет детально изучить процесс документального оформления формирующегося собрания живописи.

В 2020 г. ГРМ в Михайловском замке провел юбилейную выставку «Александр III. Император и коллекционер». Ее целью было особо отметить значение деятельности императора в области коллекционирования и популяризации искусства. При изучении каталога 1872 года нами было выявлено, что 24 работы из 300 произведений, представленных на выставке, уже на тот момент являлись частью коллекции наследника престола.

---

²⁷ Гафифуллин Р.Р. Каталог картин, принадлежащих Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002. С. 599–677.

Наряду с перечисленными материалами, широко отображающими историю коллекционирования Александром Александровичем живописи, важно отметить и другие документы, фрагментарно дополняющие общую картину.

Представляют интерес материалы о перемещениях картин на различные выставки и обратно. Например, дело «Об отправлении на Всемирную Парижскую выставку картины «Итальянские похороны»²⁸ или дело «О картинах, взятых из числа принадлежащих их высочествам, для назначенных на 1872 год выставки: Академической в Санкт-Петербурге, Художественной лондонской и Политехнической московской»²⁹. В последнем упоминается, в том числе, о четырех картинах И. К. Айвазовского, которые потерялись после выставки в Москве³⁰. В деле сохранилась переписка о передвижении этих произведений, которые, в конечном итоге, были возвращены владельцу. В документе, озаглавленном «О картинах, взятых от Двора его высочества на Академическую выставку в 1874 г.»³¹, — сведения о картине «Грешница» Г. И. Семирадского.

В составе дела «О приобретении его высочеством картин и других художественных предметов и редкостей»³² сохранилось письмо секретаря Общества поощрения художников Д. В. Григоровича о поручении ему от Александра Александровича «войти в переговоры касательно цены портрета государя императора Николая Павловича», изображенного в детском возрасте живописцем В. Л. Боровиковским. В нем он сообщает об изменении исходной цены на картину: «Имею честь довести до сведения Вашего, что помянутый портрет, назначенный в продажу за 500 рублей, уступается ныне на 350 рублей»³³. Интересно анализировать стоимость художественных произведений по материалам фонда. Для сравнения приведу в пример картину «Перенесение священного ковра в Каире»,

²⁸ РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. 1864–1866 гг. Д. 48. Речь идет о картине И. И. Реймерса «Похороны в Италии» (1861) в составе коллекции Государственной Третьяковской галереи.

²⁹ Там же. 1871 г. Д. 66.

³⁰ Там же. Л. 23.

³¹ РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. 1873 г. Д. 63.

³² Там же. Д. 26.

³³ Там же. Л. 5.

выполненную по заказу наследника К. Е. Маковским, стоимость которой составила 6000 рублей³⁴.

За такую же стоимость, 6000 рублей, в 1874 г. Александр Александрович заказал большую картину у пенсионера Академии художеств, живущего на тот момент в Париже, Ильи Ефимовича Репина. Речь идет о картине «Садко». Материалы по этому заказу — векселя, условия покупки, сроки выплат указанной суммы по частям, подписка об обязательствах с автографом художника — сохранились, среди прочего, в деле «О приобретении Его Высочеством картин и других художественных предметов и редкостей»³⁵.

Такое внимание к живописи и значительные траты на покупку картин были обусловлены восприятием искусства через призму его просветительской и идеологической функций. Речь идет о начальном периоде осмысления художественного творчества как народного достояния и дела государственной важности. Александру III в этом процессе принадлежит важнейшая роль. Его личный интерес и частная коллекция легли в основу идей о художественном просвещении и (как итог) о публичном общенациональном Русском музее, в котором важнейшее место должен был занять раздел изобразительного искусства. Эта идея стала ярким выражением национально-патриотических устремлений императора и его увлеченности современным искусством.

В РГИА сохранились документы «Об устройстве в Собственном Его Высочества дворце музея и картинной галереи»³⁶. Это начало воплощения большого проекта на местном, пока домашнем уровне, еще до вступления Александра Александровича на престол. Продолжение этой работы, ввиду короткого царствования Александра III, легло на плечи уже Николая Александровича. Указ об учреждении «Русского Музея Императора Александра III» был подписан в 1895 г., но история формирования основы коллекции музея началась в Конторе двора наследника великого князя Александра Александровича.

³⁴ РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. 1873 г. Д. 53.

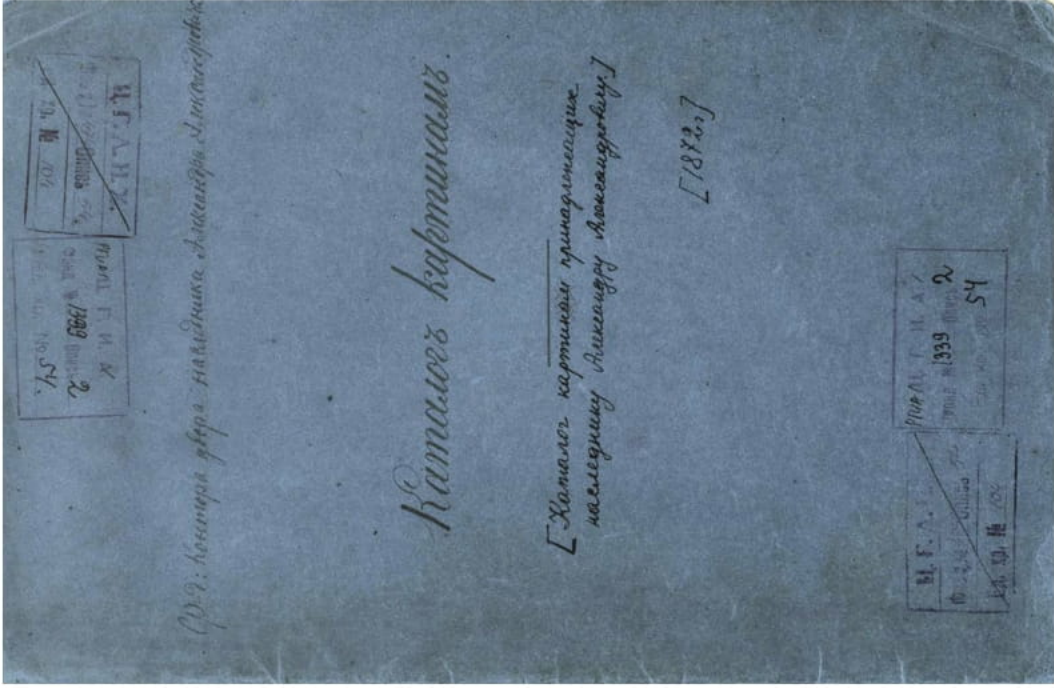
³⁵ Там же. 1874 г. Д. 1. Л. 13–17 об.

³⁶ Там же. 1870 г. Д. 52.

Оценочный лист
Картинам русской школы из галереи
В. А. Кокорева.

			Рубль		
1.	Левинский.	Портрет Великого князя Александра Навологора / семилет- ного возраста.	500.	✓	сб 1
2.	—	Трагедия в России.	500.	✓	сб
3.	—	Портрет неизвестного. . .	500.		
4.	—	Портрет Екатерины II. . .	1500.	✓	сб
5.	Боровиковский.	Портрет княгини С. П. Богартиной.	300.	✓	сб
6.	Алексеев.	Вид Петербурга.	400.	✓	
7.	—	Наводнение в Петербурге. . .	150.	✓	сб
8.	Воронов.	Искупление расшибленного. . .	300.	✓	сб
9.	Орловский.	Башкир на лошади.	50.	✓	сб
10.	—	Кургуш на лошади.	50.	✓	сб
11.	—	Возвращение портв. лошади. . .	50.	✓	сб
12.	—	Обоз / карандашный рисунок /	50.	✓	сб
13.	Воронов.	Вид Петербурга / Изюма	300.	✓	сб
14.	—	Петровский остров в СПб.	300.	✓	сб
15.	—	Иерусалим (ночной вид)	50.	✓	сб
16.	—	Вид из окрестностей Маверы.	150.	✓	сб
17.	—	Аллея в Менинге.	150.	✓	сб
18.	—	Вид крепости на виазском берегу Константинополь. Пролива.	150.	✓	сб
19.	—	Вид крепости на виазском берегу Константинополь.	200.		
20.	—	Вид Иерусалима.	500.	✓	сб

Оценочный лист картинам русской школы
из галереи В. А. Кокорева
(РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 30. Л. 36)

№	Условная картина	Имя художника	Д
1	Майнае Воева № 1000-1001	Ж. П.	Портрет у великого государя Александровича, в флю- гелоне, в 1687-м году. Портрет великого государя Александра Ивановича (в 1687-м году, по 1688-му)
2	Сидоръ Брументъ	Ж. П.	Портрет у великого государя Александра Ивановича, в 1687-м году, по 1688-му
3	Васильева въ паритъ 1-й Рисунокъ въ парити Кавы. По В. Сидоръ	В. Сидоръ	Портрет у великого государя Александра Ивановича, в 1687-м году, по 1688-му
4	Виталиевича м. мале.	Вит. Фео	Портрет у великого государя Александра Ивановича, в 1687-м году, по 1688-му
5	Вась Сивагова м. мале.	Вас. Фео	Портрет у великого государя Александра Ивановича, в 1687-м году, по 1688-му

«Каталог картин, принадлежних наследнику Александру Александровичу. 1872 г.»
 (РГИА. Ф. 1339. Оп. 2. Д. 54. Обложка, Л. 2)

Н. С. КРЫЛОВ

Из истории Архива Государственного совета

Аннотация: Статья посвящена истории Архива Государственного совета, его учреждению и пребыванию в различных зданиях: особняке Сен-При, Шепелевском доме, в Зимнем дворце, в здании Сената и в собственном доме на Миллионной улице. Характеризуются условия хранения документов, последствия пожара в Зимнем дворце, дефицит помещений, специфика делопроизводства и степень сохранности документов.

Ключевые слова: Архив Государственного совета, Государственный совет, Государственная канцелярия, Государственный секретарь.

Историю перемещений архива Государственного совета и строительства для него здания в общих чертах изложил еще в 1983 г. наш коллега (ныне покойный) из Российского государственного архива Военно-морского флота Виль Николаевич Гудкин-Васильев в своем докладе «Дом на Миллионной». Но в его юбилейном выступлении, текст которого размещен на сайте Морского архива, нет ни одной архивной ссылки¹. Судя же по записям в листах использования, автор мог поработать только с одним из дел Российского государственного исторического архива (Далее – РГИА) – из фонда Департамента экономии². Прочих же дел, из фонда Государственной канцелярии Государственного совета, в которых можно найти весьма обширные и подробные сведения об архивных зданиях и помещениях, он, надо полагать, не видел. Да, по сути дела, никто с ними и не работал³, поскольку никому, кажется, по сию пору не приходило в голову заняться историей этого архива, как, впрочем, и большинства ведомственных архивов.

---

¹ Гудкин-Васильев В.Н. Дом на Миллионной // Российский госуударственный архив Военно-морского флота [сайт]. – URL: <https://rgavmf.ru/ob-arhive/istoriya-arhiva/gudkin-vasilev-vn-dom-na-millionnoy> (дата обращения: 29.03.2024).

² Российский государственный исторический архив (Далее – РГИА). Ф. 1152. Оп. 9. 1882 г. Д. 103 (лист использования).

³ Некоторые из этих дел смотрела в 1969 г. А.Л. Вайнштейн, но использовала их только для того, чтобы упомянуть в своей совместной статье с В.П. Павловой и Р.Д. Люлиной о том, что в здании Сената в 1838–1888 г. располагался архив Государственного совета (См.: Здания центрального государственного исторического архива СССР (бывшего Сената и Синода) как архитектурный и исторический памятник // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Л., 1970. С. 243).

Разумеется, невозможно было бы изложить все сведения из фонда Государственной канцелярии об архиве Государственного совета в рамках настоящей статьи. Поэтому, на первых порах, придется ограничиться только рассказом о его многократных перемещениях, немногие сведения о которых были помещены в юбилейном издании «Государственная канцелярия. 1810–1910»⁴.

Первым актом, узаконившим существование этого архива, стал 141-й параграф высочайше утвержденного 1 января 1810 г. «Образования Государственного совета». И поскольку в первом пункте этого параграфа было сказано, что архив этот составляется «из собрания самых положительных сведений по делам государственным прежних лет»⁵ – в распоряжении вновь учрежденного архива сразу же оказались протоколы прежних советов: при Высочайшем дворе и того, который принято называть «Непременным». Протоколы эти, которые хранятся ныне в фондах 1146 и 1147 РГИА, очевидно, сразу же были переданы в архив Государственного совета, а дела из тех же фондов в марте-июне 1810 г. передавались Сперанскому, который, в свою очередь, отсылал их к заведовавшему новым архивом статс-секретарю А. Н. Оленину⁶. Причем отыскивать их приходилось порой в Кабинете его императорского величества, где они оказались почему-то, будучи переданы разным лицам еще в Екатерининские времена по трем описям советником канцелярии Шарашовым⁷. Разместили эти дела и протоколы вместе с самим Государственным советом и Государственной канцелярией в особняке, который по высочайшему повелению от 1 января 1810 г. был специально нанят у графа де Сен-При⁸. В доме этом, выходящем своими фасадами на Дворцовую площадь и на Мойку, под Государственный совет,

⁴ Государственная канцелярия. 1810–1910. СПб., 1910. См. также: Государственный совет. 1801–1901. СПб., 1901. С. 184–188.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (Далее – ПСЗ. Собр. 1). Т. 31. № 24064.

⁶ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Дела Отделения дел государственного секретаря (ОдГС). 1810 г. Д. 3. Л. 1–27; Д. 5. Л. 1–7 об.

⁷ См.: РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 674. Л. 9–10; Ф. 1146–1147. Оп. 1. Д. 679.

⁸ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1810 г. Д. 12. Л. 3–3 об., 5–6 об.

канцелярию и архив было нанято 45 комнат в дворовом флигеле за 7500 рублей в год⁹.

Однако недолго пришлось оставаться Государственному совету, канцелярии и архиву в этом особняке. 1 июля 1811 г. министр финансов Д. А. Гурьев уведомил Сперанского о том, что государь император соизволил отдать этот дом воспитателю великих князей генерал-лейтенанту Ламздорфу. А уже на другой день Сперанский отвечал, что его канцелярия из дома выехала, очевидно, заблаговременно узнав о высочайшем повелении¹⁰. И разместилась она вместе с самим Государственным советом и его архивом не в Зимнем дворце, как полагал В. Н. Гудкин-Васильев, ссылаясь на записку 1882 г.,¹¹ а в так называемом Шепелевском доме, находившемся на месте нынешнего Нового Эрмитажа. Тут архив располагался возле комнаты «для летних собраний» Государственного совета¹², вероятно, той самой, которая не обозначена никакими литерами и цифрами на плане второго этажа Шепелевского дома¹³. Но не успел архив как следует устроиться в этом помещении, как в сентябре 1812 г. пришлось управлявшему тогда архивом А. Н. Оленину отправлять самую ценную часть его «из предосторожности на случай неблагоприятных обстоятельств настоящей войны» на судах в Крохинскую пристань на Белом озере. До нее, впрочем, 14 ящичков по 15 пудов каждый, пройдя через бурное Ладожское озеро в обход Ладожского канала, так и не дошли, застряв во льдах на реке Свири, ниже Лодейного поля. Где им и пришлось зазимовать, о чем доносил Оленину сопровождавший их надворный советник Степан Раков¹⁴.

Но еще до окончания зимовки, 23 ноября 1812 г., когда военная угроза Петербургу миновала окончательно, Оленин приказал Ракову

⁹ Цит. по рукописи из личного фонда Н. В. Калачова: РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 229. Л. 48.

¹⁰ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1810 г. Д. 12. Л. 24–25.

¹¹ Гудкин-Васильев В. Н. Дом на Миллионной ... URL: <https://rgavmf.ru/ob-arhive/istoriya-arhiva/gudkin-vasilev-vn-dom-na-millionnoy> (дата обращения: 29.03.2024).

¹² РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1813 г. Д. 3. Л. 9–11 об.

¹³ Там же. Л. 12. См. также план Зимнего дворца с прилегающими к нему постройками, в том числе – Шепелевского дома: РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 119. Л. 1.

¹⁴ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1812 г. Д. 6. Л. 3–4, 5–5 об., 24–25 об., 27, 32–33 об., 35–36, 38–39.

возвращаться в город сухим путем на 10 подводах, куда тот и прибыл благополучно 3 декабря 1812 г.¹⁵ Никаких утрат при этом обнаружено не было. При том, что вместе с делами Государственного совета в эвакуации побывали и три сундука с бумагами, конфискованными у графа Сперанского и Магницкого¹⁶. Последние накануне эвакуации, 16 августа 1812 г., были переданы для хранения Оленину и затребованы у него министром уделов Д. А. Гурьевым в Кабинет его императорского величества уже 8 октября того же года, с приложением реестра этих документов еще Екатерининских времен¹⁷. Понятно, что только после возвращения из эвакуации их смогли передать в Кабинет (20 февраля 1813 г.), «во всей исправности и за целыми печатями»¹⁸.

После чего архив благополучно пребывал в Шепелевском доме даже тогда, когда Государственный совет временно перебирался в дом Министерства иностранных дел на Дворцовой площади. Оттуда Совет предполагали вернуть «по отъезде ее императорского высочества великой княгини Анны Павловны», как писал А. Н. Оленин 7 июня 1816 г., ходатайствуя по этому случаю об устройстве антресольного этажа над въездными воротами во двор Шепелевского дома со стороны Зимней канавки, чтобы переместить туда весь архив Государственного совета¹⁹.

Однако вместо этого, как видно из отношения Оленина в Гоф-интендантскую контору от 12 января 1822 г., для архива Государственного совета были отведены антресольные комнаты над нижним этажом Зимнего дворца, над помещением Главной гауптвахты. Эти комнаты (по просьбе Оленина) управлявший конторой барон П. Альбедиль приказал отремонтировать 17 февраля того же года²⁰. Судя по планам Зимнего дворца, сейчас там находятся помещения над экспозицией сибирских древностей²¹.

¹⁵ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1812 г. Д. 6. Л. 42, 58–58 об.

¹⁶ Там же. Л. 25.

¹⁷ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1812 г. Д. 7. Л. 1, 10–12.

¹⁸ Там же. Л. 14–14 об.

¹⁹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1813 г. Д. 3. Л. 9–19, 27, 34.

²⁰ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 253. Л. 285–289.

²¹ См. план антресолей над нижним этажом Зимнего дворца: РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 309. Л. 15 (с надписью «архив Государственной канцелярии» возле комнат под № 19).

Сам же Государственный совет вернулся из дома Министерства иностранных дел только после 6 апреля 1821 г. «по случаю перестройки того дома с открытием весны...». Он переехал опять «в Шепелевский дворец в залу, в которые ныне Комитет гг. министров заседает», который, в свою очередь, велено было перевести «в том же дворце, в гостиную комнату, что между советом и спальнею»²². Чтобы удобнее было ходить из Государственной канцелярии в архив, Оленин 27 апреля 1821 г. просил сделать перегородку возле черной лестницы (по которой попадали в Зимний дворец), отделив помещение живописца Доу²³.

Затем, когда Государственный совет и его канцелярия были в 1828 г. перемещены в помещение под Старым Эрмитажем, ходить оттуда в архив стало неудобно. А главным, как писал в своей записке 13 февраля 1836 г. статс-секретарь барон М. А. Корф, в ведении которого тогда находился архив, было следующее: «1, теснота, увеличивающаяся с каждым днем, по мере накопления дел; 2, разделение двух комнат, занимаемых архивом площадкою холодной лестницы, 3, холод и сырость, особенно в одной комнате, где хранятся важнейшие дела от каменного пола и оттого, что внизу нет жилья; 4, отдаленность от Совета и канцелярии, и происходящая от сего крайняя затруднительность в сношениях и даже замедление в исполнении требований. Кроме того в архиве печи, несмотря на неоднократную переделку, неисправны, стены и полы давно надлежало бы выкрасить, но некуда перенести, на время починок, наполненные делами более 40 шкафов со столами и прочею мебелью, и негде бы было, в это время чиновникам заниматься своим делом. По всем сим причинам представляется совершенная необходимость назначить для Канцелярии и архива другое помещение, более просторное и более удобное, а притом в одной связи...»²⁴. На что обер-гофмейстер граф Кутайсов 28 февраля 1836 г. отвечал Корфу, что государь император велел оставить архив и канцелярию на прежнем месте «по недостатку другого помещения»²⁵.

²² РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1813 г. Д. 3. Л. 41–41 об.

²³ Там же. Л. 44–48. На Л. 48 — эскизный план с показанием прохода.

²⁴ Там же. Л. 72–73 об.

²⁵ Там же. Л. 74–74 об.

Но очень скоро архиву пришлось все-таки переменить свое помещение. 20 декабря 1837 г. управлявший архивом помощник статс-секретаря Владимир Леонтьев доносил М. А. Корфу:

«17 декабря в 10 часов вечера по донесении мне смотрителя сторожевской команды 14-го класса Вицковским, что в Зимнем дворце сделался пожар, я немедленно отправился в архив Государственной канцелярии, находившийся на большом дворе над Главною гауптвахтою. В архиве был уже Вицковский с 3-мя сторожами. В случае переноски дел, я распорядился так, чтоб Вицковский с одним сторожем находился на том месте, куда дела будут переносимы, другой сторож должен был препровождать тех людей, которые будут носить дела, а сам принужден был управляться с одним сторожем. Несмотря на то, что пламя пожара было еще на противоположной стороне, я просил о назначении для переноски дел рядовых полков лейб-гвардии. С 12-го часа ночи до 4-х часов утра, когда уже пожар был над архивом из 69 шкафов весь архив с денежною суммою и канцелярскими материалами перенесены на Дворцовую площадь против Салтыковского подъезда. В то время и я оставался уже с делами на площади. Когда Дворцовое здание загорелось с этой стороны и горящие бревна начали падать, опасаясь чтоб не зажгло бумаг, я отнесся сперва к генерал-адъютанту Колзакову о дозволении поместить дела архива в Адмиралтействе, но получив отказ, просил потом плац-майора, о назначении безопасного для дел места. По приказанию его тотчас отряжены были рядовые и весь архив с 5-ти часов до 8-го часа утра перенесен на Адмиралтейскую гауптвахту. К денежной казне и делам приставили часовых. Оставив со стороны Государственной канцелярии 14-го класса Вицковского и 3-х сторожей, я с словесным донесением явился к Вашему превосходительству, о благополучном спасении архива, с именными высочайшими указами, постановлениями, журналами и делами Старого совета, прежнего и нового Государственного совета и Комитета 13 января 1807 года, вообще с 1768 по 1837-й год включительно, следовательно за 69-ть лет. Ваше превосходительство изволили мне приказать немедленно приискать где бы то ни было на короткое время квартиру для помещения архива. Отыскав в Демидовом переулке в доме под № 4-м, принадлежащем купцу Шпехту большую залу с переднею комнатою, которые хозяин дома уступил безденежно, я возвратился на Адмиралтейскую гауптвахту, и нашел уже прибывших туда, состоящих при архиве сотрудников моих

коллежского советника Венигеля и титулярного советника Рогге, которые в минувшую ночь не могли разделить со мною труда, первый потому, что не был пропущен чрез военное оцепление, а другой, как по той же причине, так равно и потому, что быв дежурным в Государственной канцелярии, в присутствии Вашего превосходительства, занимался уборкою дел из Государственного совета до 3-х часов утра. Я тотчас велел нанять подводы и с 11-ти часов до 4-го часа по полудни 18-го декабря архив перевезен в дом купца Шпехта. Заботясь только о спасении дел, я не мог успеть взять из дворца шкафов, столов и прочей мебели, для помещения коих и нет места в доме купца Шпехта. В тот же день 18-го декабря я приказал Вицковскому пойти во Дворец и осмотреть принадлежащие архиву вещи. Он нашел тогда все в целости и двери, как и прежде запер ключами, на другой же день коллежский советник Венигель с смотрителем Вицковским вторично осматривали комнаты архива и нашли запертые накануне двери, некоторые шкафы и столы разломанными. Венигель отнесся о сем к плац-адъютанту, которым тотчас приказано было поставить к дверям часового. Комнаты архива хотя и уцелели от пожара, однако ж стены и потолки не смотря на своды, были горячи и щекатурка обваливалась. В заключении сего имею честь донести, что при вторичной переноске с площади на Гауптвахту, оказалось в числе дел архива много книг на русском и иностранном языке, разные периодические издания, ландкарты и литографические рисунки, принадлежащие вероятно его императорскому высочеству государю наследнику потому, что на одних из книг изображено вензеловое имя его высочества, другие ж с императорским гербом.

По причине болезни моей, происшедшей от сильной простуды я не в состоянии ни лично представить Вашему превосходительству рапорта ни с большею подробностью в столь короткое время донести, что нет ни одной затерянной бумаги, ибо в такую суматоху легко могло это случиться, но могу только удостоверить, что кажется все важнейшие документы архива в целости»²⁶.

Сам барон Корф во всеподданнейшей записке 20 декабря 1837 г. отмечал, что находился в помещениях Государственного совета и канцелярии, где распорядился спасением находившихся там документов и книг, которые все были перенесены за Мойку, а когда огонь потух, возвращены обратно. После чего столоначальники

²⁶ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1837 г. Д. 11. Л. 1-2 об.

отделений Канцелярии, в ответ на его запрос, объявили, что все документы по каждому отделению остались в целости и ничего не было утрачено. По поводу же архива, в который Корфа во время пожара не пропустило оцепление, он в той же записке сообщал, что «теперь предстоит самая настоятельная надобность отвести немедленно нужное помещение» для него²⁷. Высочайшей резолюцией на эту записку было предложено запросить графа Нессельроде и военного министра — не найдется ли в здании Министерства иностранных дел или Главного штаба помещений для архива Государственного совета²⁸. 24 декабря Корф писал, что ни в том, ни в другом здании свободных помещений нет. Вместе с тем в прежние помещения возвращать дела нельзя, а сейчас они лежат «связанными в кучах». *«Вообще архив сей, если не по древности, то по важности хранящихся в нем бумаг, принадлежит к числу драгоценнейших собраний сего рода в Государстве»* и крайне востребован при текущем делопроизводстве Канцелярии и Государственного совета, так что *«не проходит дня без многократных в нем выправок»*. При этом *«все 69 шкафов и прочая мебель с 21 числа стоят на большом дворе Зимнего дворца на открытом воздухе и частью покрыты выпавшим снегом»*²⁹. Во всеподданнейшей записке от 25 декабря 1837 г. Корф предлагал нанять для архива помещение в частном доме, на что государь предложил снестись с комендантом Петропавловской крепости, чтобы поместить архив в казематах³⁰.

26 декабря Корф сообщал, что казематы в Петровской куртине еще не топлены, а на стенах и потолках уже сейчас видна сырость, которая с началом топки усилится и шкафы в них можно ставить только посередине из-за низких сводов, да и пронести их по узкой лестнице невозможно. На что государь отвечал 27 декабря: *«Я никак не могу согласиться на то, чтобы дела подобной важности хранились в партикулярном доме. Так как другого места нет, то уведомить М[инистра] Ю[стиции] чтоб отвел место или в Сенатском архиве или в особых покаях в Сенате»*³¹.

²⁷ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1837 г. Д. 11. Л. 11–18.

²⁸ Там же. Л. 11.

²⁹ Там же. Л. 21–22.

³⁰ Там же. Л. 23–24.

³¹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1837 г. Д. 11. Л. 26.

Сенат же вынужден был в свое время собственный свой архив, за недостатком места, разместить на трех этажах соседнего здания Синода (со стороны Галерной улицы). Но министру юстиции Д. В. Дашкову пришлось выделить для архива Государственного совета некоторые комнаты на первом этаже Сенатского здания, занимаемые канцелярией временного общего собрания Сената, которые вполне устроили Корфа. Об этом было 30 декабря 1837 г. донесено государю³². 7 января 1838 г. Корф приказал Леонтьеву немедленно перевезти в Сенат все дела архива, а также шкафы и прочую мебель, стоявшую во дворе Зимнего дворца³³. Для сношения же с Государственным советом и Канцелярией к архиву был прикомандирован почтальон с верховой лошастью³⁴.

Поскольку еще 30 декабря 1837 г. министр Двора прислал Корфу девять архивных дел, найденных на площади после пожара, Леонтьеву и его подчиненным пришлось заняться проверкой наличия. В тот же день он получил и еще один картон с бумагами по Департаменту гражданских дел 1821 г. № 11³⁵. Проверка была закончена к 7 октября 1838 г., когда Леонтьев рапортовал Корфу, что *«из числа находящихся по сие число 4832 высочайших постановлений, 2191 мемурии, 20853 журналов, 13 124 дел, заключающихся в 597 книгах и 826 портфелях, не достает токмо 2-х дел и именно: по Департаменту военному 1810 года № 5 и по Департаменту гражданских и духовных дел 1821 года № 91 о шляхтиче Варжицком, сужденном за кражу, но журналы и мнения по сим делам высочайше подтвержденные находятся в целости. Сверх сих двух дел, не оказалось бумаг по Казначейской части Государственной канцелярии за 1815, 1816 и 1817 годы. Я льщу себя надеждою, что сия незначительная утрата, в столь огромном количестве важных государственных дел, будет принята с снисхождением, тем более, что архив был четыре раза переносим из одного места в другое, в том числе дважды в ночное время»*³⁶.

³² РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1837 г. Д. 11. Л. 29–30 об.

³³ Там же. Л. 34.

³⁴ Там же. Л. 39.

³⁵ Там же. Л. 40, 42.

³⁶ Там же. Л. 48–48 об.

Как показано на плане Сенатского здания, архив помещался в трех комнатах на первом этаже, окнами на набережную³⁷. Но уже 17 ноября 1839 г. министр юстиции Д. Н. Блудов, чтобы расширить сенатскую типографию, просил освободить эти помещения и перевести архив Государственного совета куда-нибудь в другое здание³⁸. На что Корф возражал, что перевести его некуда, а в частном особняке размещать его запретил государь. Он даже предлагал Блудову частично оплатить наем частных помещений, если в них решено будет разместить типографию³⁹. После чего министр юстиции запросил 31 декабря 1839 г. у государственного секретаря 7199 рублей в год за нанимаемый для сенатских служителей дом. На это Корф отвечал, что может платить только 2500 рублей в год, каковая сумма и была утверждена высочайшей резолюцией от 12 мая 1842 г. на всеподданнейший доклад председателя Государственного совета князя И. В. Васильчикова⁴⁰.

18 января 1857 г. министр юстиции граф В. Н. Панин еще раз просил государственного секретаря очистить помещения, занятые архивом Государственного совета. Он ссылаясь на просьбу главы духовного ведомства об освобождении 10 комнат, занятых Сенатским архивом на втором этаже здания Синода, для расширения Синодской церкви. Панин предполагал переместить дела и книги на первый этаж Сенатского здания в комнаты, занятые архивом Государственного совета⁴¹. По этому поводу управляющий архивом Государственного совета А. А. Логгинов писал государственному секретарю В. П. Буткову, что *«настоящее помещение архива довольно удобно, но в непродолжительном времени, не далее, как года через два, теперешних трех комнат, занимаемых архивом, не может быть достаточно, а непременно потребуются прибавка, по-крайней мере, еще одной комнаты, так как в теперешних трех, вовсе невозможно, по недостатку места,*

³⁷ См. план первого этажа здания Сената: РГИА. Ф. 1399. Оп. 2. Д. 140. Л. 2. До 2005 года в РГИА там находилось одно из хранилищ Научно-справочной библиотеки.

³⁸ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1837 г. Д. 11. Л. 50–50 об.

³⁹ Там же. Л. 51–52.

⁴⁰ Там же. Л. 53–71 об.

⁴¹ Там же. Л. 75–76 об.

прибавить вновь ни одно шкафа...»⁴². После чего Бутков писал Панину об архиве, что находит «решиительно невозможным вывести оный из нынешнего его помещения в здании Сената», сославшись при этом и на мнение председателя Государственного совета А. Ф. Орлова⁴³.

Наконец, 6 декабря 1871 г. граф К. И. Пален, новый министр юстиции, снова потребовал у государственного секретаря очистить помещение, занятое его архивом. На что последний, Д. М. Сольский, отвечал ни много ни мало просьбой отвести его архиву еще одну комнату, да к тому же потеснить квартиру смотрителя сенатских зданий, отделенную от его архива дощатой перегородкой⁴⁴. Тогда Пален 29 февраля 1872 г. напомнил Сольскому, что архив Государственного совета пустили в здание Сената лишь временно. *Прежние министры юстиции в 1839 и 1857 годах уже просили очистить помещение, «но переписка об этом происходила в то время, когда еще не было отведено помещения Кассационным департаментам и вообще, когда размер самого Сенатского архива не требовал никакого расширения; 3, что в настоящее время в Сенатском архиве решительно не имеется свободного места для устройства новых шкафов и конусов и потому дела лежат в связках на полу и в проходах между шкапами; 4, что в еще более неудовлетворительном положении находится помещение, отведенное для приуготовительного архива Департамента герольдии Сената, состоящее из одной комнаты, в которой дела уложены не только в шкапах, на столах и стульях, но и под столами и стульями, так что во всем помещении не представляется возможности ни для разбора дел, ни для выдачи ежедневно справок для текущих дел Департамента герольдии Сената; что квартира смотрителя Сенатского здания, помещающаяся в нижнем этаже оного не может быть переведена в другое какое-либо помещение по неимению решительно в здании Сената свободного места...». А наем помещения для какой-либо части Сенатского архива обойдется дороже, чем переводение архива Государственного совета в другое здание⁴⁵. Не получив никакого ответа, Пален спустя полгода,*

⁴² РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1837 г. Д. 11. Л. 84.

⁴³ Там же. Л. 86–87 об.

⁴⁴ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1871 г. Д. 16. Ч. 1. Л. 1–6.

⁴⁵ Там же. Л. 7–8 об.

9 августа 1872 г., снова писал Сольскому, добавляя, что ему нужны помещения также и для расширения Сенатской типографии⁴⁶. Наконец, 9 февраля 1873 г. Сольский ответил министру юстиции, что для рассмотрения вопроса об архиве Государственного совета решено созвать особую комиссию под председательством статс-секретаря Ренекампа, при участии заведующего архивом Государственного совета действительного статского советника Висковатова и состоящего при нем в том же чине В. Нечаева. Он просил Палена командировать кого-либо от себя⁴⁷ для разрешения этого неразрешимого вопроса. И Пален командировал туда 3 марта печально известного действительного статского советника К.Г. Репинского и статского советника Утина⁴⁸.

Комиссия, прозаседав 3 месяца, решила 7 июня 1873 г., что надо купить какой-нибудь дом по близости от Зимнего дворца⁴⁹, где в Старом Эрмитаже все еще заседал Государственный совет. Но Комиссии, во исполнение резолюции Сольского на ее докладе, пришлось вступить в переписку с разными ведомствами, не уступит ли какое-нибудь из них помещения для архива. Разумеется, все отвечали, что свободных помещений у них нет⁵⁰. 8 декабря 1874 г. (то есть задним числом) Сольский испросил высочайшее соизволение на учреждение этой комиссии (которая на самом деле заседала уже второй год), которое последовало 9 декабря⁵¹. Затем в Комиссию прикомандировали от Техническо-строительного комитета архитектора Жибера, от Министерства финансов — Кобеко, а от Госконтроля — Мицкевича⁵².

15 ноября 1875 г. сотрудник архива Доброхотов доложил Комиссии, что в архиве *«все дела хранятся в 79 шкафах, помещающихся в трех кабинетах, из которых в первом от входа находится 46 шкафов, во втором 18 и в последнем 15. Из числа этих шкафов — один устроен в простенке*

⁴⁶ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1871 г. Д. 16. Ч. 1. Л. 9-10.

⁴⁷ Там же. Л. 11-12.

⁴⁸ Там же. Л. 13-13 об.

⁴⁹ Там же. Л. 16-17.

⁵⁰ Там же. Л. 19-28.

⁵¹ Там же. Л. 34-37 об.

⁵² Там же. Л. 40-42.

и два старинные, без стекол; остальные затем 76 шкафов одной конструкции, с отъёмною верхнею половиною и со стеклами в створных дверцах. Высота и ширина их одинакова, именно: высота верхней части 2 ар. 4 в.; нижней — 1 а. 8 в. Весь шкаф высотой 3 ар. 12 в. ширина шкафа в верхней части 9 ½ вер., в нижней 12 в.

По длине шкафы имеютя трех размеров, именно:

В 2 аршина 65 шк.

В 1 ½ — 9

1 ар. 2 верш. — 2

Все эти шкафы, будучи поставлены в один ряд, составили бы линию в 146 погонных аршин, или 48 2/3 сажень (около 104 метров. — Н. К.).

В каждом из этих шкафов находится по 5 полок (3 в верхней и 2 в нижней части); все полки, поставленные в линию, составят 243 сажени.

Упомянутые выше 3 особые шкафа имеют по 4 полки; ширина стенного шкафа 2 ар. 8 в., а двух прочих — 2 ар. 1 в.

Все вообще шкафы составляют линию в 51 погонную сажень.

Все полки — 252 сажени (530 м. — Н. К.) »⁵³.

К докладу был приложен план, на котором карандашом было подписано, в каких шкафах какие дела хранятся⁵⁴.

Тогда же, в ноябре 1875 г., возникло предположение: либо разместить архив в находящемся на углу Мойки и Зимней канавки бывшем доме Богдановича (известном сейчас, как дом Аракчеева), занятом тогда квартирами офицеров Преображенского полка, надстроив его, либо — в выходящем на Миллионную улицу здании экзерциргауза⁵⁵.

30 марта 1876 г. Военное министерство, которому принадлежали оба здания, отвечало, что дом Богдановича надстроить невозможно, по слабости фундамента, да и размещение архива в верхнем его этаже стеснило бы квартирующих в нем офицеров. Вместе с тем главнокомандующий войсками гвардии предложил все-таки разместить архив в казематах Петропавловской крепости. Он также добавлял, что если бы часть манежа экзерциргауза была совершенно отделена

⁵³ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1871 г. Д. 16. Ч. 1. Л. 46–46 об.

⁵⁴ Там же. Л. 47 об. — 48.

⁵⁵ Там же. Л. 49–50.

от прочих его помещений, где предполагалось устроить интендантский музей, штаб гвардейского корпуса с окружным архивом и квартиры чинов штаба, то это место можно было бы уступить под постройку архива Государственного совета, разумеется на средства самого Государственного совета⁵⁶.

7 апреля 1876 г. Сольский известил Главное инженерное управление Военного министерства, что председатель Государственного совета одобрил его предположение о постройке архива на месте манежа экзерциргауза. 1 декабря 1876 г. (то есть почти через 9 месяцев) Инженерное управление прислало государственному секретарю примерный расчет стоимости постройки здания для архива — в 2 этажа, с подвалом, со сводами, каменными полами и водяным отоплением. Оно должно было обойтись в 100 тысяч рублей. Причем был прислан и проект здания на 9 листах⁵⁷, которого, к сожалению, в делах фондов РГИА не оказалось. К нему прилагались и расчеты площади помещений в новом здании со сведениями о количестве дел, журналов и меморий архива Государственного совета и 2 варианта планов расположения комнат в первом и втором этажах здания. 15 апреля 1877 г. после всестороннего обсуждения проекта в Комиссии его вернули в Инженерное управление⁵⁸.

А тем временем, все шкафы в помещении архива в Сенатском здании были уже до отказа заполнены делами и для размещения пополнений потребовалось убрать одну из печей и устроить 5 новых шкафов, загромоздив проход в одной из комнат, что и было 14 апреля 1877 г. согласовано⁵⁹.

27 июня 1877 г. Инженерное управление прислало Сольскому новый проект здания, обсуждение которого продолжалось до 16 ноября того же года⁶⁰. И, наконец, новый государственный секретарь

⁵⁶ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1871 г. Д. 16. Ч. 1. Л. 60–63.

⁵⁷ Там же. Л. 64–68.

⁵⁸ Там же. Л. 71–128 об. Проект здания, по всей видимости, должен был отложиться в архиве Артиллерийского музея (АВИМАИВ и ВС) или РГВИА. Проект следует теперь искать, чтобы понять кто его составлял, и чем он отличается от окончательного проекта Месмахера, по которому и было построено здание на Миллионной.

⁵⁹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1871 г. Д. 16. Ч. 1. Л. 131–135 (план см. на Л. 135).

⁶⁰ Там же. Л. 146–161.

Е. А. Перетц 13 января 1879 г. доложил о проекте двухэтажного здания для архива и трехэтажного корпуса, в котором наряду с квартирами для чинов Главного штаба, предполагалось отвести помещения для чиновников и служащих архива (общая стоимость достигла уже 150 тысяч рублей). Объясняя при этом, что подробно обзрев архив в здании Сената осенью 1878 года, он «лично убедился в крайней неудовлетворительности и недостаточности нынешнего его помещения. Не говоря уже о том, что оно деревянною только стеною отделяется от квартиры смотрителя Сенатского здания, а потому не обеспечено от могущего быть пожара, помещение это весьма тесно: многие шкафы так близко стоят один к другому, что между ними едва можно пройти; при-искивать же в шкафах нужные дела можно не иначе, как со свечою, а этим еще увеличивается опасность от огня. При всем том в архиве почти нет уже места; между тем в государственной канцелярии остаются не сданными в архив дела двух последних лет, равно как и все вообще дела Главного комитета об устройстве сельского состояния... В случае устройства для нашего архива нового помещения на предположенных основаниях, в нем можно будет поместить также не только дела Главного комитета, но и переданный в 1876 г. в заведывание Государственной канцелярии архив бывшей Собственной его императорского величества канцелярии по делам Царства Польского»⁶¹.

18 августа 1879 г. Военное министерство сообщило Перетцу, что проект «на возведение отдельного здания, для помещения архива Государственного совета и некоторых чинов Государственной канцелярии на местности существующего Экзергауза (так в тексте. — Н. К.) у Зимнего двора удостоился высочайшего утверждения 9 сего августа...», и ему следует согласовать вопрос о выделении 150 тысяч рублей с министром финансов⁶². Последний, в свою очередь, 29 октября 1879 г. заявил, что отпустить такую сумму «не представляется никакой возможности»⁶³. Возникло еще и новое затруднение, как сообщал 5 мая 1880 г. помощник начальника Петербургского инженерного округа.

⁶¹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1871 г. Д. 16. Ч. 1. Л. 163–176. Указанный архив находился тогда на углу Никольской улицы и Никольской площади, в доме, принадлежащем Петербургским присутственным местам.

⁶² Там же. Л. 190–191.

⁶³ Там же. Л. 199–202.

Предполагалось всю территорию бывшего экзерциргауза (в том числе и отводившуюся под архив Государственного совета) отобрать у Военного ведомства и передать придворному для помещения на этом месте низших придворных служителей⁶⁴. Их хотели убрать из Зимнего дворца после взрыва 5 февраля 1880 г., устроенного там Степаном Халтуриным. И уже 19 мая 1880 г. состоялось высочайшее повеление об отмене прежнего повеления об устройстве архива на Миллионной улице⁶⁵. Однако два с половиной месяца спустя, 3 августа 1880 г., министр Двора вдруг уведомил государственного секретаря, что согласен на возведение здания архива, проект которого был высочайше утвержден 9 августа 1879 г. Причем ничего не сказал о том, последовало ли на этот счет какое-либо новое высочайшее повеление⁶⁶.

21 марта 1881 г. Перетц предложил профессору Николаевской инженерной академии инженер-полковнику Карловичу составить смету на постройку здания архива и жилого дома при нем, на что тот уже предварительно выразил свое согласие⁶⁷. Во всей предыдущей переписке имя Карловича не встречается ни разу, так что у нас нет оснований утверждать, что именно он был автором проекта, высочайше утвержденного 9 августа 1879 г. Зато упоминается академик Гримм, участвовавший в переговорах по нему со стороны Инженерного управления еще в мае 1877 г.⁶⁸ Не исключено, что именно ему принадлежит авторство указанного проекта архивного здания, фасад которого впоследствии был изменен Месмахером. Впрочем, для того, чтобы в этом удостовериться и сравнить оба проекта, нужно, как уже говорилось, обратиться к фонду Главного инженерного управления Военного министерства, где эти проекты должны были храниться.

Карлович составлял уже смету на строительство здания архива, но ни от Министерства финансов, ни от Департамента экономии Государственного совета к осени 1881 г. не было еще получено

⁶⁴ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1871 г. Д. 16. Ч. 1. Л. 212-213.

⁶⁵ Там же. Л. 216-216 об.

⁶⁶ Там же. Л. 219-220 об.

⁶⁷ Там же. Л. 228.

⁶⁸ Там же. Л. 143-143 об.

согласия на ассигнование денег⁶⁹. Поэтому Перетц снова стал просить о выделении помещений для архива в Зимнем дворце или в Адмиралтействе. Он, разумеется, получил отказ. Хотя морской министр готов был выделить для архива надворный флигель, смежный с жилыми помещениями и службами⁷⁰, но это явно не устраивало государственного секретаря.

11 ноября 1881 г. к Перетцу обратился статс-секретарь Б. П. Мансуров⁷¹, который предложил отобрать выходящую на Сенатскую площадь часть Адмиралтейства. Здесь располагались квартиры морского министра и других чинов Морского министерства, которые, проживая в бесплатных казенных квартирах, получали в то же время немалые деньги на наем частных квартир⁷². Понятно, что подобная претензия встретила категорический отказ со стороны морского министра 6 февраля 1882 г.⁷³

Впрочем, предложение Мансурова к тому времени уже потеряло свою актуальность, поскольку еще 4 января 1882 г. последовало высочайшее повеление Александра III о возвращении территории бывшего экзерциргауза из Дворцового ведомства Военному министерству и «о возведении на этой местности архива Государственного совета»⁷⁴. А 23 марта 1882 г. последовало, наконец, высочайшее утверждение мнения Государственного совета о выделении из казны 250 тысяч рублей «на сооружение зданий для архива... и помещения курьеров и сторожей Государственной канцелярии, а также на обмелбелирование архива и устройства в нем внутренних приспособлений»⁷⁵.

Разумеется, невозможно в статье изложить историю строительства здания архива, помещенную в пяти обширных томах дела

---

⁶⁹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1871 г. Д. 16. Ч. 1. Л. 254–257 об.

⁷⁰ Там же. Л. 258–264.

⁷¹ Б. П. Мансуров был известен своей деятельностью в Палестине, где он конфликтовал с тамошней духовной миссией.

⁷² РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1871 г. Д. 16. Ч. 1. Л. 265–269 об.

⁷³ Там же. Л. 283–287.

⁷⁴ Там же. Л. 270–270 об.

⁷⁵ Там же. Л. 296–297.

из фонда Государственной канцелярии⁷⁶, а также отдельного дела из того же фонда о достройке здания уже после упразднения Комиссии, образованной для построения здания⁷⁷. Дела эти насыщены сугубо техническими подробностями, представляющими интерес в первую очередь для тех, кто занимается эксплуатацией и ремонтом дома на Миллионной, в котором с 1926 г. размещен Морской архив.

Скажу только, что 14 апреля 1888 г., когда архив Государственного совета окончательно переехал на Миллионную, государственный секретарь согласился оставить в Сенате шкафы этого архива⁷⁸. В доме на Миллионной шкафы были железными⁷⁹ и остаются таковыми, кажется, и по сей день. После эвакуации из этого здания и до 2006 г. архив Государственного совета располагался в РГИА на двухъярусных сосновых стеллажах в помещении Синодской церкви, на втором этаже здания Синода, и частично в помещении на том же этаже, выходявшем окнами на Синодский двор, рядом с комнатой, которую мы называли «синодской библиотекой».

В заключение остается только сказать, что в делах из фонда Государственной канцелярии помещены обширные отчеты заведующих архивом и прочая переписка с весьма интересными сведениями: как и чем занимались чиновники, служившие в архиве, как они разыскивали пропавшие дела, взятые кем-либо на дом, кто приходил

---

⁷⁶ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1871 г. Д. 16. Ч. 1–5. Дело включает в себя всю переписку, производившуюся Комиссией, образованной для построения этого здания по проекту Месмахера, высочайше утвержденному 22 июня 1883 г. В том числе всеподданнейший доклад великого князя Михаила Николаевича с представлением планов Месмахера, высочайше утвержденный 22 июня 1883 г. (Там же. Ч. 3. Л. 103–108). См. также: ежегодные дела Хозяйственного комитета Государственной канцелярии о ремонтах и эксплуатации здания архива и Мариинского дворца; дела из того же фонда — «по архиву».

⁷⁷ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГс. 1885 г. Д. 6.

⁷⁸ Там же. 1871 г. Д. 16. Ч. 1. Л. 363. Что стало с этими шкафами в дальнейшем — не знаю. В мое время в Сенате, Синоде и Лавале ничего похожего на те, что описал чиновник Доброхотов я не припоминаю. Впрочем, при переезде в 2006 г. почти все старые шкафы и мебель куда-то исчезли.

⁷⁹ Рисунок шкафов см.: РГИА. Ф. 1162. Оп. 2. Дела Отделения Архива Государственного совета (Арх. ГС). Д. 12. Л. 36 об. — 37.

заниматься в архив. Но рассказать об этом придется уже как-нибудь в следующий раз.

Пока же остается заметить, что все те многолетние мытарства, которые претерпевал архив Государственного совета, вынужденный так долго ютиться по чужим углам, наглядно демонстрируют нам, в каком положении тогда вообще находилось архивное дело. Если уж такой архив не мог найти себе постоянного и благоустроенного пристанища, то что говорить о других, которыми власти не так дорожили. Государственный совет занимался не только законотворчеством, но, вопреки замыслам Сперанского и Александра I, являлся последней перед лицом государя судебной и административной инстанцией. Сюда поступали по апелляции тяжбы из Сената и дела исполнительного характера из Комитета министров. Сам Совет не был наделен никакими властными полномочиями, целиком и полностью сосредоточенными в руках самодержавного государя. Однако глава государства обращался в Государственный совет не с указаниями, а с вопросами, для разрешения которых члены Совета (бывшего, в отличие от Совета нынешнего и Государственной думы, настоящим «местом для дискуссий», причем довольно острых) должны были постоянно обращаться к архивным делам за справками о тех доводах и аргументах, которыми мотивировались прежние решения и прецеденты. И потому приходилось почтальону беспрерывно скакать на верховой лошади от «церковной лестницы» в здании Сената (рядом с которой квартировал архив) к так называемому «Советскому подъезду» в Старом Эрмитаже, где заседал Государственный совет, с архивными делами, набитыми в переметную суму. Причем скачки эти не прекратились и после того, как архив обрел, наконец, свое собственное благоустроенное здание на Миллионной. Потому как сам Совет к тому времени переехал из Старого Эрмитажа, возле которого строился архив, в избыточно роскошный Мариинский дворец на Исаакиевской площади.

Как видим и тогда чиновники заботились о благоустройстве своих апартаментов и казенных квартир все-таки больше, чем о размещении архивов. Во всяком случае, квартирный вопрос был для них не менее приоритетным, чем архивный.

Ну и, наконец, признаюсь вам, что все эти свои изыскания я предпринял не только потому, что мне, как архивисту было любопытно узнать, в каких условиях когда-то трудились наши предшественники. Главное, хотелось разобраться, что стало с теми делами, заголовки которых я порой не находил в описях, издававшихся с 1908 г. Панчулидзевым, хотя мнения Государственного совета по этим делам были опубликованы в Полном собрании законов Российской империи (Далее — ПСЗ). Чем объясняются эти утраты? Пожаром Зимнего дворца? Но, как мы теперь убедились, из-за него пропали только два дела, в то время как пожар в Апраксином дворе погубил в 1862 г. множество дел из архива Министерства внутренних дел. Намеренного уничтожения — наподобие того, как широко практиковалось в архиве Сената, да и в других архивах для разгрузки помещений — в Государственном совете тоже не было. И даже неоднократные переезды (про которые в народе говорят, что два раза переехать, все равно, что сгореть) делам Государственного совета как будто не повредили. А в тех редких случаях, когда отданное кому-либо на дом дело так и не вернулось в архив, в описи Панчулидзева напротив его заголовка каждый раз стоит помета «дело не находится в архиве». Этим данная опись так выгодно отличается от многословных описаний документов и дел Синода, в которые не включались заголовки утраченных дел, да еще и сдаточные описи потом уничтожались. Поэтому читатель этих описаний теперь и не подозревает, что в Синоде рассматривалось дело по интересующему его вопросу, содержание которого он мог бы восстановить по синодским протоколам, как это может сделать читатель описи Панчулидзева, обратившись к журналам Государственного совета. Ну а если вы не найдете вообще никаких заголовков в описи фондов Государственного совета, соответствующих тем, что помещены в ПСЗ, то это отнюдь не значит, что дело утрачено (как я думал поначалу). В указанной описи заголовки дел помещались не по датам высочайше утвержденных мнений Государственного совета (как в ПСЗ), а в том хронологическом порядке, в каком слушались эти дела в департаментах Государственного совета. По журналам и датам их заседаний нумеровали и датировали дела в описи Панчулидзева, сохраняя при этом те заголовки, которые

давались этим журналам и делам еще в Канцелярии. Текстуально они порой отличаются от заголовков, присвоенных мнениям Государственного совета в ПСЗ. Поэтому, если вы, например, обнаружив в нем мнение Государственного совета о ссылке на Иркутские суконные фабрики женщин, оскопляющих себя и других⁸⁰, захотите найти соответствующее дело в описи Панчулидзева, то, естественно, обратитесь в первую очередь к географическому указателю к этой описи. А там, в рубрике «Иркутская губерния», дела этого не найдете, потому что делопроизводитель в свое время не соизволил упомянуть эту губернию в заголовке дела. Но, полистав немного опись, вы увидите, что дело это помещено под похожим заголовком (хотя и без упоминания губернии) в фонде Департамента законов. И не за 1820 г., когда было утверждено мнение Государственного совета, а за 1819 г. И, хотя слушалось дело не только в Департаменте, но и в Общем собрании Государственного совета, журнал Общего собрания подшит к журналам Департамента. Поэтому оно в описи и не значится среди дел Общего собрания, а только среди дел Департамента законов⁸¹. Так что утраты, с причинами которых я пытался разобраться, на деле оказались мнимыми. В тех редких случаях, когда они действительно имели место, их не трудно восполнить. Благодаря журналам Государственного совета, с помощью заголовков, которые сохранили в описи Панчулидзев, Враский и другие сотрудники архива, составлявшие описи. И, главное, они сумели в очень непростых условиях обеспечить такую степень сохранности документов, которой не могли похвалиться их коллеги из центральных архивов, не говоря уже о местных.

Н. В. Черникова в своей замечательной диссертации, обнаружив, что количество дел по тому или иному Департаменту Государственного совета, зафиксированных в ежегодных отчетах Совета, превышает то количество, которое мы сегодня находим в описях Панчулидзева, предположила, что разница эта могла произойти из-за утраты каких-то дел в архиве⁸². На самом деле, специфика делопроизводства

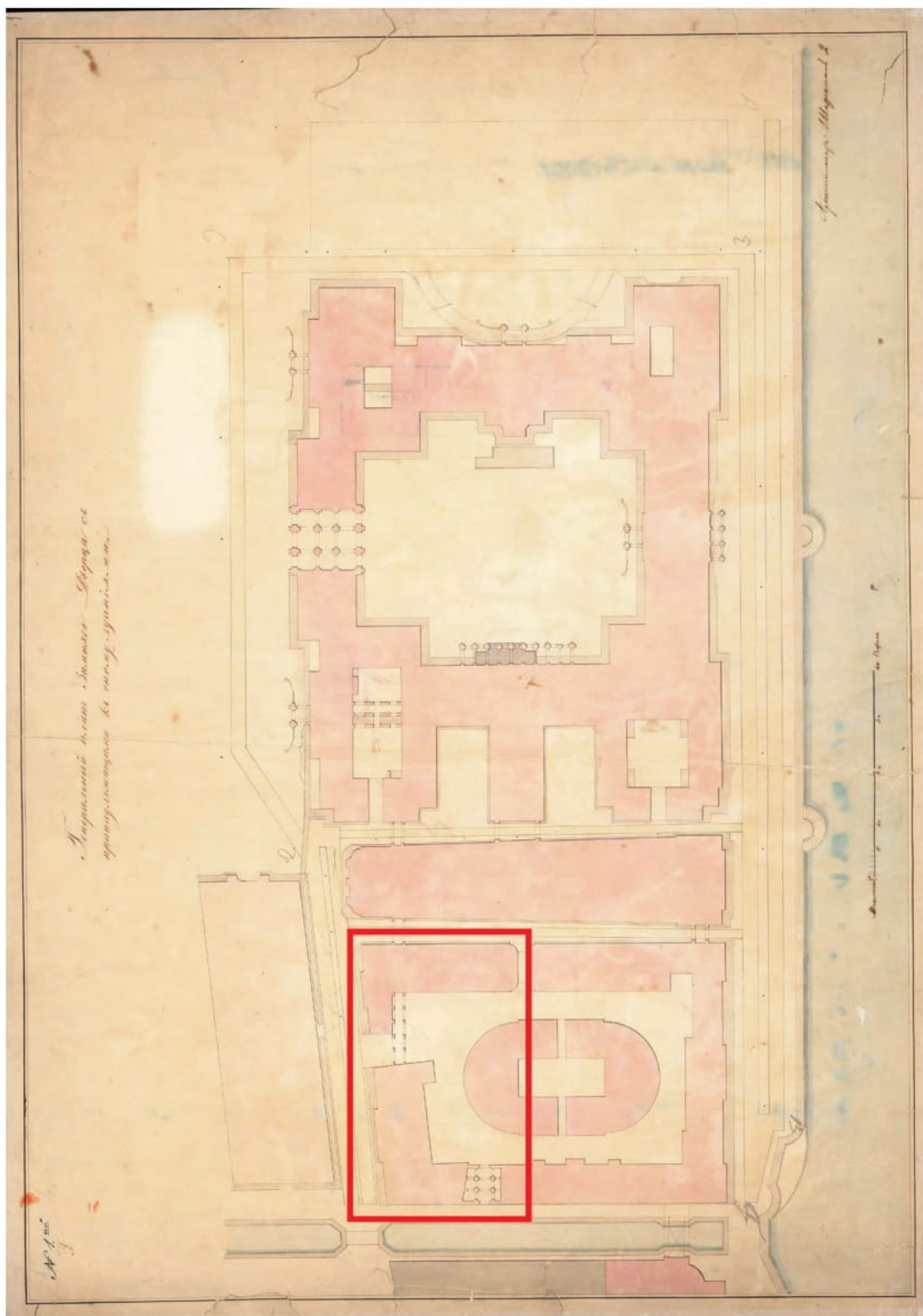
⁸⁰ ПСЗ. Собр. 1. Т. 37. № 28089.

⁸¹ Опись дел архива Государственного совета. Том первый. Дела Государственного совета с 1810 по 1829 год. СПб., 1908. С. 282. № 16.

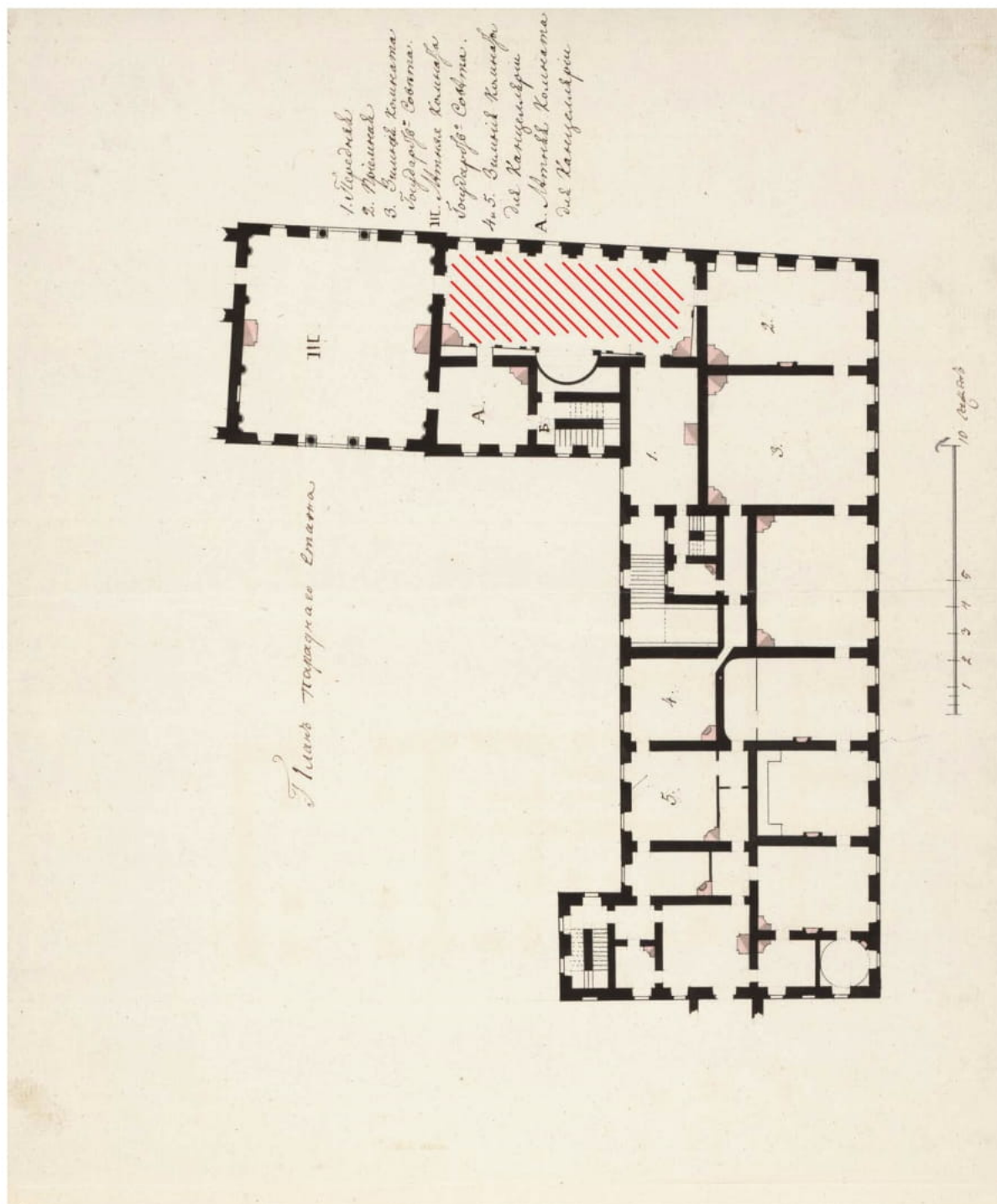
⁸² Черникова Н. В. Государственный совет в политической системе Российской империи второй половины XIX века. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2022. С. 304.

Государственного совета была такова, что в отчеты попадали все дела, которые в истекшем году заводились в Государственной канцелярии по представлениям разных учреждений. О них не раз докладывалось государю, но некоторые из этих дел так и не доходили до слушания в Департаментах. К примеру, представление Министерства народного просвещения об ассигновании какой-то суммы на строительство какого-нибудь училища, попав в Канцелярию Государственного совета, разумеется, сразу отправлялось на отзыв министру финансов (нередко заявлявшему «денег нет, но вы держитесь»). С таким отзывом Государственная канцелярия отправляла все бумаги министру народного просвещения. Если тот продолжал домогаться ассигнований, то присылал их вместе с новой аргументацией обратно в Канцелярию, и та уже выносила всю эту переписку на слушание в Департамент экономики. По итогам прений в последнем и составлялся журнал, заводилось соответствующее дело с присвоением ему номера и заголовка. А если министр решал, что на нет и суда нет, то оставлял все бумаги у себя и в Государственной канцелярии уже не из чего было заводить бумажного дела. Оно оставалось там в виртуальном пространстве, умножая своим числом цифру дел, фигурировавшую в ежегодном отчете, поскольку на момент его составления еще нельзя было предугадать, какие из заведенных в истекшем году дел так и не дойдут до слушания в Департаментах. Тогда как физически, в своем бумажном варианте, дело пребывало где-нибудь в Министерстве народного просвещения, и потому в архив Государственного совета, в качестве единицы хранения, так никогда и не попадало. Также, как и в описи Панчулидзева, чем и объясняется, по-моему, тот факт, что в этих описях оказалось меньше дел, чем в ежегодных отчетах.

Генеральный план Зимнего Дворца с принадлежащими к нему зданиями (в рамке: Шепелевский дом)
(РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 119. Л. 1)

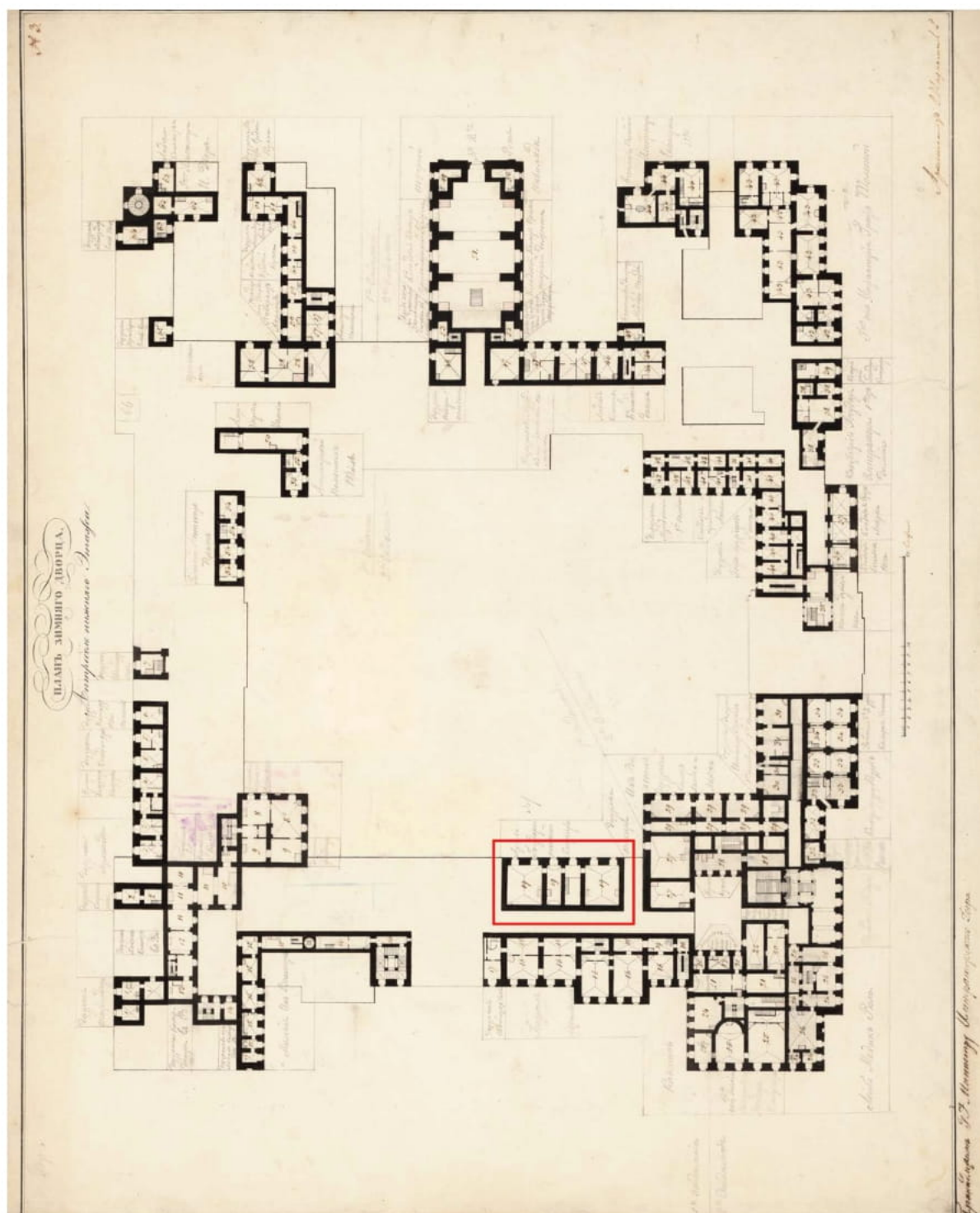

План парадного этажа Шепелевского дома
 (заштриховано: помещение Архива Государственного совета)
 (РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГС. 1813 г. Д. 3. Л. 12)

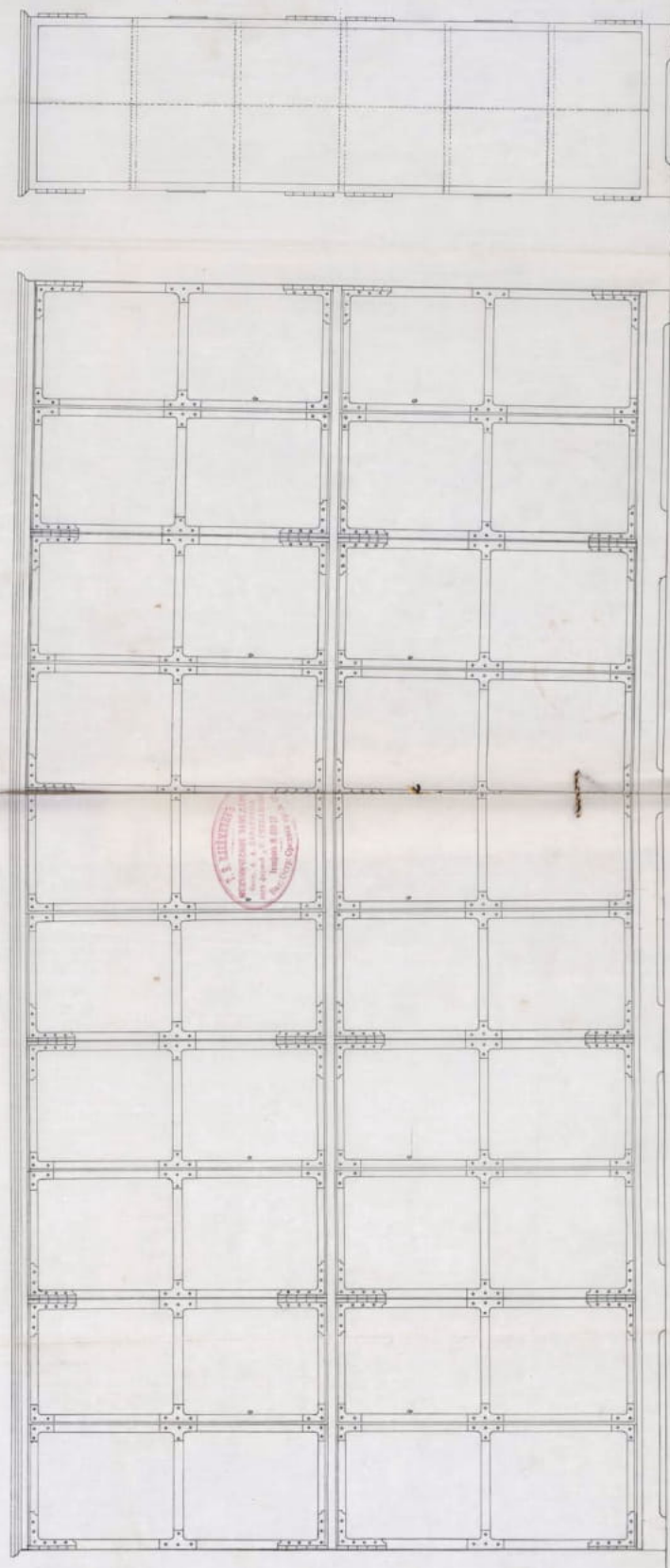
План 1-го этажа здания Правительствующего Сената
(в рамке: помещение архива Государственного совета)
(РГИА. Ф. 1399. Оп. 2. Д. 140. Л. 2)

Чертеж мраморной двусторонней шкафы
в Государственном Совете

В. Каврава

План Архива Государственного совета в здании Сената
(РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГС. 1871 г. Д. 16. Ч. 1. Л. 47об. - 48)

А. Л. ПОТРАВНОВ, Т. Ю. ХМЕЛЬНИК

**Решения Александра III по приведению в порядок
имущественных дел великого князя
Николая Николаевича Старшего**

Аннотация: В статье на основе архивных документов рассматриваются решения российского императора Александра III об урегулировании образовавшихся к концу 1882 года долгов великого князя Николая Николаевича Старшего и их дальнейшее смягчение. Авторы статьи обращают внимание на историю одного из деловых проектов великого князя, который потребовал привлечения значительных денежных ресурсов в 1881–1882 гг., что могло послужить причиной возникновения значительной части долгов Николая Николаевича Старшего.

Ключевые слова: Александр Третий, Николай Николаевич Старший, Тулмозерский завод, Николаевский дворец.

Деятельность российских императоров и членов их семей всегда вызывает особый интерес не только у профессиональных историков, но и у достаточно широких слоев населения. При этом последних больше интересуют скорее мифы и легенды, а также различные нюансы личной жизни венценосных особ. К сожалению, очень часто главным источником информации служат не подлинные архивные документы, а фрагменты из воспоминаний различных лиц, написанных зачастую спустя несколько десятков лет после происходивших событий и излагающих субъективную трактовку последних. Поэтому в различных популярных книгах, журналах и средствах массовой информации, рассчитанных на широкую аудиторию, в основном, публикуются вырванные из контекста сведения и достаточно вольные интерпретации происходившего. Не являются исключением в таком подходе и публикации, затрагивающие личность российского императора Александра III.

В этой связи мы считаем важным, на основе анализа широкого спектра исторических документов, внимательно изучать причинно-следственные связи, объясняющие принятие разных решений и совершение тех или иных поступков. Поводом для написания данной статьи послужил один документ, который мы обнаружили в ходе изучения истории создания, эксплуатации и закрытия

расположенного на территории Олонецкой губернии Тулмозерского чугуноплавильного завода.

Документ из фонда Министерства императорского двора Российского государственного исторического архива (РГИА), датированный 12 ноября 1882 года, за личной подписью Александра III, посвящен весьма сложным взаимоотношениям российского императора со своим дядей великим князем Николаем Николаевичем Старшим. У документа нет заглавия, но уже первый абзац достаточно информативен: *«Для приведения в порядок всех имущественных дел В. К. Николая Николаевича Старшего и обеспечения будущего Его положения, повелеваю заведывание всеми делами Его Высочества поручить Департаменту Уделов на следующих основаниях»*¹.

Исходя из дальнейшего перечисления предпринимаемых мероприятий видно, что основанием для такого императорского решения послужил доклад специальной Удельной комиссии. Далее в документе перечисляются главные шаги, которые, по мнению Александра, необходимо выполнить в самое кратчайшее время:

«3. Продать в частные руки в целом составе или по частям, что будет выгоднее Николаевский дворец и из вырученной сумм употребить с моего разрешения часть на покупку и устройства дома для Его Высочества.

4. Если бы встретилась надобность для покрытия долгов, приобрести покупкою в Удельное Ведомство Каменную Степь по оценке руководствуясь существующими правилами и соображаясь с местными наивысшими продажными ценами.

5. Уплатить теперь же все личные и лежащие на имениях Его Высочества долги, из Уездного Капитала для пополнения которого употребить все суммы вырученные от продажи Дворца, имений и предприятий принадлежащих Его Высочеству.

*6. Из этих же сумм немедленно восстановить детский капитал и хранить его, до совершеннолетия детей, в Департаменте Уделов, причем проценты с него выдавать на содержание малолетних детей Е. Г. Числовой (Николаевой) лицу имеющему быть избранному Министром Уделов...»*²

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 76. Д. 64. Л. 34.

² Там же.

Любопытно, что имя матери детей Николая Николаевича в тексте записки вписано другим почерком, т.е. император на этом месте просто оставил пустое место.

Далее указывалось, что на личные расходы великого князя предписывалось выдавать 3000 рублей в месяц (в каждое первое число) и другое весьма жесткое требование (подчеркивание некоторых фраз указано, как в оригинале): «Кроме того повелеваю Его Высочеству прежде всего представить мне на имя Управляющего Уделами, с правом передоверия, доверенность на совершение актов по предполагаемому отчуждению имущества Его и письменное обязательство в том, чтобы на будущее время не выдавать никому ни словесных, ни письменных денежных обязательств, не заключать никаких договоров могущих повлечь за собою имущественную ответственность и не выдавать никому не сей предмет от себя отдельных доверенностей; существующие же немедленно уничтожить.

После сего, всякое нарушение принятых на себя Его Высочеством обязательств поставит меня в необходимость смотреть на Его Высочество как на ослушника и неисполнителя моей воли»³.

В дальнейшем проблема решалась не так быстро, как было предписано в этом документе. Например, Николаевский дворец смогли продать только после смерти Николая Николаевича. С другими делами оказалось также не все так просто. Исходя из записки Департамента уделов, в течение первых трех месяцев после начала заведывания делами великого князя были выполнены следующие мероприятия:

Восстановлены капиталы детей Е.Г. Николаевой — из удельных сумм выделено 415 220 руб. 05 коп.;

На оплату долгов (личных, а также по гофмейстерской и шталмейстерской частям) великого князя из удельных сумм выплачено — 496 447 руб. 38 коп.;

Выплачено других долгов (банкам и частным лицам) — 389 115 руб. 27 коп.;

Оплачено долгов по имениям — 87 070 руб. 80 коп.;

Выдано процентов за капитал малолетних детей 15 553 руб. 69 коп.⁴

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 76. Д. 64. Л. 34. об. — 35.

⁴ Там же. Л. 38-39.

Кстати, исходя из анализа изученных документов, Николаевский дворец не был заложен, как это утверждают некоторые публикации.

Итого на конец февраля 1883 года из удельного капитала было потрачено средств на оплату долгов и восстановление детского капитала 1 403 407 рублей, но при этом еще оставались неоплаченными долги на сумму 973 633 рублей⁵. Общая сумма созданных долгов (включая растроченный детский капитал) великого князя составила 2 377 040 рублей! Действительно, сумма весьма впечатляющая. На что же могли быть потрачены эти деньги? Неужели только на украшения и подарки для Екатерины Числовой? Конечно же, нет, поскольку одну серьезную часть расходов Николая Николаевича Старшего, которая и составила значительную часть (около 38%) этого большого долга, мы знаем весьма точно, благодаря сохранившимся архивным документам.

Дело в том, что великий князь Николай Николаевич Старший, озаботившись превышением своих расходов над получаемыми доходами, поддался предложению неплохо заработать и решил заняться бизнесом. При отсутствии каких-либо серьезных навыков и знаний в этой области он весьма опрометчиво вложил в проект по созданию железоделательного производства на базе месторождений железных руд (гематита), расположенных на землях Тулмозерского сельского общества Олонецкой губернии. Эти месторождения известны еще со второй половины XVIII века, когда был запущен первый Тулмозерский железоделательный завод. Подробнее об истории этого месторождения и проектов по его освоению можно прочитать в статье, посвященной данной теме⁶. В 1872 году владельцем прав на разработку этого месторождения вместе с договором аренды земли до 21 июля 1917 года стала Жозефина Красильникова (жена бывшего управляющего казенным Суоярвским железоделательным заводом). Изначально планировалось привлечение французского инвестора, но не получилось. Проведший геологическое обследование месторождения

---

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 76. Д. 64. Л. 40.

⁶ Шеков К. В., Потравнов А. Л. История геологических изысканий Тулмозерского месторождения железной руды (Северное Приладожье) // Труды Карельского научного центра РАН. № 7. Петрозаводск, 2015. С. 192–201.

Константин Кулибин (внук знаменитого изобретателя и механика) пришел к выводу, что вследствие геологических особенностей подготовленная для плавки руда будет очень дорого обходиться⁷. Но Красильников был настроен оптимистично: раз в руде большое содержание железа (до 50%), имеется договор аренды, а также знания и большое желание, то недостает только одной малости — денег.

По предварительному бизнес-плану, подготовленному в 1879 году, для запуска и начала эксплуатации завода требовалось порядка 1 миллиона рублей. Завод хотели строить не у самого месторождения, а в стороне — на реке Видлице, которая впадает в Ладожское озеро⁸. Поиском денег занимались в Санкт-Петербурге, для чего этот весьма оптимистичный бизнес-план даже был напечатан типографским способом. Желавших вложить такую сумму некоторое время не находилось, но вдруг в 1880 году этот проект попал в поле зрения великого князя Николая Николаевича Старшего. По распоряжению великого князя (кто был советчиком, мы не знаем) было решено выкупить все права на данный проект. От имени Николая Николаевича всеми делами по этому проекту занимался полковник Божерянов (полное имя, к сожалению, нам не известно), который для начала переоформил все права на себя, а уже потом произвел уступку прав (цессия) на имя великого князя. Уступочный акт был подписан 12 июня 1882 года, а обошлась великому князю эта цессия в 650 000 рублей при сохраняющейся обязанности платить ежегодную сумму в 1200 рублей на счета крестьянских обществ. Кроме права аренды на 42 000 десятин земли, великий князь приобрел материалы геологических изысканий, сортировочный сарай, пороховой амбар, кузницу, некие инструменты и 400 кубических сажень добытой руды. В последующие полтора года полковник Божерянов потратил еще 260 451 рубль великокняжеских денег⁹. Но в 1883 году в Тулмозерье приехала высокая комиссия из Министерства уделов для проведения ревизии. Ревизоры не стали выяснять, почему стоимость уступки

---

⁷ Кулибин К. А. О месторождении железных руд в крестьянском наделе Туломозерской дачи в Олонецкой губернии. СПб., 1873.

⁸ РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 607. Л. 50а — 50 г.

⁹ РГИА. Ф. 515. Оп. 48. Д. 567. Л. 3.

составила столь значительную сумму (поскольку стоимость описанного имущества на момент перехода прав составлял всего 12 тыс. рублей)¹⁰. Они стали скрупулезно подсчитывать прочие затраты. Все потраченные деньги проверяющие разделили на три группы:

1. Расходы, которые не оправдываются документами и не подтверждаются фактическими удостоверениями и потому не могут быть признаны действительными. Таких расходов исчислено 89 406 рублей 55 коп.

2. Расходы, для удостоверения в действительности и количестве которых Комиссия не имела в своем распоряжении никаких данных — на сумму 37 945 рублей 15 коп.

3. Расходы на сумму 91 620 рублей, которые подтверждаются документами и удостоверяются существованием в натуре¹¹.

Прочие мелкие расходы также вызвали ряд вопросов.

В результате анализа ситуации выяснилось, что, несмотря на потраченные уже 910 000 рублей, ни о каком заводе и добыче руды речи даже не шло. Что делать дальше с этим проектом, Николай Николаевич не знал, поэтому все было заброшено до того момента, пока — уже после смерти Николая Николаевича Старшего в 1891 году — Тулмозерский проект не перешел по наследству к его сыну Петру Николаевичу. То есть права на данный проект также не были проданы, как это предписывалось первоначальным документом, а вошли в состав наследуемого имущества.

Петр Николаевич, вступив в наследование, первым делом продлил контракт с крестьянами Тулмозерского и Сармяжского обществ на аренду 42 000 десяти земли до 21 июля 1991 (так в документе. — А. П., Т. X) года¹². Затем организовал (при помощи своих более продвинутых бизнес-советников) акционерное общество «Сталь» и вскоре продал свой пакет акций за 1,33 млн. рублей¹³. На этом участие великих князей в этом проекте было исчерпано. Но изначально трудная судьба завода на этом не закончилась. Уже в 1902 году,

¹⁰ РГИА. Ф. 515. Оп. 48. Д. 567. Л. 3 об.

¹¹ Там же. Л. 4 об.

¹² РГИА. Ф. 83. Оп. 1. Д. 36. Л. 23 об.

¹³ РГИА Ф. 626. Оп. 1. Д. 448. Л. 8.

несмотря на значительные финансовые вложения, он был закрыт и более никогда не работал — от него в карельских лесах остались только живописные руины.

Таким образом, Петр Николаевич смог вернуть потраченные его родителем деньги.

Но вернемся к некоторым требованиям по урегулированию долгов Николая Николаевича из письма Александра III. Анализ дальнейших действий показывает, что не все требования императора были выполнены, как это предписывалось в данном документе. Николаевский дворец сразу продавать не стали, в нем продолжала жить семья великого князя, а из бюджета на содержание дворца выделялось 41 000 рублей ежегодно. После смерти Николая Николаевича Старшего и долгих раздумий, что делать с дворцом, было принято решение простить наследникам великого князя все удельные долги (т.е. ранее выплаченные удельным ведомством денежные средства в счет погашения долгов Николая Николаевича Старшего). Поэтому, когда Николаевский дворец (с согласия наследников) был выкуплен в государственную казну, то двум законным сыновьям, Николаю Николаевичу Младшему и Петру Николаевичу, досталась весьма приличная сумма, за вычетом суммы, направленной на погашения ранее не оплаченных частных долгов своего отца¹⁴.

Почему император изменил свое решение, мы точно не знаем. Но, вполне возможно, что, узнав о неудачном бизнес-проекте своего дяди и вспомнив свой опыт по организации весьма рискованной сделки по скупке хлеба в 1868 году, Александр III решил смягчить свою изначально жесткую позицию.

---

¹⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 76. Д. 64.

Г. И. УЛЬДАНОВА

**Российско-монгольские связи конца XIX – начала XX вв.
(по документам РГИА)**

Аннотация: Русско-монгольские отношения имеют давнюю историю. Во второй половине XIX в. начинается их активное развитие в различных направлениях: в торговле, промышленности, организации научных экспедиций, просвещении, строительстве железных дорог, финансах, политических отношениях и в других сферах. В статье совершена попытка описать пласт документов РГИА о взаимодействиях России и Монголии.

Ключевые слова: Российская империя, Монголия, вторая половина XIX в., политика, международные отношения, начало XX в., торговля.

Российско-монгольские связи имеют давнюю историю. Их начало восходит к XVII в¹., когда в ходе присоединения Сибири к Русскому государству границы российских владений стали соприкасаться с районами расселения монгольских народностей. Примерно со второй четверти XVII в. совершались попытки установить коммуникацию между Россией и Китайским двором, монгольскими ханами: в это время отправилось несколько посольств. Основанные в 1650–1660-х гг. Нерчинск и Селенгинск стали основными пунктами для дальнейших взаимоотношений, в том числе для торговых караванов². Подписание Нерчинского договора в 1689 г. позволило установить границы между Русским царством и Цинской империей, в это же время началось постепенное включение монгольских земель в состав последней.

Следующим важным событием в отношениях между Россией и Китаем стало заключение Буринского трактата и Кяхтинского договора в 1727 г. Соглашения не только уточнили некоторые положения о границе, но и определили правила

---

¹ Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. М., 1987. С. 5.

² Единархова Н. Е. Влияние кяхтинской торговли на экономическое развитие России, Монголии и Китая // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука). Иркутск, 2015. № 5. С. 143

ведения торговли³. Основанные в это время Троицкосавский острог и торговая слобода Кяхта на самой границе между Российской империей и монгольскими землями играли важнейшую роль в русско-китайской торговле. Но не только торговые караваны отправлялись на территорию Империи Цин. Часто их сопровождали, а позднее и отдельно организовывались, церковные миссии. Как правило, происходило это раз в десять лет.

Нельзя не обойти вниманием Пекинский договор 1860 г., представляющий собой продолжение Айгунского и Тяньцзиньского договоров. Заключенные в непростое время для Цинской империи соглашения (англо-французские войска добились значительных военных успехов на территории страны) закрепили за Россией важнейшие для нее земли севернее устья реки Амур, а также восточнее устья реки Уссури. Таким образом, не только был получен важнейший выход к морю и российская береговая линия была проведена до Кореи, но и расширены договоренности в области ведения торговли и организации консульств⁴.

Вторую половину XIX в. можно обозначить как время, когда Россия особо обращала внимание на своих соседей в Азии и на свои взаимоотношения с ними. В это время появлялось все больше желающих вести торговлю в Монголии, она постепенно становилась более выгодной. Появился научный интерес к природе и народам, населяющим эти места: снаряжались многочисленные экспедиции (Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова, А. М. Позднеева и многих других). Предприниматели боролись за различные концессии от монгольских ханов на разработку тех или иных ресурсов.

Чем ближе приближался XX в., тем больше Россия предпринимала попытки распространения своего влияния в политическом плане. Самым ярким итогом можно назвать следующее: когда в Цинской империи начались революционные волнения 1911 г., монгольские

---

³ Эмирзиади Л. В. История развития дипломатических отношений России и Китая и установления восточных границ России в конце XVII – начале XVIII века // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы междунар. науч. конф. Чита, 2017. С. 165–167.

⁴ Сизова А. А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М., 2015. С. 53–59.

ханы обратились за помощью к российскому императору в первую очередь⁵.

Несмотря на то, что значительный массив документов по российско-монгольским связям отложился в фондах Архива внешней политики Российской империи, который включает в себя материалы Министерства иностранных дел Российской империи, в Российском государственном историческом архиве (Далее – РГИА) имеются многочисленные ценные сведения об отношениях двух сторон второй половины XIX – начала XX вв.

Говоря обобщенно и довольно субъективно, материал РГИА по теме можно поделить следующим образом:

- торговые отношения;
- организация и устройство консульств;
- политические движения в Монголии, особенно во время революции 1911 г. в Цинской империи, в том числе переписка высших и центральных органов власти с консульствами, координация решений и подписание последующих трехсторонних соглашений;
- деятельность горнопромышленных товариществ и акционерных обществ;
- снаряжение научных экспедиций;
- изучение монгольского языка и культуры, издание газет;
- сооружение железных дорог;
- почтово-телеграфная служба;
- финансы.

Отдельно стоит отметить сохранившиеся в архиве документы Особого междуведомственного совещания под председательством иркутского генерал-губернатора Л. М. Князева, созванного в июне 1913 г. в Санкт-Петербурге. Это совещание собиралось для обсуждения дальнейшего развития российско-монгольских экономических связей, однако в результате был разработан целый ряд вопросов: строительство железных дорог, разработка водных путей, таможенный вопрос, устройство почт и телеграфов, ветеринарное дело, врачебная помощь, банки, горное дело, курсы монголоведения

---

⁵ Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В. Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века: проблемы истории и историографии. Иркутск, 2016. С. 88–89.

в русских учебных заведениях, изучение русского языка монголами и многие другие вопросы. Материалы совещания разбросаны по делам разных ведомств, но основные, наиболее содержательные документы отложились в фонде Переселенческого управления Министерства земледелия⁶, Департамента общих дел Министерства внутренних дел⁷ и Совета министров⁸. Отметим, что подобного рода совещания собирались и ранее, в конце 1912 – начале 1913 гг., что также нашло отражение в указанных делах.

Значительная часть документов о российско-монгольских отношениях второй половины XIX – начала XX вв. посвящена торговым отношениям (преимущественно с 1870-х гг.). Наиболее ярко деятельность российских торговцев отражается в донесениях консулов из разных частей Монголии⁹. Многие из них свидетельствовали, что первоначально торговля складывалась самым благожелательным образом: энтузиазм купцов, практически полное отсутствие конкуренции, заинтересованность местного населения в товаре. Однако уже в начале нового столетия картина сильно ухудшилась, и торговать российским товаром стало гораздо тяжелей. Причины этого, на примере отчета консула из Кобдо¹⁰, усматривались в повышении московскими фабрикантами цен на мануфактуру из-за улучшения ее качества, которое, однако, для монголов не имело решающего значения, а также в падении курса на серебро, развитии китайской торговли, отсутствии единения и консолидации между российскими купцами, недоступности кредитных учреждений и в других разнообразных факторах, зависящих от рассматриваемого региона Монголии.

Помимо отчетов консулов любопытны сохранившиеся статистические данные, раскрывающие и объем торговли, и типы товаров, ввозимых на территорию Монголии¹¹, а также сведения о тарифах, предполагаемых и осуществленных законопроектах, торговых

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 5. Д. 726.

⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 385.

⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 601.

⁹ См.: РГИА. Ф. 23. Оп. 8. Д. 157. Л. 52–53 об., 133–137 об.; Оп. 11. Д. 207, 400, 681; Оп. 25. Д. 87, 90.

¹⁰ Там же. Оп. 8. Д. 157. Л. 55–61 об.

¹¹ См.: РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 575; Оп. 29. Д. 211; РГИА. Ф. 23. Оп. 8. Д. 157. Л. 138–139.

экспедициях¹². В основном документы по теме можно найти в фондах Министерства торговли и промышленности (Ф. 23) и Общей канцелярии министра финансов (Ф. 560).

Учреждение консульств стало возможным для России после подписания ряда договоров с Китаем в 1850–1860 гг. Они были необходимы как торговцам, которые имели теперь место, куда они могли бы обратиться, так и для правительства, которое желало больше знать и изучать не только своего соседа, но и общую геополитическую обстановку. В РГИА отложилось множество документов об учреждении, штатах, внутреннем устройстве консульств. Может показаться более логичным нахождение подобного рода материалов в составе дел, оставшихся после Министерства иностранных дел Российской империи, но тем не менее на создание консульств требовались как финансы, так и резолюции высших органов власти, в частности Совета министров. Поэтому мы обнаруживаем ценнейшие документы на эту тему в фондах этих учреждений¹³.

Другой крупной темой документов, отложившихся в архиве, можно назвать политические движения в Монголии, которые в основном связаны с 1910-ми годами, как временем наибольшей активности ханов по обретению независимости в период ослабления и падения Цинской империи. Хотя на геополитическом поле региона существовало несколько крупных игроков, тем не менее (по делам это прослеживается) большие надежды монголы возлагали именно на Российскую империю. Та же, в свою очередь, действовала в своих интересах достаточно осторожно. Здесь бы нам хотелось выделить дело из фонда Общей канцелярии министра финансов с лаконичным названием «О политическом движении среди монголов»¹⁴. Хронологически дело ограничивается 1910–1911 гг. и отражает (в основном через телеграммы между высшими, центральными органами власти и консулами) деятельность России в этот сложный, примечательный впоследствии для Монголии год.

¹² См.: РГИА. Ф. 23. Оп. 8. Д. 157. Л. 3–6, 84–85 об.; Ф. 1276. Оп. 11. Д. 781. Л. 3; Оп. 20. Д. 59. Л. 91; Ф. 95. Оп. 6. Д. 1870; Ф. 23. Оп. 11. Д. 97.

¹³ РГИА. Ф. 565. Оп. 1. Д. 2572; Оп. 4. Д. 14585, 16904, 17038; РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 604, 624; Оп. 20. Д. 51. Л. 149; РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 992. Л. 274; Ф. 1409. Оп. 6. Д. 1315.

¹⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 438.

Имеется множество и других дел не только о 1911 годе, но и о 1912–1915 годах, которые в политическом плане для Монголии были не менее важными. В октябре 1912 г. было заключено русско-монгольское соглашение, подтверждавшее автономию Монголии, но при этом гарантировало, что Россия не допустит ввода китайских вооруженных сил и колонизации китайскими земледельцами. Соглашение также даровало русским подданным ряд прав и привилегий. Как отмечено в журнале Совета министров от августа 1912 г.: «Тем самым наша политика в монгольском вопросе приняла новое и более решительное направление, причем в проектируемом договоре мы готовимся торжественно подтвердить автономию Халхи и берем ее под свою защиту»¹⁵. Таким образом, монгольские ханы не смогли достигнуть независимости в полном понимании смысла этого слова, но, несмотря на сопротивление китайской стороны, в 1915 г. было подписано трехстороннее соглашение об автономии Внешней Монголии (в фонде Совета министров сохранился проект соглашения)¹⁶.

Не менее крупной и при этом привлекающей внимание темой являются научные экспедиции в Монголию во второй половине XIX — начале XX вв. Это путешествия Н. М. Пржевальского, А. М. Позднеева, П. К. Козлова, А. Н. Казнакова и многих других. О снабжении, целях и окончании экспедиций имеются дела как в составе личных фондов¹⁷, так и Департамента народного просвещения¹⁸, Министерства финансов¹⁹ и других²⁰. В Научно-справочной библиотеке РГИА сохранились печатные издания о российских путешественниках в Монголию²¹.

¹⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 59. Л. 98–108.

¹⁶ Там же. Оп. 11. Д. 1257. Л. 6–9.

¹⁷ См. РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 129–140; Ф. 696. Оп. 1. Д. 616; Ф. 1057. Оп. 1. Д. 55.

¹⁸ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 564, 730, 988, 1163; Оп. 145. Д. 343. Л. 4–5; Оп. 149. Д. 10. Л. 383–385; Оп. 150. Д. 766, 1472; Оп. 155. Д. 314; Оп. 194. Д. 774.

¹⁹ РГИА. Ф. 565. Оп. 15. Д. 1080; Оп. 1. Д. 265; Оп. 6. Д. 22432.

²⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 359; Ф. 777. Оп. 5. 1898 г. Д. 6А. Л. 303, 382; Ф. 1152. Оп. 11. Д. 357; Ф. 40. Оп. 1. Д. 30. Л. 109; Ф. 1276. Оп. 7. Д. 60.

²¹ Козлов П. К. Русский путешественник в Центральной Азии. Избранные труды. М., 1963; Козлов И. В. Великий путешественник: Жизнь и деятельность Н. М. Пржевальского, первого исследователя природы Центральной Азии. М., 1985; Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов: трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии: в 2-х т. СПб., 1876; Архимандрит Палладий. Дорожные заметки на пути

В РГИА имеются целые фонды, которые отражают экономические связи двух стран: деятельность в Монголии «Акционерного общества рудного дела Тушетухановского и Цецехановского аймаков» («Монголор») ²² за 1897–1917 гг. и Маньчжурского горнопромышленного товарищества за 1902–1907 гг. ²³ Сохранилось дело об учреждении Сибирско-Монгольского торгово-промышленного акционерного общества в 1913 г. ²⁴

Отложилось свидетельство об организации школы для обучения монгольскому языку 1724 г. в донесении архимандрита Иркутского Вознесенского монастыря Антония (Платковского) ²⁵. В фонде Коллекции рукописей Синода хранятся удивительные документы XIX в.: часослов ²⁶, «начатки христианского учения» ²⁷ на монгольском языке, грамматика ²⁸. Что касается последней, то известно, что в 1832 г. академику Я. И. Шмиту был всемилостивейше пожалован орден Св. Владимира IV степени за составление монгольской грамматики ²⁹. Однако вплоть до распада Российской империи не были широко распространены в местах преподавания монгольского языка русско-монгольские словари: только Санкт-Петербургский университет имел 18 рукописных экземпляров. Озаботившийся решением этой проблемы А. М. Позднеев в 1915 г. докладывал о составленном им словаре министру народного просвещения П. Н. Игнатьеву ³⁰. В России центрами изучения монгольского языка были Восточный институт в г. Владивостоке, Практическая восточная академия при Императорском обществе востоковедения в Санкт-Петербурге, Читинская и Иркутская учительские семинарии, Казанская духовная академия.

по Монголии в 1847 и 1859 гг. СПб., 1892; Позднеев А. М. Монголия и монголы: Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. СПб., 1896.

²² РГИА. Ф. 72; Ф. 560. Оп. 28. Д. 93, 94, 438, 439.

²³ РГИА. Ф. 68; Ф. 560. Оп. 28. Д. 258, 328.

²⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 726.

²⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 5. Д. 422. Л. 1–2.

²⁶ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 43.

²⁷ Там же. Д. 435.

²⁸ Там же. Д. 1051.

²⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 31.

³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 314. Л. 66–67 об.

Во время политической нестабильности в Монголии, связанной с революцией в Империи Цин в 1911 г., было решено начать издавать газету на монгольском языке. Примечательно, что в архивном деле сохранились примеры других газет на монгольском языке, которые явно изучали и использовали при подготовке собственной, например, «Нэйслель Хуриену Сонин бичик» и другие³¹.

В развитии отношений между Россией и Монголией, а также со всем Дальним Востоком особую роль играли железная дорога и развитие водных путей сообщения. Значительная отдаленность от центра Российской империи несколько «сокращалась» с постройкой Транссибирской магистрали и распространением телеграфа, упрощая взаимную связь. В начале XX в. существовали планы по установлению железнодорожного сообщения между Российской империей и Монголией. Однако первоначально предстояло провести железную дорогу до самой границы, до Кяхты. К сожалению, этому проекту не было суждено реализовать из-за тех глобальных потрясений, с которыми стране пришлось столкнуться с началом Первой мировой войны. Тем не менее в фондах РГИА отложился значительный пласт материалов как графических, так и делопроизводственных³², в том числе фонд под названием «Начальник изысканий Кяхтинской железной дороги МПС»³³.

В отличие от железных дорог сооружение телеграфной линии и организация почтового сообщения требовали меньших затрат и усилий. За 1912–1916 гг. с многими монгольскими центрами была установлена связь³⁴. В январе 1916 г. было также заключено трехстороннее соглашение о телеграфных линиях, копия которого отложилась в архиве³⁵.

Пару слов стоит сказать об учреждении Национального банка Монголии, правление которого находилось в Санкт-Петербурге. К концу 1912 г., когда уже было близко подписание русско-монгольского соглашения, в Монголии по-прежнему не был решен вопрос об открытии

³¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 370. Л. 21, 119.

³² РГИА. Ф. 23. Оп. 10. Д. 365; Ф. 268. Оп. 3. Д. 1161, 1316; Ф. 350. Оп. 86. Д. 55. Л. 202; Ф. 391. Оп. 4. Д. 2074; Ф. 560. Оп. 28. Д. 171, 172, 1136.

³³ РГИА. Ф. 330.

³⁴ РГИА. Ф. 1289. Оп. 11. Д. 88; Оп. 12. Д. 22, 1882, 1898, 1993, 2041; Оп. 13. Д. 241–245, 556.

³⁵ РГИА. Ф. 1289. Оп. 13. Д. 527. Л. 50.

кредитных учреждений после закрытия всех отделений Русско-Китайского банка. Поскольку российские банки не желали начинать свою деятельность, то ситуацией воспользовался бывший представитель Русско-Китайского банка Ф. Москвитин и получил от монголов концессию на учреждение банка, которую вскоре передал действительному статскому советнику Д. В. Юферову³⁶. На планы последнего неоднозначно отреагировали в правительственных кругах, и вскоре концессия была выкуплена за счет Государственного банка. Однако за время подготовки выкупа переговоры с банками продолжались, и в итоге два банка, Русско-Азиатский и Сибирский, были готовы выкупить концессию с некоторыми условиями и гарантиями. В конце концов вариант, который предложил Сибирский торговый банк, материалы которого хранятся в РГИА³⁷, был одобрен, и Монгольский национальный банк открылся 17 июля 1914 г.³⁸

Таким образом, можно сделать вывод, что в РГИА хранится крупный пласт документов об истории взаимоотношений между Российской империей и Монголией, особенно второй половины XIX – начала XX вв. Среди материалов архива можно найти сведения по самым разнообразным темам. В статье мы сделали попытку продемонстрировать и кратко описать наиболее крупные и значимые из них.

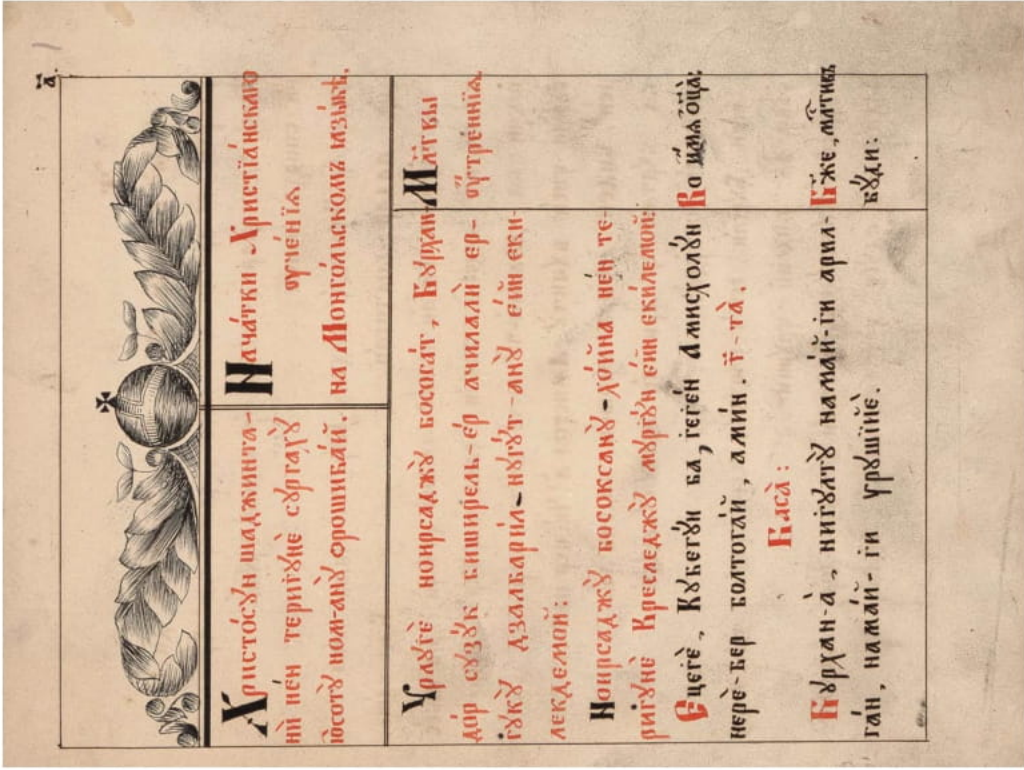

³⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 102. Л. 47–48.

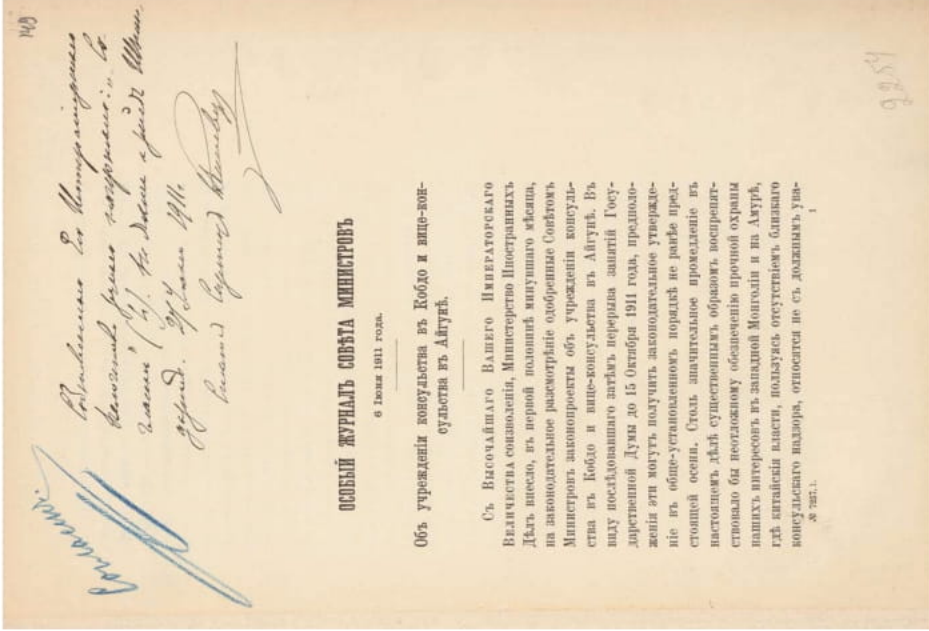
³⁷ РГИА. Ф. 638. Оп. 1. Д. 20, 189, 254.

³⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 102. Л. 72–74; Ф. 1276. Оп. 10. Д. 880. Л. 17 об.

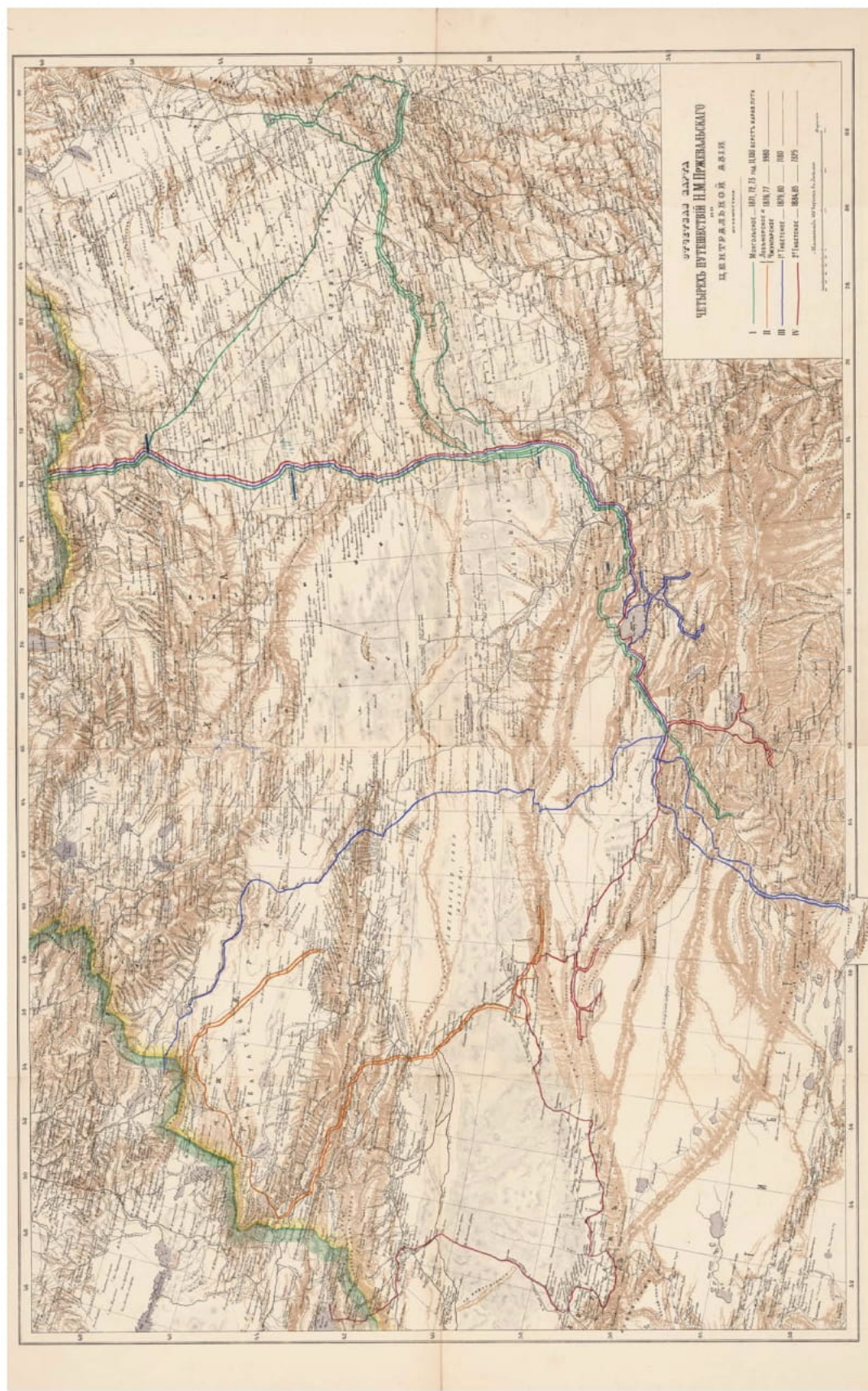

«Начатки христианского учения на монгольском языке». XIX в. (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 435. Л. 1)

Особый журнал Совета министров об учреждении консульства в г. Кобдо и вице-консульства в г. Айгуне. Резолюция императора Николая II: «Согласен». 6 июня 1911 г. (РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 51. Л. 149)

Отчетная карта четырех путешествий Н.М. Пржевальского по Центральной Азии. [1880-е гг.]

(РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 138. Л. 1)

Сведения об авторах

Алексушин Глеб Владимирович — профессор Самарского государственного экономического университета, доктор исторических наук.

Анашкина Вероника Валерьевна — ассистент кафедры истории Мелитопольского государственного университета, аспирант.

Антошкин Александр Николаевич — аспирант Среднерусского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Асочакова Валентина Нестеровна — профессор Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, доктор исторических наук.

Афанасьев Григорий Юрьевич — доцент кафедры общественных наук Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат исторических наук.

Ашихмин Андрей Витальевич — главный специалист отдела научных публикаций Российского государственного исторического архива.

Бадмаева Екатерина Николаевна — доцент, директор МНИЦ «Ойраты и калмыки на евразийском пространстве», доктор исторических наук.

Барышников Михаил Николаевич — профессор, заведующий кафедрой истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор исторических наук.

Батыров Валерий Владимирович — доцент Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, кандидат филологических наук.

Белаш Денис Андреевич — член клуба краеведов г. Шахты “Корни твои” (Ростов-на-Дону — Шахты).

Берсенева Владимир Вячеславович — главный специалист отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива.

Бобровников Владимир Вадимович — специалист отдела государственного централизованного учета Российского государственного исторического архива.

Богданов Станислав Валентинович — заведующий архивохранилищем Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук.

Богданова Татьяна Васильевна — заместитель начальника отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива.

Борзова Екатерина Викторовна — хранитель музейных предметов, содержащих драгоценные металлы и драгоценные камни, Государственного художественно-архитектурного дворцово-паркового музея-заповедника «Царское Село».

Булыга Иван Михайлович — студент Санкт-Петербургского государственного университета.

Быков Андрей Юрьевич — ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук.

Воднева Ирина Петровна — заведующая Краеведческим музеем, филиалом Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника, магистр истории.

Волгина Тамара Владиславовна — лаборант Научно-образовательного центра краеведческих исследований, ассистент кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, аспирант.

Герасимов Владимир Валентинович — научный консультант ООО «Возрождение Петербурга».

Гибадуллин Марат Зуфарович — доцент ВАК, кандидат экономических наук.

Гребенкин Алексей Николаевич — доцент Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации, доктор исторических наук.

Дауэнгауэр Ольга Владимировна — доцент кафедры отечественной истории Тверского государственного университета, кандидат исторических наук.

Дубровская Наталья Васильевна — ведущий архивист отдела «Архив» Государственного музея-заповедника «Петергоф».

Ерохина Ольга Викторовна — доцент, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета; доктор исторических наук, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор исторических наук.

Журавлева Марина Олеговна — студент Московского института радиотехники, электроники и автоматики Российского технологического университета.

Замуруйцев Алексей Викторович — доцент кафедры истории Мелитопольского государственного университета, кандидат исторических наук.

Зарембо Наталья Геннадьевна — начальник отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук.

Зиновьева (Лаврина) Анна Павловна — ведущий специалист отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива.

Иконников Сергей Анатольевич — доцент, заведующий кафедрой истории, философии и социально-политических наук Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I, доктор исторических наук.

Кириллова Анастасия Александровна — ведущий специалист отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива.

Ключарева Антонина Владимировна — доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, эксперт по изучению и популяризации объектов культурного наследия Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», кандидат исторических наук.

Копалов Александр Алексеевич — студент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Копелев Дмитрий Николаевич — профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор исторических наук.

Крылов Никита Сергеевич — главный специалист отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива.

Ланда Мария Алексеевна — магистрант факультета истории и социальных наук Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

Лиджиева Ирина Владимировна — ведущий научный сотрудник, Федерального исследовательского центра «Южный научный центр РАН», доктор исторических наук.

Малютина Елена Ивановна — главный специалист отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива.

Моисеева Ольга Алексеевна — главный архивист Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

Мусаев Вадим Ибрагимович — ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук.

Мучаева Ирина Ивановна — директор Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, кандидат исторических наук.

Никифорова Людмила Александровна — ученый секретарь Музея изобразительного искусства Республики Карелия, заслуженный работник культуры Республики Карелия.

Нуриева Айгуль Рустамовна — доцент ВАК, кандидат экономических наук.

Очиров Баатр Викторович — главный специалист Научного отдела Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова.

Полупанов Андрей Николаевич — член клуба краеведов г. Шахты «Корни твои» (Ростов-на-Дону — Шахты).

Постикэ Надежда Борисовна — аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Потравнов Александр Леонидович — независимый исследователь («Регионавтика Северо-Запад»).

Путятова Эмилия Георгиевна — доцент Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, кандидат исторических наук.

Раишев Тимур Туляганович — младший научный сотрудник Национального университета Узбекистана, докторант PhD.

Рожина Анастасия Владимировна — доцент Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат исторических наук.

Рубцов Алексей Андреевич — младший научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге; старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), кандидат исторических наук.

Рудь Михаил Анатольевич — член клуба краеведов г. Шахты «Корни твои» (Ростов-на-Дону — Шахты).

Садикова Анастасия Сергеевна — студент Тверского государственного университета.

Ульданова Галия Ильдусовна — главный специалист отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива

Федотьев Дмитрий Сергеевич — ассистент кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат исторических наук.

Хваткова Анастасия Михайловна — студент Государственного университета Просвещения.

Хмельник Татьяна Юрьевна — независимый исследователь («Регионавтика Северо-Запад»).

Ходжамедов Раман Мухамедович — учитель истории Средней школы № 2 г. Смоленска, студент Смоленского государственного университета.

Шкаровский Михаил Витальевич — главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, доктор исторических наук.

Юрганова Инна Игоревна — ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, доктор исторических наук.

Содержание

<i>С. В. Чернявский</i> Предисловие научного редактора.	3
<i>А. Б. Богомолов</i> От составителя и ответственного редактора.	6
Раздел 1. «Император Александр III и его время»	
<i>Г. В. АЛЕКСУШИН</i> К вопросу о несостоятельности понятия «контрреформы Александра III».	12
<i>Е. Н. БАДМАЕВА, В. В. БАТЫРОВ</i> Коневодство Калмыцкой степи Астраханской губернии (на примере скотопромышленника Икицохуровского улуса Леджина Ходжигорова)	19
<i>М. Н. БАРЫШНИКОВ, Д. С. ФЕДОТЬЕВ</i> Русское общество пароходства и торговли в морских перевозках между Россией и Турцией в 1882–1894 гг.	24
<i>Д. А. БЕЛАШ, А. Н. ПОЛУПАНОВ, М. А. РУДЬ</i> Развитие Александровск-Грушевского как крупного углепромышленного города в годы правления Императора Александра III	31
<i>С. В. БОГДАНОВ</i> Двор императора Александра III.	37
<i>Е. В. БОРЗОВА</i> Столовое серебро эпохи правления Александра III: производители, изделия, заказчики	43

И. П. ВОДНЕВА

К вопросу о крушении царского поезда 17 октября 1888 г.
и об увековечении памяти о спасении императора Александра III
и его семьи (по материалам Национального исторического
архива Беларуси) 52

В. В. ГЕРАСИМОВ

О работах архитектора М. Е. Месмахера по проектированию
и перестройке Массандровского дворца для императора
Александра III 59

М. З. ГИБАДУЛЛИН, А. Р. НУРИЕВА

Протекционистская политика Александра III
и промышленная модернизация в периферийных
губерниях России (на материалах Казанской губернии) 68

А. Н. ГРЕБЕНКИН

«Чрезвычайно грустно, что нужно прибегать
к подобным мерам...»: участие Александра III
в формировании императорской охраны 75

О. В. ДАУЭНГАУЭР, А. С. САДИКОВА

Взаимоотношения Александра III и С. Ю. Витте
по воспоминаниям современников 84

М. О. ЖУРАВЛЕВА

Об истории формирования Собственной его
императорского величества охраны и роли в ней
полковника Петра Васильевича Зиновьева 91

Д. Н. КОПЕЛЕВ

«Я живу, как машина». Эскиз к «портрету»
великого князя Алексея Александровича 99

А. А. РУБЦОВ

«Политическая неблагонадежность» и административная ссылка
в Российской империи в 1870–1880-е годы:
наказание, контроль, интеграция 120

Раздел 2. «Российская Империя на рубеже веков»*В. В. АНАШКИНА*

Система здравоохранения в Бердянском уезде
Таврической губернии в начале XX века 128

Г. Ю. АФАНАСЬЕВ

«Индустриальный молох» и «бег на месте»
Российской империи: к вопросу о выработке политики
защиты окружающей среды от промышленных
загрязнений в последней четверти XIX — начале XX века 135

И. М. БУЛЬГА

Проект реформы Государственного совета
Д. Ф. Трепова в 1905 году 145

А. Ю. БЫКОВ

Развитие инфраструктуры путей сообщения
в Степном крае в конце XIX — начале XX вв. 151

Т. В. ВОЛГИНА

Сельские приюты-ясли в начале XX века
(на примере Санкт-Петербургской губернии) 158

О. В. ЕРОХИНА

Роль общественных организаций в адаптации немцев
в Российской империи
(на примере Санкт-Петербурга) 165

А. В. ЗАМУРУЙЦЕВ

Развитие промышленного производства
в немецкоязычных колониях Таврической губернии
во второй половине XIX — начале XX века 169

А. А. КОПАЛОВ

Вопросы пола и цензура в России на рубеже XIX–XX вв.
(по материалам РГИА) 174

<i>А. П. ЗИНОВЬЕВА (ЛАВРИНА)</i> Ad orientem: Деятельность Фадлаллы Сарруфа в контексте развития петербургского университетского востоковедения второй половины XIX века . . .	180
<i>И. В. ЛИДЖИЕВА, И. И. МУЧАЕВА</i> Об инородческих депутациях на встрече императоров на станции «Минеральные Воды»	194
<i>В. И. МУСАЕВ</i> Перемены в церковно-религиозной политике Российской империи в начале XX в. и их последствия на Северо-Западе России	200
<i>Н. Б. ПОСТИКЭ</i> Частная и общественная благотворительность в сельскохозяйственном просвещении Российской империи XIX — начале XX вв.	213
<i>Т. Т. РАИШЕВ</i> Политика Российской империи в Туркестане в области оспопрививания во второй половине XIX — начале XX вв.	222
<i>А. М. ХВАТКОВА</i> Коллекция братьев Морозовых картин французской живописи и её судьба в контексте событий 1917 года	229
<i>Р. М. ХОДЖАМЕДОВ</i> Роль земств в организации выборов в Государственную думу 1906 года (по материалам Смоленской губернии)	233

Раздел 3. «Взаимодействие государства и Православной Церкви в решении актуальных проблем»*А. Н. АНТОШКИН*

Религиозное воспитание в кадетских корпусах
Российской империи в годы правления Александра III 242

В. Н. АСОЧАКОВА

Проблемы миссионерской деятельности
Русской православной церкви в Приенисейской Сибири
в период царствования Александра III. 248

С. А. ИКОННИКОВ

Оценка политики императора Александра III
в проповедях духовенства Воронежской епархии. 255

А. В. КЛЮЧАРЕВА

Увековечивание памяти павших воинов
как одно из важнейших направлений деятельности
Русской Православной церкви
в годы Первой мировой войны. 261

М. А. ЛАНДА

Просветительская деятельность выборгского духовенства
в начале XX века в свете политики
Российской империи. 268

О. А. МОИСЕЕВА

Взгляды профессора И. Е. Троицкого
по вопросу греко-болгарской распри. 275

Л. А. НИКИФОРОВА

Под покровительством трех Александров:
из истории домово́й церкви
при Олонецкой мужской гимназии 282

Б. В. ОЧИРОВ

Миссионерская деятельность
Русской православной церкви на территории
Большедербетовского улуса Калмыкии
во второй половине XIX — начале XX вв. 290

Э. Г. ПУТЯТОВА

Русская церковь в Южной Америке,
ее роль в процессе адаптации православной общины
(конец XIX — начало XX века) 297

А. В. РОЖИНА

Взаимное страхование недвижимого имущества
духовного ведомства в России в 1910–1917 гг.
(по документам Вологодской епархии) 303

М. В. ШКАРОВСКИЙ

Русская посольская церковь Пресвятой Троицы
в Афинах во второй половине XIX — начале XX вв. 311

И. И. ЮРГАНОВА

Духовные миссии Русской Православной церкви
в Сибири в конце XIX — начале XX вв.
(по документам РГИА) 324

**Раздел 4. «Архивные источники РГИА:
выявление и описание, исследование и публикация»***А. В. АШИХМИН*

Читатели архива

Министерства народного просвещения в начале XX в. 338

В. В. БЕРСЕНЕВ

Государева помощь и призрение

жертв катастрофы 17 октября 1888 года 355

В. В. БОБРОВНИКОВ

Буддийская община России в конце XIX — начале XX вв.

(по материалам фонда Департамента духовных дел

иностранных исповеданий МВД в РГИА) 364

Т. В. БОГДАНОВА

Мариинский дворец — резиденция

Государственного совета и высших государственных

учреждений Российской империи

(по материалам РГИА) 378

Н. В. ДУБРОВСКАЯ

К вопросу о деятельности Комиссии

по преобразованию придворнослужительского сословия 390

Н. Г. ЗАРЕМБО, Е. И. МАЛЮТИНА

Период правления императора Александра III

в дневниках и мемуарах из фондов РГИА

(тематический обзор) 396

А. А. КИРИЛЛОВА

Материалы фонда Конторы двора наследника

великого князя Александра Александровича (РГИА)

по истории коллекционирования

произведений живописи 414

<i>Н. С. КРЫЛОВ</i>	
Из истории Архива Государственного совета	424
<i>А. Л. ПОТРАВНОВ, Т. Ю. ХМЕЛЬНИК</i>	
Решения Александра III по приведению в порядок имущественных дел великого князя Николая Николаевича Старшего	454
<i>Г. И. УЛЬДАНОВА</i>	
Российско-монгольские связи конца XIX — начала XX вв. (по документам РГИА)	461
Сведения об авторах	474

Научное издание
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Карамзинские чтения
Выпуск 5: Памяти императора Александра III

Редакционный совет:

С. В. Штукова (канд. социол. наук, председатель),
С. В. Чернявский (канд. ист. наук, зам. председателя);
А. Б. Богомолов (отв. ред., сост.), *Н. В. Колосенкова* (сост.)

Корректоры *К. В. Ваничева*, *А. А. Кириллова*,
П. В. Тимофеев, *А. С. Шумилова*
Компьютерная верстка *Д. К. Андреева*

Издательство «АВРОРА»
www.aurora-publisher.ru

Подписано в печать 25.11.2024. Формат 70x100^{1/16}

Бумага офсетная. Тираж 150 экз.

Усл. печ. л. 30,5. Заказ № 985

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

ISBN 978-5-7300-1084-0

ISBN 978-5-905317-09-5

9 785905 317095